

41 753
Князь М. Р. Голицынъ

РУССКАЯ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

241
753

2

W. J. L.

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ

ЕВРОПА
въ концѣ VI столѣтія
(ИМПЕРІЯ ЮСТИНИАНА)
по Шпрунгеру и Крузе
Масштабъ 15 000 000

ВЛАД. АРАБИ
(АРАВІЯ)

ЕВРОПА
въ концѣ VIII столѣтія
[ИМПЕРІЯ КАРЛА ВЕЛИКАГО]
РОССІЯ
въ 862 году
по Ширинеру, Бредштейнеру, Брузе, Павлицеву
и Замысловскому
Масштабъ 1:300,000

241
753

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,
ДО ИОАННА III.

СОСТАВИЛЪ

Князь Н. С. Голицынъ,

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ, Членъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба и Король-
левской Шведской Академіи военныхъ наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, № 39.

1877.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР

№ 22869 1953

Историческія судьбы Россіи, въ средѣ великаго славянскаго племени, въ теченіи тысячи лѣтъ ея историческаго бытія, исполнены высокаго значенія и глубокаго смысла.

Со времени появленія славянъ, подъ собственнымъ своимъ названіемъ, въ VI вѣкѣ по Р. Х., на историческомъ поприщѣ, полтора вѣка живутъ они разрозненными племенами, безъ всякой связи между собою. Но въ половинѣ VII вѣка западно-славянскій князь Само или Самонъ (627—662) впервые объединяетъ въ одинъ большой союзъ многія западныя и южныя славянскія племена, начиная отъ альпійскихъ словенцовъ до обитателей прибрежій р.р. Лабы, Салы, Одра и Вислы, и счастливо воюетъ съ франками. Но, по смерти его, союзъ этотъ распадается; за то на сѣверѣ, на прибрежіяхъ Балтійскаго моря, зарождаются мелкіе союзы славянъ балтійскихъ или поморянъ, а на югѣ, на нижнемъ Дунаѣ, отрасль камско-волжскихъ болгаръ, сліясь съ придунайскими славянами, уже основываетъ первое болгаро-славянское государство—Болгарію.

Съ половины знаменательнаго въ исторіи славянъ IX вѣка, одно вслѣдъ за другимъ возникаютъ еще шесть новыхъ государствъ славянскихъ: на крайнемъ западѣ — великая держава моравская, основанная моравскимъ княземъ Святополкомъ В. (870—894), на крайнемъ востокѣ—Русь, зарожденная въ Новго-

родѣ, позже въ Кіевѣ, варяжскими князьями Рюрикомъ и Олегомъ (862 — 957), — въ срединѣ между ними — Польша, образовавшаяся первоначально при трехъ первыхъ польскихъ князьяхъ Зѣмовитѣ, Лѣшкѣ и Зѣмомыслѣ (860 — 962) и окончательно при сынѣ послѣдняго Мечиславѣ I (962 — 992), — и наконецъ на югѣ, въ странахъ при-карпатскихъ и при-дунайскихъ — Славонія, Бѣло-Хорватія и Сербія. Но грозная для франковъ держава моравская распадается по смерти Святополка В., а Славонія и Бѣло-Хорватія вскорѣ примыкаютъ къ Венгріи.

Въ X вѣкѣ два чешскіе Болеслава снова объединяютъ подъ своею властію бѣольшую часть западныхъ славянъ, и господство ихъ простирается далеко на востокъ до самыхъ предѣловъ Руси. Наслѣдникъ ихъ, польскій князь Болеславъ Храбрый (992 — 1025) совершаетъ еще болѣе: избравъ средоточіемъ чешскую Прагу, онъ объединяетъ чеховъ, моравовъ, лабскихъ сербовъ, лютичей и ободритовъ на Одрѣ и лѣховъ на Вислѣ, въ одну обширную и могущественную западно-славянскую державу, грозную для сосѣдней германской имперіи. Но, со смертію его, и она также распадается, и чешскому Брячиславу уже не удастся возстановить ее (1039). Тогда у западныхъ славянъ остаются только два государства — Чехія съ Моравіею и Польша, у восточныхъ — Русь, значительно расширившаяся и усилившаяся при Владимірѣ I и Ярославѣ I, и у южныхъ — Сербія и Болгарія.

Въ концѣ XIII вѣка и въ началѣ XIV Чехія съ Моравіею, при короляхъ изъ дома Пржемысловъ, снова обращается на время въ обширную и сильную державу, объединившую не только Чехію и Моравію, но и Польшу и даже Венгрію. И хотя послѣднія двѣ вскорѣ отдѣляются, но при чешскихъ короляхъ изъ дома луксембургскаго (1310 — 1547), Чехія снова воз-

растаетъ временно въ обширную и сильную державу, доколѣ ослабленная войнами гуситовъ и внутренними раздорами и смутами, не становится окончательно достояніемъ австрійскаго дома Габсбурговъ.

Такимъ образомъ сильныя славянскія державы на крайнемъ западѣ существуютъ лишь временно при жизни ихъ основателей, но распадаются по смерти ихъ и, уступая постоянному и сильному съ IX вѣка напору германскихъ: племени и имперіи съ запада, окончательно подчиняются ихъ вліянію и власти. Подобная же участь постигаетъ и мелкія государства балтійскихъ славянъ на сѣверѣ.

На югѣ Сербія и Болгарія, въ непрерывныхъ, большею частію счастливыхъ войнахъ съ греческою имперіею и Венгріею, нерѣдко возрастаютъ въ сильныя державы. Сербія особенно, при знаменитомъ кралѣ своемъ Стефанѣ Душанѣ (1333—1355), достигаетъ такой степени обширности и силы, что обнимаетъ почти весь Балканскій полуостровъ (Славонию, Боснію, часть Далмаціи, Албаніи и Румиліи и почти всю Македонію), Болгарія платитъ ей дань—и Стефанъ Душанъ даже принимаетъ титулъ императора сербскаго и римскаго (т. е. греческаго), но умираетъ—и держава его распадается и въ концѣ XIV вѣка, подобно Болгаріи, становится данницею турокъ-османовъ.

Затѣмъ единственными представительницами славянскаго міра остаются уже только Русь и Польша. Первая, раздробленная и ослабленная въ 200 лѣтъ междуусобій удѣльнаго періода, покоренная и униженная монголами въ первыя 100 лѣтъ господства ихъ,—съ половины XIV вѣка раздѣляется на восточную, постепенно объединяющуюся и возрождающуюся, и на западную, которая становится достояніемъ потомковъ литовскаго великаго князя Гедимина, но остается вполнѣ русскою и независимою отъ мон-

головъ. Первое, насильственное соединеніе ея съ Польшею, бракомъ Ягайла литовскаго съ Ядвигою польскою и вступленіемъ его на польскій престолъ (1386), еще цѣлыхъ 200 лѣтъ не нарушаетъ связи ея съ восточною Русью, болѣе тѣсной, нежели связь ея съ Польшею. Но Люблинская политическая унія 1569 г. и Брестская церковная 1596 г. еще болѣе насильственно и уже окончательно соединяютъ Литву съ Польшею и надолго разъединяютъ первую отъ восточной Руси, уже окончательно объединившейся между тѣмъ въ самостоятельное и могущественное царство московское и всяя Руси.

Съ тѣхъ поръ до конца XVIII вѣка Россія и Польша съ Литвою стоятъ уже одна противъ другой, большею частію враждебно, обѣ обширныя, но не съ одинаковыми задатками внутренней силы и жизненности. Польша, издавна нося въ себѣ смертельный недугъ своеволія и безначалія, оканчиваетъ свое политическое бытіе раздѣломъ между Россіею, Австріею и Пруссіею. Россія же, искони исполненная необыкновенной внутренней силы и жизненности, побѣдоносно преодолевъ всѣ внутреннія и внѣшнія невзгоды, возвеличенная и прославленная Петромъ I, Екатериною II и Александромъ I, остается одна, самобытною, обширнѣйшею и могущественнѣйшею славянскою державою и представительницею славянскаго міра. Неисповѣдимыми путями Провидѣнія достигнувъ такого высокаго историческаго призванія въ прошедшемъ, она—твердо вѣримъ тому—достойно исполнить его въ настоящемъ и въ будущемъ.

Многознаменательная исторія ея имѣетъ вполне достойные ея: обильные источники—лѣтописи и памятники письменные и вещественные, и уже богатую

литературу политической, общественной и гражданской жизни ея. Въ послѣдніе полтора вѣка научная разработка ея, при пособіи исторической критики, благодаря трудамъ нашихъ историковъ и изслѣдователей русской старины, настолько обогатила политическую исторію Россіи, и въ количественномъ и особенно въ качественномъ отношеніяхъ, что она достойно стоитъ на высотѣ значенія и Россіи, и ея исторіи. Въ подтвержденіе того, достаточно назвать такія, можно сказать, монументальныя творенія, какъ исторіи Карамзина и Соловьева, и такіе замѣчательные историческіе труды, какъ принадлежащіе Погдину, Устрялову, Костомарову, Иловайскому, Бестужеву-Рюмину и мн. др.

Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о литературѣ военной исторіи Россіи. Эта исторія далеко не столько разработана научно, сколько политическая, отстала отъ нея и не стоитъ на уровнѣ съ нею, особенно въ отношеніи къ временамъ до-Петровскимъ и даже отъ Петра I до Александра I. Менѣе скудная въ отношеніи къ новѣйшимъ, ближайшимъ къ намъ временамъ и обладающая даже болѣе или менѣе замѣчательными трудами, относящимися къ нимъ, она доселѣ еще не обладаетъ однако ни однимъ, который обнималъ бы полную военную исторію Россіи и могъ бы быть поставленъ наравнѣ не только съ исторіями Карамзина и Соловьева, но и съ многими, имѣющимися у насъ, полными и лучшими политическими исторіями Россіи. Правда, мы имѣемъ Военную исторію Россійскаго Государства, соч. Зотова, доселѣ единственную въ этомъ родѣ, но во 1-хъ она издана около 40 лѣтъ тому назадъ—въ 1839 г., когда наша историческая критика и политическая исторія Россіи не достигли еще того развитія и тѣхъ результатовъ, которые стали достояніемъ ихъ въ эти 40 лѣтъ;—во 2-хъ она составлена, вслѣдствіе

того, по Карамзину, Полевому, Булгарину и историческимъ трудамъ, изданнымъ до 1839 г.;— въ 3-хъ, въ 5-ти небольшихъ частяхъ своихъ она заключаетъ лишь очень краткій очеркъ военной исторіи Россіи,—и въ 4-хъ, въ спеціальномъ, военно-научномъ отношеніи, она не удовлетворяетъ условіямъ и требованіямъ настоящаго времени.

Не входя въ разсмотрѣніе причинъ такого неравномѣрнаго отношенія между литературами политической и военной исторіи Россіи, ограничиваюсь лишь указаніемъ этого факта и выраженіемъ, сколько сожалѣнія о немъ, столько и желанія, чтобы литература второй по возможности скорѣе и полнѣе развилась подобно литературѣ первой и достойно стала на равной съ нею высотѣ. Обладая тѣми богатыми пособіями, которыя представляетъ ей литература политической исторіи Россіи, она не могла бы, кажется, имѣть недостатка въ средствахъ къ успѣшному достиженію означенной цѣли.

Побуждаемый желаніемъ приложить къ тому свой посильный трудъ, я, подобно опыту составленія и изданія мною Всеобщей военной исторіи всѣхъ временъ и народовъ до 1815 г., которой у насъ еще не было, рѣшился сдѣлать такой же первый опытъ составленія и изданія полной Русской военной исторіи до 1815-го же года, на тѣхъ же основаніяхъ. Согласно съ ними, она будетъ: 1) изложена въ необходимой связи съ политическою исторіею Россіи и съ исторіею: военнаго устройства и военнаго дѣла въ ней и литературы политической и военной исторіи Россіи,—и 2) раздѣлена на 5 слѣдующихъ отдѣловъ и частей:

I—отъ начала Руси до Іоанна III (862—1462),—

II—отъ Іоанна III до Петра I (1462—1689),—

III—отъ Петра I до Екатерины II (1689—1762),—

IV—отъ Екатерины II до Александра I (1762—1801),—и

V—отъ воцаренія Александра I до 2-го Парижскаго мира (1801—1815):—

Изложеніе каждаго изъ этихъ отдѣловъ, начиная отъ I-го до V-го, по мѣрѣ сближенія съ новѣйшими временами и особенно съ Петра I, будетъ постепенно становиться болѣе обстоятельнымъ и подробнымъ. Войны и походы, преимущественно важные, замѣчательные или поучительные въ военномъ отношеніи, особенно двухъ великихъ полководцевъ нашихъ — Петра I и Суворова, будутъ изложены съ болѣе большими, остальные же — съ меньшими обстоятельностью и подробностью.

Въ началѣ каждаго отдѣла и каждой части будетъ приложено указаніе источниковъ и историческихъ пособій для изслѣдованія и изученія русской военной исторіи въ періодъ времени, обнимающемъ этотъ отдѣлъ и эту часть. Въ числѣ этихъ источниковъ и историческихъ пособій будутъ указаны древніе и новѣйшіе, общеисторическіе и военноисторическіе, какъ русскіе, такъ и славянскіе, западные и восточные, и какъ относящіеся собственно къ Россіи, такъ, по связи съ ея военною исторіею, и къ сосѣднимъ съ нею народностямъ и государствамъ.

Для объясненія русскихъ войнъ и походовъ, важнѣйшихъ сраженій, осадъ и пр., къ каждой части будутъ прилагаемы карты Европы и Азіи, планы сраженій, осадъ и пр. и чертежи нѣкоторыхъ военныхъ предметовъ (походныхъ и боевыхъ порядковъ, укрѣпленій и т. п.), по новѣйшимъ и лучшимъ источникамъ. Что касается собственно плановъ важнѣйшихъ сраженій, осадъ и пр. до Петра I, то они будутъ составлены мною вновь, по современнымъ извѣстіямъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ и съ изображеніемъ ситуациі мѣстностей по новѣйшей военнотопо-

графической картѣ Россіи. Примѣромъ тому и первымъ опытомъ воспроизведенія такого рода плановъ можетъ служить планъ Куликовской битвы, приложенный къ настоящей 1-й части Русской военной исторіи, равно какъ и карточка движеній русскаго войска великаго князя Дмитрія Іоанновича отъ Москвы къ Коломнѣ, р. Лопасни и черезъ р.р. Оку и Донъ на Куликово поле, — чертежъ нормальныхъ: походнаго и боеваго порядковъ этого войска, — и планъ нынѣшней мѣстности Куликова поля съ селеніями и окрестностями. Со временъ же Петра I планы сраженій, осадъ и пр. будутъ составляемы по лучшимъ существующимъ источникамъ.

Въ настоящей 1-й части Русской военной исторіи съ особенными тщаніемъ и обстоятельностью изложены: 1) военное устройство Руси и военное дѣло въ ней до Іоанна III, — 2) походы Святослава I въ Болгаріи и греческой имперіи, — 3) 1-е, 2-е и 3-е нашествія монголовъ (преимущественно по восточнымъ источникамъ и сочиненію умершаго генералъ-лейтенанта Иванина), — 4) войны и походы Дмитрія Донскаго, — и 5) особенно великая Куликовская битва (по древнимъ сказаніямъ о ней, изданнымъ: въ 1829 году Снегиревымъ и въ 1835 году Головиннымъ, и по изслѣдованіямъ нашихъ новѣйшихъ историковъ).

Князь Н. Голицынъ.

Январь 1877 года.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОСОБІЯ.

I. Лѣтописи, изданныя отдѣльно и въ сборникахъ.—Русскія, славянскія, византійскія, о финскихъ и литовскихъ племенахъ и о монголо-татарахъ. — II Общеисторическія сочиненія новыхъ и новѣйшихъ временъ. — По исторіи Россіи, славянскихъ государствъ, греческой имперіи, финскихъ и литовскихъ племенъ и монголо-татаръ.—III. Военноисторическія сочиненія.—
Общія.—Частныя.

Славяне, со времени появленія своего въ исторіи, въ VI вѣкѣ, послѣ паденія западной римской имперіи, подъ собственнымъ названіемъ и до обращенія своего, начиная съ половины IX вѣка, въ христіанскую вѣру, были погружены въ невѣжество, заблужденія и суевѣрія язычества и не знали грамотности и письменности (хотя нѣкоторые и полагаютъ, что у нихъ были письмена въ родѣ руническихъ).

По просвѣщеніи же ихъ христіанскою вѣрою (прежде всего болгаровъ, моравовъ и чеховъ проповѣдію св. Кирилла и Меѳодія), между ними стала распространяться и грамотность, и письменность. Онѣ, подобно тому, какъ и въ западной Европѣ, сосредоточились преимущественно въ духовномъ сословіи и монастыряхъ. Духовныя лица и особенно монахи стали писать (крестившіеся въ греческую вѣру—на своихъ племенныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, а крестившіеся въ римскую—на латинскомъ языкѣ) хронологическія лѣтописи, частныя—мѣстныя и общія—по цѣлымъ областямъ и государствамъ. Въ теченіи 600 лѣтъ и болѣе, до введенія книгопечатанія, такихъ лѣтописей у славянскихъ народовъ вообще и на Руси въ частности было написано очень много, и онѣ составили основной, главный и богатый, но сырой и неудовлетворительный въ научномъ отношеніи матеріаль для исторіи. Научное значеніе онѣ стали полу-

чать только по изданіи ихъ въ печати, отдѣльно и потомъ въ сборникахъ, и по критической разработкѣ ихъ, у западныхъ славянъ ранѣе, у южныхъ и особенно у восточныхъ позже. Въ настоящее же время, какъ лѣтописей, изданныхъ въ печати, отдѣльно и въ сборникахъ, такъ и новѣйшихъ историческихъ трудовъ, основанныхъ на нихъ, у всѣхъ славянскихъ народностей и особенно у насъ, у чеховъ и у поляковъ, имѣется уже весьма много и они составили богатую историческую литературу и обильные источники и историческія пособія для изслѣдованія, изученія и составленія исторіи славянскихъ народовъ и государствъ и въ частности Россіи.

Къ числу важныхъ пособій для того должно отнести также изданныя въ печати лѣтописи и историческіе труды, относящіеся къ со-сѣднимъ съ славянскими народамъ и государствамъ, по тѣсной связи исторіи первыхъ съ исторіею послѣднихъ, какъ-то: византійской греческой имперіи, западныхъ и сѣверныхъ европейскихъ и восточныхъ и южныхъ азіатскихъ народовъ и государствъ (монголо-татаръ и турокъ).

Собственно въ военномъ отношеніи лѣтописи, хотя и служили богатымъ матеріаломъ для военной исторіи, но только послѣ научной и критической разработки ихъ въ новѣйшія времена, на западѣ—ранѣе и болѣе, а на востокѣ (у насъ) и на югѣ—позже и менѣе. Но вообще военно-научная разработка первыхъ источниковъ уступаетъ обще-научной или общеисторической.

Согласно съ этимъ, ниже указаны сначала лѣтописи, потомъ обще-историческія и наконецъ военноисторическія сочиненія, относящіеся къ военной исторіи Россіи и разныхъ славянскихъ и иностранныхъ народовъ и государствъ съ древнѣйшихъ временъ до половины XIV вѣка.

II.

Хроники и лѣтописи, изданныя отдѣльно и въ сборникахъ.

Русскія лѣтописи.

За множествомъ списковъ ихъ *), эти послѣдніе, по времени, мѣстности, событіямъ, способу изложенія, языку и пр. дѣлятся на ряды и на редакціи (изводы).

*) Однихъ списковъ лѣтописи отъ XIV до XVIII вѣковъ археографическая коммисія въ 1846 г. насчитала до 168, признанныхъ ею годными къ употребленію (Бестужевъ-Рюминъ).

Первымъ по времени сводомъ считается дошедшій до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, изъ которыхъ самыя древніе относятся къ XIV вѣку: Лаврентіевскій (по монаху Лаврентію, списавшему его въ 1377 г.) и Ипатіевскій (по Ипатіевскому монастырю въ Костромѣ, гдѣ онъ хранился). Сводъ этотъ относятъ къ началу XII вѣка (по одной припискѣ въ Лаврентіевскомъ спискѣ послѣ 1100 г.). Первымъ писателемъ его считаютъ Нестора, но нынѣ нѣкоторые отказываются отъ мнѣнія, что первый сводъ составленъ имъ: Несторъ извѣстенъ по другимъ своимъ сочиненіямъ.

Этотъ сводъ XII вѣка составленъ изъ источниковъ преимущественно кіевскихъ, но въ немъ уже можно замѣтить слѣды лѣтописей, веденныхъ въ другихъ мѣстахъ древней Руси, особенно повгородскихъ. Новгородскіе своды дошли до насъ въ спискахъ не ранѣе XIV вѣка, но есть слѣды свода XIII вѣка въ сборникахъ подъ общимъ заглавіемъ Софійскій Временникъ. Новгородскія лѣтописи начались очень рано (почти отъ крещенія) и иныя идутъ далѣе паденія Новгорода (одинъ доходитъ до 1716 г.).

Псковскія лѣтописи начались позже новгородскихъ: ихъ можно относить къ XIII вѣку, когда составлено сказаніе о Довмонтѣ, послужившее основаніемъ всѣхъ псковскихъ сборниковъ.

Первоначальная кіевская лѣтопись называется Повѣсть временныхъ лѣтъ и во всѣхъ послѣдовавшихъ за нею спискахъ оканчивается 1199 годомъ. Извѣстія кіевскія позднѣе этого года встрѣчаются въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ (преимущественно сѣверовосточной Руси).

Съ кіевскою лѣтописью тѣсно связана волынская или галицко-волынская. Она начинается неясными намеками на подвиги Романа Мстиславича, а оканчивается началомъ XIV вѣка, не доходя до паденія Галича.

Лѣтописи сѣверовосточной Руси начались, вѣроятно, довольно рано—въ началѣ XIII вѣка. Къ этому времени относится первый, дошедшій до насъ, сводъ суздальской редакціи; но суздальскія лѣтописи велись во многихъ городахъ: Владимірѣ, Переяславлѣ и др., преимущественно же въ Ростовѣ. Послѣ нашествія монголовъ Троицкій списокъ становится почти исключительно ростовскимъ и вообще слѣды мѣстныхъ списковъ становятся яснѣе. Всѣ эти лѣтописи вошли впослѣдствіи въ большіе сборники, составлявшіеся большею частію въ Москвѣ. Съ первой половины XIV вѣка въ большей части сѣверовосточныхъ сборниковъ начинаютъ преобладать извѣстія московскія.

Хронографы всеобщей византійской исторіи появились у насъ очень рано (ранѣе всѣхъ хронографъ Георгія Амартола), но

собственно въ видѣ русскихъ компиляцій двухъ редакцій, которыя относятся, одну къ 1512 г., а другую къ 1617 г. (въ послѣдней, рядомъ съ византійскими источниками, являются уже польскіе и латинскіе).

Особое и важное мѣсто въ русскомъ лѣтописаніи занимаютъ литовскія лѣтописи двухъ редакцій: краткой, начинающейся со смерти Гедимина, даже со смерти Ольгерда, и оканчивающейся 1446 г., и полной отъ баснословныхъ временъ до 1506 г.

Кромѣ лѣтописей, къ числу источниковъ русской исторіи относятся также сказанія или повѣсти объ особенныхъ, отдѣльныхъ событіяхъ и житія святыхъ, прославившихся своею святостью. Къ первымъ принадлежатъ, напримѣръ, сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, объ ослѣпленіи Василька, объ основаніи Кіево-печерскаго монастыря, объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, о распрѣ его братьевъ съ племянниками, о походѣ Игоря на половцовъ, о Липецкой битвѣ, о битвѣ при Калкѣ, о нашествіи Батыя и особенно много послѣ этого нашествія: о мученикахъ князѣ Михаилѣ и бояринѣ его Феодорѣ черниговскихъ, объ Александрѣ Невскомѣ, о литовскомъ, потомъ псковскомъ князѣ Довмонтѣ, о курскомъ княженіи, о смерти князей: Владиміра Васильевича волынскаго и Михаила Ярославича тверскаго, о сынѣ послѣдняго Александрѣ, о Куликовской битвѣ и др.

Изъ числа житій святыхъ слѣдуетъ указать: Житіе Владиміра Св., приписываемое Іакову черноризцу печерскому, и написанныя имъ: Похвалы Владиміру Св. и Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, а Несторомъ: Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ и Житіе, Феодосія печерскаго; — житія: Ольги, Евфросиніи полоцкой, Леонтія и Исаіи ростовскихъ, Авраамія смоленскаго, Авраамія ростовскаго и неизвѣстнаго Константина муромскаго. Всѣ эти житія, кромѣ религіознаго значенія, имѣютъ также и историко-политическое и военное, касаясь современныхъ событій историческихъ.

Наконецъ, къ источникамъ русской исторіи относятся также: государственные акты письменные, хранящіеся въ государственныхъ архивахъ (особенно съ XVI вѣка) и памятники словесности и вещественные.

Къ актамъ принадлежатъ: 1) договоры: Олега, Игоря и Святослава съ греками, Смоленска, Полоцка и Новгорода съ нѣмцами, удѣльныхъ князей между собою и съ Новгородомъ и пр.; — 2) духовныя грамоты князей (древнѣйшая — Владиміра Васильковича, до 1288 г.); завѣщаніе Ярослава I, дошедшее до насъ въ извлеченіи и, кажется, бывшее устнымъ, и Поученіе Мономаха, произведеніе литературное; — 3) судебныя сборники, изъ которыхъ древнѣйшій есть Русская Правда Ярослава I; грамоты:

уставныя, судныя, губныя или наказы губнымъ старостамъ (судьямъ);—4) церковныя судебники, частію переводныя (Кормчая книга или Номоканонъ, съ греческаго), частію русскіе: уставы князей: Владиміра Св., Ярослава I, Всеволода-Гавріила, Святослава Олеговича, Ростислава Мстиславича и др.; — 5) жалованныя грамоты князей духовнымъ лицамъ и духовныхъ властей подвѣдомственнымъ имъ учрежденіямъ и лицамъ,—и 6) разнаго рода и наименованія другія грамоты (выборныя, жалобныя, судныя и безсудныя и пр.).

Къ памятникамъ словесности принадлежатъ духовныя или богословскіе, историческіе, литтературныя и пр., а къ вещественнымъ—всѣхъ вообще родовъ русскія древности.

Въ новѣйшее время у насъ издано множество сборниковъ нашихъ лѣтописей, актовъ, памятниковъ словесности, описаній и изображеній вещественныхъ памятниковъ древности, равно и сочиненій, объясняющихъ ихъ. Главныя и важнѣйшіе изъ сборниковъ суть:

Лѣтописецъ царственный, отъ 6622 (1114) г. до 6980 (1472) года, съ предисловіемъ кн. Щербатова, 1772; — Лѣтописецъ новгородскій, отъ 4491 (1017) г. до 6860 (1352) г.; — Лѣтописецъ отъ 6360 (852) г. до 7106 (1598) г.; — Лѣтописецъ отъ 6714 (1206) г. до 7042 (1534) г.; — Псковская лѣтопись, изд. Погодинымъ, 1837;—Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, изд. кн. Оболенскимъ, 1851;—Полное собраніе русскихъ лѣтописей, издан. археографическою комисіею, 10 т. 1854—62 и прибавленія къ нему до 1876 г.;—Лѣтописи южно-русскія, изд. Бѣлозерскимъ, 1856; — Грамоты, касающіяся сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригею и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкахъ, найденныя въ Рижскомъ архивѣ Напіерскимъ и изд. археографическою комисіею, 1857;—Лѣтопись препод. Нестора по Лаврентіевскому списку, изд. 1864; — Историческій сборникъ Муханова, 1866; — Сборникъ Русскаго истор. общества, 1867—68; — Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатіевскому списку, изд. археогр. ком. 1871;—Лѣтопись по Лаврентіевскому и Ипатіевскому спискамъ, изд. археограф. ком., 1-я подъ редакціею Бычкова въ 1872 г., 2-я въ 1871 г.;—Соловьева: Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія, 1872.

Славянскія.

Хроникъ, лѣтописей и сборниковъ ихъ у южныхъ, западныхъ и сѣверныхъ славянъ такъ много, что всѣхъ ихъ въ настоящемъ изданіи нѣтъ возможности указать. Но они указаны въ приводимыхъ ниже общепсторическихъ сочиненіяхъ славянскихъ и русскихъ историковъ и писателей новыхъ и новѣйшихъ временъ (начиная съ XV вѣка), особенно чешскихъ, польскихъ и русскихъ. За всѣмъ тѣмъ укажемъ нѣкоторые древніе сборники чешскіе и польскіе.

Древніе лѣтописцы и историки чешскіе: Aeneas Sylvius (изд. 1475),—Kuthen (1539 и 1585),—Hájek (1541), Dubravius (1552),—Veleslavin (1585),—Paprocki (1593), Bielsky, Blahoslav, Comenius, Bileiovsky, Stransky и др. XVII вѣка.—Тоже польскіе: Матвей Мѣховскій (1521),—Кромеръ (1558),—Стрыйковскій (1582),—Сарницкій (1687),—Коховскій (1683—98),—Длугошъ (1711),—Кадлубекъ и Мартинъ Галлъ (1749),—Scriptorum rerum polonicarum et prussicarum collectio (1753),—Вавовскій (1450—1535),—Мартинъ Бѣльскій,—Мацеіовскій,—Пясецкій и друг.

Византійскія.

Георгія Пахимера, Никифора Вріеннія, Никиты Хониата, великаго логофета Акрополита, Никифора Григоры сказанія о дѣлахъ Алексія Комнено и обзорѣніе царствованія Іоанна и Мануила Комненовъ — всѣ пер. съ греч. языка на русскій при СПБ. духовной академіи (1850—60), а также на лат. и новѣйшіе языки въ западной Европѣ; — Johanni Malalae (Іоанна Малалы) Historia chronica, 1691; — Georgii Phrantzae (Георгія Францы) Chronicon, 1795; — Георгія Амартола хронографъ, греч. подлинникъ, приготовленный къ изданію Муральтомъ, съ рус. предисловіемъ, СПБ. (1840 годовъ), въ особенности; — греческихъ императоровъ: Маврикія, Льва Философа (военныя учрежденія) и Константина Порфиророднаго: о военныхъ учрежденіяхъ и военномъ искусствѣ, въ переводахъ на латин., франц. Joly de Maizergay (1770 г.) и др. языки; — Annae Comnenae: Alexiadis libri XV, edidit Schopenus, Bonnæ 1839 (Анны Комнено исторія отца ея, Алексія Комнено), въ первый разъ изд. на греч. и лат. яз. въ 1651 г., на нѣм. въ I T. Schillers Hist. Memoiren; — Записки греч. императора Іоанна Кантакузена объ исторіи его времени, на латин. языкѣ изд. Schopen въ 1828—32 г.г.

Сборники.

Byzantinae historiae scriptores, 36 кн. въ листъ, Парижъ 1648;—
Corpus historiae Byzantinae, folio 1729, — новое изданіе Нибура
(Niebuhr) 1820 г. (исторія византійская, описанная современниками,
въ томъ числѣ монахомъ Зонарой);—Льва діакона Калойскаго
исторія, и др. сочиненія византійскихъ писателей, 1820.

О сосѣднихъ съ Русью инородцахъ: финнахъ, волжскихъ
болгарахъ, хазарахъ и др. народахъ тюркскихъ племенъ
свѣдѣнія находятся у арабскихъ писателей: Ибнъ-Даста, Ибнъ-
Батуты и Ибнъ-Фослана, и у новѣйшихъ изслѣдователей, ука-
занныхъ ниже.

О литовскихъ племенахъ:

Свѣдѣнія находятся у Адама Бременскаго и у новѣйшихъ из-
слѣдователей, указанныхъ ниже.

О монголахъ:

Свѣдѣнія находятся у Абулгази Баядуръ-хана (родословная
исторія татаръ), Хондемира (исторія монголовъ на персид. яз.)
и въ новѣйшихъ сочиненіяхъ о нихъ, указанныхъ ниже.

II.

Общенсторическія сочиненія новыхъ и новѣйшихъ вре-
менъ.

По всеобщей исторіи.

Всеобщая исторія міра, составленная и изданная обществомъ
ученыхъ въ Англіи, въ началѣ XVIII вѣка; нѣм. пер. Баумгартена
съ примѣчаніями (1746).—Guthrie, Gray etc.: тоже, изд. въ Англіи и
въ то же время, нѣм. пер. Гейне (1766).—L'art de vérifier les dates
après J. C., 3 v. 1783—87;—тоже сочиненіе съ исчисленіями до Р. X.
было издано въ 5 кн. въ 1819 г. Оно было начато монахами: D.

(Dominus) Maur. Fr. d'Antin, D. Clémencet и D. Durand, а продолжено и издано D. Clément, и составляет чрезвычайно важное, полезное и необходимое пособие для изслѣдованія и изложенія исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ. — Всеобщія исторіи: Gatterer (1792), — Bredow (1799), — Römer (1802), — Luden (1814), — Dresch (1815), — Becker, — Wernicke, — Schlosser (1815 и 1824), — Johann Müller (4 изд. 1828), — Лоренца (1841—46), и др. — О переселеніи народовъ: Le Bret, Rösler (1795), Prüg и др. — Всеобщія исторіи среднихъ вѣковъ: Eccard (1723), — Abbé Guyon (1752), — D'Anville (1771), — Beck (1798), — Koch (1813), — Hallam (1818) и др. новѣйшія.

По исторіи славянъ.

Вообще.

Mauro Orbini (изъ Дубровника или Рагузы): Il regno degli slavi etc. 1601; — Stritterus: Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum etc. incolentium, 4 v. 4° Petropoli 1771, и въ переводахъ на нѣмец. и русскій языки; — Comte Potocky: Fragments historiques sur la Scythie, la Sarmatie etc. 1796, и Hist. primitive des peuples de la Russie, SPB. 1802; — Siestrenczewicz de Bohusz: Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves, 2 v. 1814; — Моршкнна: Историко-критическое изслѣдованіе о руссахъ и славянахъ, 1842; — Савельева-Ростиславича: Славянскій сборникъ, 1845; — Суровецкаго (польскаго историка): Изслѣдованія начала народовъ славянскихъ, пер. Бѣлявскаго, 1846; — Шафарика (чешскаго историка): Славянскія древности, пер. Бодянскаго, изд. Погодина, 1848, и Славянскія народописанія, въ рус. пер.; — Колара (чешскаго писателя): Древности Прилѣвицкія, статья Срезневскаго, 1851; — Классена: Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи славянъ вообще и славяно-русовъ до Рюрикова времени въ особенности, 1854—61; — Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и русскихъ, Ибнъ-Даста, арабскаго писателя начала X вѣка, по рукописи Британскаго музея перевелъ, объяснилъ и издалъ Хвольсонъ, 1869; — Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, съ половины VII вѣка до конца X, собралъ, перевелъ и объяснилъ Гаркави, 1870; — Первольфа: Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка, 1874.

Въ частности.

По исторіи южныхъ, западныхъ и сѣверныхъ славянъ.

Туберо-Черва (Цріевича) изъ Дубровника или Рагузы (1490—1522);—Вранчича, Константина Костенскаго, Прима Трубера, Антонія Далматина, Стефана Консула Истріянина, Франковича (Flaccius Illyricus), Бохорина, Юрія Крижанича и др.;—архимандрита Іоанна Раича: Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, наипаче болгаръ, хорватовъ и сербовъ, 4 кн. Вѣна, 1794;—Влахо-болгарскіи или дако-славянскія грамоты, собран. и объяснен. Венелинымъ, СПБ. 1840;—Венелина: Древніе и нынѣшніе болгары, 2-е изд. 2 ч. СПБ. 1841—56, и Критич. изслѣдованія объ исторіи болгаръ, 2 ч. М. 1849;—Палаузова: Вѣкъ болгарскаго царя Симеона, СПБ. 1852;—Гильфердинга: Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ, 1856—59;—Ранке: Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ, перев. Бартепева, 1857;—Григоровича: О Сербіи и ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ, 1859;—Гильфердинга: Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, 1859;—Исторія о Черной Горѣ, 1860;—Румынскія государства Молдавіи и Валахіи въ историко-политическомъ отношеніи, съ приложеніемъ гербовъ и перечня актовъ и грамотъ 14-го и 18-го вѣковъ, СПБ. 1859;—Макушева: Задунайскіе и адриатическіе славяне, СПб. 1867;—Западные славяне, М. 1858;—Васильева: О древнѣйшей исторіи сѣверныхъ славянъ до временъ Рюрика и откуда пришелъ Рюрикъ и его варяги, СПБ. 1858;—Гильфердинга: Исторія балтійскихъ славянъ, Т. I., М. 1855;—Павинскаго: Полабскіе славяне въ борьбѣ съ нѣмцами въ VIII—XII вѣкахъ, СПБ. 1871;—Первыя славянскія монархіи на сѣверозападѣ, изд. СПб. Славянскаго благотворительнаго комитета, СПб. 1872.

По исторіи Россіи.

Въ теченіи болѣе 125 лѣтъ со времени начала научной разработки русской исторіи въ Россіи, во 2-й четверти и въ половинѣ XVIII вѣка, до настоящаго времени, трудами весьма многихъ изслѣдователей русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ, образовалась богатая литература оной. Указаніе всѣхъ этихъ писателей и ихъ сочиненій въ хронологическомъ порядкѣ и по предметамъ находится въ Русской исторіи профессора Бестужева-Рюмина (Введеніе, научная разработка исторіи). Важнѣйшіе и замѣчательнѣйшіе изъ нихъ

суть слѣдующіе: Ломоносова: Древняя російская исторія до 1054 г. и краткій російскій лѣтописецъ (1760);—Древняя Россійская Впвлююнка;—Библиотека Россійская историческая, 1767;—Татищева: Исторія російская съ древнѣйшихъ временъ, 4 т. 1768-9-73-4 (5-й томъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древностей російскихъ);—князя М. М. Щербатова: Исторія Россіи, 5 т. (14 ч.) 1770—92;—графа Яна (Ивана) Потоцкаго: Историческія изысканія о скифахъ, сарматахъ, славянахъ и русскихъ, 11 т. 1793—1802;—Штриттера: *Memoriae populorum etc.* (см. выше), 4 т. 1771—79, и Исторія Россіи до 1462 г., 3 т. 1800—2;—Шлёцера: *Nestor, russische Annalen*, 5 B. 1805—9, рус. пер. Д. И. Языкова;—Успенскаго (профессора): Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, 2 ч. въ одной книгѣ, 1811;—Сестренцевича-Богуща (римско-католическаго митрополита въ Россіи): *Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves etc.*, 4 v. 1812;—Карамзина: Исторія государства російскаго, 11 т. 1816-18-24 и 12-й т. 1829 г., 6-е новѣйшее изд. 1850—53, одно изъ важнѣйшихъ и лучшихъ историческихъ пособій новѣйшаго времени;—Frähn (русскаго академика): *Ibn-Fosslan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*, SPB. 1823;—Древнее сказаніе о побѣдѣ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго надъ Мамаемъ, изданное Н. Снегиревымъ въ 1829 г.;—Евгенія, митрополита кievскаго: Исторія псковскаго княженія, 4 т. 1831, и многія историческія монографіи и статьи, изд. съ 1805 до 1837;—Сказаніе о побойщѣ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго въ 1380 году, сочиненіе XV вѣка, изданное Н. Головиннымъ, 1835;—Полеваго: Исторія русскаго народа, до смерти царицы Анастасіи, 6 т. 1829—33, и др. сочиненія и статьи;—А. Н. Оленина: Опытъ объ одеждѣ, оружіи, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія славянъ отъ временъ Траяна и русскихъ до нашествія татаръ;—Булгарина: Россія въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ, 6 ч. 8° (4 исторіи и 2 статистики), СПб. 1836;—Арцыбашева: Повѣтствованіе о Россіи до Петра В., 2 т. 1837 - 43, и мн. др. сочиненія и статьи;—Венелина, Савельева-Ростиславича и Морошкина: О болгаряхъ, славянахъ и древней исторіи Россіи (въ 1830—40 г.г.);—Погодина: О происхожденіи Руси (1825), — Историко-критическіе отрывки, 2 т. (1846 и 1867), — Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, 7 т. (1846 - 59), — Князь Андрей Боголюбскій (1850), Норманскій періодъ (1859), и мн. др. сочиненія и статьи;—Устрялова: Русская исторія до 1855 г., 5 т. 1837 - 41 и еще 5 изданій до 1855 г.;—Сергѣя Глинки: Русское чтеніе, отечественные историческіе памятники, 2 ч. СПб. 1845 - 44; — Полеваго: Обзорѣніе

русской исторіи до единой державы Петра В., СПб. 1846;—Соловьева: Обь отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, М. 1846,—и его же: Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847;—Взглядъ на исторію западной Руси, СПб. 1849;—Соловьева: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ до первыхъ годовъ царствованія Екатерины II включительно, 25 томовъ съ 1851 до 1876 г., и его же: Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра В., М. 1852;—Черты изъ жизни и исторіи литовскаго народа, Вильно 1854;—Кулиша: Записки о южной Руси, 2 ч. СПб. 1856-57;—Турчиновича: Обзорѣніе исторіи Бѣлороссіи съ древнѣйшихъ временъ, СПб. 1857;—Костомарова: Лекціи по русской исторіи, СПб. 1862 и далѣе;—его же: Сѣверо-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада, 2 ч. СПб. 1863;—его же: Историческія монографіи и изслѣдованія, 12 ч. СПб. 1867—72, — и многія другія сочиненія и статьи по русской исторіи (указаны въ Русской исторіи Бестужева-Рюмина);—Эркерта: Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи, съ атласомъ, СПб. 1864;—Кукольника: Историческія замѣтки о Литвѣ, Вильно 1864;—Бѣляева: Разказы изъ русской исторіи Новгорода Великаго отъ древнихъ временъ до паденія, 2 ч. М. 1864;—Щебальскаго: Разказы о западной Руси, изд. 2-е СПб. 1866;—Бѣляева: Разказы изъ русской исторіи, ч. 3-я: Исторія Пскова и Псковской земли, М. 1867, — и его же: Очеркъ исторіи сѣверо-западнаго края Россіи, Вильно 1867;—Уманскаго: Исторія Таврическаго полуострова, Одесса 1868—69;—Пассека: Изслѣдованія въ области русской исторіи, М. 1870;—Историческій очеркъ Вятскаго края, Вятка 1870;—Васильева и Бехтерева: Исторія Вятскаго края, ч. 1-я, Вятка 1870;—Видемана (русскаго академика): Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія ливовъ, СПб. 1870;—Ставровича: Опытъ историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій о сѣверо-западномъ краѣ, Вильно 1870;—Шейковскаго: Шчо таке, Ибнъ-Дастова Русь, Кіевъ 1870;—Клеванова: Лѣтописный разказъ событій юго-западной Руси до половины XIV вѣка, М. 1871;—Снегирева: Старина русской земли, СПб. 1871;—Гаркави: Дополненіе къ сочиненію: Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, СПб. 1871;—Иловайскаго: Руководство къ русской исторіи, изд. 12-е и 13-е М. 1871—72;—Острогорскаго: Хронологія русской исторіи, съ синхронистическимъ обзоромъ и пр., СПб. 1872;—Погодина: Древняя русская исторія, 3 ч. М. 1872;—Хлѣбникова: Общество и государство въ домонгольскій періодъ русской исторіи, СПб. 1872;—Бестужева-Рюмина: Русская исторія, ч. 1-я до Іоанна III, 1872 (въ

введеніи находится указаніе всѣхъ главныхъ историческихъ друдовъ по русской исторіи) и многія др. сочиненія и статьи по русской исторіи; — Первольфа: Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка, 1874 (см. выше); — Иловайскаго: Исторія Россіи, ч. 1-я (кіевскій періодъ) и вмѣсто введенія къ ней: Разысканія о началѣ Руси, 1876, и многія др. сочиненія и статьи по русской исторіи, изданныя ранѣе.

Сверхъ того, для изслѣдованія и изученія какъ всей русской исторіи вообще, такъ и періода съ древнѣйшихъ временъ до половины XIV вѣка и далѣе, какъ въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи, такъ и въ военномъ, чрезвычайно богатымъ и полезнымъ пособіемъ служатъ правительственныя и частныя изданія сборниковъ лѣтописей, актовъ и пр. и труды историческихъ обществъ, ученыхъ лицъ и изслѣдователей русской исторіи, въ послѣднее 50-тилѣтіе. Сюда принадлежатъ изданія: II отдѣленія Академіи наукъ (съ 1841 г.), Археографической комиссіи въ СПБ. (съ 1834 г.) и такихъ же въ Вильнѣ и Кіевѣ (съ 1840 — 50 г.г.), Археологическихъ обществъ: въ СПБ. (съ 1846 г.) и въ Москвѣ (съ 1864 г.), Историческаго (съ 1866 г.), Московскаго общества исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ (съ 1804—11 г.г.), Одесскаго общества исторіи и древностей (съ 1839 г.);—журналы, начиная съ «Вѣстника Европы» Каченовскаго (1802—30) до «Русскаго Архива» Бартенева (съ 1863 г.), «Русской Старины» Семеновскаго (съ 1870 г.) и «Древней и Новой Россіи» (съ 1875 г.) включительно, и наконецъ сочиненія и статьи многихъ ученыхъ, академиковъ академіи наукъ, профессоровъ и частныхъ лицъ, имена и сочиненія которыхъ указаны въ Русской исторіи Бестужева-Рюмина.

По исторіи Польши:

Польскій лѣтописецъ съ 964 г. по 1764 г., перев. Одинцова, СПБ. 1782;—Solignac: Histoire générale de Pologne d'après les historiens polonais, рус. пер. Эмина, 1766;—Бандтке: Исторія государства польскаго, пер. съ польскаго, 2 ч. СПБ. 1830;—Исторіи Польши Нарушевича и Нѣмцевича;—Павлищева: Польская исторія (краткій учебникъ), 1843;—Лелевеля: Краткіе очерки исторіи польскаго народа, пер. Ивановскаго, 1862;—Смита: Исторія польскаго народа, пер. Шрейера, 1864 - 67,—и др.

По исторіи Чехіи:

Palacký: Dějiny národu Českého,—Urkundische Beiträge zur Geschichte Böhmens in der Zeit Georgs von Podiebrad,—и полная исторія Чехіи, конченная въ 1875 г.;—Пельцеля (Pelzel): Исторія Чехіи,

Томка: Исторія Чешскаго королевства, перев. Яковлева, 1868;—
Krátké sebrání z kronik českých (1851), по русски въ Чт. М. Общ.
 ист. и древн. россійс. (1862);—Буднловича и Нарановича: Чехія
 и Моравія, СПБ. 1871;—Задернацкаго: Переводъ краткаго исто-
 рическаго очерка исторіи чешскаго народа, Кіевъ, 1872.

По исторіи Швеціи

Сборникъ хроникъ Фанта (Fant), 1818 года, и исторіи Швеціи:
 Postel, 1560,—D'Anville, 1772, Geyer, Fryxel и др. новѣйшія;—
 Depping: *Heerfahrten der Normannen*.

По исторіи рыцарскихъ орденовъ:

Тевтонскаго, Нѣмецкаго или Прусскаго: Baczko, 1600,—
 Lucas-David, 1811 и особенно Voigt: *Geschichte des Deutschen
 Ordens und Preussens*, 1827 — 1834; — Bachem: тоже съ 1190
 до 1802 г. (1802), — и *Die Jahrbücher von Lindenblatt oder Jo-
 hann von der Pusilie*, 1873.

О литовскихъ племенахъ.

Свѣдѣнія находятся въ исторіи Пруссіи Фохта (Voigt), въ «Сла-
 вянскихъ древностяхъ» Шафарика, у Бѣлѣвскаго, Нарбута, Яро-
 шевича, Карамзина, Соловьева, Кеппена, Киркора, Кояло-
 вича, Гильфердинга и др. (см. Бестужева-Рюмина Русскую
 исторію).

О финнахъ, уграхъ или венграхъ, волжскихъ болгаряхъ,
 хазарахъ и др. народахъ тюркскихъ племенъ.

Свѣдѣнія находятся: 1) у ориенталистовъ: Френа, мон. Такинфа,
 Сенковскаго, Шармуа, Дорна, Григорьева, Хвольсона и др.—
 2) у Шафарика, Бѣлѣвскаго, Лерберха, Эверса, Шёгрена,
 Кастрёна, Сноро Стурлезона, Стрингольма и др.—3) у Szalay,
 Maylath и др. венгерскихъ историковъ и писателей,—4) у Карам-
 зина, Соловьева, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина и др. (см.
 Бестужева-Рюмина Русскую исторію).

По исторіи Византійской имперіи.

Ville-Hardouin: *H. de l'empire de Constantinople sous les empe-
 reurs français*, 1657;—Burigny: *H. des révolutions de l'empire de*

Constantinople jusqu'en 1452, 3 v. 1740;—Borgiae Keri: Imperatores orientis, 1744;—L'abbé Mignot: H. de l'impératrice Irène et des empereurs Léon IV et Constantin VI, 1762;—Le Beau: Histoire du Bas Empire etc., continuée par Ameilhon, 1757-65 и далѣе;—Schlosser: G. der bilderstürmenden Kaisern des oströmischen Reiches, 1812;—Hammer-Purgstall: Examen critique des historiens d'Alexis Comnène et des trois princes, qui lui ont succédé, et principalement de leur politique envers les croisés (въ «Fundgruben des Orients»);—Ф. Лоренца: Руководство къ всеобщей исторіи, Ч. II отд. 1 и 2, СПб. 1-е изд. 1844-51, 2-е изд. 1851-60;—Медовикова: Латинскіе императоры въ Константинополѣ, Москва 1849;—Зернина: Жизнь императора Константина Багрянороднаго, вып. 1-й, Харьковъ 1858.

О монголахъ.

Свѣдѣнія находятся у Petis de la Croix: Histoire du grand Genghiz-khan (1710), — Palafox: H. de la conquête de la Chine par les tartars, trad. par Collé (1723), — Schmidt: Geschichte der Ostmongolen und ihres Fürstenhauses (1829), — D'Ohsson: H. des mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour-Bec ou Tamerlan (1834), — Raschid-eddin: H. des Mongols de la Perse, traduit par Quatremere (de Quincy), 1836, — Hammer-Purgstall: G. der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland (1840), — Mémoires concernant l'histoire des sciences etc. des chinois, par les missionnaires de Pékin, — Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque nationale, — Путешествія Плано-Карпини, Рубруквиса и Марко-Поло въ Монголію и къ татарамъ, — Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи (1873), — Егора Тимковскаго: Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію въ 1820—21 г.г., — Монаха Іакинѳа (Бичурина): Записки о Монголіи (1828), Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова (1829), Историч. обзорѣніе ойратовъ или калмыковъ (1834), Описаніе Джунгаріи и восточнаго Туркестана и Статист. описаніе китайской имперіи (1842), — Абулгази-Баядуръ-хана: Родословная исторія о татарахъ, пер. съ франц., — Хондемира: Исторія монголовъ, пер. съ персидскаго В. Григорьева (1834), — Григоровича: Исторія монголовъ отъ древнѣйшихъ временъ до Тамерлана (1834), — Горлова: Полная исторія Чингисъ-хана (1840), — и сверхъ того у Карамзина и Соловьева.

Военноисторическія сочиненія новыхъ и новѣйшихъ временъ.

О б щ і я.

Kausler: Versuch einer Kriegsgeschichte aller Völker bis zum 15-ten Jahrhundert, 4 B.,—Wörterbuch und Atlas der Schlachten, Treffen und Belagerungen, — und Synchronistische Tabellen der Kriegsgeschichte, der Fortschritte der Kriegskunst und der gleichzeitigen Quellen, 1825—30; — Handbibliothek für Offiziere etc. I B. II bth. Das Kriegswesen des Mittelalters, 1830, — und V B. I Theil (historischer); Der Haushalt der Kriegsheere, 1839; — Барона Зедделера (генераль-лейтенанта): Обзорѣніе исторіи военнаго искусства, ч. 2-я среднихъ вѣковъ, СПБ. 1843; — Лаланна: Изслѣдованіе о греческомъ огнѣ и о введеніи пороха въ Европѣ, перев. съ французскаго артиллеріи полковника Силича, СПБ. 1847; — Богдановича (генераль-маіора): Исторія военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ, СПБ. 1853; — Военный энциклопедическій лексиконъ, 2-е изд. 1854-58 гг., подъ редакціей генераль-маіора Богдановича, — въ немъ заключаются многія весьма хорошія статьи по русской и восточной, общей и военной исторіи; — Meynert: Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa seit dem frühen Mittelalter bis auf die Gegenwart, Wien 1868, въ особенности; — Эгерштрома (артил. генераль-маіора): Объ изобрѣтеніи пороха и огнестрѣльнаго оружія, публичное чтеніе въ И. Русскомъ техническомъ обществѣ, СПБ. 1875.

Ч а с т н ы я.

Успенскаго: Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, 2 ч. въ одной книгѣ 8°, Харьковъ 1811,—заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній о военномъ устройствѣ и военномъ дѣлѣ на Руси въ древнія времена до Петра I (въ главѣ VI 2-й части); — Зотова: Военная исторія Россійскаго государства, съ древнихъ временъ до 1839 г., 5 ч. 8°, СПБ. 1839; это — единственное у насъ доселѣ сочиненіе такого рода, хотя краткое, составленное по Карамзину, Полевому, Булгарину и другимъ нашимъ историческимъ трудамъ до 1839 г. и въ военно-научномъ отношеніи не соответствующее условіямъ и

требованіямъ настоящаго времени; — Висковатова (полковника): Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ, съ древнихъ временъ до 1841 г., 7 томовъ текста и 7 томовъ рисунковъ, въ листъ, СПБ. 1841;—замѣчательный трудъ знатока русской исторіи вообще и военной въ частности, заключаетъ въ текстѣ и примѣчаніяхъ драгоцѣнныя свѣдѣнія объ одеждѣ и вооруженіи русскихъ войскъ и даже о военномъ устройствѣ и военномъ дѣлѣ въ древней Руси до Петра I и отъ него до 1841 г., и составляетъ лучшее и чрезвычайно полезное пособіе по этимъ предметамъ; — Черткова: Описаніе войнъ великаго князя Святослава Игоревича противъ болгаръ и грековъ въ 967-71 гг., 1 кн. 8°, Москва 1843;—Обручева: Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 г., 1 книга 8° СПБ. 1853,—краткій до XVI—XVII вѣковъ и болѣе подробный съ того времени; — въ первой изъ этихъ двухъ половинъ не указаны наши лѣтописи—главный матеріалъ, и историческія изслѣдованія, на основаніи ихъ, состоянія военнаго дѣла въ древней Руси, изданныя до 1853 г., — поэтому служитъ преимущественно пособіемъ для періода съ XVI—XVII вѣковъ до 1725 г. (смерти Петра I); — Brix: Geschichte der alten russischen Heeres-Einrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter den Grossen gemachten Veränderungen, Berlin 1867;—Meynert: Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa seit dem frühen Mittelalter bis auf die Gegenwart, 12 Lieferungen in 3 B. 8°, Wien 1868 (см. выше), — заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, свѣдѣнія о военномъ устройствѣ и военномъ дѣлѣ въ древней Руси до Петра I; — Иванина (умершаго генералъ-лейтенанта генеральнаго штаба): О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и средне-азіатскихъ народовъ при Чингизъ-ханѣ и Тамерланѣ, 1 кн. 8° СПБ. 1875, съ 7-ю картами и чертежами,—замѣчательный трудъ, составленный по восточнымъ источникамъ, и весьма полезное пособіе.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТРАН.
ГЛАВА I. Историческое введеніе.—Словене или Славяне до IX вѣка	3
§ 1. Народы востойчной Европы до III вѣка по Р. Х.	3
§ 2. Скиѣны	5
§ 3. Сарматы	9
§ 4. Словене или Славяне до VI вѣка по Р. Х. .	13
§ 5. Словене или Славяне съ VI до IX вѣка по Р. Х.—Разселеніе ихъ	19
§ 6. Общественный бытъ ихъ	20
§ 7. Военный бытъ ихъ	21
§ 8. Славяне югозападные	22
§ 9. Славяне сѣверозападные	23
§ 10. Славяне сѣверовосточные	25
§ 11. Славяне юговосточные	—
ГЛАВА II. Восточные Славяне.—Русь (862—1353 г.г.)	26
§ 12. Разселеніе восточныхъ славянъ и сосѣдей ихъ—инородцовъ.—Образованіе Руси. . .	26
§ 13. Военное устройство	30
§ 14. Роды войскъ, вооруженіе и число ихъ . . .	34
§ 15. Строй и образъ дѣйствій войскъ.	37
§ 16. Внутреннее устройство и духъ войскъ . .	40
§ 17. Укрѣпленіе, атака и оборона становъ и городовъ	42
§ 18. Состояніе военнаго дѣла вообще	44
ГЛАВА III. Современные сосѣдніе народы въ восточной Европѣ и въ Азіи.	46
§ 19. Финны и литовцы.	—
§ 20. Поляки	49
§ 21. Венгры	54
§ 22. Камско-воджскіе болгары	57

	СТРАН.
§ 23. Хазары	58
§ 24. Печенѣги	59
§ 25. Половцы	60
§ 26. Дунайскіе болгары	61
§ 27. Монголы	64
ГЛАВА IV. Русскія войны и походы (862—1222)	74
§ 28. Образъ веденія войны и характеръ войнъ вообще	—
§ 29. Войны и походы первыхъ русскихъ князей вообще (862—1054)	75
§ 30. Походы Святослава I (957—972)	77
§ 31. Войны въ удѣльномъ періодѣ вообще (1054— 1243)	84
§ 32. Походы Владиміра Мономаха (1076—1125)	88
§ 33. Война Изяслава Мстиславича съ Георгіемъ Долгорукимъ, или начало борьбы Суздаля съ Кіевомъ (1146—1154)	92
§ 34. Походы Святослава кіевского, Игоря сѣвер- скаго и Всеволода туровскаго противъ по- ловцовъ (1184—1185)	97
§ 35. Походы Мстислава Удалаго (1212—1222)	99
ГЛАВА V. Русскія войны и походы (1224—1353)	105
§ 36. Первое нашествіе монголовъ на земли поло- вецкія (1224)	—
§ 37. Второе нашествіе Батые и монголовъ на вос- точную Русь (1237—1238)	109
§ 38. Третье нашествіе Батые и монголовъ на южную Русь (1239—1240)	117
§ 39. Русскія войны въ первой половинѣ монголь- скаго періода (1243—1353)	120
§ 40. Войны на сѣверѣ съ шведами	122
§ 41. Войны на сѣверо-западѣ съ ливонскимъ ор- деномъ	123
§ 42. Войны на западѣ съ литовцами	125
§ 43. Войны на юго-западѣ съ литовцами, поляка- ми, венграми и монголами	127
ГЛАВА VI. Восточная и западная Русь съ половины XIV вѣка до Іоанна III	130
I. Восточная Русь	—
§ 44. Военное устройство	—
§ 45. Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ	135

	СТРАН.
§ 46. Огнестрѣльное оружіе	136
§ 47. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ	138
§ 48. Внутреннее устройство и духъ войскъ.	140
§ 49. Укрѣпленіе, осада и оборона городовъ	145
§ 50. Состояніе военнаго дѣла вообще	147
§ 51. Новгородъ и Псковъ	148
§ 52. Казаки донскіе и днѣпровскіе.	152
II. Западная Русь	154
§ 53. Военное устройство и военное дѣло въ ней.	—
ГЛАВА VII. Современные сосѣднія государства и народы	156
§ 54. Швеція	—
§ 55. Ливонскій орденъ.	158
§ 56. Польша.	161
§ 57. Монголо-татары	165
ГЛАВА VIII. Войны восточной Руси съ 1328 г. до 1462 г.	174
I. Войны Дмитрія Донскаго (1362—1389)	—
§ 58. Война съ князьями: Михаиломъ тверскимъ и Ольгердомъ литовскимъ (1368—75)	—
§ 59. Война съ Ордою и князьями: Олегомъ рязан- скимъ и Ягайломъ литовскимъ (1376—82).— Куликовская битва (8-го сентября 1380 г.)	181
II. Войны при Василиѣ I и Василиѣ II (1389—1462).	196
§ 60. Войны при Василиѣ I (1389—1425)	—
§ 61. Войны при Василиѣ II (1425—1462)	201

INSTRUMENT
MAY 11 1900

КАРТЫ И ЧЕРТЕЖИ,

ПРИЛОЖЕННЫЕ КЪ НАСТОЯЩЕЙ I ЧАСТИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ.

- 1) Карты Европы и Руси, съ частию Азіи и Африки, въ VI
VIII, X—XIV вѣкахъ.
 - 2) Карта Средней и Западной Азіи, съ VII до XIV вѣка.
 - 3) Чертежъ походныхъ порядковъ при Тамерланѣ.
 - 4) » движенія войска Дмитрія Іоанновича отъ Москвы
къ Куликову полю въ 1380 г.
 - 5) » походаго и боеваго порядковъ его.
 - 6) Планъ мѣстности Куликова поля, къ расположеніемъ на ней рус-
скаго и татарскаго войскъ.
 - 7) Планъ той же мѣстности нынѣ.
-

LIBRARY OF THE

UNIVERSITY OF MICHIGAN

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

1000 N. ZEEB ROAD, ANN ARBOR, MICHIGAN 48106-1500

TEL: (734) 763-1000 FAX: (734) 763-1001

WWW.LIBRARY.MICHIGAN.EDU

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF MICHIGAN

ВАЖНѢЙШІЯ ИСПРАВЛЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ,

КОТОРЫЯ НЕОБХОДИМО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ИМѢТЬ ВЪ ВИДУ.

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО.	ДОЛЖНО БЫТЬ.
5	6 сверху.	удалось только двумъ.	удалось двумъ. Примѣчаніе. Позже, въ новѣйшее время — и другимъ изъ русскихъ историковъ, особенно профессору Иловайскому въ Введеніи въ 1-ю Ч. Русской исторіи (1876). правильнѣе—ободриты, т. е. объ Одрѣ, на берегахъ р. Одра (Одера).
20	2 »	(оботриты,	
64	въ § 27 и вездѣ выше и ниже.	Чингисъ-ханъ	правильнѣе — Чингизъ-ханъ, а родъ его — Чингизиды.
82	2 снизу въ выноскѣ.	Если это и не вѣрно,	Если это и не достовѣрно, (принадлежа не Свято-славу, а летописцу)
131	3 сверху.	Чертою раздѣла восточной и западной Руси были р. р. Западная Двина и Днѣпръ.	т. е. только въ верховьяхъ этихъ рѣкъ, на которыхъ Витебскъ и Смоленскъ были въ предѣлахъ восточной Руси; къ сѣверу же отъ перваго и къ югу отъ втораго изъ этихъ городовъ граница болѣе и болѣе удалялась отъ Днѣпра со стороны восточной Руси, такъ что Полоцкъ, Орша, Гомель, Черниговъ, Кіевъ, Переяславль, Каневъ и Черкассы были въ предѣлахъ западной Руси (см. карту Руси въ XIV вѣкѣ).
152	10 »	въ 1250 г.	въ 1240 г.
168	18—15 снизу.	Разбитый имъ въ астраханскихъ стѣняхъ, онъ собралъ всѣ свои силы, напалъ на него близъ нын. Екатеринограда, между р. р. Терекомъ и	Разбитый имъ въ 1391 г. при р. Кондурчѣ, правомъ притоку р. Сока, лѣваго притока р. Волги, въ 1395 году онъ собралъ новое войско, пошелъ противъ Та-

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО.	ДОЛЖНО БЫТЬ.
		Кумою, но былъ вторично разбитъ.	мерлана въ Грузію, но былъ вторично и окончательно разбитъ имъ, какъ полагаютъ. близъ нын. Темиръ-ханъ-шуры.
174	2 сверху въ заглавіи.	съ 1328 г. до 1462 г.	съ 1362 г. до 1462 г.
—	8 снизу.		
175	1 сверху въ заглавіи.	Война съ княземъ Миханломъ тверскимъ и Ольгердомъ литовскимъ.	Война съ князьями: Миханломъ тверскимъ и Ольгердомъ литовскимъ.
177			
179			
208	1 сверху.	Шемяка нимъ, но не сдержалъ	нимъ, но Шемяка не сдержалъ

РУССКАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДО ІОАННА III.

ГЛАВА I.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ.

Словене или Славяне до IX вѣка по Р. Х.

- § 1. Народы восточной Европы до III вѣка по Р. Х. — § 2. Скифы. —
§ 3. Сарматы. — § 4. Словене или Славяне до VI вѣка по Р. Х. —
§ 5. Словене или Славяне съ VI до IX вѣка по Р. Х. — Раздѣленіе и
разселеніе ихъ. — § 6. Общественный бытъ. — § 7. Военный бытъ. —
§ 8. Славяне югозападные. — § 9. Славяне сѣверозападные. — § 10. Славяне
сѣверовосточные. — § 11. Славяне юговосточные.
-

§ 1.

Народы восточной Европы до III вѣка по Р. Х.

Народы, обитавшіе въ восточной Европѣ, т. е. къ В. отъ Вислы и Германіи и къ С. отъ нижняго Дуная, Чернаго и Азовскаго морей и Кавказа, и вмѣстѣ съ германцами болѣе или менѣе участвовавшіе въ войнахъ противъ римлянъ и въ разрушеніи западной Римской имперіи, были весьма мало извѣстны грекамъ и римлянамъ, которые называли ихъ вообще Скифами и Сарматами, а по нимъ и страны, въ которыхъ они обитали—Скифіею и Сарматіею. Съ III-го вѣка по Р. Х., названіе сарматовъ римляне присвоили преимущественно народамъ, обитавшимъ непосредственно возлѣ германцовъ, на пространствахъ отъ верхней Вислы и Днѣстра на В. до Танаиса (Дона), за исключеніемъ сѣверныхъ прибрежій Чернаго и Азовскаго морей, которыя, во времена переселенія народовъ, служили мѣстами временнаго жительства различнымъ народамъ, двигавшимся изъ Азіи

въ Европу, съ востока на западъ. Различіе между сарматами и ски-
оами съ одной стороны и германцами съ другой заключалось, по сло-
вамъ греческихъ и римскихъ писателей, въ томъ, что сарматы и
скиѣны вели кочевую жизнь, имѣли другіе нравы и обычаи, говорили
другимъ языкомъ, носили широкую одежду, сражались всегда на
коняхъ, составляли отличную легкую конницу и были вооружены ме-
тательнымъ оружіемъ. Замѣчательнѣйшими изъ сарматскихъ племенъ,
по участию въ войнахъ съ римлянами, были Аланы, Роксаланы и
Языги. Въ сѣверо-западной части восточной Европы, отъ Вислы
вдоль берега Балтійскаго моря до р. Нѣмана обитали Эстѣи, Эстѣи
или Эсты, и при нихъ, во внутренности земель, Фенны или Финны,
а между эстами и феннами съ С. и сарматами съ Ю., отъ Вислы, при
впаденіи въ нее Буга, до Нѣмана и отъ Нѣмана вдоль берега Балтій-
скаго моря до Наровы и Чудскаго озера—Венды или Венеды. Изъ
нихъ эсты были народъ болѣе земледѣльческій, нежели воинственный, а
фенны — племя чрезвычайно дикое, грубое и бѣдное. Оружіемъ пер-
выхъ была палка, а вторые употребляли только луки и стрѣлы на
охотѣ. О вендахъ же Тацитъ говоритъ, что они заимствовали у сар-
матовъ многіе ихъ обычаи и недостатки, подобно имъ вѣчно
бродя по лѣсамъ и занимаясь разбоями и грабежомъ, но что за
всеми тѣми вендовъ причисляютъ болѣе къ германцамъ, потому
что они не кочуютъ, а живутъ въ постоянныхъ жилищахъ, носятъ
щиты, сражаются пѣшими и славятся быстротою въ бѣгу, между
тѣмъ какъ сарматы проводятъ жизнь на коняхъ. Новѣйшія изслѣ-
дованія исторической критики не оставляютъ никакого сомнѣнія во
1-хъ въ томъ, что венды, сарматы и вообще большая часть народовъ,
обитавшихъ въ западной, средней и южной части восточной Европы
въ первыхъ пяти вѣкахъ по Р. Х., были позднѣйшіе Славяне, явив-
шіеся въ исторіи подъ этимъ именемъ съ VI-го вѣка по Р. Х., во 2-хъ
въ томъ, что въ союзахъ германскихъ и азійскихъ народовъ, какъ-то
готскомъ, гуннскомъ и другихъ, совершившихъ грозныя нашестві-
я на римскую имперію, во множествѣ находились народы сармат-
скаго и скиѣскаго или славянскаго племени, и что народы эти имѣли,
наравнѣ съ германцами, наибольшее участіе въ разрушеніи западной
римской имперіи, и въ 3-хъ что черты отличія, которыя греческіе и
римскіе писатели находили между всѣми вообще сарматами и ски-
оами съ одной и германцами съ другой стороны, принадлежали, мо-
жетъ быть, только части сарматовъ и скиѣовъ, кочевавшей въ обшир-
ныхъ степныхъ пространствахъ нынѣшней южной Россіи, но что во-
обще сарматы и скиѣны, подобно всѣмъ тогдашнимъ дикимъ и полу-
дикимъ народамъ Европы, въ главныхъ чертахъ общественнаго и
военнаго устройства своего, вѣроятно мало отличались отъ германцовъ.

§ 2.

С К И Ф Ы.

Скифією древніе греки называли сначала всю нынѣшнюю южную Россію, а въ послѣдствіи распространили это названіе на всю восточную Европу до самаго сѣвера. Геродотово описаніе Скифіи было предметомъ изслѣдованія для многихъ европейскихъ ученыхъ послѣднихъ трехъ столѣтій; но вполне удовлетворительно объяснить его наконецъ удалось только двумъ новѣйшимъ ученымъ: Линднеру (Lindner: *Skythien und die Skythen des Herodot, und seine Ausleger*, Stuttgart 1841) и Надеждину (въ «Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей руссійскихъ», т. I, 1844). Изъ ихъ изслѣдованій оказывается слѣдующее:

Скифія, по понятіямъ грековъ, образовала четырехугольникъ отъ устьевъ Истра (Дуная) до торжища Крымны (около нын. Бердянска), слѣдовательно заключала въ себѣ нынѣшнія: Таврическую и Херсонскую губерніи, Бессарабскую область, часть губерній Екатеринославской, Подольской и Кіевской, почти всю Молдавію, Буковину и Коломійскій округъ въ западной Галиціи. Обитатели береговъ Танаиса (Дона) назывались уже не скифами, а савроматами (см. ниже сарматы), хотя и сходствовали языкомъ съ скифами. Обитатели же южнаго берега нын. Крыма назывались: таврами и сообщили этому полуострову названіе Тавриды.

Скифію греки раздѣляли на Большую и Малую. Въ первой рѣки назывались: Напарисъ — Быстрица, Араросъ — Молдава, Тиарантосъ — Сереть, Ордессосъ — Бырладъ, Парата — Прутъ, Тирасъ — Днѣстръ, Ипанисъ — Тилигуль (и Бугъ), Пантикапесъ — Ингуль, Ипакирисъ — Ингулецъ, Эрросъ — Бузулукъ, Борисеенъ — Днѣпръ. Малою же Скифією назывались: страна отъ низовьевъ Днѣпра на юго-востокъ и полуостровъ Таврида.

Обитателями малой Скифіи были скифы царственные (*Βασιλῆοι*), близъ Днѣпровскаго лимана, мѣстопробыванія скифскихъ царей. Мѣсто ниже Днѣпровскихъ пороговъ — землю яровъ — греки называли Герры или Эрры: оно было кладбищемъ скифскихъ царей. Страну между Эрросомъ (Бузулукомъ) и Пантикапесомъ (Ингуломъ) занимали скифы кочующіе (*Νομάδες*; ихъ землями начиналась съ востока Великая или Главная Скифія. Страна къ западу отъ Днѣпра, отъ лимана до устья Бузулука, называлась Гплеей, т. е. землею Древянскою. Между Ипанисомъ и Пантикапесомъ жили скифы

земледѣльческіе (Γεωργοί) или поляне, южныя племена которыхъ назывались борисфенитами, а греческіе поселенцы этихъ мѣстъ — ольвіополитами, по имени города Ольвіи на правомъ берегу Буга, близъ впаденія его въ Днѣпровскій лиманъ. Обитатели страны между Ипанисомъ и Тирасомъ (Бугомъ и Днѣстромъ) славились коневодствомъ, почему и назывались у грековъ прекрасноконными (Καλλιπίδαι), сосѣди ихъ съ сѣвера между Бугомъ и Днѣстромъ — бродниками (Αλαζώνες), а жители береговъ Тираса (Днѣстра) — тиритами. Гранитная гряда, идущая отъ Карпатовъ въ глубину нынѣшнихъ степей, прорѣзывала сѣверную часть земель бродниковъ и тиритовъ и называлась Эксампеосъ (священные пути). Далѣе къ западу отъ Днѣстра до крайнихъ границъ Великой Скиѣи страна была мало извѣстна Геродоту. Югозападнымъ предѣломъ Великой Скиѣи были: торжище пестрійское при устьѣ Истра (Дуная, близъ нын. Кюстенджы) и земли придунайскихъ гетовъ, а сѣверозападнымъ — горный хребетъ Карпатовъ, которые у древнѣйшихъ греческихъ писателей назывались Рипами, Рипеями или Рифеями. Страны, лежавшія за ними къ сѣверу, были почти неизвѣстны грекамъ, а жители ихъ фантазіей грековъ превращены въ агаѳирсовъ (золотоносныхъ, рудокоповъ), гришовъ (хранителей золота), одноглазыхъ аримасповъ, плѣшивыхъ отъ рожденія аргипеевъ, далѣе — исседоновъ и на крайнемъ сѣверѣ — иперборзевъ (блаженнѣйшихъ, будто бы, смертныхъ въ мірѣ) и т. п. вымыслы.

Изъ внутренней Скиѣи, незадолго до Геродота, невры или нурь (кудесники, зимою превращавшіеся, будто бы, въ волковъ, т. е. носившіе волчьи шубы) поднялись вверхъ по Днѣпру на сѣверозападъ и поселились въ земляхъ будиновъ (на сѣверномъ краю Подольской губерніи). На сѣверозападъ отъ нихъ греки поселяли еиссагетовъ и ирковъ или иврковъ, промышленавшихъ звѣриною ловлей въ лѣсахъ нынѣшнихъ сѣверозападной Волыни и сѣверовосточной Галиціи. Изъ пустыни еиссагетской Геродотъ выводитъ рѣки, изливавшіяся въ Будинское озеро (Пинскія болота): западный Танансъ (Припять), Сиргисъ (Стырь), Оаросъ (Горынь) и Ликосъ (Случь). Сосѣди еиссагетовъ съ сѣверозапада — невры имѣли къ востоку отъ себя сосѣдями андрофаговъ (людоѣдовъ), которые жили въ нын. Кіевской губерніи по р. Роси, къ сѣверу отъ скифовъ — земледѣльцовъ (полянь). А земли андрофаговъ Днѣпръ отдѣлялъ отъ земель меланхленовъ (черноплатяныхъ или носившихъ черную одежду). Далѣе на сѣверъ отъ этихъ племенъ Геродотъ помѣщаетъ обширную страну большаго, многочисленнаго народа будиновъ, съ голубыми глазами и свѣтлорусыми волосами.

Въ странѣ будиновъ жили также, по Геродоту, гелоны — потомки греческихъ черноморскихъ поселенцовъ, удалившіеся сюда въ деревянный городъ Гелонъ (стоявшій на мѣстѣ нын. Кіева).

Разумѣется, что всѣ изчисленные выше названія были не племенные скискія, а данныя греками по внѣшнимъ признакамъ туземцовъ, безъ всякаго этнографическаго различія между послѣдними. Когда же позже Александръ В. проникъ до Яксарта и встрѣтилъ тамъ скивовъ (сарматскихъ алановъ, см. ниже), то греки начали увѣрять, будто достигли Танаиса (Дона) и Скиѳіи. Отъ того у греческихъ писателей вошло въ употребленіе названіе Азіятской Скиѳіи, которымъ они начали называть нынѣшній Туркестанъ. Позже Страбонъ, современникъ Августа, знаетъ уже только одну Скиѳію — въ Азіи, а европейская уже называется у него Сарматіей. Съ этого времени греки и римляне начали называть коренныхъ туземцовъ (аборигеновъ) нынѣшней Россіи: южной (скиской), донской (сарматской) и сѣверной (будиной) — безразлично то скивами, то сарматами. По мѣрѣ распространенія между греками и римлянами географическихъ свѣдѣній о Германіи и восточной Европѣ, прежніе Рипей или Рифей были постепенно отодвигаемы къ востоку, къ Рифейскому (Уральскому) горному хребту, а гиперборей — къ самому Сѣверному морю. Послѣ паденія западной римской имперіи, латинскіе писатели среднихъ вѣковъ называли восточную Европу до р. Дона Европейскою Скиѳіею, а страну отъ Дона на востокъ — Азіятскою. Византійскіе же лѣтописцы называли нынѣшнюю Европейскую Россію — вообще Скиѳіей, а принадлежавшее византійской имперіи болгарское поморье Добричь (Добруджу), отъ Манкале (Мангалія) до устьевъ Дуная — Малою Скиѳіей.

Такова древняя греческая и римская географія Скиѳіи, заслуживающая особеннаго вниманія по отношенію къ дѣйствительной географіи ея въ первые пять вѣковъ по Р. Х. и въ послѣдующіе четыре, какъ означено будетъ ниже.

Не менѣе того, въ томъ же отношеніи, заслуживаетъ вниманія и древняя этнографія Скиѳіи. Древніе греческіе и римскіе писатели описываютъ скивовъ народомъ высокорослымъ и русоволосымъ, а языкъ ихъ — сходнымъ съ языкомъ донскихъ сарматовъ и дунайскихъ гетовъ и даковъ. О миѳологіи скивовъ извѣстно очень мало. Величайшею почестью пользовался у нихъ Яръ (Ares) — богъ войны, которому они поклонялись въ образѣ священнаго меча. Какъ у народа воинственнаго и вмѣстѣ земледѣльческаго, предметами религіознаго почитанія у скивовъ были священные: плугъ, ярмо и копье, низпосланные имъ небомъ; они тщательно хранились царями и ежегодно выносились народу для поклоненія. Могилы царей въ

землѣ яровѣ (или днѣпровскихъ пороговъ) также считались священными. На могилѣ умершаго царя умерщвляли женъ его, нѣсколько высшихъ сановниковъ, множество слугъ и коней, и все это, вмѣстѣ съ оружіемъ царя, торжественно зарывалось въ царскомъ курганѣ. А въ годовщину смерти царя, на могилѣ его совершалась еще такая же кровавая тризна.

Какъ обитатели обширныхъ степей, скиѣ славились скотоводствомъ и коневодствомъ, были отличными всадниками и войну вели и сражались на коняхъ. Оружіемъ ихъ были сѣкеры, мечи, кинжалы и луки съ выдававшимися впередъ концами, чѣмъ они отличались отъ луковъ у другихъ народовъ. Они были отличные стрѣлки изъ лука съ коня, на всемъ скаку и во все стороны. Образъ веденія ими войны и дѣйствій въ бою лучше всего усматривается изъ описанія похода противъ нихъ Дарія Гистаспа въ VI вѣкѣ по Р. Х. Убитымъ непріателямъ скиѣ отрубали головы и сдирали съ послѣднихъ кожу съ волосами; кто послѣ боя не представлялъ непріательскаго черепа, тотъ лишался участія въ добычѣ. Заключение мира закрѣплялось кровавою клятвой: скиѣ вливали въ чашу кровь изъ своей руки и, оросивъ ею свое оружіе, выпивали ее. Одежда ихъ отличалась отъ одежды другихъ народовъ тѣмъ, что состояла изъ тунники или кафтана съ рукавами, саги или малаго плаща (бурки) и широкаго исподняго платья изъ домашняго холста или и изъ греческихъ тканей. Какъ кажется, скиѣ брили голову, исключая волосъ на вершинѣ ея (въ родѣ чуба у малороссовъ).

Не смотря на свою необразованность, скиѣ отличались честностью и простотою нравовъ. За преступленіе отца семейства отвѣчалъ весь родъ его; дѣтей преступника мужескаго пола предавали смерти, дабы они не были подобны отцу. Греки пытались, но безуспѣшно, ввести между скиѣми свою цивилизацію, посредствомъ браковъ скиѣскихъ князей съ гречанками. Въ VI вѣкѣ передъ Р. Х. одинъ скиѣскій царевичъ Анахарсисъ плѣнился греческою образованностью, поѣхалъ въ Аѣны, учился тамъ у Солона, получилъ отъ грековъ названіе мудреца и, воротясь на родину, началъ вводить греческое поклоненіе кумирамъ. Но какъ религія грековъ придавала богамъ ихъ нарушеніе цѣломудрія, то скиѣ и умертвили нововводителя Анахарсиса. Впрочемъ они не чуждались истинно-полезныхъ плодовъ гражданственности. Письменное искусство было извѣстно имъ и сношенія ихъ съ персами производились на письмѣ.

Военная исторія ихъ представляетъ два особенно великія событія, засвидѣтельствованныя Геродотомъ и Ктезіемъ: 1) нашествіе на Малую Азію въ VII вѣкѣ передъ Р. Х. и 2) походъ Дарія Гистаспа въ Скиѣю въ VI вѣкѣ (см. выше).

Первос заключалось въ томъ, что скипскій царь Матъашъ, сынъ Противоя, въ VII вѣкѣ двинулся съ многочисленнымъ войскомъ чрезъ Кавказскій горный хребетъ въ Верхнюю Азію, во владѣнія царя Мидіи Ціаксара (624—585 г.г.), разорилъ ихъ, прошелъ побѣдителемъ чрезъ всю Малую Азію, Сирію и Палестину до Египта, и цари Мидіи и Фригіи обязались платить ему дань. Господство скифовъ въ Азіи продолжалось 28 лѣтъ. Наконецъ Ціаксаръ, никакъ не успѣвъ освободиться отъ скифовъ силою оружія, избавился отъ нихъ азіятскою коварностью: пригласивъ важнѣйшихъ скифовъ къ себѣ на пиръ и уюпивъ ихъ виномъ, всѣхъ избилъ; остальные частію были также избиты, частію удалились за Кавказъ въ свои земли *).

§ 3.

С а р м а т ы.

Сарматамъ или савроматамъ позднѣйшіе древніе греки называли жителей Сарматіи или Савроматіи — нынѣшней Россіи по обѣимъ сторонамъ Дона. По мѣрѣ распространенія между греками и римлянами свѣдѣній о востокѣ и сѣверѣ Европы, имя савроматовъ распространялось сначала, по однородству, на будиновъ и другихъ обитателей восточной Европы, а потомъ, по одноплеменности, на балтійскихъ венедовъ (см. ниже), такъ что самое Балтійское море было названо Сарматскимъ, а съ другой стороны — до хребта Карпатовъ. Такое обширное употребленіе этого имени встрѣчается у римскихъ историковъ и географовъ, которые сокращенно писали Sarmatae. Земли сѣверовосточной Европы они называли Европейскою Сарматіей, а страны между Дономъ и Волгой — Азіятскою Сарматіей. Жители послѣдней раздѣлялись на нѣсколько племенъ, а сами себя называли разными именами. Извѣстнѣйшими изъ нихъ были аланы и роксаланы.

Аланы (Alani) жили на восточной или лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ нын. южной Россіи, и раздѣлялись на многія племена. За 40 лѣтъ до Р. Х. гунны оттѣснили ихъ до Меотійскаго (Азовскаго) моря, а нѣкоторые изъ нихъ зашли даже на Кавказъ, гдѣ были извѣстны подъ своимъ именемъ еще въ средніе вѣки. Аланы были искусные и неутомимые наѣзники, любили войну, и смерть въ бою считали

*) Н. В. Савельева-Ростиславича: Скифия и Скифы, Воен. Энцикл. Лексиконъ, т. XI, 1856.

большою честью. Кавказскіе аланы именно вторглись при Веспасіанѣ въ Мидію и Арменію, такъ что парѣянскій царь Вологезъ былъ принужденъ искать помощи римлянъ противъ нихъ. При Гордіанѣ аланы вторглись въ Македонію, въ 406 г. перешли отъ Дуная къ Рейну, присоединились тамъ къ свевамъ и вандаламъ, разорили Галлію, а въ 409 г. многіе изъ нихъ, подъ предводительствомъ Батака, перешли въ Испанію и поселились тамъ въ нын. Португаліи. Около 420 г. они были покорены переселившимися съ ними вандалами, а потомъ вестготами Гензериха, по удаленіи же послѣднихъ въ Африку, покорились императору Гонорію. Въ 451 г. они являются союзниками Атилы, а въ 464 г. были разбиты въ Италіи, близъ Бергамо, Рицимеромъ, зятемъ императора Анѣмія: вождь ихъ Біоръ былъ убитъ, а они почти совершенно истреблены.

Роксаланами (Roxalani) греческіе и римскіе писатели называли обитателей донской и днѣпровской аланей или обширныхъ и тучныхъ пастбищъ, удобныхъ для пастбы многочисленныхъ табуновъ коней. Имя роксаланъ впервые упоминается около 94 г. передъ Р. Х., какъ названіе того же самого народа, который у другихъ писателей назывался танаисскими (донскими) савроматами или сарматами (см. выше). Роксаланы между Дономъ и Днѣпромъ были покорены Діофантомъ, полководцемъ понтійскаго царя Митридата Евпатора, но по смерти послѣдняго снова являются независимымъ и сильнымъ народомъ. Въ I вѣкѣ по Р. Х. они часто воевали съ римлянами и вторгались въ Мизію. Римскій историкъ Спарціанъ (Spartianus) говоритъ, что императоръ Адріанъ (117—138 г.г.) велъ переговоры съ царемъ роксалановъ Распарасаномъ объ уменьшеніи даней, платимой ему римлянами, и когда эти переговоры привели къ успѣху, то воздвигнулъ въ полѣ статую въ честь этого царя, присоединивъ къ его имени свое и назвавъ его P. Aelius Rasparasanus. Позже, послѣ появленія готевъ на Черноморьѣ, имя побѣжденныхъ ими роксаланъ упоминается уже все рѣже, а въ V вѣкѣ и совсѣмъ исчезаетъ. Другая отрасль роксалановъ является гораздо позже при устьяхъ Вислы.

Языкъ сарматовъ признавался сходнымъ съ иллирійскимъ (позднѣйшими болгарскимъ и сербскимъ), а коренными жилищами ихъ считали земли отъ Дона до Біармін (Перми), Литвы и Польши, послѣ чего уже очевидна ошибка тѣхъ писателей XVIII и XIX вѣковъ, которые называли Польшу Сарматіей, а поляковъ—сарматами.

Сарматы, подобно скиѣамъ, поклонялись богу войны въ образѣ священнаго меча, въ жертву ему убивали коней, лѣто проводили въ полѣ, а зимою жили въ землянкахъ. Правители ихъ назывались царя-

ми и князьями, а верховный царь носилъ званіе господина (Spadines); старѣйшинами же и судьями были витязи, прославившіеся на войнѣ. Войско у сарматовъ всегда было многочисленное: такъ, по свидѣтельству Страбона, сираки или угры, сарматское племя, дали босфорскому царю въ помощь 20 т., а господинъ—царь аорсовъ, другаго племени сарматовъ—200 т. чел. конницы, которая вообще составляла главную силу сарматскаго войска. Она дѣйствовала преимущественно набѣгами, производила неимоверно быстрые и дальніе походы и сражалась луками и стрѣлами, намазанными ядомъ, длинными копьями, мечами и кинжалами. Щитовъ сарматы не употребляли, а латы и шлемы дѣлали изъ звѣриныхъ шкуръ или изъ роговъ и лошадиныхъ копытъ, искусно сложенныхъ на подобіе чешуи. Они съ раннихъ лѣтъ привыкали къ верховой ѣздѣ и военному дѣлу, и даже женщины ихъ сражались въ бою на коняхъ. Одежду у сарматовъ составляли: широкое исподнее платье (шаравары) ниже колѣнъ и длинный плащъ безъ рукавовъ, застегнутый на плечѣ—носимые на голомъ тѣлѣ; зимою же—кафтаны съ рукавами, изъ звѣриныхъ шкуръ, и наголовники (капюшоны), покрывавшіе голову и лицо, кромѣ глазъ. Сарматы были высокорослы, крѣпки и сильны тѣломъ, красивы, съ блондурными волосами и большими голубыми глазами, которые, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, метали грозный взоръ.

Всегдашними занятіями ихъ были звѣрная охота и война, а главными источниками доходовъ—дань съ сосѣднихъ народовъ, ежегодные денежные дары римскихъ императоровъ и грабежъ задунайскихъ и закавказскихъ странъ. Сарматы увлекали плѣнниковъ на арканахъ и только за деньги возвращали имъ свободу. Вольныя дружины донскихъ бродниковъ нанимались на службу къ европейскимъ и азійскимъ народамъ, а въ качествѣ союзниковъ дѣйствовали въ передовыхъ войскахъ римскихъ, въ Европѣ и Азіи, и персидскихъ (въ послѣдствіи же греческихъ и даже арабійскихъ и монголо-татарскихъ). Безъ нихъ не начинался бой и не рѣшалась побѣда, почему Амміанъ Марцеллинъ справедливо писалъ въ IV вѣкѣ: «Аланами усѣяно все пространство отъ Балтійскаго моря до Азійскихъ путей и до Ганга».

Въ событіяхъ историческаго міра сарматы принимали видное участіе, начиная съ 94 г. передъ Р. Х., когда понтійскій царь Митридатъ IV Евпаторъ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ земли ихъ и скифовъ и разбилъ царя ихъ Таша. Но вскорѣ послѣ смерти Митридата, сарматы снова являются господствующимъ народомъ между Днѣпромъ и Дунаемъ, откуда и начали нападать на римскіе предѣлы въ Европѣ и Азіи. Побѣда, одержанная надъ ними въ 15 г.

до Р. Х. Азиіемъ Галломъ, не удержала ихъ отъ участія въ войнѣ протівъ римлянъ на Дунаѣ и за нимъ, вмѣстѣ съ гетами и другими единоплеменными народами, обитавшими между Днѣпромъ и Дунаемъ. Въ 69 г. при Отонѣ они вторглись въ Мизію, но были изгнаны изъ нея легатомъ Аноніемъ. При Веспасіянѣ (69—79 г.г.) они въ одно и тоже время производили нашествія въ Европѣ за Дунай и въ Азіи за Кавказъ, гдѣ разоряли Мидію, такъ что персидскій царь просилъ у Веспасіяна помощи противъ нихъ. При Домиціянѣ (81—96 г.г.) они дѣятельно помогали дакамъ въ войнѣ ихъ съ римлянами, и хотя въ 85 г. были разбиты римскимъ легатомъ Юліаномъ, однако война кончилась тѣмъ, что Домиціянъ обязался платить дакамъ и сарматамъ ежегодную дань. Траянъ, покоривъ даковъ (101—106 г.г.), оттѣснилъ сарматовъ къ Днѣстру и укрѣпилъ его сильнымъ военнымъ поселеніемъ. Адріянъ (117—138 г.г.), по причинѣ продолжавшихся частыхъ вторженій сарматовъ въ Дакію, хотѣлъ было даже совсѣмъ покинуть эту страну и только деньгами склонилъ сарматовъ къ миру. Но при Маркѣ Авреліѣ (161—180 г.г.) они приняли участіе въ войнѣ маркоманновъ противъ римлянъ, и Маркъ Аврелій, побѣдивъ ихъ, выбилъ медаль, на которой называлъ себя побѣдителемъ сарматовъ. Но могущество ихъ нисколько не было сокрушено тѣмъ, а слова миръ и покой не имѣли у нихъ, по свидѣтельству римлянъ, никакого значенія. Послѣ Марка Аврелія, римскіе императоры были принуждены очень часто воевать съ ними. При Авреліянѣ (270—275 г.г.) они, вмѣстѣ съ готами, освободили Дакію и принудили Авреліяна переселить изъ нея римскихъ поселенцевъ въ Мизію. Скоро все Карпатское Угорье и Потисье (земли по р. Тисѣ или Тейсѣ) перешли во власть сарматовъ, противъ которыхъ въ 294 г. и вооружился Діоклитіянъ, почему закарпатскія туземныя племена (Carpiani) стали называться *Sarmatae servi*, въ отличіе отъ повелителей ихъ — *Sarmatae liberi jasyges*. Нашествіе готамъ и утвержденіе ихъ въ странахъ днѣпровскихъ прервало связь между дунайскими и донскими сарматами, такъ что первые уже не могли получать подкрѣплений отъ послѣднихъ. Константинъ В. (306—337 г.г.) воспользовался этимъ, побѣдилъ дунайскихъ сарматовъ и принудилъ ихъ и готамъ просить мира и выдать заложниковъ. Но вскорѣ въ задунайскихъ земляхъ произошли новыя волненія: сарматы подъ-угорскіе, подвластные (*Sarmatae servi, limigantes*) въ 334 г. возстали противъ сарматовъ дунайскихъ, свободныхъ (*Sarmatae liberi, arcasagantes*) и принудили ихъ удалиться частію къ квадамъ (въ нын. Богемію), частію въ римскіе предѣлы, гдѣ они и вступили, въ числѣ до 300 т. чел., въ римскую службу. Константинъ В. поручилъ имъ охраненіе дунай-

скихъ границъ, которыя и прикрылъ крѣпостями: Дистрой или Доростомъ (Силистрія), Констанціей (Кюстенджи), Плесковомъ и Мегалополемъ или Великою Преславой. Констанцій воёвалъ съ ними въ 357—358 г. г. При Валентѣ (364—378 г. г.), когда принятыя въ римскія владѣнія готы возстали противъ римлянъ и призвали на помощь аланъ, то и сарматы также вторглись въ Мизію, однако были вытѣснены изъ нея преемникомъ Валента, Θεодосіемъ I (379 г.). Наконецъ въ V вѣкѣ дунайскіе сарматы продолжали постоянно воевать то за римлянъ, то противъ нихъ, и въ это время съ славой упоминаются вожди ихъ: Бугай или Вида или Венда, и Бабай, которые покорили было Сингидунъ (Singidunum, нынѣ Бѣлградъ), но вскорѣ потомъ сами были разбиты готами.

А между тѣмъ многочисленныя и воинственные донскіе сарматы, соединясь съ гуннами, образовали могущественную державу Хазарскую или Козарскую, владычество которой распространилось на все сѣверное Черноморье съ Тавридой и на многія страны Кавказа.

§ 4.

Словене или Славяне до VI вѣка по Р. Х.

Таковы были географія, этнографія и исторія склавовъ и сарматовъ съ древнѣйшихъ, до-историческихъ временъ до паденія западной римской имперіи въ концѣ V вѣка—по сказаніямъ греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ.

Но новѣйшая историческая критика подняла завѣсу этихъ полутемныхъ и полудостоверныхъ сказаній, скрывавшую историческую истину, и раскрыла послѣднюю въ совершенно иныхъ видѣхъ и свѣтѣхъ. На основаніи ея изслѣдованій, съ несомнѣнною достоверностью оказалось: 1) что если на пространствахъ западной Европы между Рейномъ, Дунаемъ и Сѣвернымъ моремъ обитало множество народовъ одного общаго всѣмъ имъ германскаго племени, въ пять вѣковъ постоянной борьбы съ Римомъ сокрушившихъ наконецъ его и западную часть его имперіи, то на пространствахъ еще большемъ, въ восточной Европѣ, отъ Вислы и даже Одера на востокъ и отъ Балтійскаго моря до Чернаго, въ тоже время обитало едва-ли не еще большее множество народовъ, также одного общаго имъ всѣмъ, но совершенно иного, нежели германское, племени, еще не имѣвшихъ одного общаго имени, но почти въ одинаковой съ германцами мѣрѣ участвовавшихъ въ разрушеніи западной римской имперіи и въ основаніи на

развалинахъ ея новыхъ государствъ, — и 2) что хотя эти одноплеменные народы восточной Европы и не имѣли еще одного, общаго имъ всѣмъ, нарицательнаго имени, но что народы, извѣстные грекамъ и римлянамъ подъ названіемъ скиѳовъ и сарматовъ, со всѣми ихъ племенными подраздѣленіями, вообще были предками и родоначальниками того многочисленнаго, однороднаго племени, которое въ послѣдствіи, съ VI вѣка по Р. Х., является на историческомъ поприщѣ уже подъ собственнымъ, общимъ нарицательнымъ прозваніемъ словенъ, а въ новѣйшія времена извѣстно подъ такимъ же названіемъ славянъ.

И такъ, хотя исторія словенъ или славянъ собственно начинается съ VI вѣка, но исторія предковъ и родоначальниковъ ихъ, скиѳовъ и сарматовъ, какъ политическая, такъ и военная, начинается гораздо ранѣе и въ первые пять вѣковъ по Р. Х. пріобрѣтаетъ особенную важность, по отношенію какъ къ разрушенію западной римской имперіи сѣверными народами, такъ и къ послѣдующей затѣмъ исторіи словенъ или славянъ и всего славянскаго міра. Поэтому, изобразивъ ее вкратцѣ по сказаніямъ греческихъ и римскихъ историковъ, изобразимъ ее здѣсь также вкратцѣ на основаніи послѣднихъ выводовъ новѣйшей исторической критики. При этомъ, въ избѣжаніе повтореній и недоразумѣній, означенные выше однородные народы восточной Европы будемъ уже называть позднѣйшимъ, общимъ имъ, собирательнымъ именемъ славянъ, хотя оно есть собственно книжное, а не настоящее. Въ древности оно произносилось и писалось словене, словени — отъ слова, а не отъ славы, и принадлежало собственно дунайскимъ племенамъ этого народа. Древніе греческіе и римскіе писатели переводили его словомъ *Rheti*, отъ греческ. *rheton* — слово. Когда же дунайскіе словене были покоряемы римлянами, то плѣнники ихъ, увлекаемые въ Италію въ рабство, стали прозываться по римски *slavi* — рабы. Но, по мѣрѣ распространенія въ западной Европѣ географическихъ свѣдѣній о востокѣ и сѣверѣ Европы, названіе *Slavi*, *Slavini*, *Sthlavi*, *Sthlavini* постепенно стало быть распространяемо греками и римлянами на всѣхъ народовъ восточной Европы, говорившихъ языкомъ, болѣе или менѣе одинаковымъ съ дунайскими словенами. Такимъ образомъ и составилось общее, собирательное имя *Slavi*, *Slavi*. Но вообще должно сказать, что греки и римляне знали славянъ менѣе подъ ихъ собственными именами, нежели подъ различными своими, между которыми преобладающимъ въ IV и V вѣкахъ было имя венетовъ или венедовъ (Геродотовы генеты). Плиній и Тацитъ упоминаютъ о венедахъ, жившихъ около Вислы, а географъ Птолемей называетъ Балтійское море венедскимъ за-

ливомъ. Именемъ венедовъ римляне называли обыкновенно балтійскихъ и адриатическихъ славянъ, изъ которыхъ первые были издавна знакомы имъ по торговлѣ янтаремъ, а послѣдніе прежде всѣхъ вошли въ ближайшія сношенія съ ними на югѣ. Сами же славяне имѣли различныя племенные имена, а если и называли себя однимъ общимъ именемъ, то, какъ полагаютъ, вѣроятно сорабами или сербами.

Несомнѣнно то, что славяне принадлежали къ племени индо-европейскому или арійскому и, подобно германцамъ, пришли въ Европу изъ Азіи еще во времена до-историческія, но когда именно—опредѣлить невозможно. Напротивъ пространство земли (территорію), которое постоянно со временъ глубокой древности было заселено славянами въ восточной Европѣ, опредѣляютъ съ большею точностью. По разнымъ уважительнымъ причинамъ полагаютъ, что славяне раньше заселили югозападъ восточной Европы, нежели прочія части ея, а именно—страну Карпатскую или Подъ-Карпатскую, и отсюда уже расселились въ разныя страны: на сѣверъ—до Балтійскаго моря и на югъ—до Адриатическаго, вытѣсненные изъ карпатскихъ и дунайскихъ земель влахами или волохами, по инымъ—кельтами, или даками, или римлянами, и имя которыхъ иные производятъ отъ готскаго слова *Wallen* или отъ болгарскаго *Wlasc*, означающихъ то и другое странниковъ или кочевниковъ. Переселившіеся на сѣверъ и сѣверовостокъ отъ карпатскихъ странъ умножили на Одерѣ, Вислѣ и Днѣпрѣ число обитавшихъ тамъ единоплеменниковъ своихъ или отняли земли у иноплеменниковъ, особенно финскихъ. Въ этихъ-то за-карпатскихъ странахъ, которыя греки и римляне называли вообще Скиѳіей и Сарматіей (см. выше), греческіе и римскіе писатели IV и V вѣковъ по Р. Х. знали уже нѣсколько племенъ венетовъ подъ именами будиновъ, сербовъ, хорватовъ, полянъ, велетовъ, словенъ, кривичей, сѣверянъ и др. Дальнѣйшему распространенію славянъ на востокъ помѣшало движеніе на западъ народовъ финскаго и тюркскаго племенъ, именно гунновъ и аваровъ или обровъ. Тѣснимые и въ послѣдствіи покоренные ими, славяне отхлынули на западъ, въ свою очередь стали тѣснить обитавшія тамъ племена, особенно германскія, и распространяться до Эльбы и снова на юго-западъ, въ страны карпатскія и дунайскія.

Въ IV вѣкѣ по Р. Х. готы, двинувшись отъ Балтійскаго моря къ Черному, покорили обитавшія на этомъ пространствѣ славянскія и финскія племена и основали въ нынѣшней западной Россіи могущественное государство готское. По разрушеніи его въ 375 г. гуннами, послѣдніе, двинувшись въ Паннонію, увлекли за собою множество славянъ. Вообще переселеніе народовъ въ IV и V вѣкахъ по

Р. Х. привело въ движеніе и славянскій міръ, и на югѣ, отъ Чернаго моря до Атлантическаго океана, съ германскими племенами смѣшались и многія славянскія (особенно аланы), а на западѣ послѣднія распространились до Эльбы и западныхъ божемскихъ горъ (Böhmerwald). Послѣ гунновъ, частью подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ владѣли авары или обры, вслѣдъ за гуннами основавшіе также могущественное государство аварское. Съ конца V вѣка по Р. Х. на Дунаѣ являются болгары, часть многочисленнаго народа тюркскаго племени, господствовавшего на берегахъ Волги и Камы и вслѣдствіе того значительно смѣшаннаго съ коренными, туземными, финскими племенами. Дунайскіе болгары основали свое государство между славянами въ Мизіи (нынѣшней Болгаріи). Этимъ и заканчиваются разныя переселенія славянъ до паденія западной римской имперіи, послѣ чего они являются уже въ исторіи подъ различными собственными своими именами, на пространствахъ отъ Лабы (Эльбы) и Саалы (Заале) до истоковъ Волги, Двины и Днѣпра, и отъ Балтійскаго моря до Чернаго, что будетъ изложено ниже въ своемъ мѣстѣ.

Здѣсь же слѣдуетъ привести нѣсколько свѣдѣній объ общественномъ и военномъ бытѣ древнихъ славянъ до конца V вѣка.

Основою общественнаго быта славянъ въ отдаленныя времена былъ бытъ семейный, по однимъ — родовой, а по другимъ — общино-семейный. Послѣднее возрѣніе болѣе вѣроятно, потому что родъ у славянъ въ древности означалъ семью, хотя имѣются нѣкоторые намеки, что у нихъ было и нѣчто подобное родовому быту. Первоначальные роды-семьи жили въ разрозненности, на смягченіе которой вѣроятно дѣйствовали обычай умыканія или похищенія, выкупа или покупки и продажи невѣстъ, а также и раздѣлы по смерти отца — главы семьи. Семьею (домомъ, челядью) управлялъ глава ея — отецъ, а по смерти его, можетъ быть, ему наследовалъ старшій сынъ, или, если онъ былъ несовершеннолѣтній либо его вовсе не было, домомъ или имуществомъ управляла вся семья сообща, выбравъ себѣ изъ своего рода старшину или владыку. Это повело со временемъ къ общности владѣнія домомъ или имуществомъ рода-семьи — всѣми членами ея сообща или — къ семейной общинѣ (по славянски вервь, задрѹга). Изъ такихъ семейныхъ общинъ потомъ вѣроятно образовались земельныя (территоріальныя). Отсюда производили понятіе, право и явленіе родовой земли въ родовыхъ распряхъ и платы виры (денежной сдѣлки). По мягкости нравовъ славянъ вообще, женщина у послѣднихъ пользовалась значительною долею свободы и независимости, имѣла свою отдѣльную собственность, и почти у каждаго славянскаго народа встрѣчаются женщи-

ны—правительницы. Оттого, не смотря на многоженство, союзъ семейный былъ крѣпокъ, нравы были чисты и преступленія противъ цѣломудрія наказывались строго.

Семейный бытъ, семейная община, съ общими: происхожденіемъ, сожительствомъ, землевладѣніемъ и судомъ, послужили основой и общественнаго быта славянъ въ древности. Нѣсколько семейныхъ общинъ, въ большемъ или меньшемъ числѣ, соединяясь въ одинъ союзъ, образовали волость съ выборнымъ старшиной подъ разными названіями. Въ центрѣ волости было городище (насыпь, огражденная землянымъ валомъ, со входомъ съ востока), служившее и для религіозныхъ обрядовъ, и для общихъ собраній (вѣча), и для суда и расправы. Въ послѣдствіи мѣсто городищъ заступили земляные и деревянные грады (или ограды) въ средоточіи волости, болѣе обширные, строившіеся всею волостью сообща.

Разрозненность волостей вела къ частымъ раздорамъ между ними и вообще между славянскими племенами — черта, замѣченная иноплеменными лѣтописцами (а въ послѣдствіи и славянскими) и подавшая поводъ къ выраженію славянская рознь. Имѣются нѣкоторыя довольно раннія указанія, что у иныхъ славянскихъ племенъ даже были цари, но этимъ указаніямъ нельзя вполне вѣрить. Полагаютъ, что государственная власть у славянъ съ ходомъ времени возникла не изъ власти племеннаго старѣйшины, а изъ другихъ условій, напримѣръ изъ власти вождя, переводившаго племя изъ однихъ земель въ другія, или изъ заложенія этой власти иноплеменными народами или вождями ихъ. Вообще же власть волостнаго или племеннаго старѣйшины была нѣкоторымъ образомъ неограниченная, но только доколѣ онъ былъ въ согласіи съ народомъ, а народъ довѣрялъ ему, любилъ и уважалъ его. Главнымъ призваніемъ и назначеніемъ старѣйшины было—судить между враждующими общинами. Весь родъ его имѣлъ право быть выбраннымъ въ старѣйшины, а каждый членъ его—получать въ удѣлъ или надѣлъ участокъ земли (начало происхожденія позднѣйшихъ владѣтельныхъ удѣловъ). Еслиже народъ не довѣрялъ, не любилъ и не уважалъ болѣе своего старѣйшину, то выбиралъ другаго, вообще выражая волю свою посредствомъ вѣча или народнаго собранія, которое и сконч существовало у всѣхъ славянскихъ племенъ. Власть вѣча, не ограничивая власти старѣйшины, была, такъ сказать, равномѣрна ей, доколѣ, какъ сказано, народъ вѣрилъ старѣйшинѣ. Послѣдній въ случаяхъ важныхъ самъ собиралъ вѣче, и дѣла на послѣднемъ рѣшались единогласіемъ, а не большинствомъ. Всѣ славяне были свободны и такъ любили свободу, что готовы были умереть за нее. Пріѣзжіе къ нимъ иноземцы также были свободны у нихъ; рабства же у славянъ не было, и

военныхъ плѣнниковъ своихъ они держали у себя въ работахъ только опредѣленное время, по минованіи котораго плѣнники, заплативъ выкупъ, могли уйти къ себѣ или остаться между славянъ свободными и друзьями ихъ.

Съ такимъ общественнымъ бытомъ древнихъ славянъ былъ согласенъ и военный бытъ ихъ. Вопросы войны и мира рѣшало вѣче и по роду военныхъ предпріятій опредѣляло число вооруженныхъ людей для нихъ, въ случаяхъ менѣе важныхъ—менѣе, болѣе важныхъ—болѣе, а въ наиболѣе важныхъ или опасныхъ—и поголовное ополченіе всѣхъ взрослыхъ и способныхъ носить оружіе. Военнымъ вождемъ или предводителемъ вѣче избирало пзвѣстнѣйшаго умомъ, опытностью, мужествомъ, храбростью или военными подвигами своимъ. Ополченіе составлялось по-семейно и по-общинно, подъ предводительствомъ ихъ старѣйшинъ. Вооруженіе и образъ веденія войны и военныхъ дѣйствій скинами и сарматами, изображенные выше, могутъ отчасти дать нѣкоторое понятіе о состояніи того же у древнихъ славянъ, но съ нѣкоторыми различіями въ III, IV и V вѣкахъ по Р. Х. Такъ сарматы и особенно скины сражались почти исключительно на коняхъ, славяне же, напротивъ, пѣшими. Изъ нихъ южные, дунайскіе, отъ постоянныхъ, совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій съ германцами противъ римлянъ; безъ сомнѣнія, многое заимствовали у тѣхъ и другихъ въ вооруженіи и образѣ веденія войны и военныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что всегда, и прежде, и послѣ, всѣ славяне вообще были очень перемчивы. Воюя съ римлянами, южные славяне даже не могли не быть болѣе или менѣе хорошо вооружены, а часто побѣждая римлянъ и грабя города и поселенія ихъ, получали въ добычу много всякаго рода вооруженія ихъ. Нѣчто подобное можно, кажется, сказать и о сѣверныхъ, прибалтійскихъ славянахъ, которые, живя у моря и занимаясь морскою торговлей, часто подвергались нападеніямъ съ моря, на флотахъ, жителей сѣвернаго балтійскаго поморья (Скандинавіи), производившихъ морскіе разбои. Поэтому необходимость защиты сдѣлала ихъ воинственными, а торговля сношенія и богатство позволяли имъ имѣть хорошія: вооруженіе и военное устройство. Но тѣ славянскія племена, которыя жили и переходили съ мѣста на мѣсто на пространствѣ между южными и сѣверными славянами и между германцами и пришельцами изъ Азіи, вѣроятно уступали первымъ и вторымъ, не уступая однако ни третьимъ, ни четвертымъ въ вооруженіи и образѣ веденія войны и военныхъ дѣйствій. Но вообще слѣдуетъ сказать, что за исключеніемъ южныхъ славянъ и отчасти, можетъ быть, сѣверныхъ, всѣ прочіе между ними были скорѣе миролюбивый, нежели войнолюбивый, какъ германцы, народъ. Если они и воевали, то либо между собою, пзъ-за

славянской розни, о которой говорено выше, либо — въ IV и V вѣкахъ особенно—въ защиту дорогой имъ свободы и независимости противъ сильныхъ иноплеменныхъ народовъ—готѣовъ, гунновъ, аваровъ или обровъ.

§ 5.

Словене или Славяне съ VI до IX вѣка по Р. Х.—Разселеніе ихъ.

Когда въ концѣ V вѣка по Р. Х. общее движеніе народовъ германскаго племени, восточной Европы и средней Азии противъ западной и восточной римскихъ имперій завершилось разрушеніемъ ими первой изъ нихъ и основаніемъ въ ея областяхъ германцами своихъ государствъ, тогда Европа явилась раздѣленною на двѣ неравныя половины между народами двухъ совершенно различныхъ племенъ. Чертою раздѣла ихъ оказались рѣки Эльба и Заала и Богемскія горы до Дуная. Къ западу отъ нихъ были водворены народы германскаго племени, а къ востоку, до Ильменя, Волхова, истоковъ Днѣпра, западной Двины и Волги, и отъ нижняго Дуная и Чернаго моря до Балтійскаго—народъ многочисленнаго племени словенъ или славянъ, впервые въ это время выступающаго на историческое поприще подъ собственнымъ своимъ названіемъ. Различныя племена его разселялись на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ, одни на западѣ, другія на востокѣ, третьи на югѣ, почему и извѣстны въ исторіи подъ названіемъ западныхъ, восточныхъ и южныхъ словенъ или славянъ. Изъ нихъ ранѣе всѣхъ стали извѣстными въ исторіи южные, позже западные и восточные. Разселеніе ихъ продолжалось еще въ теченіи цѣлыхъ двухъ вѣковъ VI и VII, пока не установилось окончательно къ началу VIII.

Такъ славяне южные къ концу V вѣка являются на лѣвомъ берегу нижняго Дуная, перейдя черезъ который, въ VI вѣкѣ разселились въ Мизію, Фракію, Македонію, Эпирѣ, Фессалію, собственной Греціи, Пелопоннесѣ (по славянски Мореѣ) и въ земляхъ при-альпійскихъ. Они больше и чаще другихъ называли себя собственными своими названіями словенъ и словенцовъ. Главными племенами между ними были: бѣло-хорваты, сербы и словенцы, а частными, болѣе мелкими: браничевцы, драговичи, сакулаты, берзакъ, вагенеты, велегостичи, мильчане, езеричи и др.

Славяне западные, подъ общимъ названіемъ венедовъ, венетовъ, вендовъ—на правыхъ берегахъ Лабы (Эльбы) и Салы (Заалы) и къ востоку отъ нихъ и отъ Шумавы или Чешскихъ горъ, въ бассейнахъ Одра, Вислы, Нѣмана, Буга, Волтавы и Моравы, и на юж

ныхъ берегахъ Балтійскаго моря. Главными племенами ихъ были: 1) бодричи (оботриты, вагры, полабы, глиняне, древяне и др.); 2) лютичи или велеты (чрезпѣняне, ратары, украине, брежане, стодоряне, рана и др.); 3) сорабы или сербы (суслы, нишане, гломачи, мильчане, лужици или лужичане и др.); 4) чехи (лучане, лютомиричи, хорваты, дуглѣбы и др.); 5) моравы и словаки (последніе—старѣйшіе обитатели южнаго склона Карпатовъ), и 6) лѣхы или ляхи (поляне, мазовшане, куявы, слязане и др.). Балтійскіе славяне назывались преимущественно поморянами.

Восточные славяне расселились на всемъ пространствѣ отъ Буга и Днѣстра на востокъ до Ильменя, Волхова, верховьевъ Двины, Днѣпра и Волги, въ бассейнахъ этихъ рѣкъ и Днѣстра, Буга, Десны, Сулы, Сожи, Оки и ихъ притоковъ, и отъ Чернаго моря почти до южныхъ прибрежій Финскаго залива. Главныя племена ихъ, вышедшія первоначально изъ Бѣлой Хорватіи (въ нын. Галиціи), были, по порядку переселенія ихъ на сѣверовостокъ и востокъ: 1) древяне (въ лѣсахъ нын. Волыни), 2) поляне—по среднему Днѣпру (въ нын. Кіевской губ.), 3) дреговичи—между Припятью и Двиною, 4) кривичи—по Двинѣ и въ верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги, и отъ нихъ 5) полочане—на р. Полоти, притокъ Двины, 6) собственно словене—при озерѣ Ильменѣ и по р. Волхову, 7) сѣверяне—по Деснѣ, Сепи и Сулѣ, 8) радимичи и вятичи—на Сожѣ и Окѣ, 9) бужане или дулѣбы—на Бугѣ, 10) угличы и тиверцы—по Днѣстру и между нимъ, Днѣпромъ и моремъ.

Такимъ образомъ съ конца V вѣка до конца VII вся восточная половина западной Европы и западная восточной до Адриатическаго, Средиземнаго и Чернаго морей на югѣ и Балтійскаго на сѣверѣ были заняты народами многочисленнаго славянскаго племени

§ 6.

Общественный бытъ ихъ.

По сказанію лѣтописца, славяне «жили каждый съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, владѣя своимъ родомъ». Если основой общественнаго быта славянъ въ первоначальныя, отдаленныя времена была семья, то въ это время, по свидѣтельству лѣтописца, ею уже былъ родъ, въ болѣе обширномъ смыслѣ не одной семьи, но и всего ея родства, сродниковъ, поколѣнія. Какъ семьи въ родѣ, такъ и роды въ своихъ племенахъ и эти въ главныхъ, жили отдѣльно, въ отдѣльныхъ жилищахъ, подъ патріархальною властію старѣй-

шихъ въ семьѣ, родѣ, поколѣніи, племени. Общность владѣнія землею и домами на ней и управленія обитателями ихъ, съ одной стороны являетъ отдѣльное, общинное устройство семей, родовъ и т. д., а съ другой—разрозненность ихъ и частыя распри и усобицы между собою. Сверхъ того, и до VI вѣка по Р. Х., и послѣ того жизнь славянъ была крайне тревожна вслѣдствіе непрерывнаго передвиженія народовъ, и германскаго племени, и азійскихъ, и самихъ славянъ, и съ запада, и съ востока, и съ юга, и съ сѣвера, черезъ всю славянскую территорію, и безпрестанныхъ при этомъ нападеній чуждыхъ народовъ на славянъ. Поэтому хотя, говоря вообще, воинственность не была такою господствующею чертою характера славянъ, какъ у германцовъ, готѣвъ, гунновъ и другихъ, подобныхъ имъ, народовъ IV, V и слѣдующихъ вѣковъ, однако свои родовыя и племенные междуусобія и особенно нападенія чуждыхъ народовъ, по необходимости, дѣлали ихъ воинственными. Но эта невольная воинственность ихъ имѣла гораздо болѣе оборонительный, нежели наступательный характеръ. Послѣдній она имѣла преимущественно на югѣ, противъ византійской имперіи, и отчасти на Балтійскомъ поморьѣ, гдѣ славянскіе поморяне, подобно скандинавскимъ норманамъ, также производили морскія военныя предпріятія. Но все остальное затѣмъ большинство славянъ западныхъ и восточныхъ, нападая на своихъ и отбиваясь отъ нихъ въ своихъ родовыхъ распряхъ, преимущественно отстаивали свою свободу и независимость, съ оружіемъ въ рукахъ, противъ чуждыхъ народовъ-завоевателей, германцовъ, позже франковъ—на западѣ, азійскихъ дикарей—на востокѣ, норманновъ—на сѣверѣ.

§ 7.

Военный бытъ ихъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, и у славянъ, какъ у германцовъ, восточныхъ и сѣверныхъ народовъ того времени и вообще у первобытныхъ народовъ всѣхъ временъ, съ общественнымъ устройствомъ ихъ было тѣсно связано и военное. Будучи всѣ свободными и не имѣя рабовъ, кромѣ временныхъ, срочныхъ военноплѣнныхъ, всѣ они были воинами, и слова народъ и войско и у нихъ были однозначущими. Въ случаѣ войны, каждый совершеннолѣтній мужчина былъ воинъ, обязанъ вооружиться и идти на войну, подъ предводительствомъ старѣйшинъ семьи, рода и т. д. Такимъ образомъ и у славянъ, какъ у германцовъ и другихъ народовъ, общая воин-

ская повинность была соединена съ общимъ же правомъ носить оружіе и ограждать свои жилища искусственными, хотя и самыми простыми укрѣпленіями, независимо отъ обезпеченія ихъ мѣстными препятствіями—обширными лѣсами и болотами, горами и рѣками, которыми тогда была покрыта славянская территорія.

Семейныя, родовыя, позже племенные или народныя собранія (вѣча) рѣшали, смотря по большей или меньшей важности военнаго предпріятія или опасности обстоятельствъ, кому и сколько идти на войну. Такимъ образомъ составлялись бѣльшія или меньшія военныя дружины, шедшія на войну подъ предводительствомъ своихъ семейныхъ, родовыхъ и т. д. старѣйшинъ (старостъ, владыкъ, главарей, кметовъ, господарей, жупановъ, воеводъ, князей—последнихъ въ смыслѣ первыхъ или первенствующихъ, и т. п.). Соединеніе нѣсколькихъ такихъ военныхъ дружинъ образовало народное ополченіе, въ меньшей или большей силѣ, подъ предводительствомъ одного, избираемаго всѣми, воеводы. Позднѣйшею, въ наибольшемъ развитіи своемъ, формой такихъ ополченій было, въ случаяхъ общенародныхъ, наступательныхъ и преимущественно оборонительныхъ военныхъ предпріятій, общенародное или всенародное, поголовное ополченіе, подъ предводительствомъ одного общаго, верховнаго, избирательнаго вождя или воеводы.

§ 8.

Славяне югозападные.

У южныхъ славянъ, хорватовъ, сербовъ и др., въ особенности развитъ былъ общинно-семейный бытъ, въ видѣ семейной общины подъ названіемъ вервь или задрѹга. Она сначала еще болѣе, нежели родовая и племенная община, которой послужила потомъ основой, служила защитой противъ внѣшнихъ враговъ. Какъ старѣйшина въ семьѣ, такъ и вся община въ родѣ и племени, завѣдывали всемъ, что касалось военнаго дѣла и войны, какъ-то: сборомъ податей на военные расходы, военныхъ дружинъ и ополченій и пр.

Греческій императоръ Маврикій (582 — 602 г.г.) говоритъ, что «славяне, преимущественно южные, любятъ жить въ неудободоступныхъ лѣсахъ и на такихъ же берегахъ рѣкъ, озеръ и болотъ, а сражаться—въ тѣснинахъ и такихъ мѣстахъ, которыя представляютъ многія скрытныя убѣжища или притоны и вообще неудободоступны. Однако при этомъ они не пренебрегаютъ внезапными нападеньями изъ нихъ и всякаго рода военными хитростями. Особен-

но искусны они въ переплываніи черезъ рѣки. Каждый изъ нихъ вооруженъ 2-мя дротиками, иные имѣютъ также щиты, но такой огромной величины, что ихъ трудно переносить съ мѣста на мѣсто. Нападательнымъ оружіемъ служатъ имъ деревянные луки и стрѣлы, намащенные ядомъ, столь сильнымъ, что только быстрые средства могутъ спасти отъ смерти вслѣдствіе ранъ этими стрѣлами. Правильныхъ строя и нападеній славяне не знаютъ. Когда они хотятъ произвестъ нападеніе, то, стоя на мѣстѣ, поднимаютъ боевой крикъ и нападаютъ только въ томъ случаѣ, если непріятель отвѣчаетъ такимъ же крикомъ. Въ противномъ же случаѣ они не даютъ себѣ труда отыскивать непріятеля, но удаляются въ лѣса, потому что охотнѣе любятъ сражаться въ закрытыхъ и трудныхъ мѣстахъ. Нерѣдко они заманиваютъ за собою непріятеля ложнымъ бѣгствомъ и даже предоставляютъ ему свое имущество, но только для того, чтобы обратно отнять его у безопасно грабящихъ оное».

По свидѣтельству Прокопія, тѣ же южные славяне сражались не только безъ латъ, но иные даже безъ всякой одежды, кромѣ портовъ; всѣ были рослы, крѣпки, сильны, статны, имѣли кожу бѣлую, волосы длинные, темнорусые, лицо красноватое и легко переносили и холодъ, и зной, и недостатокъ одежды и пищи.

Вообще они сражались всегда пѣшими; бывъ окружаемы непріателемъ, ограждали себя повозками, изъ-за которыхъ защищались съ отчаянною храбростію и необыкновеннымъ упорствомъ; славились быстротою и неутомимостію въ бѣгѣ, силою и ловкостью въ единоборствѣ, искусствомъ ловить плѣнниковъ, переплывать черезъ рѣки, долго скрываться въ водѣ, лежа на спинѣ и вдыхая въ себя воздухъ сквозь тростниковыя трубки, поверхность которыхъ держали надъ водой. Они столько же искусно умѣли сражаться и въ горахъ, и въ ущельяхъ, и были отличные пѣшіе воины и стрѣлки изъ луковъ.

§ 9.

Славяне сѣверозападные.

Современные историки западные, восточные (арабскіе) и южные (греческіе) свидѣтельствуютъ, что съ преимущественнымъ веденіемъ оборонительной войны, у славянъ, особенно у западныхъ, было тѣсно соединено стремленіе ихъ къ искусственному укрѣпленію своихъ жилищъ, какъ меньшихъ, такъ и большихъ. Такъ у оботритовъ (на Одрѣ) считалось до 53, у вильцовъ до 95, у лужичей до 30, у сорабовъ или сербовъ между Лабой и Салой и до Чешскихъ горъ—око-

ло 40 укрѣпленныхъ городковъ (въ родѣ германскихъ замковъ или бурговъ), большею частію деревянныхъ, но съ успѣхомъ выдерживавшихъ нападенія спланныхъ враговъ. Такъ, напримѣръ, сильно укрѣпленный городъ Деминъ въ земляхъ балтійскихъ поморянъ положилъ предѣлъ побѣдоносному шествію самого Карла В. и его многочисленнаго войска.

Точно тоже было и въ Чехіи и въ Моравіи: въ нихъ было столько же крѣпкихъ городковъ, сколько жупъ или округовъ, на которые онѣ раздѣлялись (въ Чехіи — до 50, а въ Моравіи при Святополкѣ—11, въ томъ числѣ городъ Довина, возбуждавшій въ 869 г. удивленіе осаждавшихъ его германцовъ). Старѣйшины семей и родовъ въ каждой жупѣ были обязаны платить военныя подати на военные расходы и производить разныя работы съ военною цѣлію, какъ-то: строить дороги, мосты, укрѣпленія, и сверхъ того каждый землевладѣлецъ, въ случаѣ надобности, былъ обязанъ идти на войну въ своемъ вооруженіи и на своемъ содержаніи.

У сорабовъ или сербовъ на верхней Лабѣ было также раздѣленіе на жупы, подъ управленіемъ кралеѣ, которымъ были подчинены господа и князи. Они же предводительствовали и ополченіями и дружинами на войнѣ. И тутъ также были укрѣпленные городки.

Западные славяне, отъ ранняго и постояннаго соприкосновенія и враждебнаго столкновенія съ германцами и франками, уже менѣе ихъ дикими и грубыми и имѣвшими лучшее военное устройство, многое постепенно заимствовали у нихъ — лучшія: вооруженіе, строй и образъ дѣйствій въ бою. Они (чехи, моравы и др. между Лабой и Одромъ) имѣли уже шлемы, латы, щиты, палицы, мечи, копья, луки и стрѣлы, а въ общенародныхъ ополченіяхъ — и священные знамена, носимыя передъ главнымъ воеводой, и сражались и на коняхъ, но болѣе и чаще пѣшими. У лабскихъ сорабовъ или сербовъ главнымъ оружіемъ былъ длинный ножъ (кинжалъ), но они имѣли также щиты, дротики, луки и стрѣлы, мечи и копья. Кромѣ того, какъ выше было сказано, западные славяне имѣли укрѣпленные деревянные городки и умѣли искусно укрѣплять ихъ и защищаться въ нихъ. Вообще они въ это время стояли выше южныхъ и особенно восточныхъ и въ военномъ устройствѣ, и въ военномъ дѣлѣ, и, какъ вмѣстѣ съ саксонцами, такъ и одни, не безъ успѣха и славы защищались противъ такого полководца, какъ Карлъ В., и такой арміи, какою была предводительствуемая имъ.

§ 10.

Славяне сѣверовосточные.

У восточныхъ славянъ вообще, военный бытъ (военныя: устройство и дѣло), при общихъ всѣмъ славянамъ (см. выше) главныхъ чертахъ его, вѣроятно имѣлъ нѣкоторыя, большія или меньшія, особенности, происшедшія отъ той обстановки, въ которой племена этихъ славянъ находились какъ вообще, такъ и въ частности на сѣверѣ и на югѣ. Болѣе отдаленныя, нежели западныя и южныя, отъ сношеній и столкновеній съ западными франками и византійскими греками, они воевали только между собою либо съ сосѣдними народами литовскаго, финскаго и тюркскаго племенъ. А городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ у нихъ было очень мало, гораздо менѣе, нежели у западныхъ и южныхъ славянъ.

При этомъ въ частности у сѣверо-восточныхъ славянъ (ильменскихъ, кривичей и вятичей) многое зависѣло вѣроятно и отъ того, съ какими народами и племенами они находились въ ближайшихъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ, именно: ильменскіе словене—съ чудью или финнами и съ конца VIII и начала IX вѣковъ—съ норманнами-варягами, кривичи—съ финнами, литовцами и лѣхами, вятичи—съ финнами же и камско-волжскими болгарами. Эти причины могли имѣть вліяніе на нѣкоторыя особенности въ военномъ бытѣ сѣверовосточныхъ славянъ и преимущественно ильменскихъ, уже рано, кажется, находившихся въ морскихъ торговыхъ сношеніяхъ съ балтійскими славянами и непріязненныхъ съ норманнами.

§ 11.

Славяне юговосточные.

Подобно тому, и на нѣкоторыя особенности военного быта юговосточныхъ славянъ (при-днѣпровскихъ, бугскихъ, днѣстровскихъ и др.) могли имѣть большее или меньшее вліяніе какъ мирныя сношенія ихъ съ ближайшими сосѣдями на западѣ и по Днѣпру и моремъ съ византійскими греками, такъ преимущественно враждебныя столкновенія ихъ съ азійскими народами, двигавшимися чрезъ ихъ земли въ южную Европу, какъ-то: съ аварами и потомъ съ хазарами, которые подъ конецъ и наложили на нихъ дань. Можетъ быть также, что военный бытъ юго-восточныхъ славянъ имѣлъ, болѣе или менѣе, черты сходства съ тѣмъ, который, по описанію императора Маврикія, былъ у славянъ вообще и у южныхъ въ особенности (см. выше).

ГЛАВА II.

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ. — РУСЬ.

(862 — 1462).

§ 12. Разселение восточныхъ славянъ и сосѣдей ихъ—инородцевъ.—Образование Руси.—§ 13. Военное устройство.—§ 14. Роды войскъ, вооружение и число ихъ.—§ 15. Строй и образъ дѣйствій войскъ.—§ 16. Внутреннее устройство и духъ войскъ.—§ 17. Укрѣпленіе, атака и оборона становъ и городовъ.—§ 18. Состояніе военного дѣла вообще.

§ 12.

Разселеніе восточныхъ славянъ и сосѣдей ихъ—инородцевъ.—Образование Руси.

Въ половинѣ IX вѣка все пространство восточной Европы къ востоку отъ западныхъ славянъ, на берегахъ Ильменя, Волхова, Ладожскаго озера, западной Двины, верхней Волги, Оки, верхняго Днѣпра, западнаго Буга и Днѣстра, съ ихъ притоками, было занято многими племенами восточныхъ славянъ. На сѣверѣ, у озера Ильменя и по Волхову обитали словене; по западной Двинѣ и въ верховьяхъ Днѣпра—кривичи, часть которыхъ на р. Полоти называлась полочанами; отъ Березины до Припяти и Пинскихъ болотъ—дреговичи; между Днѣпромъ и Сожью—радимичи; по Днѣпру отъ Десны до Сулы—сѣверяне, а отъ Припяти до Роси—поляне; по Припяти, Горыни, Случу и Тетереву—древляне; по западному Бугу—бужане или дулѣбы, позже волыняне; между Днѣпромъ, Днѣстромъ и нижнимъ Дунаемъ—угличи и тиверцы; наконецъ самымъ сѣверовосточнымъ племенемъ были вятичи на Окѣ.

Сосѣдями ихъ были: на сѣверозападѣ—литовскія племена, на

сѣверѣ и сѣверовостокѣ—финскія, а на востокѣ и юго-востокѣ—тюркскія.

Литовскія племена: пруссы, литва, жмудь, голядь, зимогола, корсь и летгола обитали на южныхъ и восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря, къ востоку отъ Вислы и по Нѣману. Въ нынѣшней Гродненской губерніи жили ятвяги—неизвѣстнаго происхожденія, по инымъ—литовскаго, а по другимъ—остатки сарматовъ-языговъ.

Къ финскимъ племенамъ принадлежали ливъ (въ нын. Лифляндіи), чудь (въ нын. Эстляндіи), водь (въ нын. Петербургской губ.), весь (на Бѣлоозерѣ), меря (у озеръ Клещина и Неро), мурома и къ югу отъ нея мещера—по Окѣ, черемиса—на лѣвомъ и мордва—на правомъ берегахъ средней Волги. Страна по сю сторону Уральскаго хребта называлась Біарміей, а по другую Югрой.

Къ тюркскимъ же племенамъ принадлежали болгары на Камѣ и Волгѣ и хазары между Волгой, Дономъ и нижнимъ Днѣпромъ и въ Тавридѣ.

Вся страна, занятая племенами восточныхъ славянъ, литовскими, финскими и тюркскими, равнинная, степная на югѣ, на всемъ остальномъ пространствѣ была покрыта обширными лѣсами и болотами. Поэтому климатъ былъ сырой и холодный, а путями сообщеній служили только рѣки, Волховъ, Волга, западная Двина, Днѣпръ, Бугъ, Днѣстръ и пр. съ ихъ притоками. Главнымъ воднымъ путемъ между сѣверомъ и югомъ служили Волховъ, Ильмень и Днѣпръ съ притоками ихъ.

Упомянутыя выше племена восточныхъ славянъ, обитавшія на означенномъ пространствѣ, были народъ осѣдлый, земледѣльческій, но жили разрозненно, безъ всякой связи между собой, отдѣльными, бѣльшими или меньшими поселеніями, и въ томъ числѣ имѣли нѣсколько городовъ (Новгородъ—у ильменскихъ словенъ, Изборскъ, Полотскъ и Смоленскъ—у кривичей, Ростовъ—у вятичей, Любечъ и Черниговъ—у сѣверянъ, Кіевъ—у полянъ, Коростень—у древлянъ). Племенная рознь, отсутствіе всякой общей связи и постоянные раздоры и междоусобія, особливо на сѣверѣ, были причинами слабости восточныхъ славянъ противъ сильныхъ внѣшнихъ враговъ, на сѣверѣ—варяговъ или норманновъ-скандинавовъ, а на югѣ—хазаръ. Варяги въ 859 г. наложили дань на словенъ, кривичей, чудь, мерю и весь, а хазары—на приднѣпровскія племена. Но ильменскіе словене, кривичи, чудь, меря и весь, бывшіе, кажется, въ союзѣ между собою, въ 860 г. изгнали отъ себя варяговъ, наложившихъ на нихъ дань, а въ 861 году призвали къ себѣ изъ-за моря (вѣроятно съ южнаго Балтійскаго славянскаго поморья, гдѣ среди славянъ смѣшанно жили и норманны, и германцы, и датчане и др. племена) другихъ варяговъ, подъ пред-

водительствомъ трехъ норманскихъ братьевъ — князей Рюрика, Синеуса и Трувора, по сказанію лѣтописца — «княжитъ у нихъ и владѣтъ ими». Прибывъ къ нимъ въ 862 г. изъ-за моря въ Ладогу, со всѣмъ своимъ родомъ и многочисленною норманско-варяжскою дружиной, три брата водворились, Рюрикъ—въ Ладогѣ, Синеусъ—на Бѣлоозерѣ и Труворъ—въ Изборскѣ, какъ на крайнихъ, пограничныхъ мѣстахъ земель 5-ти племенъ, призвавшихъ ихъ, для защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Наложивъ на нихъ дань, размѣстивъ по ихъ городамъ и поселеніямъ своихъ мужей-правителей, съ своими дружинами и пришлыми варягами, и водворивъ между ними порядокъ и спокойствіе, князья установили тѣмъ недостававшую имъ, общественную связь между ними. Связь эта состояла въ единствѣ власти князя и въ правѣ его производить судъ и расправу и взимать дань, чрезъ посредство своихъ дружинниковъ, чуждыхъ мѣстному населенію и зависѣвшихъ только отъ князя. Черезъ два года, въ 864 г. Синеусъ и Труворъ умерли, и Рюрикъ, присоединивъ ихъ города и земли къ своимъ и поставивъ въ нихъ своихъ мужей съ дружинами и варягами, переселился изъ Ладоги въ Новгородъ и водворился въ срубленномъ имъ надъ Волховомъ княжескомъ городищѣ. Двое изъ мужей его дружины, Аскольдъ и Диръ, не получивъ городовъ, отпросились на службу въ Грецію, отправились туда днѣпровскимъ воднымъ путемъ съ своею дружиной и на пути заняли Кіевъ въ землѣ полянъ. Водворясь въ немъ, они наложили дань на окрестныя племена и въ 865 г. предприняли съ 8 т. воиновъ походъ къ Константинополю, но не имѣли успѣха, крестились и, воротясь въ Кіевъ, господствовали въ немъ до 882 года. Здѣсь къ нимъ присоединились многіе, прибывшіе изъ Новгорода, недовольные Рюрикомъ новгородцы, которые, подъ предводительствомъ нѣкоего Вадима, хотѣли изгнать Рюрика изъ Новгорода, но онъ одолѣлъ ихъ. Вскорѣ послѣ того Рюрикъ умеръ въ 879 г., оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына Игоря, подъ опекой родственника своего, Олега.

Недовольный своевольными новгородцами, Олегъ покинулъ Новгородъ и съ Игоремъ и своею дружиной отправился днѣпровскимъ воднымъ путемъ на югъ, оставивъ въ городахъ и земляхъ 5-ти сѣверныхъ племенъ мужей своихъ съ дружинами, для взиманія съ нихъ дани и содержанія ихъ въ повиновеніи. На пути къ югу, онъ занялъ Смоленскъ, Любечъ и хитростью Кіевъ, умертвивъ Аскольда и Дира (въ 882 г.). Водворясь въ немъ, онъ 15 лѣтъ занимался покореніемъ древлянъ, сѣверянъ, радимичей, угличей и тиверцовъ, установилъ размѣръ дани съ южныхъ и сѣверныхъ племенъ (въ томъ числѣ по 2 т. гривенъ или 1 т. фунтовъ серебра князю въ Кіевъ и по 1 т. гривенъ или 500 ф. серебра гридямъ съ Новго-

рода) и строилъ (срубалъ) городки для охраненія границъ своихъ владѣній отъ восточныхъ сосѣдей тюркскаго племени, которыми тогда въ приднѣпровскихъ странахъ были хазары. Въ 907 г. Олегъ совершилъ, съ большимъ числомъ войскъ, по Днѣпру и моремъ на флотѣ, походъ къ Константинополю, результатомъ котораго были два мирные договора съ византійскимъ правительствомъ. Пять лѣтъ спустя, въ 912 году Олегъ, прозванный вѣщимъ или мудрымъ, умеръ, связавъ сѣверъ съ югомъ—Новгородъ съ Кіевомъ, опредѣливъ отношенія покоренныхъ племенъ къ князю и размѣръ платимой имъ дани, оградивъ границы городками, и такимъ образомъ, по справедливости, долженъ считаться положившимъ первыя основанія государственнаго устройства между восточными славянами, подвластными Рюрикову роду. А какъ средоточіемъ власти его были Кіевъ и приднѣпровскія страны восточныхъ славянъ на югѣ, уже давно извѣстныхъ грекамъ, а съ IX вѣка и аравитянамъ, подъ общимъ названіемъ руси или руссовъ, то и вся земля ихъ, подвластная Рюрикову роду, стала именоваться Русью. Рюрикъ же является только основателемъ перваго союза 5-ти племенъ на сѣверѣ и родоначальникомъ княжескаго рода, долго потомъ княжившаго на Руси. По смерти его, въ земляхъ 5-ти сѣверныхъ племенъ все осталось въ прежнемъ положеніи, за исключеніемъ того, что племена эти уже были соединены подъ одною властію русскихъ князей на югѣ и платили имъ дань.

По смерти Олега, Игорь (912—945) постоянно жилъ въ Кіевѣ, только собирая дань съ окрестныхъ племенъ, и совершилъ два похода къ Константинополю, одинъ въ 941 г.—неудачный, а другой въ 944 г., когда греки откупились. Вдова Игоря, Ольга, правившая (945 — 957) за малолѣтствомъ сына своего, Святослава, точнѣе опредѣлила взаимныя отношенія князей и покоренныхъ племенъ, установила уставы и уроки въ землѣ древлянской, погосты, дани и оброки въ новгородской области и пр. Устроивъ такимъ образомъ русскую землю и на югѣ, и на сѣверѣ, она отправилась въ Константинополь, крестилась въ немъ (957) и вскорѣ умерла.

Святославъ (957—972) былъ настоящій дружинникъ норманскій, но уже ославянившійся. Онъ всю жизнь провелъ въ войнахъ и походахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, расширилъ русскую землю и едва не успѣлъ переселиться изъ Кіева за Дунай въ Болгарію, подобно тому, какъ Олегъ переселился изъ Новгорода въ Кіевъ. Но греческій императоръ Іоаннъ Цимисхій отразилъ его и принудилъ къ миру (971), а на возвратномъ пути Святославъ былъ убитъ печенѣгами (972).

Сынъ его Ярополкъ (972 — 980) сначала княжилъ въ Кіевѣ,

а братья его, Олегъ—у древлянъ и Владиміръ—въ Новгородѣ. Но по убіеніи Олега и удаленіи Владиміра за море къ варягамъ, Ярополкъ владѣлъ одинъ всею русскою землею, доколѣ Владиміръ съ наемными варягами не овладѣлъ Кіевомъ и не убилъ Ярополка (980).

Владиміръ (980—1015) удалилъ варяговъ, имѣя уже достаточно своихъ, русскихъ, военныхъ силъ, ходилъ за данью еще далѣе—за Карпаты и Волгу, 12 сыновьямъ своимъ впервые далъ удѣлы, каждому съ частію своей многочисленной дружины, въ 988 г. крестился и женился на сестрѣ греческихъ императоровъ Василія и Константина, Аннѣ, которая утвердила его въ мысли о постоянномъ мѣстопробываніи въ Кіевѣ, сохраненіи владѣнія и оставленіи его въ наслѣдство сыновьямъ. Тогда Владиміръ явился первымъ христіанскимъ, владѣтельнымъ княземъ-государемъ русской земли, просвѣтивъ ее христіанскою вѣрой и устроивъ ее военною силою и письменными законами.

Наконецъ сынъ его Ярославъ (1019—1054) вполне владѣлъ всѣми княжествами земли русской, но уже крѣпче, съ большею зависимостью ихъ, какъ великій князь и владѣтельный государь, отъ Балтійскаго моря до Карпатовъ и приднѣпровскихъ странъ, и отъ предѣловъ Польши до Волги и Уральскихъ горъ, и еще болѣе укрѣпилъ русскую землю военною силою и особенно письменными законами.

Такимъ образомъ въ 200 лѣтъ времени государственное устройство земли восточныхъ славянскихъ племенъ только зачалось на сѣверѣ въ Новгородѣ, родилось, возросло и укрѣпилось на югѣ въ Кіевѣ—и, по исконному названію народа руси, восточно-славянское государство именовалось Русью.

§ 13.

Военное устройство.

Начало и постепенныя развитіе и образованіе Русс-государства изображены здѣсь вкратцѣ для болѣе яснаго уразумѣнія военнаго устройства ея, сложившагося также постепенно при первыхъ русскихъ князьяхъ, отъ родоначальника ихъ Рюрика до праправнука его и 5-го по немъ князя Ярослава включительно, и послѣ Ярослава до XIV вѣка.

Изъ вышензложеннаго очевидно, что главною, основною связью зачавшейся, родившейся и возросшей въ государство Русс былъ

князь, въ первыхъ трехъ колѣнахъ (считая и Олега) чистый норманнъ, но уже въ трехъ послѣднихъ ославянившійся. Власть его, служившая общемою связью всему, заключалась въ томъ, что онъ былъ защитникомъ, оберегателемъ и властителемъ своей земли посредствомъ своей дружины. Ею онъ собиралъ дань съ подвластныхъ племенъ, держалъ ихъ въ повиновеніи и порядкѣ, охранялъ земли ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, расправлялъ предѣлы ихъ и собиралъ новую дань съ другихъ племенъ.

Такимъ образомъ дружина княжеская была главнымъ военнымъ орудіемъ власти князя. Первоначальный составъ и характеръ ея были чисто норманскіе. Ее составляли: весь родъ Рюрика и его братьевъ, прибывшій съ ними, и всѣ пришлые варяги-норманны. Она была совѣтомъ князя, а члены ея — товарищами, сподвижниками, постоянными собесѣдниками и сотрапезниками его. Они пользовались полною свободой поступать, какъ угодно, кромѣ службы, и пользовались полнымъ содержаніемъ отъ князя, для чего имѣли особенное право на участіе въ дани и военной добычѣ. Позже дружина стала болѣе и болѣе составляться изъ природныхъ славянъ и при Владимірѣ и Ярославѣ была уже почти вполне славянская. У каждаго изъ сыновей Владиміра и Ярослава, и даже у каждаго воеводы и знатнаго мужа, была уже своя собственная дружина. Въ дружинѣ княжеской почетнѣйшими и важнѣйшими были мужи княжін, позже воеводы (всеенные), бояре, посадники и пр. (гражданскіе и отчасти военные), отроки — ближайшіе къ князю люди при дворѣ (теремѣ) его и гридни — какъ полагаютъ — тѣлохранители его. При исчисленіи войскъ первыхъ русскихъ князей, лѣтописецъ на первомъ мѣстѣ всегда ставитъ варяговъ, т. е. пришлыхъ норманновъ-воиновъ, за ними — русь (какую? неизвѣстно; вѣроятно пришлую съ варягами) и затѣмъ уже туземныхъ славянъ разныхъ племенъ, сѣверныхъ и южныхъ. Въ числѣ варяговъ на первомъ мѣстѣ стояла собственная дружина княжеская, а на второмъ прочіе пришлые варяги. Послѣднихъ всегда было много, особенно въ Новгородѣ, и ихъ всегда можно было добывать изъ-за моря, сколько угодно. Но Владиміръ и особенно Ярославъ уже совершенно удалили ихъ, пняхъ въ ихъ страну, другихъ — въ Константинополь на службу греческихъ императоровъ. И съ тѣхъ поръ ихъ не призывали и не было болѣе на Руси.

Общее названіе всего войска, составленнаго изъ дружины, варяговъ и славянъ, было вои. Числительность воевъ опредѣлить невозможно: въ лѣтописяхъ говорится только — вои многи. Вообще ихъ было болѣе или менѣе, смотря по надобности, въ походахъ къ ближнимъ и мирнымъ племенамъ — менѣе, къ дальнимъ и чуждымъ

—болѣе, а въ Грецію — еще болѣе. Такъ, напримѣръ, въ походахъ въ Грецію было: у Аскольда 8 т., у Олега—гораздо болѣе, у Игоря—во 2-мъ походѣ болѣе, нежели въ 1-мъ, у Святослава—своихъ 10 т., да наемныхъ венгровъ, печенѣговъ и др. отъ 40 до 50 т. одно время въ Доростолѣ, у Ярослава на Бугѣ противъ Болеслава Храбраго въ 1018 г.—также отъ 50 до 60 т. Болѣе этого войскъ при первыхъ князьяхъ не встрѣчается, да и позже только у Андрея Боголюбскаго при осадѣ Вышгорода въ 1173 г. было отъ 50 до 60 т. войскъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что при первыхъ русскихъ князьяхъ славяне въ войскахъ ихъ служили болѣе по собственной охотѣ и изъ городского населенія, сельскіе же жители не отрывались отъ земледѣлія. И хотя съ ходомъ времени число славянъ въ княжескихъ дружинахъ постепенно увеличивалось, но до Владиміра главную силу составляли варяги и иноплеменные наемники: венгры и печенѣги (позже половцы).

Дружины княжескія были расселены: въ главномъ городѣ при великомъ князѣ и въ другихъ городахъ и поселеніяхъ подвластныхъ племенъ, при мужахъ княжихъ или ихъ намѣстникахъ и правителяхъ, и содержались собираемою съ нихъ данью и на войнѣ военною добычей. Позже, когда пришлые варяги начали сливаться съ туземными славянами, принимая ихъ нравы и обычаи, знатнѣйшіе изъ славянъ стали поступать въ составъ княжескихъ дружинъ, подъ славянскимъ названіемъ бояръ, имѣли свои боярскія дружины и своихъ боярскихъ отроковъ и пр. и были назначаемы княжескими намѣстниками и правителями, съ гражданскою и военною властію, а сыновья ихъ были принимаемы въ число княжескихъ отроковъ и гридней. Такимъ образомъ при Святославѣ уже стало образоваться, а при Владимірѣ и Ярославѣ вполне образовалось народное русское войско. Владиміръ и Ярославъ достигли верховной власти и утвердили ее за собою еще помощью наемныхъ варяжскихъ дружинъ, но затѣмъ распустили и болѣе не призывали ихъ, по причинѣ ихъ корыстолюбія и безпокойнаго, буйнаго нрава. Владиміръ уже составилъ свою многочисленную великокняжескую дружину преимущественно изъ природныхъ славянъ и лишь отчасти изъ ославянившихся и преданныхъ ему варяговъ. Ярославъ довершилъ это, а преемники его, хотя и призывали еще иногда наемныхъ варяговъ, но все рѣже и рѣже, и наконецъ обычай этотъ исчезъ на Руси, вмѣстѣ съ самымъ названіемъ варяговъ.

Въ удѣльномъ и монгольскомъ періодахъ (1054—1462) военное устройство Руси, образовавшееся при первыхъ русскихъ князьяхъ, какъ означено выше, продолжало развиваться далѣе, съ тѣми измѣненіями, которыя произвели въ нихъ время и обстоятельства, въ

особенности раздробленіе Руси на удѣлы, междуусобія князей и наконецъ—монгольское владычество.

Въ удѣльномъ періодѣ раздробленіе Руси отразилось и на военномъ устройствѣ ея. Каждый удѣльный князь имѣлъ свою дружину, своихъ бояръ, отроковъ и пр., подобныхъ великокняжескимъ. Съ конца XII вѣка, со временъ великаго князя Андрея Боголюбскаго (1157—1167), дружина княжеская стала называться дворомъ (отъ слова дворъ—теремъ или дворецъ княжескій), а служившіе въ ней—дворянами (прежніе отроки и гридни). Боярскіе же отроки съ XII вѣка стали называться дѣтьми боярскими. Число дворянъ и боярскихъ дѣтей постепенно увеличивалось и вскорѣ тѣ и другіе составили многочисленное военное сословіе. Прежнихъ же наемныхъ варяговъ замѣнили наемныя же дружины печенѣговъ, половцовъ, торковъ, берендеевъ, черныхъ клобуковъ, бродниковъ и иныхъ кочевниковъ низовій Днѣпра и Дона, большею частію тюркскихъ племенъ, равно венгровъ и поляковъ. Нѣкоторые изъ торковъ и берендеевъ были поселены на земляхъ, розданныхъ имъ на границахъ княжествъ тмутараканскаго, переяславскаго, кіевскаго и черниговскаго, и вмѣсто поземельныхъ податей были обязаны охранять границы и защищать ихъ отъ набѣговъ внѣшнихъ враговъ. Бродниками и черными клобуками назывались разноплеменные бродяги, въ XII и XIII вѣкахъ кочевавшіе между Дономъ и Волгой и служившіе всякому, кто давалъ имъ больше денегъ. А князья юго-западной Руси, особенно галицкіе въ XIII вѣкѣ, во времена наибольшаго силы и славы галицкаго княжества, нанимали временно или содержали постоянно въ своей службѣ дружины поляковъ, чеховъ и особенно венгровъ.

Въ случаяхъ особенной важности, въ войнахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, княжескія дружины были иногда усиливаетъ большимъ или меньшимъ, смотря по обстоятельствамъ, числомъ городскихъ и сельскихъ жителей, съ согласія и по приговору народныхъ вѣчъ. Но вооруженіе горожанъ случалось рѣдко, а сельскихъ жителей—еще рѣже, и войны внутреннія и внѣшнія были ведены преимущественно княжескими и иноплеменными наемными дружинами.

Подъ владычествомъ монголовъ въ военномъ устройствѣ произошло значительныя измѣненія. Дворяне и боярскія дѣти уже рѣшительно образовали многочисленное военное сословіе и главную, лучшую часть военныхъ силъ Руси. Внѣшнія и внутреннія войны уже были ведены княжескими, городскими и областными дружинами, соединеніе которыхъ въ одно цѣлое называлось ратью (арміей), а войны ратниками. Въ междуусобныхъ войнахъ князья часто призывали монголовъ, а въ случаяхъ нашествій послѣднихъ, сверхъ княжес-

кихъ, городскихъ и областныхъ дружинъ, нерѣдко производилось уже общенародное вооруженіе, т. е. и горожанъ, и поселянъ, чего прежде не бывало. Отъ того числительная сила русскихъ ратей въ 1-й половинѣ монгольскаго періода (1243—1353) нерѣдко уже была гораздо значительнѣе, нежели при первыхъ русскихъ князьяхъ и въ удѣльномъ періодѣ, никогда впрочемъ не превосходя 150 т. войскъ.

Самою воинственною эпохой древней Руси былъ безспорно періодъ первыхъ русскихъ князей. И въ удѣльномъ періодѣ Русь, хотя и раздробленная и раздираемая междоусобіями князей, была еще чрезвычайно воинственна и нерѣдко грозна противъ сосѣднихъ народовъ на сѣверѣ, западѣ и югѣ. Въ обоихъ этихъ періодахъ, духъ высшаго и военного сословія былъ по преимуществу воинственный, славолубивый, военныя сословіе и званіе—почетнѣйшимъ, доставлявшимъ и славу, и добычу, и еще болѣе—силу и значеніе въ обществѣ. Но противъ нашествія монголовъ Русь оказалась слабою, а подъ тяжкимъ игомъ монгольскимъ, терзаемая внутри междоусобіями, извнѣ монголами, шведами, ливонскими рыцарями, литовцами, поляками и венграми, утратила, вообще говоря, прежніе свои воинственные духъ и характеръ. Военное званіе не было унижено, но и не было уже столь почетнымъ, сколько прежде. Князья хитростію и раболѣпствомъ предъ монголами искали достигать того, что прежде пріобрѣтали силою оружія и съ большею славой, а въ войнахъ съ страшными для нихъ монголами помышляли уже только о томъ, чтобы удержать, отразить ихъ или пасть христіанскими мучениками. Только Новгородъ и Псковъ въ сѣверной Руси, сохранившіе неприкосновенными свои льготы, права и любовь къ свободѣ и независимости, и галицкое княжество въ югозападной Руси временно при мужественномъ Даниилѣ, являли въ полныхъ блескѣ и силѣ воинственный духъ, доблести и славу временъ предшествовавшихъ.

§ 14.

Роды войскъ, вооруженіе и число ихъ.

До монголовъ главнымъ родомъ войскъ была пѣхота. При первыхъ русскихъ князьяхъ войска служили и сражались всегда пѣшими, но сами князья, дружинники, витязи, воеводы, бояре, знатные и богатые люди—на коняхъ. Въ 971 году, во время похода Святослава въ дунайскую Болгарію, при осадѣ Доростола, часть войскъ Святославовыхъ произвела вылазку на коняхъ. Это былъ первый и неудачный опытъ коннаго дѣйствія: русскіе всадники, непривыкшіе къ

бздѣ на коняхъ и не умѣя управлять ими, не могли устоять противъ превосходной греческой конницы и были легко опрокинуты и разсѣяны ею. Но со временъ Владиміра І число конныхъ воиновъ стало уже постепенно увеличиваться, особенно въ удѣльномъ періодѣ, при безпрестанныхъ столкновеніяхъ руссовъ съ южными сосѣдями ихъ — народами тюркскаго племени и венграми, сражавшимися на коняхъ. Уже при Владимірѣ І воинственные витязи дружины его, военачальники и лица высшаго сословія сражались не иначе, какъ на коняхъ, а въ удѣльномъ періодѣ были уже и особыя конныя дружины, большею частію иноплеменные (преимущественно половецкія и венгерскія). Русской конницы сначала было мало, потому что содержать ее было дорого и трудно. Но съ ходомъ времени, особенно при монголахъ, число ея, отчасти по необходимости, а отчасти изъ подражанія монголамъ, стало быстро увеличиваться и вскорѣ конница сдѣлалась главнымъ и многочислѣннѣйшимъ родомъ войскъ; пѣхота же уступала ей и числомъ, и добротой, состоя, при общенародномъ вооруженіи, изъ плохо вооруженныхъ и устроенныхъ горожанъ и поселянъ, и начала быть употребляема преимущественно для обороны и осады городовъ.

Касательно вооруженія войскъ должно сказать, что съ пришествіемъ первыхъ князей число желѣзнаго и кованаго оружія увеличилось, а употребленіе его распространилось. Такого рода оружіе пріобрѣталось либо путемъ торговымъ отъ франковъ, изъ Греціи и халифата, либо добычей и грабежомъ. При первыхъ русскихъ князьяхъ войска были, подобно германцамъ и другимъ народамъ сѣверной Европы, вооружены сѣкирами, топорами, большими, прямыми, простыми или обоюду-острыми мечами, ножами, длинными копьями, луками и стрѣлами. Оборонительное вооруженіе ихъ составляли: кольчужныя брони, остроконечныя шлемы (у князей и знатныхъ людей раззолоченныя и богато украшенныя) съ кольчужными сѣтками, опускавшимися на лицо и плеча, и большіе, часто во весь ростъ, деревянные, снаружи красные (червленые) щиты. При оборонѣ городовъ были также метаемы (вѣроятно пращами) каменья. Въ удѣльномъ періодѣ руссы въ вооруженіи многое заимствовали отъ сосѣднихъ на югѣ народовъ тюркскаго племени, между прочимъ кривыя сабли и кинжалы, которые сдѣлались уже неперемѣннымъ оружіемъ каждаго коннаго воина, между тѣмъ какъ большіе и прямые мечи были преимущественно оружіемъ пѣхоты, а копье, лукъ и стрѣлы—общимъ оружіемъ какъ пѣхоты, такъ и конницы. Но одни пѣшіе воины были исключительно назначены для дѣйствія копьями и мечами въ рукопашномъ бою, а другіе—для стрѣльбы изъ луковъ

издали. Поэтому пѣхота и раздѣлялась на копейщиковъ и лучниковъ или стрѣлковъ.

Подъ владычествомъ монголовъ прежнее вооруженіе сохранилось въ нѣкоторыхъ частяхъ, но азіатское пріобрѣло рѣшительный перевѣсъ и сдѣлалось главнымъ, отличительнымъ. Относя успѣхи монголовъ къ устройству, вооруженію и образу дѣйствій этого народа, руссы старались подражать имъ. Слѣдствіемъ этого было то, что вооруженіе русскихъ войскъ мало по малу сдѣлалось почти совершенно монгольскимъ или, по крайней мѣрѣ, получило большое сходство съ нимъ и долго сохраняло этотъ характеръ, съ нѣкоторыми заимствованіями и отъ сосѣднихъ на сѣверѣ и западѣ шведовъ, ливонскихъ рыцарей, поляковъ и венгровъ. Вообще въ первой половинѣ монгольскаго періода нападательное оружіе состояло частію изъ метательнаго: малыхъ и большихъ луковъ и стрѣлъ (саадаковъ и самострѣловъ) и преимущественно изъ рукопашнаго: палицъ (ослоповъ), мечей: прямыхъ, простыхъ или обоюдоострыхъ, кривыхъ сабель, пожей, кинжаловъ, копій: длинныхъ и короткихъ (сулицъ, дротовъ), сѣкиръ и топоровъ. Самострѣлами бросались большія стрѣлы, а иногда и каменья. Самострѣлы употреблялись единственно при оборонѣ городовъ. Оборонительное вооруженіе состояло изъ брони или доспѣха, кольчатаго или досчатого металлическаго, прикрывавшаго туловище, руки и ноги, изъ шлемовъ желѣзныхъ и мѣдныхъ съ опускаемыми кольчужными сѣтками и изъ щитовъ плоскихъ или выпуклыхъ и большею частію круглыхъ.

Вообще въ продолженіи всего періода отъ пришествія первыхъ русскихъ князей до монголовъ вооруженіе русскихъ войскъ было довольно простое, малосложное и необременительное. Мечъ, копьѣ, лукъ, стрѣлы и щитъ составляли главные и общіе виды его. Въ вооруженіи войскъ было большое разнообразіе; всякій вооружался какъ и чѣмъ могъ: простые воины бѣднѣе, проще и хуже, знатные и богатые люди—богаче, сложнѣе и лучше. Тяжелыя: оружіе и вооруженіе хранились въ княжескихъ оружейныхъ складахъ и передъ выступленіемъ въ походъ выдавались воинамъ княжескихъ дружинъ, позже дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ, или были доставляемы на сборное мѣсто, либо, для облегченія воиновъ, перевозились за ними, до встрѣчи съ непріятелемъ, на подводахъ, или же сплавлялись по рѣкамъ на судахъ. По окончаніи же похода они снова отбирались и складывались въ оружейные склады. До монголовъ князья и бояре раздавали также, подобно оружію, и коней изъ собственныхъ своихъ табуновъ. При монголахъ же, съ увеличеніемъ числа конницы, лошадей въ нее были обязаны давать поселяне, либо каждый, служившій въ полевомъ конномъ войскѣ, долженъ былъ самъ снабжать себя

конемъ, а если не имѣлъ средствъ къ тому, то былъ записываемъ въ городовую (пѣшую) службу.

Русскія войска имѣли съ древнѣйшихъ временъ стяги (знамена) и военную музыку. Стяги до введенія христіанской вѣры состояли изъ грубыхъ изваяній языческихъ истукановъ, на длинныхъ древкахъ, и были такими же священными предметами и пользовались такимъ же уваженіемъ, какъ и самые эти истуканы, въ капищахъ которыхъ и хранились въ мирное время. Иногда, вмѣсто этихъ изваяній, на древкахъ носились изваянія какихъ-либо звѣрей, чудовищъ и т. п. По введеніи же христіанской вѣры, стяги состояли изъ носимыхъ на древкахъ, большихъ знаменъ съ изображеніемъ лицъ Спасителя, Божіей Матери или святыхъ и имѣли еще бѣльшую важность, нежели прежніе языческіе. Войска строились и сражались обыкновенно вокругъ своихъ стяговъ (отчего ставить стягъ значило строиться или готовиться къ бою) и безъ нихъ ни въ походъ не выступали, ни боя не начинали. Сколько извѣстно, каждая дружина и каждая часть войскъ имѣли одинъ большой, главный и нѣсколько меньшихъ стяговъ. Въ XIV же вѣкѣ упоминается о стягахъ великихъ (великокняжескихъ), которые въ бою помѣщались въ срединѣ войска подъ защитою дворянъ.

Воепную музыку составляли рога, трубы, бубны или накры (родъ ручной литавры, въ которую ударяли плетью съ ремненнымъ клубомъ или шаромъ) и сопѣли (дудки или свирѣли). Войска строились для боя и начинали бой обыкновенно при звукахъ этихъ военныхъ музыкальныхъ орудій.

§ 15.

Строй и образъ дѣйствій войскъ.

При первыхъ русскихъ князьяхъ строй и образъ дѣйствій войскъ въ бою имѣли тотъ же характеръ, что у норманновъ. Войска сражались пѣшими, въ длинномъ и глубокомъ строѣ, часто клинообразномъ (по тогдашнему выраженію — свиньей), дѣйствуя рукопашнымъ оружіемъ (мечами и копьями) болѣе, нежели метательнымъ (стрѣлами) въ разомкнутомъ или разсыпномъ строѣ. Все войско раздѣлялось уже на середину и два крыла; въ срединѣ становились всегда княжескія дружины и варяги. Передъ вступленіемъ въ бой производили общій и громкій боевой крикъ и затѣмъ князь первый съ своею дружиной открывалъ бой рукопашнымъ дѣйствіемъ; за нимъ бросались всѣ прочія войска и, послѣ перваго удара копьями, руби-

лись мечами (у летописцовъ—сѣклись мечами, съ ожесточеніемъ, схватясь за руки). Побѣду рѣшали превосходство числительное, тѣлесной силы, ловкости владѣнія оружіемъ и особенно мужества и храбрости. Нерѣдко употреблялись военныя хитрости, засады и т. п. Въ походахъ по рѣкамъ, войска часто вытаскивали суда свои на берега и несли ихъ на себѣ (на переволокахъ, порогахъ и т. п.), а одинъ разъ, въ походѣ къ Константинополю, если вѣрить византійскимъ летописцамъ, ѣхали въ своихъ ладьяхъ по землѣ и по вѣтру на парусахъ и каткахъ. Любимымъ пристанищемъ въ сплавахъ или рѣчныхъ походахъ были острова, гдѣ учреждались временныя станы.

Въ удѣльномъ періодѣ руссы въ строѣ и образѣ дѣйствій войскъ въ бою заимствовали уже многое отъ сосѣднихъ народовъ, особенно—тюркскаго племени, равно и отъ венгровъ. Войска сражались уже и пѣшими, и конными, въ сомкнутомъ строѣ и въ разсыпную, дѣйствуя и рукопашнымъ оружіемъ, и метательнымъ издалека, производя сильную стрѣльбу изъ луковъ, и съ ходомъ времени постепенно болѣе и болѣе прибѣгая, по примѣру азіятскихъ народовъ, къ дѣйствию копьемъ, саблею и лукомъ съ коня.

Со времени же покоренія Руси монголами, строй и образъ дѣйствій русскихъ войскъ пріобрѣли уже почти совершенно монгольскій или азіятскій характеръ. Войска сражались уже почти исключительно конными, стрѣляя изъ луковъ, въ строѣ разомкнутомъ или разсыпномъ, то наступая, то отступая, либо дѣйствуя рукопашнымъ оружіемъ въ сомкнутомъ глубокомъ строѣ, стараясь побѣдить числительнымъ превосходствомъ силъ, военными хитростями, скрытностью дѣйствій и внезапностью нападеній болѣе, нежели искусствомъ, держась по близости городовъ болѣе, нежели въ открытомъ полѣ, и чаще прежняго прибѣгая къ усиленію расположенія и дѣйствій своихъ мѣстностью и искусственными препятствіями. Вліяніе монгольское или азіятское не распространялось однако на строй и образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ сѣверной, западной и юго-западной Руси, по крайней мѣрѣ въ такой сильной степени, какъ въ восточной и южной. Весьма вѣроятно, что въ строѣ и образѣ дѣйствій войскъ руссы многое заимствовали: въ сѣверной Руси—у шведовъ и ливонскихъ рыцарей, а въ западной и юго-западной—у сосѣдей своихъ, поляковъ и венгровъ.

Порядокъ движеній и дѣйствій русскихъ войскъ въ полѣ, въ древнія времена, вообще представляетъ слѣдующія главныя черты:

Собравшись на назначенномъ сборномъ мѣстѣ вокругъ своихъ стяговъ, войско выступало въ походъ, предшествуемое сторожками или передовою стражей, развѣдывавшею о дорогахъ и непріятелѣ, добывавшею языковъ или плѣнныхъ и обезпечивавшею главное вой-

ско отъ внезапнаго нападенія непріятеля. За войскомъ слѣдовали на повозкахъ и вьючномъ скотѣ, либо сплавлялись по рѣкамъ на судахъ, тяжести: продовольственные запасы, имущество князей, военачальниковъ и знатныхъ людей, иногда и тяжелыя: оружіе и вооруженіе воиновъ. На походѣ войско располагалось станами, окружая себя повозками или тыномъ и обезпечивая себя вблизи отъ непріятеля стражами, дозорами и тому подобными предосторожностями. Приближаясь къ непріятелю или встрѣтаясь съ нимъ, войско вооружалось сполна и ставило стяги, т. е. строилось для боя, одни дружины въ серединѣ, другія по крыламъ, иныя въ тылу для поддержанія, либо, что часто случалось, особенно въ монгольскомъ періодѣ, скрытно въ засадѣ. Иногда оба противныя войска, построясь, немедленно вступали въ бой, а иногда долгое время оставались одно противъ другаго въ бездѣйствіи, только взаимно тревожа другъ друга частными дѣйствіями и стычками, доколѣ какое-либо особенное обстоятельство или необходимость не вовлекали ихъ въ общій бой. Иногда одно либо оба войска располагались оборонительно, усиливая себя мѣстностью или искусственными препятствіями. Бой начинали обыкновенно стрѣлки, затѣмъ конные воины и копейщики производили стремительный натискъ и вступали въ рукопашный бой. Стрѣлки и конные воины дѣйствовали вѣроятно въ разсыпномъ или разомкнутомъ строѣ, для болѣе свободы въ дѣйствіяхъ каждаго стрѣлка и всадника, копейщики же—въ сомкнутомъ, глубокомъ строѣ (фалангой). Иногда употреблялись притворныя отступленія, ложныя движенія, обходы и нападенія съ боку и тыла, открытыя или изъ засадъ. Иногда нападавшее войско старалось даже охватить и окружить со всѣхъ сторонъ непріятеля. Побѣду рѣшалъ обыкновенно рукопашный бой, а въ немъ—превосходство числа, личныхъ мужества и храбрости, силы и ловкости тѣлесныхъ, нерѣдко внезапныя нападенія съ боку или тыла, обходомъ или изъ засадъ, а иногда и искусныя распоряженія главнаго предводителя или дружины, согласныя движенія и дѣйствія войскъ. По свойству оружія и образу дѣйствій войскъ, сраженія почти всегда оканчивались совершеннымъ пораженіемъ одной изъ двухъ сторонъ, плѣненіемъ и разсѣяніемъ всѣхъ или болѣе части ея войскъ. Одержавъ побѣду, побѣдители оставались обыкновенно нѣсколько дней на полѣ сраженія (по выраженію лѣтописей—на костяхъ) торжествовать ее, но иногда преслѣдовали разбитаго непріятеля всѣми силами до послѣдней крайности.

§ 16.

Внутреннее устройство и духъ войскъ.

Великій князь былъ, какъ уже сказано выше, верховнымъ вождемъ народа и предводителемъ вооруженныхъ силъ его. Но во время удѣльныхъ междуусобій право это ослабѣло, и великій князь былъ уже только главнымъ предводителемъ дружинъ своихъ великокняжескихъ и союзныхъ съ нимъ удѣльныхъ князей. Въ союзахъ же послѣднихъ противъ великихъ князей, право верховнаго предводительствованія принадлежало старшему въ родѣ удѣльному князю.

Подъ верховнымъ предводительствомъ великихъ и старшихъ удѣльныхъ князей войсками начальствовали младшіе удѣльные князья и частные военачальники: воеводы, тысяцкіе, головы, сотскіе или сотники, десятскіе или десятники. Высшимъ военнымъ и вмѣстѣ дворovýmъ (или придворнымъ) званіемъ былъ санъ воеводы, со временъ Владиміра I ставшій наградой за особенныя военныя отличія и заслуги. Каждый удѣльный князь, каждый городъ имѣли, подобно великому князю, своихъ воеводъ, которые въ военное время были военачальниками, а въ мирное — совѣтниками, намѣстниками, правителями князей, соединяя съ военною властію гражданскую. Званіе тысяцкаго означало второстепеннаго воеводу, преимущественно городского (въ городахъ), а званія головъ, сотниковъ и десятниковъ — низшихъ, подчиненныхъ военачальниковъ. Простые же воины назывались ратниками. Вообще должно сказать, что военное чиновначаліе было немногосложно и необширно, но тѣсно соединено съ дворovýmъ и гражданскимъ и потому неопредѣленно. Неизвѣстно, имѣли-ли войска какое-либо постоянное, опредѣленное раздѣленіе. Сколько изъ лѣтописей видно, соединеніе воиновъ одной области или одного города называлось вообще дружиной, а соединеніе нѣсколькихъ дружинъ — ратью, иногда полками. Дружины, рати и полки носили названія своихъ областей или городовъ.

При первыхъ русскихъ князьяхъ княжескія дружины получали отъ своихъ князей полное содержаніе, т. е. одежду, вооруженіе, коней и продовольствіе. Средствами содержанія какъ княжескихъ дружинъ, такъ и самихъ князей, были собираемая съ подвластныхъ или покоряемыхъ племенъ дань и пріобрѣтаемая отъ непріятеля военная добыча: и ту, и другую князья дѣлили съ своими дружинами. Впослѣдствіи войска должны были выступать въ походъ съ собственнымъ продовольствіемъ, а на войнѣ добывать его сами, отъ чего, какъ и всюду въ это время, война была сопряжена съ грабежомъ и

опустошеніемъ края, и нерѣдко войска терпѣли нужду и голодъ, а въ военныхъ дѣйствіяхъ происходили замедленія и неудачи. Жалованье или условленную плату получали, кажется, только наемныя иноплемennыя дружины. Но иногда, вмѣсто жалованья или въ видѣ наградъ за отличія и заслуги, князья раздавали помѣстья или участки земли, съ условіемъ нести военную службу, безъ всякихъ опредѣленныхъ на то правилъ. Такъ, напримѣръ, хазары, торки, берендеи и друг. были поселены, какъ сказано выше, на границахъ княжествъ тмутараканскаго, переяславскаго, кievскаго и черниговскаго, съ обязанностью защищать эти границы.

Военныя тяжести и обозы были, кажется, довольно многочисленны, особенно со времени покоренія Руси монголами, когда князья и высшіе военачальники стали окружать себя азіятскою пышностью и имѣли при себѣ въ походѣ большое число слугъ, заводныхъ и вьючныхъ лошадей и повозокъ для перевозки оружія, продовольствія, ставокъ и т. п. Первые русскіе князья, безпрестанно совершая съ своими дружинами походы внутри страны для собиранія дани, были всегда обременены большими тяжестями, сплавляемыми по рѣкамъ. Оттого-то Святославъ, не обременявшій себя ими, и отличался необыкновенною быстротою движеній (ходя, по словамъ лѣтописца, аки пардусъ, т. е. какъ леопардъ).

Неизвѣстно также, былъ-ли огражденъ особыми законами воинскій порядокъ въ войскахъ. Вѣроятно однако во 1-хъ, что если особыхъ письменныхъ законовъ съ этою цѣлію и не было, то существовалъ обычай, заступавшій мѣсто ихъ, — во 2-хъ, что до монголовъ важнѣйшія военныя преступленія наказывались смертію, а болѣе легкія—различнаго рода пенями или окупомъ, по общимъ законамъ гражданскимъ и уголовнымъ, — и въ 3-хъ, что при монголахъ тѣлесныя наказанія введены и въ войска, смертію казнили чаще прежняго и вообще наказанія стали строже и даже жестоки. Въ награду же за военныя отличія и заслуги князья жаловали золотыя гривны (медали), цѣпи и кресты, носимые на груди, оружіе, доспѣхи, коней и возводили въ санъ бояръ, воеводъ и въ другія дворовыя, военныя и гражданскія званія, раздавали помѣстья или участки земли въ полное, безусловное владѣніе и т. п., а войскамъ давали иногда, послѣ одержанной побѣды или по удачномъ окончаніи похода, награды денежныя и иныя, по своему благоусмотрѣнію, оставляли имъ взятую добычу и т. п.

Участь военноплѣнныхъ вообще была тягостная. Плѣнники (иноплемennые), взятые на войнѣ, были большею частію обращаемы или продаваемы въ рабство, нерѣдко даже безчеловѣчно умерщвляемы. Иногда ими заселяли малолюдныя области, либо размѣнивали при

заключеніи мпра, либо брали за нихъ выкупъ, часто весьма значительный, и т. п.

Что касается духа русскихъ войскъ, то во всѣ времена и во всѣхъ случаяхъ безъ различія они отличались мужествомъ и храбростью, твердостью и терпѣніемъ, съ которыми умѣли переносить труды, лишенія и опасности, простотою, даже суровостью въ образѣ жизни, и если, по духу времени и общему въ то время обычаю, вели войну съ жестокостью, грабя жителей и опустошая край, то съ другой стороны искупали это постоянными вѣрностью и преданностью своимъ князьямъ и начальникамъ, и не помрачали себя буйствомъ и своеволіемъ, которымъ предавались большею частію войска ино-племенные, наемныя.

§ 17.

Укрѣпленіе, атака и оборона становъ и городовъ.

Русскія войска, особенно при монголахъ, часто укрѣпляли станы свои либо усиливали расположеніе свое въ полѣ — валами, рвами, кольями, тыномъ, плетнемъ, повозками, иногда даже деревянными стѣнами или срубамъ. Эти полевые укрѣпленія назывались острѣками, острогами, городками. Для прикрытія и защиты границъ отъ набѣговъ печенѣговъ, половцовъ, литовцовъ, позже—монголовъ и другихъ хищныхъ народовъ, иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлались (уже со временъ Владиміра I) засѣки въ лѣсахъ.

Городки (или крѣпостцы), которые русскіе князья срубали для помѣщенія въ нихъ гарнизоновъ, долженствовавшихъ содержать окрестныхъ жителей въ повиновеніи, собирать съ нихъ дань и защищать ихъ отъ нападеній внѣшнихъ враговъ, состояли изъ деревянныхъ стѣнъ, срубленныхъ изъ толстаго лѣса, со рвами и валами впереди. Такого же рода городки и съ тою же цѣлію, а сверхъ того и для защиты границъ отъ печенѣжскихъ набѣговъ, Владиміръ I построилъ по рѣкамъ: Деснѣ, Сулѣ, Острѣ, Стугнѣ и Трубежу. Ярославъ I и князья удѣльнаго періода продолжали строить новые и вновь укрѣплять старые города, и такимъ образомъ передъ нашествіемъ монголовъ, какъ внутри страны, такъ и на границахъ ея, было уже довольно большое число городовъ, укрѣпленныхъ слѣдующимъ, болѣе или менѣе общимъ способомъ: укрѣпленія городскія состояли, какъ у грековъ, изъ внѣшней или наружной крѣпости (окольнаго града или острога) и внутренней или цитадели (днѣшняго, т. е. внутренняго града, дѣтница или вышгорода,

позже кремля). Последняя была большею частью располагаема на высокомъ, господствовавшемъ надъ городомъ и окрестностями и неудободоступномъ мѣстѣ. Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя крѣпости были окружаемы деревянными стѣнами съ деревянными же башнями и съ глубокими рвами и тыномъ впереди. Стѣны (у лѣтописцевъ заборы) состояли изъ двойнаго ряда срубовъ или толстыхъ бревенъ, между которыми насыпали землю и камень. Онѣ были обыкновенно весьма высоки, совершенно закрывая городскія зданія. Башни, вежи или стрѣльницы, устроенныя въ разныхъ мѣстахъ по стѣнамъ, были четырехугольныя, съ кровлями или безъ нихъ, снабженныя бойницами, черезъ которыя производилась стрѣльба изъ самострѣловъ и луковъ, между тѣмъ какъ съ вершинъ башенъ металась большія тяжести и камень. Для предохраненія стѣнъ и башенъ отъ огня, ихъ иногда обкладывали дерномъ. Такимъ образомъ укрѣплены были Кіевъ (въ XII вѣкѣ), Москва (въ 1339 году) и почти всѣ другіе большіе города. Южные пограничные города были укрѣпляемы нѣсколько иначе. Ихъ окружали землянымъ валомъ, впереди котораго, въ небольшомъ разстояніи, былъ другой наружный, а пустое пространство между ними (болонье) служило убѣжищемъ для окрестныхъ сельскихъ жителей и ихъ стадъ, равно для загородныхъ строеній и проч. Наружный валъ и находившаяся на немъ стража обезпечивали городъ отъ внезапнаго нападенія.

Съ первой половины XIV вѣка большіе или важнѣйшіе города начали быть обводимы, вмѣсто деревянныхъ, каменными стѣнами. Впрочемъ нѣкоторые изъ городовъ были обведены ими и ранѣе (напримѣръ Новгородъ и Ладога при Владимірѣ Мономахѣ въ XII вѣкѣ).

Русскія войска брали города преимущественно открытою силой или приступомъ (копьемъ), внезапнымъ нападеніемъ, либо хитростью. Если же городъ былъ слишкомъ сильно укрѣпленъ и хорошо обороняемъ и невозможно было взять его ни однимъ изъ означенныхъ способовъ, то его облагали и голодомъ принуждали къ сдачѣ либо осаждали и брали силой. Для этого войска окружали городъ валомъ, или располагались противъ него въ острогѣ или укрѣпленномъ станѣ, изъ котораго уже производили нападенія и вели осаду, а именно: приближались къ городскимъ стѣнамъ, прикрывая себя щитами, земляными насыпями и т. п., а приблизясь ко рву, высылали впередъ воиновъ съ топорами для срубки тына и съ горючими веществами и огнемъ для зажженія башенъ и стѣнъ. Срубивъ тынъ, осаждавшіе засыпали ровъ землею и присыпали землю къ стѣнамъ, чтобы удобнѣе взойти на нихъ (что называлось спомъ или приспомъ, отъ словъ сыпать и присыпать), либо подкапывались подъ стѣны, чтобы разрушить ихъ или проникнуть во внутренность города, либо

подкатывали къ стѣнамъ башни съ стрѣлками и метательными орудіями и стѣнобитныя орудія: тараны, возграды и порѣки, для разбитія стѣнъ. Всѣ эти работы производились подъ прикрытіемъ сильныхъ стрѣльбы изъ луковъ и дѣйствія метательныхъ орудій, самострѣловъ и тюфяковъ, метавшихъ большія стрѣлы, и пускичей или пушекъ, метавшихъ каменья. Срубивъ тынъ, засыпавъ ровъ, сдѣлавъ къ стѣнамъ присыпъ, зажегши либо разбивъ городскія стѣны и башни, брали городъ приступомъ, всходя на стѣны по лѣстницамъ или по присыпу, либо вторгаясь въ него черезъ проломъ.

Всѣмъ вышеозначеннымъ работамъ и дѣйствіямъ осаждавшихъ оборонявшіеся противудѣйствовали сильными стрѣльбою изъ луковъ и метаніемъ большихъ стрѣлъ и каменьевъ изъ метательныхъ орудій, вылазками, разрушеніемъ осадныхъ работъ, нападеніемъ на рабочихъ и прогнаніемъ ихъ, а иногда (какъ при осадѣ Херсона Владиміромъ I въ 988 г.), подкопавшись подъ городскую стѣну, уносили въ городъ присыпанную осаждавшими къ стѣнѣ землю, и т. п.

Русскіе стрѣлки изъ лука, отличавшіеся чрезвычайно мѣткою стрѣльбой, которой удивлялись и иноплеменники, много способствовали успѣхамъ осады и обороны городовъ.

Вообще искусство укрѣплять, осаждать и оборонять станы и города у руссовъ въ этомъ періодѣ имѣло почти тотъ же характеръ и находилось почти на такой же степени, какъ и въ западной Европѣ, уступая только, какъ и въ этой послѣдней, искусству въ томъ грековъ.

§ 18.

Состояніе военного дѣла вообще.

Изъ всего изложеннаго выше можно заключить, что военное устройство въ древней Руси въ этомъ періодѣ имѣло совершенно своеобразные видъ и характеръ, существенно отличные не только отъ современнаго западно-европейскаго, но даже и отъ того, которое развилось и установилось у южныхъ и особенно у западныхъ славянъ. Первоначально чисто-норманскій характеръ его съ ходомъ времени сталъ постепенно болѣе и болѣе сливаться съ кореннымъ славянскимъ и уже со временъ Владиміра I и Ярослава I сдѣлался чисто-русскимъ и оставался такимъ въ главныхъ основаніяхъ и чертахъ даже въ монгольскомъ періодѣ. Но въ этомъ послѣднемъ военное устройство Руси въ частности стало многое заимствовать изъ

военнаго устройства монголовъ и, къ сожалѣнію, не въ томъ, что въ немъ, по законамъ Чингисъ-хана (см. ниже), было лучшаго.

Что касается военнаго дѣла въ древней Руси, то до Владиміра І оно имѣло преимущественно норманскій характеръ, а съ Владиміра І и особенно Ярослава І и послѣ него до монголовъ -- своеобразный, славяно-русскій, болѣе или менѣе схожій съ общимъ въ западной Европѣ. Но со времени покоренія Руси монголами, и оно также постепенно стало принимать характеръ монголо-азіатскій, хотя въ основѣ своей продолжало сохранять славянско-русскія черты, какъ подробнѣе изложено будетъ въ своемъ мѣстѣ ниже.

ГЛАВА III.

СОВРЕМЕННЫЕ СОСѢДНИЕ НАРОДЫ ВЪ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПѢ И ВЪ АЗІИ.

§ 19. Финны и литовцы. — § 20. Поляки. — § 21. Венгры. — § 22. Камско-вожскіе болгары. — § 23. Хазары. — § 24. Печенѣги. — § 25. Половцы. — § 26. Дунайскіе болгары. — § 27. Монголы.

§ 19.

Финны и литовцы.

Въ эпоху перваго зарожденія на сѣверѣ и потомъ основанія на югѣ русскаго государства, къ сѣверу, востоку и югу отъ восточныхъ славянъ обитали народы финскаго, литовскаго и тюркскаго племенъ. На сѣверѣ и сѣверовостокѣ особенно многочисленны были финскія племена, которыхъ восточные славяне называли вообще чудью. Финскія племена были извѣстны еще древнимъ грекамъ и римлянамъ, а въ среднихъ вѣкахъ—западнымъ и восточнымъ писателямъ. Несторъ называетъ изъ числа ихъ весь на Бѣлоозерѣ, мерю на Ростовскомъ и Клещинномъ озерахъ, мурому, черемису и мордву по Окѣ, и говоритъ, что они, равно чудь, пермь, печера, ямь и ливь, платили дань Руси. Восточные писатели сообщаютъ свѣдѣнія о финскихъ племенахъ: вису (вѣроятно веси), юрѣ (югрѣ), артѣ (или мордовскомъ племенѣ эрзѣ), буртасахъ (между Окой и Волгой) и мадяхъ (венграхъ). Послѣдніе, финскаго или родственнаго ему племенѣ, жили первоначально между Волгою, Камою, Тоболомъ и верховьями Яика и, тѣснимые печенѣгами, въ 884 г. переселились на сѣверъ отъ Азовскаго моря, въ зависимости отъ хазаровъ, а оттуда въ нынѣшнія Бессарабію и наконецъ Венгрію. О нихъ говорится особенно ниже. Весь сѣверовостокъ Европы

былъ извѣстенъ подъ общимъ названіемъ Біарміа, которая была населена народами финскаго племени по сю и по другую сторону Уральскаго хребта, до самаго Сѣвернаго моря.

Объ общественномъ и военномъ устройствѣ финскихъ племенъ положительныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что они жили въ разрозненности племеннаго быта, были грубые язычники, народъ полудикій, отчасти занимавшійся земледѣліемъ, большею же частію звѣриною охотой, рыболовствомъ и т. п., и не славились ни успѣхами общественной жизни, ни завоеваніями. Изъ нихъ сосѣдніе съ восточными славянами подчинились ихъ вліянію, а потомъ были покорены первыми русскими князьями и постепенно слились съ славяно-руссами.

Литовскія племена, пруссы, корсы, ливы, эсты, летгола, литва, зимгола, жмудь и др., жившія къ сѣверо-западу отъ восточныхъ славянъ, стояли, въ общественномъ отношеніи, не выше финскихъ племенъ, а нѣкоторые даже и ниже ихъ по своей дикости и грубости, даже до XII вѣка. Въ своихъ дремучихъ лѣсахъ и среди обширныхъ болотъ они жили небольшими, разрозненными племенами управляемые своими князьками, въ простотѣ и суровости нравовъ первобытныхъ народовъ и въ грубомъ идолопоклонствѣ. Самымъ передовымъ, ближайшимъ къ восточнымъ славянамъ племенемъ ихъ были голяды на р. Протвѣ. Въ нын. же Гродненской губерніи жило крайне дикое и грубое племя ятвяговъ, которыхъ иные причисляютъ также къ литовскому племени, а другіе считаютъ остатками сарматовъ-языговъ.

Литовскій народъ дѣлился на 5 классовъ: 1) жрецовъ, 2) князей, древняго, благороднаго, отличившагося военными подвигами происхожденія, избираемыхъ военными вождями и имѣвшихъ большую силу и вліяніе на народъ, 3) людей благороднаго происхожденія, составлявшихъ классъ землевладѣльцовъ и военное сословіе, 4) простаго народа, не имѣвшаго земель и платившаго за нихъ землевладѣльцамъ подати, и 5) рабовъ изъ военнопленныхъ и изъ добровольно запродавшихъ себя въ неволю по бѣдѣ. Отличившіеся личными достоинствами и подвигами, хотя и не благороднаго происхожденія, въ случаѣ войны избирались въ военные вожди (Wada).

Первоначально у литовцовъ было народное правленіе, у пруссовъ—подъ управленіемъ одного верховнаго вождя и одного верховнаго жреца (Криве-Кривейто). Въ XIV вѣкѣ на сѣверѣ литвы князь Кернусъ первый образовалъ княжество литовско-завплейское (за р. Вплией), а князь Эрдзпилъ—новогрудское (Новогрудка или новаго городка). Въ XI, XII и XIII вѣкахъ литовцы почти безпрерывно вели войны съ русскими князьями, особенно сосѣдними

полоцкими и галицкими, а на западѣ съ нѣмецкими рыцарями. Въ 1230 г. литовскій князь Рингольдъ успѣлъ соединить литовцовъ и образовать великое княжество литовское, но по смерти его оно раздробилось между сыновьями его, Эрдзивиломъ и Миндовгомъ. Последний въ 1252 г. даже принялъ христіанство и вѣнчался королемъ литовскимъ, но послѣ снова обратился въ язычество, въ 1263 г. былъ убитъ, и Литва опять стала великимъ княжествомъ. Послѣ него Литвою правили преемники его и потомъ избирательные великіе князья литовскіе, до того времени, когда наконецъ въ 1320 г. званіе и власть великаго князя литовскаго успѣлъ пріобрѣсти Гедиминъ (1320 — 1345), герой своего времени, человекъ необыкновенныхъ ума и воли, соединившій всю Литву и значительно увеличившій ее завоеваніемъ западныхъ и южныхъ русскихъ княжествъ.

Первоначально литовцы не любилъ войны, но потомъ, по нуждѣ освоенія съ нею, занятіе ею стали считать самымъ благороднымъ дѣломъ и наконецъ сдѣлался народомъ-завоевателемъ. Въ случаѣ войны, на нее сзывали воиновъ звономъ колоколовъ и звукомъ трубъ на 4 вѣтра. Для предостереженія жителей отъ нападенія вѣшнихъ враговъ, на высотахъ зажигали огни. Въ случаѣ наступательной войны держали совѣтъ и черезъ жрецовъ спрашивали волю своихъ боговъ. Собравшееся войско раздѣляли по хоругвямъ или знаменамъ, на конныхъ и пѣшихъ, и учили военнымъ упражненіямъ. Пѣхоты было болѣе, нежели конницы. Въ бою литовцы стояли твердо, выдерживали нападеніе непріятеля смѣло и хладнокровно, сражались храбро и только въ крайности обращали тылъ. Въ открытомъ полѣ сражаться не любили и нападали неохотно, предпочитая заманивать непріятеля въ засаду, нападать внезапно и сражаться малыми отрядами. Страну свою укрѣпляли городками и замками на мѣстахъ возвышенныхъ и неудободоступныхъ, окруженныхъ лѣсами, озерами, болотами, ограждали ихъ земляными или деревянными валами съ рвами и тайными выходами. При осадѣ городовъ дѣлали земляныя насыпи, а потомъ отъ нѣмецкихъ рыцарей заимствовали метательныя и стѣнобитныя орудія. Вооруженіе ихъ сначала состояло изъ длинныхъ палицъ или дубинъ, наптыхъ оловомъ или съ каменными остріями, изъ стрѣлъ съ костяными наконечниками, пращей, каменныхъ сѣкиръ, овальныхъ и полуовальныхъ щитовъ, шпшаковъ изъ твердыхъ звѣриныхъ шкуръ, шерстью вверхъ, и латы изъ конскихъ копытъ въ видѣ чешуи. Но въ XIII вѣкѣ литовцы имѣли уже кованое металлическое вооруженіе, которое получали изъ-за границы или дѣлали сами у себя. Отравленные стрѣлы они употребляли до самаго XVI вѣка. Въмѣсто знаменъ служили хоругви разныхъ цвѣтовъ и видовъ, съ гербами и безъ гербовъ и съ разными изображеніями,

а также бунчукъ съ конскими хвостами. При Гедиминѣ литовское войско было уже правильно и хорошо устроено и вообще какъ военное устройство Литвы, такъ и военное искусство въ ней находились уже въ хорошемъ состояніи (см. ниже).

§ 20.

П о л я н ы .

Военное устройство западныхъ славянъ сначала долго сохраняло свои древнія обще-славянскія черты и главныя основанія семейнаго, родоваго и племеннаго общиннаго быта. Въ главѣ родовой общины стоялъ выборный, наследственный въ своемъ родѣ старшина (кметъ, главарь, владыка, князь и т. п.). Изъ родовыхъ общинъ составились волости (или области, отъ слова власть) и въ нихъ веси, села, сѣдлица, осады, дѣдины и т. п., а изъ родовыхъ волостей—жупы или жупаніи (въ территоріальномъ смыслѣ—краина, волость или область, земля и т. п., а въ военномъ—челядь, шляхта, дѣти или дѣтчи, отроки, полкъ и т. п.). Въ жупѣ или жупаніи главой или старшиной былъ жупанъ, наследственно избираемый въ своемъ родѣ, а средоточіемъ управы—градъ, гродъ, городъ.

Такое раздѣленіе на жупы или жупаніи долго было господствующимъ и общимъ почти всѣмъ западнымъ славянамъ. Но въ послѣдствіи, съ ходомъ времени, у главныхъ изъ нихъ—чеховъ и лѣховъ или поляковъ оно постепенно перешло въ такъ называемое кастеллянское (отъ латинскаго названія *castellum*, *castra*, которое стали носить главные города жупъ или жупаній). По образованіи государственной, княжеской власти, преимущественно въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ, князья и потомъ короли начали поставять въ кастели или замки—главные города жупъ или жупаній—своихъ вѣмѣстниковъ и правителей, подъ названіемъ кастелляновъ, отчего изъ жупъ или жупаній и образовались въ Чехіи, Моравіи и особенно въ Польшѣ кастеллянства. Кастеллянъ соединялъ въ себѣ власть военную, судебную и гражданскую, былъ военнымъ вождемъ ополченій своего кастеллянства, собиралъ ихъ, велъ на войну и предводительствовалъ ими. Онъ же производилъ судъ и расправу, распредѣлялъ и собиралъ подати, имѣлъ въ своихъ рукахъ все гражданское управленіе и пр.

Все это сначала было основано на общихъ древне-славянскихъ обычаяхъ и учрежденіяхъ и вообще имѣло характеръ преимуществен-

по оборонительный, съ цѣлію обороны края отъ внѣшнихъ враговъ, и по временамъ и наступательный. Но со времени войнъ Карла V. и преемниковъ его съ саксонцами и западными славянами и постепеннаго подчиненія послѣднихъ вліянію и власти римско-нѣмецкой имперіи, въ общественное и военное устройство ихъ стали болѣе и болѣе проникать учрежденія западной Европы, на аллодіальномъ и преимущественно ленномъ правѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ стало распространяться рыцарство, со всѣми своими учрежденіями и послѣдствіями — преобладаніемъ высшихъ, знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ родовъ, составлявшихъ конное рыцарское войско и главную, лучшую часть армій, и съ бѣльшимъ или меньшимъ подчиненіемъ этому сословію городского и сельскаго населенія, составлявшаго войска городскихъ и сельскихъ общинъ и общенародныя ополченія (у нѣмцовъ геербаннъ). И чѣмъ болѣе проникали и утверждались западныя, феодально-рыцарскія, общественныя и военныя учрежденія, тѣмъ болѣе сглаживались общія древне-славянскія, хотя и не исчезали совершенно.

Таковы были вообще, болѣе или менѣе, ходъ и развитіе общественнаго и военнаго устройства у западныхъ славянъ и преимущественно у чеховъ, моравовъ и поляковъ и въ двухъ главныхъ западно-славянскихъ государствахъ—Чехіи съ Моравіей и Польшѣ.

Въ Польшѣ первоначально у главнаго, господствующаго племени лѣховъ было также, какъ у чеховъ и моравовъ, раздѣленіе на жупы или жупаніи, подъ названіемъ шляхты, но только въ болѣе тѣсномъ и ограниченномъ смыслѣ, нежели жупа. Послѣ покоренія Карломъ V. и его преемниками крайнихъ на западѣ славянъ, и болѣе отдаленныя на востокѣ увидѣли необходимость расширить свое военное устройство и избирать военныхъ вождей. Въ 992 г. при Болеславѣ Храбромъ высшее сословіе свободно- и благородно-рожденныхъ (шляхта—дворянство) и лично-свободные, но неосвобожденные отъ податей и военной службы поселане составляли главную силу и лучшую часть военнаго сословія и народнаго войска, третье же сословіе — кметы — было крѣпостное. Въ древнемъ польскомъ правѣ названіе *miles* — воинъ часто означало шляхтича — дворянина, *militia* — шляхту или дворянство, а *jus militare* — право военное или шляхетное, дворянское. Кметы же были обязаны воздѣлывать землю. Съ ходомъ времени надъ всѣми сословіями возвысплась княжеская власть. Шляхта была обязана военною службой князю; но это было скорѣе правомъ, нежели обязанностью или повинностью ея. Большіе землевладѣльцы охотно исполняли это, въ надеждѣ на богатую военную добычу. При томъ сражавшіеся за отечество были освобождаемы отъ строжи или поставки зерноваго хлѣба въ войско, но всѣ были

обязаны поставлять его въ города или замки, особенно пограничные, которыхъ Болеславъ Храбрый построилъ очень много и которые позже послужили къ устройству и раздѣленію государства на кастелланства, какъ въ Чехіи и Моравіи. Въ военномъ устройствѣ Польши вообще, еще до Болеслава Храбраго, были нѣкоторыя, извѣстныя правильность и порядокъ. Но Болеславъ увидѣлъ необходимость расширить, усилить и упрочить его. Округи (*vicinia*), въ родѣ жупъ, вѣроятно были въ связи съ кастелями или центральными замками или городами, въ которые король назначалъ своихъ намѣстниковъ въ званіи кастеллановъ, съ военною, гражданскою, судебною и финансовою властію. Кастелланъ, завѣдывая всѣми дѣлами по этимъ частямъ, управляя гражданскою, распредѣляя и собирая подати, производя судъ и расправу и пр., завѣдывалъ и всѣми военными ополченіями въ своемъ округѣ или области, сзывалъ шляхту на военную службу, предводительствовалъ ею на войнѣ и пр. Въ кастеляхъ или замкахъ постоянно были гарнизоны, составлявшіе родъ постоянныхъ войскъ, и имъ были назначаемы извѣстныя округа для своего содержанія. Поселяне на границахъ были обязаны исполнять пограничную сторожевую службу, а вся нація вообще—постоянно заниматься военными упражненіями.

Но особенный, своеобразный характеръ военному устройству Польши уже съ X вѣка постепенно стало придавать такого же рода устройство шляхты или дворянства. Оно было основано на началахъ, не феодальныхъ, а древне-славянскихъ—братства или общины, не соединено, какъ на западѣ, съ степенями званій и ихъ значенія, но съ единородствомъ. Средоточіемъ каждаго такого единороднаго братства или общины служили одинаковые родовые гербъ и имя. Всѣ, имѣвшіе ихъ, составляли родовое братство или общину, связью которой служило кровное родство (*rokrewnictwo*). Каждый членъ братства имѣлъ равное участіе въ имуществѣ, гербѣ, имени и чести братства, а всѣ были взаимно тѣсно связаны между собою и отвѣтственны другъ за друга. Братство, наследственно владѣвшее имуществомъ своего рода, было дѣйствительнымъ представителемъ его. Близкое и дальнее родство, не имѣвшее ничего, кромѣ одинаковыхъ герба и имени, и чрезъ нихъ обладавшее военнымъ или шляхетнымъ правомъ, сосредоточивалось вокругъ братства. Такимъ образомъ главнаго представителя рода въ братствѣ окружала всегда готовая и многочисленная военная дружина, ставившая себя въ полное распоряженіе его и братства. Военное или шляхетное право (*jus militare*) было тѣсно связано съ земельнымъ владѣніемъ, но могло принадлежать и не одной шляхтѣ или дворянству, а и наследственнымъ судьямъ (*advocati, scolteti*) и лично-свободнымъ посе-

лянамъ; дворяне же могли и отказываться отъ него. Духовные наследственные землевладельцы, не хотѣвшіе исполнять военной повинности, были обязаны продавать свои имѣнія свѣтскимъ лицамъ и отказываться отъ своихъ правъ; сверхъ того имѣнія ихъ доставались также фиску. Владѣлецъ участка земли, соединеннаго съ военнымъ правомъ, назывался *miles*—воинъ. Изъ нихъ *milites famosi* (*szlachcie*) были тѣ изъ дворянъ, которые соединяли въ себѣ и дворянское рожденіе, и землевладѣніе, а тѣ, которые имѣли только одно землевладѣніе безъ дворянскаго рожденія, назывались *milites scartabelli*. И такимъ образомъ войско, на которое единственно опиралась королевская власть, было въ полной зависимости отъ высшаго, знатнѣйшаго дворянства, и въ Польшѣ уже въ этомъ періодѣ образовалась могущественная военная аристократія.

Вмѣстѣ съ этимъ, въ современномъ военномъ устройствѣ Польши обращаетъ на себя вниманіе, также какъ и въ Чехіи и Моравіи, стремленіе къ обезпеченію какъ внутренности государства, такъ въ особенности границъ его—горными замками и укрѣпленными городами. Это относилось также и къ Слезіи (Силезіи), отчужденіе которой въ XII вѣкѣ отъ Польши не имѣло еще послѣдствіемъ дѣйствительнаго отдѣленія отъ нея. Напротивъ, слезскіе князья были обязаны, въ случаѣ общей польской войны, становиться съ своими войсками подъ знамена королей польскихъ.

Въ періодѣ около 2½ вѣковъ (1058 — 1305), отъ смерти Болеслава Храбраго до воцаренія Владислава I Локотка, во время внутреннихъ смутъ и междоусобій и внѣшнихъ войнъ съ сосѣдями, военное устройство Польши пришло въ безпорядокъ. Но Владиславъ I Локотокъ (1305—1333) и сынъ его Казиміръ III Великій (1333 — 1370) восстановили въ немъ порядокъ и дали ему лучший видъ. Они обезпечили границы государства и водворили внутреннюю и внѣшнюю безопасность его восстановленіемъ многихъ разоренныхъ и разрушенныхъ городовъ и замковъ, оградилъ ихъ валами и стѣнами и распространили свои владѣнія, Казиміръ, между прочимъ, наследованіемъ въ 1339 году галицко-русскаго королевства. Вообще слѣдуетъ сказать, что Болеславъ Храбрый, Владиславъ Локотокъ и Казиміръ В. оказали особенныя услуги Польшѣ лучшимъ военнымъ устройствомъ ея. Главными чертами его въ XIII—XIV вѣкахъ вообще было то, что дворянство и ленные владѣльцы государственныхъ земель или фиска уже присвоили себѣ исключительное право носить оружіе и, по приказамъ (*wici, rozkazy*) короля, составляли съ своими подручниками и крѣпостными людьми войско королевства и областей его, подобное феодальнымъ западной Европы. Но въ случаяхъ особенной важности или опасности воору-

жались и всѣ свободно-рожденные, совершеннолѣтніе жители и составляли общенародное ополченіе (*pospolite ruszenie*), въ родѣ за-надно-европейскаго геербанна. Шляхта или дворянство было обязано служить на коняхъ, внутри государства — на собственномъ иждивеніи, а внѣ его — получало жалованье отъ короля. Послѣдній иногда самъ предводительствовалъ войскомъ, а иногда назначалъ главнаго предводителя — гетмана, съ властію почти неограниченною. Бѣльшія подробности объ этомъ будутъ изложены позже въ своемъ мѣстѣ.

Раздѣленіе, вооруженіе, устройство, строй и образъ дѣйствій войскъ и все вообще военное дѣло у западныхъ славянъ слѣдовали тому же ходу исторической судьбы и политическаго и общественнаго быта ихъ, постепенно утрачивая древне-славянскій характеръ свой и принимая западный.

Такъ сначала, до X вѣка, у лѣховъ или поляковъ главнымъ оружіемъ были луки и стрѣлы, а сражались они уже преимущественно конными и умѣли не только строить и укрѣплять города и замки, но и осаждать ихъ подобно современнымъ германскимъ и романскимъ народамъ.

Позже, съ X вѣка, устройство войскъ и военное дѣло у западныхъ славянъ уже постепенно принимаютъ западный характеръ. Сообразно съ тѣмъ, у нихъ все болѣе и болѣе увеличивалось число конницы и преимущественно феодально-рыцарской, составлявшей уже главную силу и лучшую часть армій; пѣхота же, плохо вооруженная и устроенная, была въ большемъ или меньшемъ пренебреженіи, и только одни стрѣлки изъ лука отличались мѣткостью стрѣльбы.

Въ Польшѣ до XIV вѣка все болѣе и болѣе развивались западно-европейскія устройство войскъ и военное дѣло, увеличивалось число конницы, преимущественно феодально-рыцарской, распространялись и вооруженіе, строй и образъ дѣйствій войскъ и искусство укрѣпленія, осады и обороны городовъ и замковъ, какъ въ западной Европѣ. Согласно съ тѣмъ, въ свое время и въ Польшѣ также, по примѣру сосѣдей и по собственному опыту, стали обращать болѣе вниманія на усовершенствованіе пѣхоты, долго дотолѣ находившейся въ пренебреженіи. На укрѣпленіе городовъ и замковъ внутри и особенно на границахъ государства было обращено особенное вниманіе при лучшихъ короляхъ. Между прочимъ, въ кратко-временное владѣніе Болеслава Храбраго и Мечислава II Червонною Русью и ея червенскими городами (съ 1020 по 1031 г.), въ

ней были построены новые или укрѣплены прежніе города. Львовъ и Любачевъ были ограждены новыми стѣнами, а замки Пржемысль, Санокъ, Теремовль, Галичъ и Тустанъ, огражденные только земляными и деревянными валами, были приведены въ лучшее оборонительное положеніе. Противъ города Владиміра, огражденного также тыномъ и земляными валами, на другой горѣ былъ построенъ каменный замокъ и въ него поставленъ гарнизонъ. Умѣя строить и укрѣплять города и замки, поляки умѣли и осаждать непріятельскіе общеупотребительными въ западной Европѣ способами, въ томъ числѣ и метательными орудіями—катапультами и баллистами. Въ одной польской лѣтописи подъ 1252 годомъ упоминается, между прочимъ, о баллистаріѣ, завѣдывавшемъ баллистами и другими осадными орудіями и машинами.

§ 21.

В е н г р ы.

Сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ Карлъ В., разрушивъ въ 796 г. царство аваровъ въ Панноніи, присоединилъ ее къ имперіи франковъ и ввѣрилъ управленію герцоговъ каринтійскихъ, одинъ изъ этихъ герцоговъ, Арнульфъ (впослѣдствіи король германскій), ведя войну съ Святополкомъ моравскимъ, призвалъ на помощь угровъ, кочевавшихъ тогда въ нын. Молдавіи. Угры, угоры или югры были народъ, одноплеменный съ финнами и гуннами, кочевавшими по ту и другую сторону Угорскаго или Уральскаго хребта, откуда постепенно переселялись въ земли между Волгой, Дономъ, Днѣпромъ и Дунаемъ, и уже ознаменовали себя удачными войнами съ народами, обитавшими на этомъ пространствѣ. Призванный Арнульфомъ вождь угровъ Арпадъ получилъ отъ него во владѣніе часть верхней Панноніи, а по смерти его покорилъ всю эту страну и основалъ въ ней самостоятельное государство угорское или мадярское (по названію мадяры, которымъ угры сами называли себя на своемъ языкѣ), впослѣдствіи венгерское или Венгрію. Угры, мадяры или венгры, какъ народъ полудикій, хищный и кочевой, но воинственный, не были способны къ мирной, осѣдлой жизни и первый вѣкъ X провели въ непрерывныхъ нашествіяхъ и опустошительныхъ войнахъ съ византийскою имперіей, Италіей и Германіей. Но разбитые императорами Германіи Генрихомъ Птицеловомъ (920 — 935) и Оттономъ В. (936 — 972) и смягчившись нравами вслѣдствіе принятія христіанской вѣры за-

падно-римскаго исповѣданія, при правнукѣ Арпада Гейзѣ, въ 973 году, они прекратили свои нашествія на сосѣднія государства и съ того времени и особенно съ перваго короля своего Стефана Святаго (1000 г.) стали привыкать къ осѣдлой жизни. Примкнувъ къ Германіи и вообще къ западной Европѣ, и римскимъ исповѣданіемъ, и государственнымъ, общественнымъ и военнымъ устройствомъ своимъ, они ввели и у себя также сначала аллодіальное, а потомъ феодальное. Лучшая часть земель была предоставлена королю, а остальная воеводамъ (баронамъ) и простымъ воинамъ. Туземцы же — потомки языговъ, гунновъ, аваровъ и пришлыхъ съ востока половцовъ или кумановъ, стали подвластны венграмъ, но сохранили народность и права свои. Первоначальное военное устройство венгровъ было очень сходно съ древне-германскимъ. По требованію короля, всѣ аллодіальные владѣльцы высшаго и низшаго разрядовъ (*barones, equites*) были обязаны идти на войну, въ составѣ общенароднаго ополченія, съ комитетами или дружинами своихъ подручниковъ (*servientes*) и крѣпостныхъ земледѣльцовъ (*praediales, populi*) а также всѣ свободнорожденные жители страны (*milites, conditionarii* или по венгерски — *iobbagy*). Съ этою цѣлію и для удобнѣйшаго управленія, королевство было раздѣлено на 72 графства (*comitates, Gespannschaften*), управляемые королевскими намѣстниками (*supremi vel castrensis comites, parochiales*), при содѣйствіи кастелляновъ (*castellani*, по венгерски *várnagy*) главныхъ королевскихъ замковъ или городовъ. Собственное же войско короля состояло изъ дворянъ, получившихъ государственныя помѣстья въ пожизненное владѣніе и поступившихъ въ число королевскихъ лейдовъ (*servientes vel familiares regis, equites aulici*), а также изъ арендаторовъ государственныхъ имѣній (*beneficiarii regis*) и поселянъ (*coloni, udvarnik*). Границы же государства охранялись особымъ, поселеннымъ на нихъ народнымъ ополченіемъ (*speculatores, eörallok*).

При такомъ устройствѣ Венгрія, въ случаѣ войны, могла выставить до 110 т. войскъ, набираемыхъ въ графствахъ, не считая пограничныхъ, и до 40 т. чел. дворянской конницы. Конница вообще продолжала по прежнему составлять главный родъ войскъ и главную силу армій венгерскихъ, но была гораздо легче и подвижнѣе рыцарской. Войска раздѣлялись на тысячи, сотни и десятки и во время войны продовольствовались внутри государства — изъ устроенныхъ для этого складовъ продовольствія, а за границами его — получая жалованье и полное содержаніе отъ государственной казны, исключая дворянства, которое было обязано служить на собственномъ иждивеніи. Такого рода устройство войска, правильный сборъ податей на содержаніе его, срочные смотры, производившіеся ему коро-

лемъ и областными графами, учрежденіе во всемъ государствѣ военной почты и другія, подобныя тому военныя учрежденія ставили ихъ выше существовавшихъ у многихъ современныхъ народовъ Европы.

Но съ ходомъ времени и въ Венгріи, какъ и въ западно-европейскихъ государствахъ, возникли и постепенно возросли тѣже самыя, что и въ нихъ, недостатки, злоупотребленія и безпорядки, соединенныя съ аллодіальнымъ и феодальнымъ общественнымъ и военнымъ устройствомъ. Властолюбіе и усиленіе магнатовъ (*magnati*), всеволіе дворянства, ослабленіе и упадокъ королевской власти повели къ тѣмъ же явленіямъ, которыя были въ то время общи всѣмъ феодальнымъ государствамъ западной Европы и соединены съ внутренними распрями, смутами и междуусобіями. Такъ продолжалось до вступленія на престолъ Венгріи короля неаполитанскаго Карла Роберта (1342). Онъ предпринялъ замѣнить устарѣвшія формы общественнаго и военнаго устройства Венгріи нѣкоторыми германо-романскими учрежденіями. Онъ освободилъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ и города, которые могли вооружить и содержать на свой счетъ 1 т. воиновъ, отъ обязанности служить въ военное время въ областныхъ ополченіяхъ и позволилъ имъ имѣть собственныя знамена (*banderium*), отчего и дружины ихъ получили названіе бандерій, а вооружавшіе ихъ—бандеріятскими (*domini banderiatī, urbes banderiatæ*). Магнаты, польщенные этимъ, старались превзойти одни другихъ числомъ и богатствомъ вооруженія своихъ бандерій, а король узаконилъ, чтобы они и впредь вооружали такое же число воиновъ. Менѣе достаточные и сильные владѣльцы, дворяне и города присоединялись или къ одной бандеріи, или къ королевской (*banderium regium*).

Эти бандеріи составляли какъ бы правильно-устроенное (регулярное), большею частію конное, войско венгровъ, вооруженное на подобіе рыцарей и конныхъ стрѣлковъ. Легкую же конницу составляли воинственные куманы, языги и секлеры. Карлъ Робертъ раздѣлилъ ихъ на стрѣлковъ изъ луковъ (языговъ, *iassones*) и на арбалетчиковъ (*ballistarii, philistarii*), опредѣлилъ мѣста, которыя они должны были занимать въ общемъ боевомъ порядкѣ войскъ, по образъ службы и дѣйствій ихъ. Секлеровъ же онъ раздѣлилъ на 3 класса: приморовъ (*primores, fö-nèrek*), примпиловъ (*lő-fejek*) и плебеевъ (*kös-nèrek*). Пограничное войско, пришедшее въ совершенный упадокъ, было возстановлено, преобразовано и подчинено особому начальнику рыцарскаго званія (*eör-nagusàk*).

Изъ этого видно, что военное устройство Венгріи и ея войска, при своихъ главныхъ, основныя, національныхъ чертахъ, имѣло и общія современнымъ германо-романскимъ народностямъ и войскамъ. И

хотя поэтому оно входило въ современную военную систему западной Европы, но изображено здѣсь въ отдѣлѣ военнаго устройства и войнъ восточной Европы потому, что военная дѣятельность венгровъ была значительнѣе на востокѣ Европы (въ войнахъ съ Польшей, Русью и придунайскими народами и государствами), нежели на западѣ.

§ 22.

Камско-волжскіе болгары.

Болгары или волгары были по инымъ тюркскаго происхожденія, а по другимъ финскаго, или смѣсью народовъ этихъ и другихъ племенъ. Въ IV вѣкѣ по Р. Х., а можетъ быть и ранѣе, они переселились изъ-за Кавказа на берега Волги и Камы, распространили свои владѣнія покореніемъ сосѣднихъ племенъ и въ началѣ X вѣка (къ которому относятся первыя достовѣрныя свѣдѣнія арабскихъ писателей о нихъ) уже составляли довольно сильное царство, подѣ управленіемъ своихъ князей, подвластныхъ одному самодержавному владавцу, кагану, хакану или хану, столицей котораго былъ городъ Болгаръ или, какъ онъ называется въ нѣкоторыхъ русскихъ лѣтописяхъ, Великій градъ. Ведя жизнь полуосѣдлую и полукочевую, т. е. зимою живя въ городахъ и селеніяхъ, а лѣтомъ кочуя съ стадами въ поляхъ, болгары вели также торговлю. Черезъ ихъ страну пролегалъ главный торговый путь изъ Азіи въ Біармію, Новгородъ и Балтійское море. Поэтому болгары ранѣе другихъ народовъ сѣверовосточной Европы достигли нѣкоторой степени гражданственности и образованности. Христіанская вѣра проникла къ нимъ, кажется, уже прежде X вѣка, но въ 922 году царь или владавецъ ихъ, Альмусъ или Альмушъ, и большая часть народа приняли магометанскую религію и признали надъ собою верховную власть багдадскихъ халифовъ. Съ сосѣдями своими, особенно съ руссами, они находились въ почти непрерывныхъ войнахъ, съ переменнымъ успѣхомъ. То они, то русскіе князья вторгались, одни въ русскія, другіе въ болгарскія земли, и дѣлали въ нихъ завоеванія до самаго нашествія монголовъ. Въ 1-мъ нашествіи своемъ на Русь, монгольскій полководецъ Субутай въ 1236 г. разорилъ и покорилъ Болгарію, которая съ этого времени составила часть кипчакскаго царства, и болгары болѣе и болѣе сливались съ побѣдителями, такъ что наконецъ даже утратили первоначальное народное названіе свое. До основанія Сарая при Ахтубѣ, городъ Болгаръ былъ,

кажется, столицей монгольскихъ хановъ Золотой орды, по крайней мѣрѣ лѣтомъ они приходили кочевать въ его окрестностяхъ. По основаніи же Сарая, городъ Болгаръ управлялся ханскими намѣстниками и въ продолженіи междуусобій въ ордѣ переходилъ изъ рукъ въ руки къ разнымъ монгольскимъ князьямъ. Между тѣмъ вражда съ русскими не прекращалась, и новгородцы особенно часто грабили и разоряли болгарскія земли, а въ 1365 г. даже самый городъ Болгаръ.

Въ отношеніи общественнаго и военнаго устройства болгаръ должно сказать, что они, по свидѣтельству арабскихъ писателей, занимались и земледѣліемъ, и преимущественно торговлей, но не были чужды и веденію войнъ съ сосѣдями, какъ съ цѣлю завоеваній, такъ въ особенности грабежа и пріобрѣтенія добычи и плѣнниковъ. Они воевали преимущественно на коняхъ, имѣли кованое оружіе, носили кольчуги и пр. Вообще военное дѣло у нихъ имѣло тотъ же характеръ, что у всѣхъ современныхъ азійскихъ народовъ, а со времени покоренія Болгаріи монголами — тотъ же, что у этихъ послѣднихъ (см. ниже).

§ 23.

Х а з а р ы.

Хазары, большинствомъ изслѣдователей причисляемые къ тюркскому племени, извѣстны въ исторіи еще съ II вѣка по Р. Х., когда обитали между Каспійскимъ и Чернымъ морями и вели войны съ Арменіей. Въ IV вѣкѣ они покорились гуннамъ, при нашествіи ихъ на Европу. Послѣ паденія царства гунновъ въ V вѣкѣ, хазары стали народомъ - завоевателемъ, такъ что персидскій царь Кобадъ въ VI вѣкѣ оградилъ отъ нихъ сѣверную границу нын. Ширвана большимъ землянымъ валомъ, а сынъ его Хозрой даже построилъ каменную стѣну (Кавказскую). Съ VII вѣка хазары вошли въ сношенія съ византійскою имперіей, то враждебныя, то дружественныя, помогая ей въ войнахъ съ уграми, дунайскими болгарами и персами (съ послѣдними — именно въ войнахъ императора Ираклія). Въ это время они покорили всѣ земли къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей до Волги и полуостровъ Тавриду и 70 лѣтъ вели войны съ арабійскимъ халифатомъ, въ которыхъ терпѣли только неудачи. Но за то они успѣли на сѣверѣ и къ началу IX вѣка подчинили себѣ приднѣпровскія и другія племена славянъ: полянъ, сѣверянъ и др., наложивъ на нихъ дань. Вскорѣ, тѣснимые съ востока печенѣгами (см. ниже), они были принуждены принимать оборонитель-

ныя мѣры противъ нихъ и съ помощью византійскихъ грековъ построили себѣ на Дону укрѣпленный городъ Саркелъ (въ нашихъ лѣтописяхъ — Бѣлая Вѣжа). Но нашествія печенѣговъ и въ то же время усиленіе русскихъ князей и удачныя походы ихъ противъ хазаровъ разрушили царство ихъ, и мѣсто ихъ заняли печенѣги.

Хазары были, подобно болгарамъ, народъ полуосѣдлый, полукочевой, съ зимы до весны живя въ городахъ и селеніяхъ, а съ весны до зимы кочуя съ стадами. Главный городъ ихъ назывался Итилъ (близъ нын. Астрахани), на обоехъ берегахъ Волги и на острову между ними. Въ немъ жилъ каганъ или царь ихъ, имѣвшій верховную религіозную власть, но управлялъ намѣстникъ его (пехъ или бегъ). Сначала хазары были идолопоклонниками, въ VIII вѣкѣ приняли іудейскій законъ, а въ 858 г. въ Тавридѣ крестились въ восточную православную вѣру (проповѣдью Св. Кирилла и Мефодія).

Войско ихъ состояло частію изъ магометанскихъ наемниковъ, которые назывались ларсіей, и частію изъ своихъ народныхъ ополченій. Зажиточные люди были обязаны поставлять въ нихъ конныхъ воиновъ, сколько могли по количеству имущества и успѣшности промысловъ своихъ. Войскомъ предводительствовалъ пехъ или бегъ, а каганъ дѣлилъ военную добычу и распоряжался натуральными повинностями. Военное дѣло же у хазаровъ было подобно общему азіатскимъ народамъ, сражавшимся на коняхъ.

§ 24.

Печенѣги.

Печенѣги (у византійскихъ писателей — пацинаки, пецинаки, а у западныхъ — *pizenati*, *pisenası*, *rezinegii* и т. п.) были также народъ тюркскаго племени, пришедшій изъ Азіи, изъ-за Уральскаго хребта, на низовья р. р. Яика и Волги, а потомъ занявшій страну Лебедію (названную такъ по имени угорскаго вождя Лебеда, какъ полагаютъ—въ нын. Харьковской губерніи), которая была родной черныхъ угровъ, подвластныхъ хазарамъ съ конца VII вѣка. Изъ нея въ послѣдней четверти IX вѣка онъ распространился по всему сѣверному побережью Чернаго и Азовскаго морей до нижняго Дуная, верхняго Прута, Сулы и Росы и заняли также всю Тавриду.

Они раздѣлялись на 13 колѣнъ и на 8 округовъ, подъ управленіемъ наследственныхъ князей. На войнѣ они повиновались одному главному вождю и отличались искусствомъ и хищностью набѣговъ.

Главнымъ оружіемъ ихъ были стрѣлы и метательные дротики, а главнымъ родомъ войскъ—отличная легкая конница. Они искусно переплывали черезъ рѣки въ небольшихъ кожаныхъ челнахъ, держась за хвосты лошадей своихъ.

Съ начала X вѣка начались сношенія ихъ съ сосѣдними русскими владѣніями, то мирныя, то преимущественно враждебныя, то служа наемниками въ русскихъ войскахъ, то производя жестокіе, опустошительные набѣги на южную Русь, то претерпѣвая сами, то нанося русскимъ войскамъ сильныя пораженія. Независимо отъ того, они производили такіе же набѣги на византійскую имперію и жестоко грабили и разоряли ее. Въ половинѣ XI вѣка у нихъ возгорѣлись междоусобныя войны племенъ по ту и по другую сторону Дуная, съ участіемъ въ нихъ грековъ. Послѣ того печенѣги безпрестанно воевали съ византійскою имперіей и наконецъ были побѣждены императоромъ Алексіемъ Комненомъ (1081—1118), который далъ ихъ плѣнникамъ земли въ Могленской области и составилъ изъ нихъ дружину, которая была извѣстна подъ названіемъ могленскихъ панинаковъ. Не смотря на то, войны печенѣговъ съ греками продолжалась и послѣ Алексія Комнена, равно и съ болгарами и крестоносцами во время крестовыхъ походовъ, при чемъ печенѣги то побѣждали, то были побѣждаемы, жестоко грабили и разоряли край и помогали то болгарамъ, то грекамъ. Между тѣмъ сѣверные печенѣги уже съ 1103 г. были постепенно тѣснены половцами и наконецъ всѣмъ оттѣснены къ Дунаю и за Дунай. Въ 1254 г. остатки сѣверныхъ печенѣговъ были совершенно вытѣснены монголами и водворились въ Аравію и Македонію, продолжая воевать съ греками. Но въ XIV вѣкѣ печенѣги исчезаютъ изъ исторіи, вѣроятно слившись съ влахами (румынами) и болгарами.

Въ общественномъ и военномъ устройствѣ своемъ и въ военномъ дѣлѣ они имѣли общія со всѣми азійскими народами тюркскаго племени черты, какъ народъ полусѣдлый, полукочевой, воевавшій на коняхъ и чрезвычайно беспокойный и хищный.

§ 25.

П о л о в ц ы.

Съ 1103 г., какъ сказано выше, мѣсто сѣверныхъ печенѣговъ въ странахъ по Днѣпру и Днѣстру занялъ единоплеменный съ ними, точно такой же народъ тюркскаго племени—половцы или куманы. Сначала они повиновались хазарскимъ каганамъ въ Лебедін (см. вы-

ше), а потомъ переселились на западъ, на мѣста печенѣговъ, и начали воевать на сѣверѣ—съ южной Русью, а на югѣ, за Дунаемъ, вмѣстѣ съ южными печенѣгами — противъ болгаровъ и особенно грековъ. При императорѣ Исаакіѣ Ангелѣ (1185—1195) они помогли болгарамъ и царю ихъ Асеню возстановить самобытность болгарскаго царства и послѣ того вмѣстѣ съ болгарами часто воевали противъ грековъ и разоряли Θракію и Македонію. Нашествіе монголовъ на Русь прежде всего разразилось надъ сѣверными половцами: вся земля ихъ отъ Волги до Днѣпра и Днѣстра была покорена монголами. Въ 1239 г. половецкій ханъ Котянъ, возставшій противъ монголовъ, былъ разбитъ ими и съ 40 т. половцовъ удалился за Карпаты къ венграмъ. Король послѣднихъ Бела далъ имъ, для поселенія, земли въ нын. Трансильваніи, гдѣ они извѣстны были подъ названіемъ кумановъ или позже сейкелей (нынѣ—секлеры). Другая часть половцовъ удалась въ сербское княжество и въ византійскую имперію и поселилась въ нихъ на данныхъ ей земляхъ. Съ тѣхъ поръ (съ половины XIII вѣка) имя половцовъ исчезаетъ въ исторіи.

О военномъ устройствѣ ихъ и военномъ дѣлѣ у нихъ слѣдуетъ сказать то же самое, что было сказано о томъ же у хазаровъ и печенѣговъ, съ которыми половцы имѣли много сходства и мало различія.

§ 26.

Дунайскіе болгары.

Въ концѣ V вѣка часть камско-волжскихъ болгаръ отдѣлилась и двинулась (изъ нын. Симбирской и Саратовской губерній) къ Дунаю. Земли, оставленныя ими, были заняты буртасами — также тюркскаго смѣшаннаго племени, и такимъ образомъ западные болгары были отрѣзаны отъ восточныхъ. Названіе западныхъ дунайскихъ болгаръ стало извѣстнымъ византійскимъ лѣтописцамъ (называвшимъ ихъ также гуннами, утургурами и др.) впервые въ 501 г., когда эти болгары въ первый же разъ вторглись во Θракію и Мизію, что съ тѣхъ поръ повторяли почти ежегодно. Для прегражденія имъ пути въ эти области, императоръ Анастасій (491—517) построилъ длинную стѣну, названную его именемъ. Не смотря на то, болгары въ 538 г. при Юстиніанѣ снова вторглись во Θракію и Мизію, но были разбиты греческимъ полководцемъ Мувдосомъ. Въ 559 г. вождь болгаръ Заберганъ перешелъ зимою по льду черезъ

Дунай, съ многочисленною конницею и множествомъ славянъ (среди которыхъ болгары поселились въ нын. Румыніи), и распространилъ ужасъ до самыхъ стѣнъ Константинополя, который былъ спасенъ Велисаріемъ. Около того же времени авары, вторгнувшіеся въ дунайскія земли, покорили, въ числѣ прочихъ народовъ въ нихъ, также и болгаръ. Но въ 1-й половинѣ VII вѣка, по смерти знаменитаго аварскаго хана Баяна, болгарскій князь Хорватъ отложился отъ аваровъ. По смерти его, 5 сыновей его, въ противность его завѣщанію, раздѣлились между собою и одинъ изъ нихъ, Аспарухъ, съ востока, перешелъ черезъ Днѣпръ, покорилъ славянское племя антовъ и водворился въ нын. Молдавіи. Греческій императоръ Константинъ Погонатъ (663—684) двинулся противъ него, но былъ разбитъ. Преслѣдуя его за Дунай, болгары вторглись въ нижнюю Мизію, наложили дань на обитавшихъ въ ней славянъ (съ которыми мало по малу совершенно слился и сами ослабялись) и, заключивъ съ Константиномъ миръ на условіи платить имъ ежегодный окупъ, въ 679 г. основали свое, болгарское государство, которое называли Малою Болгаріею, въ отличіе отъ Большой на Волгѣ. Послѣ того вся исторія дунайскихъ болгаръ, до самаго покоренія ихъ въ 1339 году турецкимъ султаномъ Мурадомъ I, представляетъ лишь безпрерывный рядъ войнъ ихъ, то удачныхъ, то неудачныхъ, съ византійскою имперіею. Въ 705 г. болгарскій царь Тербилъ силою оружія возвратилъ Юстиніану II престолъ, въ награду за что получилъ отъ него часть Тракій на южной сторонѣ Балкановъ (Загорье). Но уже спустя нѣсколько лѣтъ болгарское царство едва не было разрушено Константиномъ Копронымъ (741 — 774). При болгарскомъ царѣ Крумѣ (797 — 815) болгары вторглись въ Дакію и Дарданію (нын. Венгрію и Сербію) и овладѣли даже Адрианополемъ. Въ 860 г. царь ихъ Богорисъ или Борисъ принялъ отъ св. Кприлла и Меѳодія христіанскую вѣру восточной церкви и въ св. крещеніи получилъ имя тогдашняго греческаго императора Микхаила. вмѣстѣ съ тѣмъ между болгарами распространилась славянская грамотность. Не смотря на то, болгары не переставали воевать съ греками, а одинъ изъ самыхъ воинственныхъ царей ихъ, Симеонъ (888—942), воевалъ, въ союзѣ съ сарацинами, не только съ греками, но, въ союзѣ съ печенѣгами и сербами—съ хорватами и венграми. При преемникѣ Симеона, Петрѣ, Болгарія едва не была завоевана русскимъ княземъ Святославомъ I; греческій императоръ Іоаннъ Цимисхій отразилъ Святослава, но самъ покорилъ Болгарію (968). По смерти Цимисхія, она освободилась и царь ея Самуилъ (978—1014) 27 лѣтъ постоянно велъ войну съ имперіею, разоряя Тра-

кію, Македонію и Грецію, но наконецъ былъ разбитъ императоромъ Василіемъ II (1014) и умеръ съ горя отъ жестокости послѣдняго, приказавшаго ослѣпить 15 т. плѣнныхъ болгаръ! Болгарія была покорена имперіи и только черезъ 1½ вѣка—въ 1185 г., при Исаакіѣ Ангелѣ, болгарскіе братья Петръ и Асень, съ помощью половцовъ, освободили Болгарію отъ ига грековъ. Асень сдѣлался родоначальникомъ новой царской династіи Асенидовъ, столицей которыхъ былъ Видинъ. Возобновились войны съ византійскою имперіей, а по взятіи Константинополя крестоносцами (1203)—и съ латинскими императорами въ немъ, изъ числа которыхъ Балдуинъ II былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ болгарскимъ царемъ Кало-Іоанномъ (1261). По смерти его, въ Болгаріи возникли внутренніе раздоры, смуты, междоусобія и перевороты, и болгарское царство стало клониться къ упадку, тѣмъ болѣе, что сербы, венгры и монголо-татары часто вторгались въ Болгарію, низвергали ея царей и возводили своихъ. Однако болгары вели еще нѣсколько удачныхъ войнъ съ греками, пока турки, призванные императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ (1347), не овладѣли, при болгарскомъ царѣ Александрѣ, частію Болгаріи, а при сынѣ и преемникѣ его, Сусманѣ, и всю ея сдѣлали своею данницею. Наконецъ, послѣ Коссовской битвы (на Коссовомъ полѣ въ Сербіи) въ 1389 г., между турецкимъ султаномъ Мурадомъ I (1359—1389) и соединенными сербами и болгарамъ подъ предводительствомъ сербскаго краля Лазаря, Болгарія и Сербія были окончательно и совершенно покорены турками.

Изъ этого краткаго изложенія исторіи дунайскихъ болгаръ и Болгаріи можно видѣть, какъ они были воинственны и сильны въ продолженіи цѣлыхъ 8 вѣковъ (VI—XIII) и только въ XIV вѣкѣ, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, ослабли и пали, до конца однако сохранивъ прежній воинственный духъ. Цѣлыхъ 800 лѣтъ вели они безпрерывныя и большею частію удачныя войны, и успѣхами своими были обязаны, какъ своему воинственному духу, мужеству и храбрости, такъ, безъ сомнѣнія, и хорошему военному устройству. Послѣднее первоначально, до сліянія ихъ въ концѣ VII вѣка съ задунайскими славянами, имѣло вообще первобытный характеръ болгаро-тюркскій, а потомъ болгаро-славянскій, подобный сербскому. Сначала они были народомъ исключительно или преимущественно военно-коннымъ, съ VIII же вѣка имѣли, подобно сербамъ, и конное, и пѣшее войско, болѣе или менѣе хорошо вооруженное и устроенное. Большею частію удачныя войны и битвы ихъ съ греками, венграми и другими сосѣдними народами могутъ служить свидѣтельствомъ, что кромѣ воинственного духа и необыкновенныхъ мужества, храбрости и нравственного оду-

шевления, для военныхъ успѣховъ болгаровъ необходимо было и хорошее военное устройство государства и войска. Но сущимъ несчастьемъ для нихъ было то, что внутренніе раздоры и смуты ослабили ихъ въ то самое время, когда турки-османы, въ первой, полной силѣ своей, устремились на византійскую имперію, Болгарію и Сербію и сокрушили послѣднія двѣ.

§ 27.

М О Н Г О Л Ы.

Первоначальнымъ мѣстомъ жительства народовъ монгольскаго племени (по языку — средняго между тюркскимъ и маньчжуйскимъ или тунгузскимъ) служили, по всей вѣроятности, страны у подошвъ Алтая и Хингана. Распространяясь отсюда къ югу, они уже очень рано должны были придти въ соприкосновеніе съ китайцами, распространявшимися съ юга на сѣверъ (если вѣрять преданіямъ послѣднихъ — болѣе чѣмъ за 25 вѣковъ до Р. Х.). Во всякомъ случаѣ, историческія книги китайцевъ служатъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно почерпнуть свѣдѣнія о мѣстахъ жительства и судьбѣ монгольскихъ племенъ, до соединенія ихъ въ XIII вѣкѣ подъ властію Темуджина (Чингисъ-хана). Но при этомъ встрѣчается то затрудненіе, что монголы издревле раздѣлялись на множество поколѣній, каждое изъ которыхъ имѣло свое особенное названіе, а когда нѣсколько поколѣній соединялись въ одно владѣніе, то назывались по имени господствовавшего поколѣнія или владѣтельнаго рода, отъ чего монгольскія владѣнія являются въ китайской исторіи подъ множествомъ различныхъ названій, и трудно опредѣлить, которыя изъ нихъ были дѣйствительно монгольскія и которыя могли быть тюркскими или маньчжуйскими. Несомнѣнно впрочемъ то, что монголы издревле вели кочевую жизнь, раздѣлялись на многія поколѣнія подъ управленіемъ своихъ князей, соединялись въ одно большое государство, снова распадалась на нѣсколько меньшихъ и постоянною цѣлью своихъ грабительскихъ набѣговъ и нашествій имѣли образованный и богатый Китай. Владѣтели послѣдняго то уступали силѣ ихъ, то отражали ихъ сплою оружія, то укрощали ихъ данью и брачными союзами дочерей своихъ съ монгольскими владѣтелями или ханами. За три вѣка до Р. Х. три сильныя китайскія владѣнія, Янь, Чжао и Цинь, вытѣснивъ монголовъ изъ пограничныхъ горъ своихъ въ степи, оградилъ себя отъ нихъ извѣстною, длинною, Великою стѣною. Вскорѣ послѣ того, по обращеніи помѣстнаго Ки-

тая въ монархію, государь ея Ши-Хуанъ построилъ эту стѣну вновь и положилъ ея черту раздѣла между Китаемъ и Монголіей. Между тѣмъ въ послѣдней, именно въ Ордосѣ и Халхѣ, усилилось владѣніе Хунну (гунновъ). Владѣтель его, по имени Меду, покорилъ другія монгольскія владѣнія, соединилъ всю нынѣшнюю Монголію въ одно государство, а за 177 лѣтъ до Р. Х. распространилъ свои завоеванія даже до Каспійскаго моря. Основанная имъ имперія хунновъ существовала лѣтъ полтораста (почти до Р. Х.), послѣ чего государи ея признали надъ собою власть Китая. Послѣ паденія владѣтельнаго рода Хунну до появленія Чингисъ-хана, монголы въ теченіи почти двѣнадцати вѣковъ не соединялись болѣе въ одно большое государство, но различныя поколѣнія ихъ перазъ образовали очень сильныя владѣнія, какъ въ Монголіи, такъ и въ сѣверномъ Китаѣ. Такъ въ XII вѣкѣ усилилось въ Халхѣ владѣніе четырехъ сплѣнныхъ поколѣній: монголовъ, татаръ, керайтовъ и тайгутовъ. Въ это время главнымъ владѣтельнымъ между всѣми монголами былъ родъ Дай-Юанъ, а родоначальникомъ его — Бодонъчаръ, старѣйшина или князь въ Баргузолѣ, въ Гобійскихъ степяхъ. Власть надъ монголами, которые перешли къ нему изъ кочевья Тенгорихура, онъ передалъ своимъ потомкамъ. Изъ числа ихъ одинъ, Хайду, покорилъ монголовъ, кочевавшихъ на р. Барху, а другой, Исугей, взялъ въ плѣнъ татарскаго князя Темудзина и именемъ его назвалъ новорожденнаго въ 1161 г. сына своего, столь извѣстнаго впослѣдствіи подъ названіемъ Чингисъ-хана (см. ниже).

Географическаго положенія кочевьевъ наслѣдственнаго улуса или владѣнія этого Темудзина въ точности опредѣлить невозможно. Извѣстно только, что улусъ этотъ въ то время кочевалъ по обѣимъ сторонамъ большаго Хинганскаго хребта, въ верховьяхъ рѣкъ Толы, Онона и Керулыни съ ихъ притоками. Долины этихъ рѣкъ и отроги Хинганскаго хребта, имѣя превосходныя пастбища, доставляли монголамъ возможность разводить многочисленныя стада скота и особенно табуны лошадей. Въ концѣ XII вѣка, управляемые Темудзиномъ, они, съ прочими племенами нынѣшней Монголіи, состояли въ подданствѣ и платили дань сильному народу, владѣвшему сѣвернымъ Китаемъ.

Неизвѣстно, какъ Темудзинъ, оставшійся, по смерти отца своего (1174), 13-ти лѣтнимъ отрокомъ, провелъ первые годы своей молодости. Безпрестанно угрожаемый сосѣдями, онъ возросталъ среди постоянныхъ опасностей, и вѣроятно, что образованный Китай послужилъ для него образцомъ, изъ котораго онъ, по необыкновеннымъ природнымъ дарованіямъ своимъ, заимствовалъ все, что, въ отношеніи государственнаго, гражданскаго и военнаго устройства, уже

тогда признавалъ полезнымъ для своихъ обширныхъ замысловъ. Съ другой стороны Монголія, частію степная, частію гористая и лѣсистая, доставляла всѣ удобства для охоты, которую Темудзинъ и называлъ школою войны. Такимъ образомъ, то учась у китайцовъ и заимствуя у нихъ все полезное для своихъ цѣлей, то упражняясь подобіемъ войны—охотой, то отражая нападенія сосѣдей, то самъ въ отмщеніе нападаая на нихъ, Темудзинъ, среди опасностей и битвъ, болѣе и болѣе освоивался съ войной, развивалъ и совершенствовалъ свои дарованія, научался узнавать и оцѣнивать людей съ достоинствомъ, которыми и умѣлъ потомъ окружить себя. Съ помощью многочисленныхъ табуновъ лошадей своего народа онъ образовалъ отличную конницу и, усиляясь мало по малу, началъ постепенно покорять сосѣднія монгольскія племена, а покоривъ ихъ, заставилъ ихъ признать себя верховнымъ главою ихъ, подъ названіемъ Чингисъ Хана (повелителя сильныхъ). Безъ сомнѣнія, во время этихъ войнъ и подъ вліяніемъ всѣхъ означенныхъ выше причинъ именно онъ и создалъ превосходныя въ своемъ родѣ: военное устройство своего государства и войска и военное искусство, и замыслилъ покореніе не только Азіи, но и Европы, и всего міра. Изъ самаго хода послѣдующихъ войнъ его слѣдуетъ заключить, что не религіозный фанатизмъ аравитянъ и крестоносцевъ увлекалъ Чингисъ-хана и его монголовъ къ завоеваніямъ и былъ причиной громадныхъ успѣховъ ихъ, но неутомимая алчность власти и добычи, превосходныя, частію заимствованныя у китайцовъ, политическія и военныя учрежденія и правила, отличное устройство войскъ, умѣніе ихъ владѣть оружіемъ, способность кочевыхъ народовъ переносить неимоверныя труды и лишения военной жизни и увѣренность въ превосходствѣ своего военного искусства передъ всѣми современными народами.

Означенныя выше военныя и политическія учрежденія и правила, военное устройство государства и войска и военное искусство монголовъ при Чингисъ-ханѣ были собраны и изложены въ уложеніи его, называвшемся Ясѣ, которое у потомковъ Чингисъ-хана было въ такомъ же уваженіи, какъ коранъ у магометанъ. Судя по оставшимся отрывкамъ его, они заключались въ слѣдующемъ:

Для предупрежденія самовольства, раздоровъ, междоусобій и насплій и для утвержденія порядка и благоустройства, подвластныя Чингисъ-хану монгольскія племена получили опредѣленныя каждому пространства земель для пастбы ихъ стадъ и для перекочевокъ. Въ каждомъ племени кибитки или семейства были раздѣлены на десятки, сотни и тысячи, имѣвшія начальниками десятниковъ, сотниковъ и тысячниковъ. Каждый монголъ, способный носить оружіе, былъ воиномъ и потому, въ случаѣ набора войскъ, каждый де-

сятокъ выставлѣлъ, смотря по наряду, по одному, по два или болѣе воиновъ, снабжая ихъ назначенными: продовольствіемъ и всѣми потребностями для похода. Въ войскѣ были также подраздѣленія: въ каждомъ десяткѣ выбирали одного десятника, для начальствованія 9-ю воинами; 9 десятковъ подчинялись сотнику, имѣвшему сверхъ того свой особый десятокъ; точно тоже было и въ тысячахъ и десяти тысячахъ. Послѣдними (по монгольски тумыни) начальствовали 10-ти-тысячники (называемые у нашихъ лѣтописцевъ темниками, отъ славянскаго слова тьма—10,000). Кромѣ этихъ начальниковъ, упоминаются еще: 1) юртджи, обязанностью которыхъ было располагать лѣтнія и зимнія кочевки, въ походѣ назначать мѣсто становищъ, какъ во время войны, такъ и на ханской охотѣ, для которой обыкновенно собиралось большое число войскъ, въ походахъ по степнымъ и безводнымъ мѣстамъ опредѣлять, сколько запасовъ и воды брать съ собою, также знать, какими путями было удобнѣе двигать войска, гдѣ, сколько и какого свойства кормъ и вода; 2) теваджи имѣли надзоръ за верблюдами, перевозившими тяжести войскъ (а по мнѣнію бывшаго казанскаго профессора Эрдманна — объявлять ханскія приказанія и завѣдывать снабженіемъ арміи продовольствіемъ и всемъ нужнымъ); 3) буляргуджи были обязаны, по снятіи стана или лагеря, осматривать, не остался-ли кто въ немъ, и забытыя или потеряныя вещи, скотъ, рабовъ и пр. забирать и возвращать по принадлежности; 4) бекъ-аулы хранили военную добычу, на пріобрѣтенныхъ ею вещахъ прикладывали тамгу или клейма и завѣдывали правильнымъ раздѣломъ добычи; 5) таргуджи хранили войсковыя печати и разбирали споры и ссоры между воинскими чинами, и пр. Повелѣнія хана передавались, чрезъ ближайшихъ, состоявшихъ при немъ чиновъ, десяти тысячникамъ, а этими—тысячникамъ и т. д. Начальникамъ войскъ было строго воспрещено принимать въ свои части воиновъ другихъ частей и начальниковъ, и даже ближайшіе родственники хана не имѣли права на то. Всѣ чины войска, не исключая самыхъ высшихъ, за ослушаніе подвергались строжайшимъ наказаніямъ. Начальникъ отряда, поставленный на назначенномъ ему мѣстѣ, не могъ сойти съ него, даже для поданія помощи другому отряду, не получивъ позволенія или приказанія на то, и никто не долженъ былъ принимать отъ него такой помощи. За нарушеніе этого назначалась смертная казнь, равно какъ и за бѣгство по одиночкѣ съ поля сраженія. Въ мирное время оружіе воиновъ (вѣроятно племенъ, покорность которыхъ была сомнительна) отбиралось и хранилось въ особыхъ складахъ, а передъ походомъ или въ случаѣ надобности раздавалось воинамъ, которые должны были беречь его и содержать въ исправности. Передъ походомъ и

сраженіемъ войскамъ производился подробный и строгій смотръ, и за несправность въ содержаніи оружія, недостатокъ назначенныхъ для похода и боя вещей и т. п. виновные были подвергаемы строгимъ наказаніямъ. Подъ страхомъ смертной казни было запрещено грабить непріятеля безъ приказанія, но каждый воинъ имѣлъ равное право пользоваться военною добычей, которая служила средствомъ къ наградѣ и замѣняла жалованье, вмѣсто котораго, по временамъ давались обѣднѣвшимъ воинамъ скотъ, одежды и инныя вещи, получаемыя въ видѣ дани съ покоренныхъ племенъ или народовъ. Жалованья же войска при Чингисъ-ханѣ не только не получали, но и сами и семейства ихъ платили ему подати лошадьми, скотомъ, войлоками и т. п. Во время походовъ войска продовольствовались частію награбленными ими либо вытребованными отъ жителей проходимою страны запасами, частію же многочисленными стадами, которыя гнали за собою. Въ случаѣ же крайняго недостатка въ продовольствіи въ бесплодныхъ степяхъ, они питались кореньями, выкапываемыми изъ земли, или зерновыми запасами, отыскиваемыми въ ямахъ, въ которыхъ они хранились, или же учреждали въ большихъ размѣрахъ охоту, которая служила какъ средствомъ продовольствованія, такъ и военнымъ упражненіемъ и школою войны, ибо при этомъ соблюдался всѣ военныя правила и предосторожности. Лошади же монголовъ продовольствовались въ походахъ подножнымъ кормомъ, а зимою копытами выкапывали изъ подъ снѣга кормовыя растенія и коренья. Главными запасами продовольствія въ походахъ монголамъ служили: сушеное или вяленое мясо, крутъ или высушенный на солнцѣ кислый сыръ, а въ крайнемъ случаѣ — мясо верблюдовъ и заводныхъ лошадей; монголы не гнушались даже павшимъ скотомъ, употребляли въ пищу внутренности и кровь животныхъ, вообще ѣли безъ разбора всякихъ животныхъ, чистыхъ и нечистыхъ: Чингисъ-ханъ запретилъ считать что-либо нечистымъ, говоря, что въ природѣ всечисто.

Вооруженіе монголовъ состояло изъ луковъ и стрѣлъ, сѣкиръ, копій съ крючьями для стаскиванія непріятельскихъ всадниковъ съ лошадей, кривыхъ сабель, кожаныхъ и даже желѣзныхъ шпшаковъ, латъ, щитовъ и пр. Кромѣ того каждый воинъ долженъ былъ имѣть при себѣ пилку или терпугъ для остренія стрѣлъ и копій, шило, иглы, нитки изъ жилъ животныхъ, турсуки или кожаные мѣшки для воды и пр.

Войска состояли изъ конницы, раздѣленной на легкую и тяжелую. Первая назначалась для охраны, развѣдыванія, открытія непріятеля, завязыванія боя, преслѣдованія и пр., а вторая — для нанесенія главныхъ и рѣшительныхъ ударовъ. Въ походахъ каждый монголъ дол-

женъ былъ имѣть 1, 2 или болѣе заводныхъ лошадей. Монголы съ дѣтства приучались ѣздить на степныхъ, иногда дикихъ лошадяхъ, бороться, стрѣлять изъ луковъ, ловко владѣть саблей и копьемъ и вообще ко всякаго рода военнымъ упражненіямъ. Оттого они и были отличными всадниками, наѣздниками, стрѣлками изъ луковъ и составляли превосходную конницу, которая нерѣдко спѣшивалась и такъ же отлично дѣйствовала, какъ пѣхота, въ пѣшемъ строѣ.

Для боя монголы строились въ нѣсколько линій съ резервомъ, имѣя въ переднихъ линіяхъ союзниковъ, войска покоренныхъ народовъ и вообще легкія войска, а въ резервѣ—свои войска и тяжелую конницу. Бой начинали издали сильною и мѣткою стрѣльбой изъ луковъ, сблизившись же, стремительно атаковали непріятеля съ ручнымъ оружіемъ, стараясь при этомъ охватить непріятеля съ обѣихъ фланговъ, для чего растягивали свои линіи вправо и влево. Если они встрѣчали сильный отпоръ, то притворно отступали и пропускали непріятеля къ сторонѣ своей арміи, производя противъ него при этомъ сильную стрѣльбу изъ луковъ съ фронта и фланговъ, и коль скоро замѣчали, что нанесли ему этимъ много вреда и привели его въ разстройство и безпорядокъ, то внезапно переходили въ наступленіе и сильнымъ, дружнымъ ударомъ съ трехъ сторонъ наносили ему окончательное пораженіе ручнымъ оружіемъ въ рукопашномъ бою. Замѣчательно, что кромѣ резерва они нерѣдко производили внезапныя фланговые атаки всѣми или главными силами; часто притворнымъ, даже быстрымъ отступленіемъ утомляли непріятеля, а сами, пересѣвъ на свѣжихъ, заводныхъ лошадей, внезапно обращались назадъ и стремительною атакой опрокидывали и разбивали непріятеля. Вообще они старались сначала обманывать его разными военными хитростями, а потомъ уже одолѣвать силою оружія, и часто прибѣгали къ засадамъ. Побѣдивъ же непріятеля въ бою, преслѣдовали его легкою конницей до послѣдней крайности и истребляли всѣхъ до одного.

Различныя части войскъ ихъ въ бою употребляли разные сигналы (знаменами, трубами и т. п.) и производили боевыя движенія съ необыкновеннымъ легкостью и быстротою. Начальники войскъ ихъ, стоя позади, внимательно слѣдили за ходомъ боя и управляли имъ посредствомъ упомянутыхъ сигналовъ или особенныхъ посыльныхъ. При этомъ воины, отдѣльно бѣжавшіе съ поля сраженія или самовольно бросавшіеся на добычу, тутъ же на мѣстѣ предавались смерти.

Если они на пути своемъ встрѣчали сильно-укрѣпленный городъ, то прежде всего разоряли всѣ окрестности его, дабы лишить гарнизонъ и жителей его средствъ продовольствованія, старались выманить гарнизонъ изъ города, навести его на засаду или принудить

въ бою въ полѣ, разбить его или часть его и ослабить оборону города. Если это не удавалось, то они окружали городъ изгородами или даже валами съ рвами и отрѣзывали всякое сообщеніе съ краемъ. Затѣмъ они производили осадныя работы, но не сами, а окрестными туземными жителями и военноплѣнными, ихъ же употребляли и для прикрытія осадныхъ работъ, и для приступовъ къ городу, сами оставаясь назади въ резервѣ, какъ для управленія и подкрѣпленія ихъ, такъ особенно для побужденія силой идти впередъ; бѣжавшихъ же спереди предавали смерти. Такимъ образомъ они брали непріятельскіе города, такъ сказать, покоренными ими народами, плѣнниками и союзниками своими, сами же щадили свои войска (чѣмъ и объясняется то, что, не смотря на свои непрерывныя войны, они не только не ослаблялись, но и усиливались). Безпрерывными атаками днемъ и ночью они не давали покоя гарнизону и жителямъ, строили и употребляли извѣстныя въ то время осадныя военныя машины (искусными строителями ихъ, найденными Чингисъ-ханомъ въ Китаѣ и Персіи). Огонь и вода также служили имъ для разрушенія городовъ: они знали употребленіе зажигательныхъ составовъ и стрѣлъ, греческаго огня и т. п. для зажиганія деревянныхъ строеній и умѣли также производить наводненія, подземныя подкопы, ходы и т. п. Вообще искусство брать непріятельскія города правильною осадой было у нихъ въ большемъ совершенствѣ, а огромныя осадныя работы ихъ и искусное, необыкновенно сильное, мѣткое и разрушительное дѣйствіе ихъ осадныхъ метательныхъ орудій (баллистъ и катапультъ) и стѣнобитныхъ тарановъ *) сдѣлали бы честь древнимъ грекамъ и римлянамъ. При этомъ они не щадили военныхъ хитростей, обмановъ, щедрыхъ обѣщаній и жестокихъ угрозъ гарнизону и жителямъ города: иногда притворно отступали и, когда гарнизонъ плошалъ, внезапно нападали на него и на плечахъ его вторгались въ городъ. Начавъ осаду, рѣдко снимали ее, но продолжали упорно до тѣхъ поръ, пока не успѣвали взять города силой, или голодомъ, или внезапнымъ нападеніемъ, или хитростью, или предательствомъ; ибо, не оставляя во взятыхъ городахъ гарнизоновъ своихъ, не оставляли въ тылу за собою и самыхъ городовъ этихъ, но разрушали ихъ, а жителей (исключая купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ и т. п.) истребляли.

*) Въ 1221 г., при осадѣ города Нишабура въ Персіи сыномъ Чингисъ-хана Тулуемъ, они изготовили на мѣстѣ 3 т. баллистъ, 300 катапультъ, 700 орудій для метанія горшковъ съ зажженною нефтью, 4 т. штурмовыхъ лѣстницъ, 2,500 вьюковъ камня для метанія изъ катапультъ и пр. Были примѣры, что они употребляли метательныя орудія и въ полевыхъ сраженіяхъ: такъ Батый въ 1241 г. въ Венгріи овладѣлъ мостомъ черезъ р. Сайо посредствомъ катапультъ.

Не менѣе вниманія и удивленія заслуживаютъ какъ образъ и искусство веденія войны монголами при Чингисъ-ханѣ и его преемникахъ, такъ и замѣчательнѣйшія изъ постановленій его, относившихся къ военной политикѣ и правленію государствомъ и покоренными народами.

Прежде начатія войны, Чингисъ-ханъ узнавалъ обстоятельно о мѣстныхъ свойствахъ, жителяхъ, силахъ, средствахъ, способахъ и внутреннемъ состояніи той страны или того государства, на которыя хотѣлъ напасть, заводилъ въ нихъ тайныя связи, склонялъ недовольныхъ вступать въ его службу и пр. Свѣдѣнія эти собирались посредствомъ посольствъ, торговыхъ сношеній и лазутчиковъ. Война рѣшалась на курилтѣ или общенародномъ собраніи, въ присутствіи хана, родственниковъ его и важнѣйшихъ сановниковъ. При этомъ опредѣлялось число войскъ, составъ арміи, время и мѣсто сбора ея и пр. Сверхъ того нужно сказать, что когда царство монгольское сдѣлалось обширнымъ, то Чингисъ-ханъ, для удобства сообщеній, учредилъ почты и на главныхъ почтовыхъ путяхъ расположилъ отряды войскъ, для охраненія безопасности проѣзжавшихъ и покровительства торговлѣ. Поэтому распоряженія для сбора войскъ могли быть производимы удобно и скоро.

Когда война была рѣшена и всѣ распоряженія для нея сдѣланы, Чингисъ-ханъ приглашалъ государя непріятельской страны, коротко, но ясно и грозно, либо покориться ему безусловно, либо лишиться всего безъ исключенія. Въ первомъ случаѣ, покорявшійся былъ обязанъ дать заложниковъ, допустить исчисленіе своего народа, принять монгольскихъ правителей, платить десятину произведеній земли, дать 10-го человѣка въ войско и со 100 головъ скота по одной. Въ противномъ случаѣ Чингисъ-ханъ немедленно открывалъ войну вторженіемъ въ непріятельскій край съ нѣсколькихъ сторонъ, чѣмъ приводилъ непріятеля въ недоумѣніе, гдѣ ему сосредоточивать свои силы, или заставлялъ его раздѣлять ихъ. Если армія въ 100 т. чел. конницы выступала въ походъ, то за 2 дня ѣзды высылала впередъ, въ обѣ стороны и назадъ охранные и наблюдательные отряды, для того, чтобы не быть застигнутой врасплохъ. За нею гнали стада скота и множество заводныхъ лошадей (по словамъ Марко-Поло — среднимъ числомъ по 18 коней и кобылъ на каждаго всадника) на перемѣну; усталыхъ же и измученныхъ лошадей отсылали назадъ.

Если Чингисъ-ханъ не встрѣчалъ сопротивленія, то, проникая внутрь страны, разорялъ все на пути, захватывалъ стада, истреблялъ жителей, а между тѣмъ особыя отряды войскъ наблюдали за укрѣпленными городами, замками и пр. Въ случаѣ осады ихъ, она

производилась какъ означено выше. Съ приближеніемъ же главной непріятельской арміи, всѣ отряды монголовъ, разсѣянные для наблюденія за городами, грабежа, пастьбы скота и пр., быстро сосредоточивались въ назначенныя время и мѣсто, и армія шла и вступала въ бой, какъ означено выше.

Широкія рѣки, какъ Аму-Дарья, Днѣпръ и т. п., нимало не останавливали монголовъ. Они переплывали черезъ нихъ вплавь, держась за хвосты своихъ лошадей и привязавъ къ себѣ вокругъ тѣла турсуки съ оружіемъ, одеждой и запасами своими или же сплавляя ихъ за собою на камышовыхъ плотахъ.

Походы свои Чингисъ-ханъ обыкновенно начиналъ осенью, когда лошади и верблюды его послѣ лѣтней пастьбы были въ хорошемъ тѣлѣ. Съ этою цѣлію, монголы во время лѣтнихъ жаровъ пасли своихъ лошадей и верблюдовъ и сами отдыхали, опустошивъ прежде край вокругъ, для большей безопасности. Во время стоянки станомъ, въ мирное, какъ и въ военное время, они, въ случаѣ опасности отъ нападенія непріятеля, ограждали станы свои валами, рвами и пр.

Опустошеніе непріятельской страны и истребленіе ея жителей, носившихъ оружіе, составляли одно изъ главныхъ правилъ военной системы Чингисъ-хана. По его постановленіямъ, возмущившимся и непокорнымъ была назначена смерть, а семейства и имущества побѣжденных составляли собственность побѣдителей. Въ многочисленныхъ государствахъ монголы умерщвляли, по минованіи въ нихъ надобности, всѣхъ, которыхъ не хотѣли сохранить въ живыхъ (именно—нужныхъ имъ людей: ремесленниковъ, рабочихъ, а также духовенство, законовѣдовъ, ученыхъ и пр., имѣвшихъ вліяніе на народъ, или которыхъ употребляли сначала для содѣйствія противъ нихъ же согражданъ). Употребленіе плѣнныхъ на работы, наряды людей, требуемые отъ покорныхъ и подвластныхъ народовъ, подкрѣпленія, получаемыя отъ другихъ кочевыхъ племенъ, принятыхъ въ монгольское войско, правило посылать впередъ союзныя войска, а свои имѣть въ резервѣ—все это, вмѣстѣ взятое, было причиной, что монголы, какъ сказано, не только не ослаблялись, но и значительно усиливались въ народонаселеніи. По словамъ Абульгази, Чингисъ-ханъ по смерти отца своего имѣлъ всего до 40 т. кибитокъ или семействъ, а умирая, оставилъ дѣтямъ своимъ 120 т. собственно монгольскихъ войскъ.

Изъ постановленій же Чингисъ-хана, относившихся къ военной политикѣ и правленію, до насъ дошли слѣдующія, наиболѣе замѣчательныя: 1) не заключать мира, не побѣдивъ или не ослабивъ совершенно непріятеля, 2) покровительствовать всѣмъ религіямъ, по

не давать предпочтенія ни которой передъ прочими и не позволять никакихъ сектъ, 3) покровительствовать духовенству, лицамъ извѣстнымъ своею набожностью, законовѣдамъ, врачамъ, художникамъ, купцамъ, ремесленникамъ, рабочимъ и нищимъ, избавляя ихъ отъ податей и иныхъ отъ общественныхъ должностей, другихъ отъ тяжелыхъ работъ и т. п., и 4) хотя ханскій престолъ былъ наследственный, но избраніе въ ханы производить курлтаемъ, изъ потомковъ Чингисъ-хана, достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ людей. Избранный въ ханы, спрашивалъ у предстоявшихъ вельможъ и сановниковъ: будутъ-ли они безпрекословно исполнять его повелѣнія? пойдутъ-ли, предстанутъ-ли передъ нимъ, убьютъ ли—куда, когда, кого онъ прикажетъ?—и по полученіи утвердительнаго отвѣта произносилъ: «и такъ отнынѣ слово мое да будетъ вамъ мечомъ». Въ случаѣ же сверженія хана, также курлтаемъ, за неспособность или нарушение коренныхъ постановленій, его заключали въ темницу и запрещали всѣмъ всякое сношеніе съ нимъ.

Таковы были военное устройство и военное дѣло у монголовъ при Чингисъ-ханѣ, обязанные своимъ установленіемъ исключительно этому необыкновенному, можно сказать гениальному человеку, правителю и полководцу. Они были изложены здѣсь съ нѣкоторою обстоятельностью, вполнѣ достойною ихъ, во 1-хъ потому, что относятся къ одной изъ самыхъ страшныхъ и изумительныхъ эпохъ исторіи, когда едва не исполнился замыслъ Чингисъ-хана покорить всю Азію, всю Европу, весь міръ,—во 2-хъ потому, что Чингисъ-ханъ совершилъ свои громадныя завоеванія, не съ правильно-устроенною пѣхотой, какъ греки, римляне и позднѣйшіе завоеватели, но съ конницей, хотя и средне-азіатскихъ кочевыхъ народовъ, но правильно, хотя и своеобразно устроенною и отлично дисциплинированою, въ составѣ армій, стоявшихъ выше современныхъ азіатскихъ и европейскихъ, и это по единственной причинѣ—необыкновенныхъ личныхъ, государственныхъ, политическихъ и военныхъ дарованій Чингисъ-хана, достойнаго стать въ ряду великихъ полководцевъ исторіи,—и наконецъ въ 3-хъ потому, что военная система его имѣетъ особенное значеніе для насъ, русскихъ, въ отношеніи къ покоренію Руси монголами и къ вліянію владычества ихъ на нее вообще и военнаго устройства и военнаго дѣла въ ней въ частности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, неразъ придется ссылаться на военную систему Чингисъ-хана при изложеніи военныхъ событій Руси, отъ покоренія ея монголами до освобожденія отъ ихъ ига и даже послѣ того.

ГЛАВА IV.

РУССКІЯ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ (862 — 1353).

§ 28. Образъ веденія войны и характеръ войнъ вообще.—§ 29. Войны и походы первыхъ русскихъ князей (862 — 1054).—§ 30. Походы Свято-слава I (957—972).—§ 31. Войны въ удѣльномъ періодѣ (1054—1243).—§ 32. Походы Владимира Мономаха (1076—1125).—§ 33. Война Изяслава Мстиславича съ Георгіемъ Долгорукимъ или начало борьбы Суздаля съ Кіевомъ (1146 — 1154).—§ 34. Походы Святослава кіевского, Игоря съверскаго и Всеволода туровскаго противъ половцовъ (1184—1185).—§ 35. Походы Мстислава Удалаго (1212—1222).

§ 28.

Образъ веденія войны и характеръ войнъ вообще.

Войны Руси въ этомъ періодѣ, разсматриваемыя вообще, представляютъ многія общія черты сходства съ современными войнами западной Европы. Онѣ имѣли тотъ же характеръ неправильный, безъискусственный и жестокій, тоже подобіе набѣговъ или нашествій, также состояли изъ быстрыхъ и нерѣдко дальнихъ движеній, смѣлыхъ, отважныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій въ полѣ, частыхъ битвъ и нападеній на города открытою силой. Бой также былъ главнымъ средствомъ для достиженія цѣли войны. Наступавшій и оборонявшійся также шли прямо на встрѣчу одинъ другому и вступали въ бой, который оканчивался обыкновенно пораженіемъ и бѣгствомъ побѣжденнаго. Послѣдній за-пирался тогда въ города и держался въ нихъ до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣталъ перевѣса, либо не былъ принуждаемъ уступить силѣ. Для облегченія или ускоренія побѣды часто употреблялись разнаго рода военныя хитрости, заступавшія мѣсто искусства. При томъ вой-

на была всегда сопряжена съ жестокимъ разореніемъ края и его жителей.

Разсматриваемыя же въ частности, войны Руси въ этомъ періодѣ представляютъ нѣкоторыя особенныя черты при первыхъ русскихъ князьяхъ, въ удѣльномъ періодѣ и въ первой половинѣ монгольскаго.

§ 29.

Войны и походы первыхъ русскихъ князей (862—1054).

По сказанію Нестора и другихъ первыхъ лѣтописцовъ нашихъ *), варяги, по пришествіи своемъ въ земли сѣвернаго славяно-финскаго союза, начали воевать всюду, т. е. съ сосѣдственными племенами, для покоренія ихъ и взиманія съ нихъ дани. Съ этою цѣлію, первые русскіе князья (Рюрикъ, Олегъ, Игорь), съ своими дружинами, ежегодно зимою ходили по землямъ восточныхъ славянъ, собирали дань, сопротивлявшихся принуждали къ тому силой оружія, срубали деревянные городки или крѣпостцы, оставляли въ нихъ часть дружинъ своихъ, для содержанія окрестныхъ жителей въ повиновеніи, и съ данью и добычей возвращались въ Новгородъ или Кіевъ. По причинѣ обширныхъ и густыхъ лѣсовъ, покрывавшихъ земли восточныхъ славянъ, и по отсутствію сообщеній, удобныхъ для движенія войскъ съ тяжестими, походы эти первоначально совершались плавнымъ путемъ, т. е. по рѣкамъ на легкихъ судахъ (ладьяхъ). Поэтому первыя завоеванія совершены и первые городки построены были на берегахъ и въ долинахъ главныхъ рѣкъ, откуда по притокамъ ихъ начали углубляться во внутренность страны. Главнымъ, извѣстнымъ плавнымъ путемъ былъ днѣпровскій или греческій (изъ Волхова и Ильменя вѣроятно Ловатью въ Двину и Днѣпръ, частію по притокамъ двухъ послѣднихъ рѣкъ, частію же волокомъ по сухому пути), которымъ варяги ходили съ сѣвера на югъ и далѣе въ Константинополь и Грецію.

Сверхъ этихъ внутреннихъ походовъ, варяги и первые русскіе князья производили морскіе походы къ Константинополю, причиною которыхъ было удалство, а цѣлію — пріобрѣтеніе богатой добычи. Такого рода походы Аскольда и Дира, равно и Игоря, были неудачны: буря разбила и разсѣяла суда первыхъ (865), а греческій

*) Опровергаемому профессоромъ Иловайскимъ, ведущимъ начало достоверной исторіи Руси съ Олега кіевскаго. Но это не измѣняетъ взгляда на характеръ войнъ первыхъ русскихъ князей.

огонь пстробилъ бѣольшую часть судовъ послѣдняго (941). Но походъ Олега (907) былъ удачнѣе: греческій императоръ Левъ Философъ откупился золотомъ и заключилъ съ Олегомъ мирный и торговый договоръ.

Войны Святослава I отличаются отъ предшествовавшихъ тѣмъ, что Святославъ воевалъ уже исключительно на сухомъ пути и производилъ преимущественно дальнія и смѣлыя предпріятія съ цѣлю завоеваній. Онъ началъ съ того, что обратился противъ хазаровъ, побѣдилъ кагана ихъ, взялъ и разорилъ главный городъ его на Дону, Саркель или Бѣлую Вежу, съ Дона перешелъ на Волгу и, по восточнымъ писателямъ, поднялся по ней (въ 968 г.) до главнаго и богатаго города волжскихъ болгаръ, Болгара, разграбилъ и разорилъ его, потомъ спустился по Волгѣ, разорилъ земли буртасовъ (мордвы), разграбилъ другую столицу хазаровъ Итилъ и на берегахъ Каспійскаго моря другой, богатый городъ Семендеръ (нынѣ Тарковъ), затѣмъ побѣдилъ прикавказскихъ яссовъ и кассоговъ (аланъ), покорилъ полуостровъ Тмутараканъ (нынѣ Тамань) и на возвратномъ пути съ востока побѣдилъ вятичей на Окѣ и наложилъ на нихъ дань. Послѣ того въ 967—69 и 970—71 г.г. онъ воевалъ въ Болгаріи съ дунайскими болгарами и греками (см. ниже).

Войны Владиміра I и Ярослава I имѣли цѣлю: внутри—утвержденіе княжеской власти надъ всѣми племенами восточныхъ славянъ и нѣкоторыми сосѣдственными съ ними финскими, и соединеніе ихъ въ одинъ народъ подъ одною властію и одними уставами гражданскими, а извнѣ — распространеніе и обезпеченіе предѣловъ русской земли, покореніе сосѣдственныхъ чуждыхъ племенъ, сборъ съ нихъ дани или отраженіе ихъ набѣговъ и нападеній, либо (какъ въ походѣ къ Херсоню) какіе-либо особенныя политическія виды. Городковъ и сообщеній, удобныхъ для движенія войскъ въ русской землѣ, тогда было уже болѣе, нежели прежде, и потому походы совершались не однимъ плавнымъ, но и сухимъ путемъ. Сами князья уже совершали походы не для собиранія дани съ племенъ покоренныхъ, но для совершенія новыхъ завоеваній, собиранія дани съ племенъ чуждыхъ или независимыхъ, усмиренія и наказанія мятежныхъ и непокорныхъ данниковъ и т. п. Такъ Владиміръ I, утвердись на великокняжескомъ престолѣ, завоевалъ (981) земли хорватовъ (нынѣшнюю Галицію), снова покорилъ (982—984) отложившихся вятичей и радимичей и сосѣдственныхъ съ древлянскою областю, на сѣверо-западъ отъ нея, дикихъ и хищныхъ ятвяговъ, совершилъ (985) походъ (не совсѣмъ достовѣрный) противъ камскихъ болгаръ и наконецъ (988) въ Таврический Херсонесъ или Херсонскую область, принадлежавшую византійской имперіи—

походъ, состоявшій въ осадѣ и взятіи Херсона. Сверхъ того, въ продолженіи всего княженія Владимірова не прерывалась война съ печенѣгами. Точно также и Ярославъ I, утвердись на великокняжескомъ престолѣ, воевалъ (1030) противъ чуди (обитавшей въ нынѣшней Эстляндской губерніи), которую побѣдилъ и обложилъ данью, а для содержанія ея въ повиновеніи построилъ городовъ для крѣпостцу, названную, по его имени Георгія или Юрія, Юрьевымъ (нынѣ Дерптъ); велъ войну съ преемникомъ польскаго короля Болеслава Храбраго, Мечиславомъ, отъ котораго, при дѣятельномъ содѣйствіи брата своего, Мстислава, отобралъ обратно Червонную Русь, отнятую Болеславомъ (1031), отразилъ отъ Кіева печенѣговъ (1037), побѣдилъ и обложилъ данью ятвяговъ и литву (1038) и помогалъ союзнику своему, польскому королю Казимиру, въ усмирении возставшихъ мазовшанъ (1040), въ вознагражденіе за что червенскіе города были признаны его собственностью (1041). Затѣмъ сынъ его Владиміръ совершилъ (1042) послѣдній и неудачный морской походъ къ Константинополю, кончившійся тѣмъ, что бѣльшая часть судовъ Владиміровыхъ была сожжена греческимъ огнемъ, разсѣяна и разбита бурей, а 6,000 русскихъ воиновъ, спасшихся съ воеводой Вышатою на берега Фракіи и хотѣвшихъ возвратиться сухимъ путемъ, были разбиты и почти всѣ истреблены греками (близъ Варны).

Изъ числа всѣхъ войнъ, веденныхъ при первыхъ русскихъ князьяхъ, походы Святослава I въ дунайской Болгаріи и Фракіи особенно замѣчательны и любопытны и заслуживаютъ быть разсмотрѣнными въ нѣкоторой подробности.

§ 30.

Походы Святослава I (957—972).

Все 15-ти-лѣтнее княженіе Святослава I было занято непрерывнымъ рядомъ войнъ. Мужественный и воинственный, пренебрегавшій и миромъ, и всѣми удобствами жизни, Святославъ былъ воинъ въ душѣ, дышалъ одною войной и воевалъ болѣе изъ удали и для славы, нежели для власти. Послѣ первыхъ походовъ его противъ хазаръ, болгаръ, яссовъ, вятичей и пр. (см. выше), особеннаго вниманія заслуживаютъ походъ его въ дунайскую Болгарію и война въ ней съ греками (967—972).

Въ 967 г. греческій императоръ Никифоръ Фока, негодуя на болгарскаго царя Петра за то, что онъ не удерживалъ угровъ или венгровъ отъ перехода черезъ Дунай и допускалъ ихъ грабить сѣ-

верныя области имперіи, отправилъ къ Святославу патриція Калокпра, сына правителя греческой херсонской области, и чрезъ посредство его, по инымъ — цѣною 15 центнеровъ (1,500 фунтовъ) золота, склонилъ Святослава воевать противъ дунайскихъ болгаръ. Въ 968 г. Святославъ съ многочисленнымъ войскомъ (по сомнительному сказанію лѣтописца—до 60 т. человѣкъ) переплылъ на ладьяхъ изъ Днѣпра моремъ въ Дунай. 30 т. болгаръ хотѣли воспрепятствовать высадкѣ Святослава на правый берегъ Дуная, но были разбиты, и Святославъ покорилъ и разграбилъ многіе болгарскіе города, въ томъ числѣ Малую Преславу или Переяславецъ (древній Марціанополь, нынѣ Праводы) и сильно-укрѣпленный Доростолъ (нынѣ Силистрія). Значительная часть болгаръ отложила отъ Петра и вѣроятно дѣйствовала за одно съ Святославомъ, а царь Петръ съ горя умеръ, оставивъ двухъ сыновей, Бориса и Романа. Легкость завоеванія, пріятность климата и выгодное торговое положеніе Болгаріи такъ прельстили Святослава, что, если вѣрить нашей лѣтописи, онъ задумалъ утвердиться въ Болгаріи и перенести свою столицу изъ Кіева въ Переяславецъ. Но вѣсть объ обложеніи Кіева печенѣгами принудила Святослава, оставивъ часть войскъ въ Переяславцѣ и Доростолѣ, съ остальными поспѣшить на помощь Кіеву. Между тѣмъ какъ онъ плылъ туда, воевода его Претичъ успѣлъ собрать на другой сторонѣ Днѣпра небольшую дружину, переправился съ нею черезъ Днѣпръ и увѣрилъ печенѣговъ, что начальствовалъ передовымъ отрядомъ Святослава, шедшаго вслѣдъ за нимъ съ нижняго Днѣпра. Устрашенные печенѣги удалились въ свои степи, но Святославъ, прибывъ въ Кіевъ, поспѣшилъ вслѣдъ за ними, нагналъ ихъ, разбилъ и принудилъ къ миру (969).

По смерти вскорѣ матери своей Ольги, Святославъ снова отправился (970) въ Болгарію, съ цѣлію довершить завоеваніе ея въ пользу не императора, а свою собственную. Между тѣмъ, въ отсутствіи его, болгары напали на Переяславецъ и Доростолъ и взяли обратно первый изъ нихъ. Святославъ, приплывъ въ Дунай, не встрѣтилъ препятствія къ высадкѣ, но болгары преградили ему путь къ Переяславцу. Святославъ разбилъ ихъ, взялъ Переяславецъ приступомъ и вскорѣ овладѣлъ бѣльшею частію городовъ Болгаріи, показывая видъ, будто дѣйствуетъ единственно съ цѣлію освобожденія болгаръ отъ грековъ.

Никифоръ Фока, раскаясь, что призвалъ Святослава, началъ готовиться къ войнѣ съ нимъ и склонилъ болгаръ содѣйствовать ему, но былъ убитъ по заговору жены своей, Теофаніи, и полководца Іоанна Цимисхія, родомъ армянина, который вступилъ на престолъ имперіи. Умный, мужественный и искусный въ военномъ дѣлѣ Ци-

мисхій прежде всего положилъ вытѣснить Святослава изъ Болгаріи. Миротлюбивыя средства, употребленные имъ для того, не имѣли успѣха: Святославъ грозилъ самихъ грековъ изгнать изъ Европы. Тогда Цимисхій выслалъ искуснаго полководца Варда, по прозванію Склира (крѣпкаго) съ 12 т. войскъ на границы Болгаріи, для наблюденія за Святославомъ и прикрытія Θракіи, а самъ началъ собирать войско и готовить флотъ. Святославъ же собралъ вспомогательное войско изъ болгаръ и наемныхъ венгровъ и печенѣговъ и, имѣя всего съ своими войсками до 30 т. чел., перешелъ черезъ Гѣмскій (Балканскій) горный хребетъ и началъ разорять Θракію. Вардъ Склиръ отступилъ къ Адрианополю и заперся въ немъ, а Святославъ послѣдовалъ за нимъ и, подступивъ къ Адрианополю, расположился противъ него въ трехъ станахъ: въ одномъ были руссы и болгары, въ другомъ венгры, а въ третьемъ печенѣги. Вардъ Склиръ, пользуясь тѣмъ, что войска Святослава предались грабежу въ окрестностяхъ Адрианополя и безпечности, ночью вывелъ войско свое изъ города и расположилъ его скрытно въ засадѣ, а на разсвѣтѣ послалъ Іоанна Алака съ частию конницы завязать дѣло и притворнымъ отступленіемъ навести войска Святослава на засаду. Печенѣги были первые, которыхъ встрѣтилъ Алакъ: наведенные на засаду, они были опрокинуты и разбиты. Святославъ двинулся на помощь имъ, имѣя впереди конныхъ венгровъ, а сзади пѣшихъ руссовъ и болгаръ. Опрокинутые греческою конницею на шедшую позади ихъ пѣхоту, венгры привели ее въ разстройство. Вслѣдъ затѣмъ Склиръ охватилъ, окружилъ и атаковалъ со всѣхъ сторонъ войско Святослава. Завязался упорный бой: побѣда нѣсколько разъ переходила со стороны на сторону, но наконецъ осталась за правильно-устроеннымъ греческимъ войскомъ. Святославъ былъ разбитъ, успѣлъ однако пробиться и съ большимъ урономъ удалился за Гѣмскій хребетъ въ Болгарію. Вардъ Склиръ не могъ воспользоваться одержанною побѣдой, потому что былъ отозванъ Цимисхиємъ для усмиренія Варда Фоки, возмущившагося въ Каппадокіи, а оборона границъ Θракіи была поручена неопытному и неспособному полководцу Іоанну. Пользуясь тѣмъ, войска Святослава грабили и разоряли предѣлы Θракіи и Македоніи, но по оплошности оставили проходы въ Гѣмскомъ хребтѣ незанятыми.

Между тѣмъ Цимисхій все время до весны 971 г. дѣятельно готовился къ войнѣ, собиралъ войска многочисленный флотъ изъ мелкихъ судовъ для дѣйствій на Дунаѣ, а въ Адрианополѣ устроилъ большіе склады оружія, продовольствія и пр. и обратилъ его въ главный опорный пунктъ для дѣйствій противъ Святослава. При этомъ онъ составилъ изъ храбрѣйшихъ молодыхъ людей особый отрядъ

тѣлохранителей, подъ названіемъ безсмертныхъ. Весною 971 г. онъ выступилъ съ войскомъ изъ Константинополя къ Адрианополю и послалъ туда впередъ Варда Склира (уже усмирившаго Варда Фоку), а флотъ въ Дунай. Прибывъ въ Адрианополь, онъ удивился, но и обрадовался, узнавъ, что горные походы (клисуры) въ Балканахъ не были заняты руссами (что не доказываетъ особеннаго искусства со стороны Святослава). Вслѣдствіе того, безпрепятственно пройдя черезъ нихъ съ дружиною безсмертныхъ—воинныхъ латниковъ, съ 15 т. чел. пѣхоты и 13 т. чел. конницы, все отборныхъ войскъ, за которыми слѣдовали обозы съ оружіемъ, продовольствіемъ и метательными орудіями и къ которымъ присоединились еще многія другія греческія войска изъ Европы и Азіи, Цимисхій 12-го апрѣля подступилъ къ Переяславцу, въ которомъ находился воевода Святославовъ, Сфенкель, съ отрядомъ руссовъ. Сфенкель вышелъ изъ города на встрѣчу Цимисхію съ 8,500 воиновъ, но безсмертные охватили лѣвое крыло ихъ и отбросили въ городъ. 13-го апрѣля Цимисхій осадилъ Переяславецъ. Сфенкель оборонялся мужественно и упорно, но вскорѣ греки разбили городскія стѣны и ворвались въ городъ. Руссы заперлись въ царскомъ дворцѣ и держались въ немъ, доколѣ Цимисхій не велѣлъ зажечь его. Тогда, выйдя изъ него въ числѣ около 7,000 человекъ, они долго еще сражались впереди его на площади, но наконецъ, окруженные, почти всѣ были истреблены. Сфенкель съ небольшимъ числомъ оставшихся успѣлъ пробиться и достигнуть Доростола. Болгарскій царь Борисъ былъ взятъ греками въ Переяславцѣ въ плѣнъ, но Цимисхій даровалъ ему свободу и заключилъ съ нимъ миръ и союзъ. Оставшись такимъ образомъ съ одними руссами и наемными венграми и печенѣгами, разсѣянными по городамъ Болгаріи, Святославъ, находившійся лично съ небольшимъ числомъ войскъ въ Доростолѣ, сталъ поспѣшно собирать къ нему всѣ свои войска. Вскорѣ, успѣвъ собрать здѣсь до 60 т. войскъ и свѣдавъ о приближеніи Цимисхія, взявшаго на пути Плискуву, Динаку и м. др. города, онъ двинулся на встрѣчу ему. Оба войска сошлись 23-го апрѣля въ 17 верстахъ къ югу отъ Доростола (можетъ быть при нынѣшнемъ Кучукъ-Кайнарджи). У Цимисхія были отличныя войска, лучшую часть которыхъ составляла превосходная, тяжело-вооруженная конница, между тѣмъ какъ у Святослава конницу составляли неустроенныя толпы венгровъ и печенѣговъ. При самой первой встрѣчѣ, передовой конный отрядъ грековъ опрокинулъ передовой пѣшій отрядъ Святослава. Затѣмъ Цимисхій напалъ на печенѣговъ, составлявшихъ лѣвое крыло Святославова войска, опрокинулъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Святославъ поддержалъ печенѣговъ запасною стражей. Завязалась общая, упорнѣй-

шая битва: 12 разъ (по словамъ византійскихъ лѣтописцовъ) побѣда переходила со стороны на сторону и наконецъ осталась за греками. Святославъ съ урономъ отступилъ къ Доростолу и заперся въ немъ. 24-го апрѣля Цимисхій расположился противъ Доростола, на окружавшихъ его горахъ, въ укрѣпленномъ лагерѣ и 25-го апрѣля покушался взять городъ приступомъ; но греки были отражены сильною стрѣльбою изъ луковъ и метательныхъ орудій. Ободренные тѣмъ, Святославовы воины 26-го апрѣля произвели вылазку, частію сѣвъ на коней, но были опрокинуты греческою конницею обратно въ городъ. Въ то же время греческая флотилія приплыла къ Доростолу, заняла теченіе Дуная, принудила Святослава, изъ опасенія греческаго огня, собрать всѣ свои ладьи къ правому берегу, подъ самыя стѣны города, и совершенно отрѣзала ему отступление по Дунаю. 26-го апрѣля ввечеру войска Святославовы снова произвели сильную вылазку и снова, послѣ упорнѣйшаго боя, продолжавшагося до полудня 27-го апрѣля, были опрокинуты обратно въ городъ, потерявъ въ числѣ убитыхъ Сфенкела.

Святославъ велѣлъ расширить городской ровъ, принялъ многія оборонительныя мѣры и рѣшился обороняться до послѣдней крайности. Цимисхій же, видя, что имѣетъ дѣло съ врагомъ, столь мужественнымъ и храбрымъ, положилъ ограничиться обложеніемъ и принудить Святослава къ сдачѣ голодомъ. Дѣйствительно, въ Доростолѣ вскорѣ открылся недостатокъ въ продовольствіи. Собирать послѣднее въ окрестностяхъ было совершенно невозможно. Однако Святославъ, воспользовавшись сильною грозой и оплошностью греческой флотиліи, спустился съ 2 т. чел. воиновъ въ ладьяхъ по Дунаю, собралъ въ прибрежныхъ селеніяхъ всѣ запасы, какіе нашелъ, на возвратномъ пути напалъ на находившихся на берегу греческихъ фуражировъ, отнялъ у нихъ собранные ими запасы и благополучно воротился въ Доростолъ. Тогда Цимисхій приказалъ флотиліи усугубить бдительность, а на сухомъ пути еще болѣе стѣснилъ городъ, перерывъ всѣ дороги рвами и выставивъ вездѣ стражи. Не имѣя болѣе никакой возможности выходить изъ города для сбора продовольствія, войска Святославовы претерпѣвали сильный голодъ и сверхъ того большой уронъ отъ греческихъ метательныхъ орудій. Чтобы истребить послѣднія, отрядъ отборныхъ русскихъ воиновъ произвелъ 19-го іюля вылазку. Въ происшедшей вслѣдствіе того стычкѣ былъ убитъ начальникъ, завѣдывавшій греческими метательными орудіями. Воины Святославовы, принявъ его, по богатой одеждѣ, за самаго императора, съ торжествомъ возвратились въ городъ и на другой день выставили на одной изъ башенъ голову этого убитаго греческаго начальника. Святославъ, чтобы воспользоваться

произведеннымъ этимъ на грековъ, по его мнѣнію, впечатлѣніемъ, произвелъ 20-го іюля сильную вылазку. Греки двинулись противъ него густою фалангой и опрокинули войска его, которыя медленно и въ порядкѣ отступили въ городъ, закинувъ за спины большіе щиты свои и оставивъ на полѣ сраженія многихъ убитыхъ (между которыми греки нашли многихъ женщинъ: можетъ быть, Святославовы воины привели съ собой въ Болгарію женъ своихъ и онѣ сражались вмѣстѣ съ своими мужьями).

Уже почти три мѣсяца продолжалось обложеніе Доростола, и положеніе Святослава достигло крайней степени бѣдствія. Войско его умирало съ голода и съ каждымъ днемъ уменьшалось числомъ отъ урона въ безпрестанныхъ вылазкахъ, стычкахъ и битвахъ. Греческое же войско, напротивъ, съ каждымъ днемъ усиливалось вновь приходившими подкрѣпленіями и было въ изобиліи снабжаемо продовольствіемъ и всѣми нужными запасами. Въ этомъ отчаянномъ положеніи Святославъ собралъ дружину свою на совѣтъ. Одни предлагали спастись ночью по Дунаю на судахъ, другіе совѣтовали заключить съ Цимисхіемъ миръ. Но Святославъ, отвергнувъ и то, и другое, сильною рѣчью *) убѣдилъ всѣхъ—еще разъ испытать счастья въ битвѣ и побѣдить или пасть съ честію.

24-го іюля произошла послѣдняя, рѣшительная битва подъ Доростоломъ. Утромъ Святославъ вышелъ изъ города и чтобы отнять у своего войска всякую надежду на спасеніе въ немъ, велѣлъ запечатать городскія ворота. Затѣмъ онъ произвелъ дружное, стремительное и сильное нападеніе на грековъ и, пользуясь пересѣченною мѣстностью, столь же удобною для дѣйствій его пѣхоты, сколько неудобною для дѣйствій греческой конницы, принудилъ грековъ отступать. Цимисхій приказалъ продолжать отступление до находившейся позади равнины, но это мало помогло грекамъ: бой, продолжавшійся съ ожесточеніемъ до полудня, не имѣлъ рѣшительнаго успѣха ни для той, ни для другой стороны. Послѣ кратковременнаго отдыха, во время котораго воины Цимисхія успѣли освѣжить и подкрѣпить силы свои, а Святославовы, томимые палящимъ полуденнымъ зноемъ, не имѣли чѣмъ утолить голода и жажды, битва возобновилась съ бѣльшимъ еще противъ прежняго ожесточеніемъ. Вардъ Склиръ

*) «Уже намъ не камо ся дѣти, волею и неволею стати противу, да не посрашимъ земли Русскыя, но ляжемъ костьми ту, мертвыи бо срама не имуть. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамы. Не имамы убѣжати, но станемъ крѣпко, язъ же предъ вами пойду. Аще моя глава ляжетъ, то промышляйте о собѣ. И рѣша вои: «идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ» (Несторъ). Если это и не вѣрно, то выражено вполне согласно съ характеромъ Святослава и его дружины.

съ частию войскъ обошелъ Святослава съ фланга и тыла и отрѣзалъ его отъ города, а Цимисхій съ главными силами, тѣсно-соединенной фалангой, напалъ на него съ фронта. Завязался жестокий рукопашный бой, въ которомъ Святославъ былъ раненъ въ ключевую кость однимъ греческимъ витяземъ, силачомъ Анемахомъ, и сверженъ съ коня. Съ яростью устремились воины его на грековъ и опрокинули ихъ. Уже побѣда склонялась на ихъ сторону, какъ вдругъ разразилась страшная гроза съ громомъ, молніей и вихремъ. Ослѣпленные пылью, которую вѣтеръ гналъ имъ прямо въ лицо, язычески-суевѣрно устрашенные грозой, усматривая въ этомъ гнѣвъ своего Перуна, воины Святославовы смутились и начали отступать къ городу. Но встрѣтивъ войска Склира, расположенныя въ засадѣ, они разсѣялись по сторонамъ, надѣясь пробраться въ городъ, были преслѣдованы и поражаемы со всѣхъ сторонъ греческою конницею и достигли Доростола въ незначительномъ числѣ, оставивъ на полѣ сраженія (если вѣрить византійскимъ лѣтописцамъ) до 15 т. чел. убитыхъ и до 20 т. щитовъ. Словомъ—Святославъ былъ разбитъ на-голову, а греки одержали рѣшительную и блистательную побѣду, которую приписали чудесному заступничеству Св. Θεодора Стратилата. Послѣ этого, положеніе Святослава сдѣлалось уже отчаяннымъ: войскъ у него изъ 60 тыс. оставалось только около 22 тыс. и то на половину неспособныхъ сражаться; самъ онъ и бѣльшая часть военачальниковъ и воиновъ были ранены, помощи ждать было не откуда, надежды на спасеніе не было никакой—и Святославъ съ горестію вынужденъ былъ просить у Цимисхія мира. Цимисхій съ радостью согласился на то и, чтя мужество и храбрость Святослава и его войскъ, снабдилъ ихъ продовольствіемъ, открылъ имъ путь по Дунаю и даже, по просьбѣ Святослава, обѣщавъ склонить печенѣговъ къ свободному пропуску его съ войскомъ чрезъ свои земли. Послѣ личнаго свиданія ихъ на правомъ берегу Дуная, Святославъ отправился на судахъ по Дунаю въ море (по словамъ нашего лѣтописца съ малою дружиною, а по невѣроятному сказанію лѣтописцовъ византійскихъ—съ 22 т. войскъ). Приплывъ въ устья Днѣпра, онъ узналъ, что печенѣги уже ждали его у днѣпровскихъ пороговъ съ непріязненными замыслами. Не отваживаясь съ малою дружиною своею пробиваться силой и надѣясь получить помощь изъ Кіева, онъ остался зимовать въ Бѣлобережѣ, въ устьяхъ Днѣпра. Но въ Кіевѣ ничего не знали о немъ и объ угрожавшей ему опасности и потому помощи оттуда не было. Въ Бѣлобережѣ Святославъ и его дружина провели самую бѣдственную зиму и едва не умерли съ голода. Воевода Святослава, Свенельдъ, совѣтовалъ ему обойти днѣпровскіе пороги сухимъ путемъ.

Но Святославъ отвергнулъ этотъ благоразумный совѣтъ и весною 972 г. поднялся къ порогамъ по Днѣпру на судахъ. У пороговъ (вѣроятно при обычномъ перетаскиваніи лодокъ сухимъ путемъ или волокомъ) печенѣги напали на малочисленную дружину его—и бѣльшая часть оной и онъ самъ пали въ бою, а съ остальными Свенельдъ успѣлъ пробиться и достигнуть Кіева.

Походы Святослава вообще служатъ лучшимъ образцомъ веденія и характера войны при первыхъ русскихъ князьяхъ, а въ частности походы его въ Болгарію и война съ болгарами и греками—подобіемъ того же у прежнихъ гунновъ, готѣовъ и другихъ народовъ завоевателей, пришельцовъ изъ Азіи въ Европу, но особенно—у норманновъ. Тѣ же безотчетныя побужденія къ нашествіямъ и завоеваніямъ съ цѣлію переселенія, соединеннымъ съ варварскимъ веденіемъ войны, грабежомъ и разореніемъ всего на пути. Воинственности, удалства, отважности до дерзости, мужества, храбрости, жестокости было очень много, но у Святослава—благоразумія очень мало, а искусства и того менѣе. Святославъ въ сущности былъ удалой, суровый воинъ, норманнъ-варягъ въ душѣ, легендарный герой, но далеко не полководецъ и въ этомъ отношеніи даже не можетъ быть поставленъ на ряду съ Аттілой, Теодерихами и т. п., еще менѣе съ позднѣйшими: Чингисъ-ханомъ, Тамерланомъ и первыми султанами турокъ-османовъ. Но за то онъ являетъ многія черты сходства съ Карломъ XII, подобно ему, между прочимъ, бросивъ свое государство, только-что зародившееся, на произволъ судьбы, для неблагоразумныхъ, даже безразсудныхъ, отдаленныхъ военныхъ предпріятій и неосновательныхъ военныхъ дѣйствій.

§ 31.

Войны въ удѣльномъ періодѣ (1054—1243).

Междоусобныя войны русскихъ князей въ удѣльномъ періодѣ представляютъ, въ военномъ отношеніи, почти тѣ же самыя черты, что и такія же современныя войны въ западной Европѣ и у чеховъ, поляковъ, венгровъ, сербовъ, дунайскихъ болгаръ и пр. Споря за главенство на Руси, престолъ великокняжескій, обладаніе Кіевомъ и Новгородомъ, позже за независимость своихъ удѣловъ, князья одного рода ополчались противъ князей другаго, старшіе противъ младшихъ, дяди противъ племянниковъ и наоборотъ, составляли между собою союзы, призывали на помощь иноплеменниковъ: половцовъ, венгровъ, поляковъ, вторгались одни къ другимъ въ области, гра-

били и разоряли ихъ, отбирали города, изгоняя другъ друга изъ тѣхъ и другихъ, дѣйствуя преимущественно въ полѣ, быстро, отважно, рѣшительно, рѣшая распри боемъ, иногда уступая силѣ и мирясь, но при первомъ удобномъ случаѣ расторгая мирные договоры и возобновляя междуусобную войну, иногда и послѣ неудачи или при слабости силъ ведя войну до послѣдней крайности, держась въ городахъ и истощая всѣ средства къ пріобрѣтенію перевѣса, одолѣнію противниковъ и отмщенію имъ въ свою очередь набѣгомъ за набѣгъ, грабежомъ за грабежъ, разореніемъ за разореніе. При такомъ образѣ веденія войны не могло быть, какъ весьма естественно, ни малѣйшихъ правильности и основательности въ дѣйствіяхъ. Въ междуусобныхъ войнахъ первой половины удѣльнаго періода (1054—1157) все еще было нѣсколько болѣе единства цѣли, силъ и власти, нежели въ войнахъ второй половины (1157—1240). Отъ смерти Ярослава I до смерти Георгія Долгорукаго, войны вели князья старшихъ поколѣній рода Владиміра I съ князьями младшихъ поколѣній того же рода, тѣ и другіе съ одинаковою цѣлію—первенства ихъ поколѣній на Руси, соединеннаго съ верховною великокняжескою властію въ лицѣ старѣйшаго въ ихъ поколѣніи князя, равно съ обладаніемъ Кіевомъ и Новгородомъ. А потому междуусобныя войны и были ведены обыкновенно болѣшими или меньшими союзами и союзными ратями князей, подъ верховною властію и главнымъ предводительствомъ великаго либо старшаго въ поколѣніи князя. Но по смерти Георгія Долгорукаго, съ раздробленіемъ главныхъ поколѣній княжескихъ на многія отрасли, а Руси—на многія независимыя княжества, и самыя междуусобія князей, такъ сказать, раздробились на мелкія, семейныя, родовыя распри, въ которыхъ исчезла и тѣнь всякаго единства цѣли, силъ и власти. Каждое отдѣльное поколѣніе, каждый удѣльный князь воевали за независимость и самостоятельность своихъ удѣловъ, сверхъ притязаній на престолъ великокняжескій и на право обладанія Кіевомъ и Новгородомъ. Словомъ—во второй половинѣ удѣльнаго періода междуусобія русскихъ князей являютъ уже разительное сходство съ феодальными распрами въ западной Европѣ.

Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе междуусобій удѣльнаго періода, достаточно будетъ указать на главнѣйшія явленія и черты ихъ.

Въ первой половинѣ этого періода главнымъ поприщемъ междуусобій была южная Русь и въ ней преимущественно области кievская и черниговская, главнымъ предметомъ дѣйствій—Кіевъ, а главными дѣйствіями—безпрестанныя ополченія и походы на южную Русь и Кіевъ. Важнѣйшими затѣмъ были дѣйствія противъ Новгорода и Полоцка. При Георгіѣ Долгорукомъ началась борьба Суз-

даля съ Кіевомъ, кончившаяся паденіемъ послѣдняго (уже при Андрѣ Боголюбскомъ въ 1169 г.).

Во второй половинѣ удѣльнаго періода главными поприщами мелкихъ междоусобныхъ распрей раздробившихся княжескихъ поколѣній, именнно: князей полоцкихъ, волынскихъ, галицкихъ, черниговскихъ, смоленскихъ и суздальскихъ, и сверхъ того Новгорода и Пскова, были Русь сѣверовосточная и Русь югозападная, главными предметами дѣйствій — Новгородъ, Суздаль и Галичъ, а главными дѣйствіями — безпрестанныя ополченія противъ того или другаго изъ этихъ послѣднихъ.

Но между тѣмъ, какъ Русь внутри была раздираема междоусобіями своихъ князей, извнѣ она не переставала вести войны, большею частью удачныя, съ сосѣдями своими: финскими племенами и позже шведами, венграми, половцами и волжскими болгарами.

На сѣверѣ Новгородъ велъ частыя войны съ финскими племенами, обитавшими къ сѣверу и югу отъ Финскаго залива, р. Невы и Ладожскаго озера, равно на дальнемъ сѣверовостокѣ, въ Заволочьѣ, двинскихъ земляхъ и близъ Уральскаго хребта. Эти войны имѣли цѣлю покореніе обитавшихъ въ тѣхъ мѣстахъ племенъ, наложеніе на нихъ и собираніе съ нихъ дани. Съ половины XII вѣка въ южной Финляндіи начали поселяться шведы, и съ этого времени начались и почти непрерывно продолжались войны между ними и Новгородомъ за право обладанія финскими землями къ сѣверу и югу отъ р. Невы и Ладожскаго озера. Съ начала XIII вѣка войны эти приняли характеръ преимущественно религіозный: подвигнутые папами, шведы шли уже не только для вытѣсненія новгородцевъ изъ финскихъ земель, но и для обращенія въ латинскую вѣру финскихъ язычниковъ и самихъ новгородцевъ. Обѣ стороны дѣйствовали, попеременно, наступательно и оборонительно, производя, одна въ земли другой, вторженія и набѣги, строя и отнимая одна у другой города или крѣпости. Успѣхъ вообще былъ большею частію на сторонѣ новгородцевъ. Въ концѣ XII вѣка они не только удержали за собою емь и корелу, но, переплывъ Балтійское море, пробрались въ озеро Меларъ, разрушили городъ Сигтуну и затѣмъ бѣольшую часть шведскихъ поселеній въ Финляндіи и сожгли городъ Або. Наибѣольшую славу въ войнахъ новгородцевъ съ шведами снискалъ новгородскій князь Александръ Ярославичъ, прозванный Невскимъ за рѣшительную и блистательную побѣду, одержанную имъ (15 іюля 1249 года) при устьѣ р. Ижоры въ Неву надъ шведами, норвежцами, емью и сумью, шедшими, подъ предводительствомъ Биргера, полководца шведскаго короля Эриха (Косноязычнаго),

обращать финновъ въ христіанскую вѣру и хотѣвшими сверхъ того овладѣть Ладогой и даже самымъ Новгородомъ.

Съ XII вѣка, особенно съ конца его, начались столкновенія новгородцовъ, въ земляхъ чуди, ливи и леттовъ, съ шведскими, датскими и нѣмецкими миссіонерами, во множествѣ шедшими, съ крестомъ и оружіемъ въ рукахъ, проповѣдывать христіанскую вѣру жителямъ этихъ земель. Со времени же прибытія въ эту страну Алберта Буксгевдена съ крестоносною дружиной и основанія имъ Риги (1200) и военно-духовнаго ордена братства Креста Господня или ливонскихъ меченосцовъ (1201), начался и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжались войны новгородцовъ, равно псковскихъ и полоцкихъ князей, съ этимъ ордевомъ. Соединясь (1237) съ господствовавшимъ въ Пруссіи орденомъ тевтонскихъ или нѣмецкихъ рыцарей, орденъ ливонскихъ меченосцовъ продолжалъ вести эти войны съ новыми, усугубленными силами и дѣятельностью, то отражая набѣги и вторженія новгородцовъ, псковитянъ и полочанъ, то самъ производя вторженія въ ихъ земли и особенно часто нападая на Псковъ.

На западѣ венгры и поляки безпрестанно являлись участниками въ междоусобіяхъ князей южной Руси и въ особенности юго-западной, въ которой княжество галицкое служило постоянною цѣлю домогательствъ королей венгерскихъ и польскихъ. Но опаснѣйшими сосѣдями Руси на западѣ съ конца XII вѣка были литовцы. До этого времени князья западной Руси, полоцкіе, волынскіе и другіе ходили безпрестанно въ земли литовцовъ, грабили, разоряли ихъ, собирали съ жителей дань и до того озлобили ихъ, что съ конца XII вѣка (1183) сами литовцы начали въ свою очередь производить безпрестанные, жестокіе и опустошительные набѣги въ земли псковскія, полоцкія, волынскія, даже новгородскія и смоленскія, въ 1224 году проникли до самой Руссы, а въ 1239 году едва не овладѣли Смоленскомъ.

На югѣ постоянными и жесточайшими врагами Руси были половцы, войны съ которыми начались со времени водворенія ихъ, въ послѣдніе годы княженія Ярослава I (1036—1054), на пространствѣ отъ нижняго Днѣпра до Волги; и продолжались непрерывно до покоренія ихъ, въ одно время съ Русью, монголами (1240), т. е. цѣлыхъ два вѣка. Весьма часто являлись они союзниками русскихъ князей въ ихъ междоусобіяхъ, призываемые ими и нанимаемые въ службу на срокъ, еще чаще являлись они врагами Руси, грабя и опустошая южные предѣлы ея и уходя въ свои степи съ богатою добычей и множествомъ плѣнниковъ. Но и князья южной Руси мстили имъ такими же опустошительными, жестокими и большею частію удач-

ными походами или набѣгами въ ихъ степи между Днѣпромъ и Дономъ. Весьма часто походы эти совершали они соединенными и значительными силами, подѣ предводительствомъ великихъ или старшихъ въ родѣ князей. Въ числѣ этихъ походовъ наиболѣе замѣчательны походы 1101 и 1111 годовъ, подѣ предводительствомъ Владиміра Мономаха, походы князей сѣверскихъ, братьевъ Всеволода и Игоря (1184—1185) и нѣкоторые другіе. Походъ Всеволода Георгіевича (1198) въ земли половецкія былъ послѣднимъ: съ тѣхъ поръ русскіе князья ограничивались уже только отраженіемъ набѣговъ половецкихъ и защитой предѣловъ русской земли.

Наконецъ на востокѣ русскіе князья воевали съ финскими заволжскими племенами: черемисой, мордвой, мещерой и др. и съ волжскими болгарами. Цѣлю этихъ войнъ были: распространеніе и огражденіе съ этой стороны предѣловъ Руси, собираніе дани съ финскихъ племенъ и пріобрѣтеніе богатой добычи отъ волжскихъ болгаръ, народа промышленнаго и торговаго, богатство котораго наиболѣе привлекало русскихъ князей.

Но какъ внутреннія, такъ и внѣшнія русскія войны удѣльнаго періода, хотя весьма важны въ отношеніи политическомъ и изобилуютъ доблестными военными подвигами князей и войскъ русскихъ и хотя въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя частныя, отдѣльныя, болѣе или менѣе искусныя дѣйствія, однако, вообще говоря, въ отношеніи собственно къ искусству веденія войны, не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. А потому достаточно будетъ разсмотрѣть вкратцѣ только нѣкоторые войны и походы, наиболѣе замѣчательные по важности цѣли ихъ, либо средствъ и силъ, употребленныхъ въ нихъ, либо послѣдствій ихъ.

§ 32.

Походы Владиміра Мономаха (1076—1125).

Едва-ли который изъ русскихъ князей древности можетъ сравниться съ Владиміромъ Мономахомъ такою долговременною, непрерывною, полезною и славною дѣятельностью военною, какою ознаменовалъ себя этотъ мудрый политикъ и доблестный воинъ. Около 50-ти лѣтъ ратовалъ онъ на пользу земли русской, которой былъ примирителемъ внутри, стражемъ и хранителемъ извнѣ. Военная дѣятельность его подлинно изумительна, а оружіе его было грозою и ужасомъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, особенно половцовъ. «Всѣхъ походовъ моихъ» — говоритъ самъ Мономахъ въ за-

вѣщаніи своемъ дѣтямъ — «было 83, а другихъ маловажныхъ не упомяну. Я заключилъ съ половцами 19 мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ болѣе 100 лучшихъ ихъ князей и выпустилъ изъ неволи, а болѣе 200 казнилъ и потопилъ въ рѣкахъ». Завѣщаніе Мономаха, сверхъ того, что составляетъ любопытный памятникъ нравовъ, обычаевъ и понятій того времени, свидѣтельствуетъ также и о необыкновенныхъ военныхъ мудрости, опытности и искусствѣ самаго Мономаха.

Первымъ военнымъ подвигомъ его, тогда еще князя смоленскаго, былъ 4-хъ-мѣсячный походъ его въ Силезію, на помощь польскому королю Болеславу III Кривоустому противъ герцога чешскаго (1076), съ дружинами дяди своего, великаго князя Святослава кіевскаго, и отца своего, Всеволода переяславскаго, и вмѣстѣ съ сыномъ Святославовымъ, Олегомъ волынскимъ. Владиміръ и Олегъ—родоначальники двухъ столь враждебныхъ впоследствии княжескихъ поколѣній, являются въ этомъ походѣ въ первый разъ вмѣстѣ на политическомъ и военномъ поприщѣ и ходили, сколько извѣстно, на Глогову (Глогау) до Чешскаго лѣса (Бѣмервальда) 4 мѣсяца. Въ слѣдующемъ (1077) году Святославъ умеръ и на великокняжескій престолъ снова вступилъ изгнанный въ 1073 году сынъ Ярослава, Изяславъ. Вслѣдъ затѣмъ произошли междоусобія между Изяславомъ и Всеволодомъ съ одной стороны и Всеславомъ полоцкимъ, Святославичами и Ростиславичами съ другой. Владиміръ ходилъ съ Изяславомъ въ полоцкую область, сжегъ и ограбилъ Полоцкъ (1078). Когда же Святославичи и Ростиславичи, призвавъ половцовъ, вторглись въ южную Русь, разбили Всеволода на берегахъ Оржицы и взяли Черниговъ, Владиміръ поспѣшилъ на помощь отцу и дядѣ, пробился сквозь полчища половецкія и обложилъ Черниговъ. Здѣсь произошла битва, въ которой Изяславъ палъ, одержавъ побѣду (1078). На престолъ великокняжескій вступилъ Всеволодъ въ то время, когда съ одной стороны Олегъ и Романъ Святославичи съ половцами уже шли къ Чернигову, а съ другой грозилъ вторженіемъ Всеславъ полоцкій. Владиміръ пошелъ сначала противъ Святославичей и подкупилъ половцовъ, которые Романа умертвили, а Олега отвезли въ Грецію. Затѣмъ Владиміръ обратился противъ Всеслава, осадившаго Смоленскъ. Всеславъ бѣжалъ, зажегши Смоленскъ, а Владиміръ преслѣдовалъ его черниговскою конницею и разорилъ полоцкую землю. Въ 1079 г. онъ снова ходилъ туда съ половцами, взялъ Минскъ и богатую добычу, затѣмъ (1080—1092) побѣдилъ поселенныхъ въ переяславской области торковъ, два раза ходилъ противъ возставшихъ вятичей и покорилъ ихъ и нѣсколько разъ обра-

щался противъ половцовъ, грабившихъ южныя русскіе предѣлы, разбивалъ ихъ на Деснѣ, Хоролѣ и отбивалъ у нихъ добычу и плѣнниковъ. Въ 1093 г. Всеволодъ умеръ, и Владиміръ уступилъ санъ великокняжескій сыну Изяслава Святополку. Первымъ дѣйствіемъ Святополка было заключеніе пословъ половецкихъ въ темницу. Половцы въ отмщеніе вторглись въ русскіе предѣлы. Призванный Святополкомъ, Владиміръ поспѣшилъ къ нему на помощь, совѣтовалъ примириться съ половцами, но, уступая требованіямъ Святополка и кіевскихъ бояръ, перешелъ вмѣстѣ съ Святополкомъ черезъ р. Стугну. Войско ихъ построилось между окопами города Триполя. Здѣсь напали на него (26-го мая 1093 г.) половцы; кіевскія дружины, составлявшія правое крыло, обратились въ бѣгство, середина и лѣвое крыло держались, но были опрокинуты въ Стугну, въ которой въ это время поднялась вода. Войско русское было разбито и понесло большой уронъ, Владиміръ едва спасся и бѣжалъ въ Черниговъ, а Святополкъ въ Кіевъ. Половцы осадили Торческъ (населенный торками), взяли его послѣ 2-хъ-мѣсячной осады и разрушили, а Святополка, вышедшаго противъ нихъ изъ Кіева, разбили и затѣмъ удалились въ свои степи. Въ 1094 г. снова явились Олегъ Святославичъ и съ нимъ половцы. Осажденный ими въ Черниговѣ, Владиміръ оборонялся упорно, но черезъ 8 дней принужденъ былъ уступить силѣ и удаллся въ Переяславль. Въ 1065 г. онъ и Святополкъ ходили въ земли половецкія, разорили ихъ и возвратились съ добычей. Половцы отмстили за это вторженіемъ въ русскіе предѣлы, сожгли городъ Юрьевъ и, примирясь съ Святополкомъ, удалились. Затѣмъ Святополкъ и Владиміръ обратились противъ Олега къ Чернигову. Олегъ бѣжалъ оттуда въ Стародубъ, въ которомъ держался упорно. Вытѣсненный изъ него, онъ напалъ на Муромъ, въ которомъ княжилъ сынъ Владиміра, Изяславъ, взялъ этотъ городъ (1097), равно Ростовъ и Суздаль, но былъ разбитъ на р. Клязьмѣ, преслѣдованъ и изгнанъ изъ Рязани другимъ Владиміровымъ сыномъ, Мстиславомъ новгородскимъ, двинувшимся противъ него съ новгородскими дружинами. Между тѣмъ половцы грабили и разоряли южную Русь и осадили самый Кіевъ. Владиміръ и Святополкъ перешли скрытно черезъ Днѣпръ и явились подъ Кіевомъ. Войска ихъ, горя нетерпѣніемъ сразиться съ половцами, стоявшими за р. Трубежомъ, бросились чрезъ эту рѣчку и разбили половцовъ (19 іюня 1097 г.). Но въ то же самое время другая толпа половцовъ ворвалась въ Кіевъ съ другой стороны, ограбила, разорила кіево-печерскій монастырь и самый городъ и удалилась съ добычей.

Едва только князья примирились на общемъ съѣздѣ въ Любечѣ

(1097), какъ ослѣпленіе Василька Ростиславича теребовльскаго въ Кіевѣ, по приказанію Святополка и по наущенію Давида Игоревича, вооружило всѣхъ князей противъ Святополка (1098). Предводимые Мономахомъ и Олегомъ, они подступили къ Кіеву, но, склоненные митрополитомъ и матерью великаго князя къ миру съ послѣднимъ, требовали только наказанія Давида Игоревича и изгнанія его изъ владимірскаго его удѣла (1099). Святополкъ двинулся въ Волынь, но напалъ не на Давида, а на Ростиславичей. Разбитый однимъ изъ нихъ, мужественнымъ Володаремъ, онъ призвалъ венгерскаго короля Коломана и вторгнулся въ Червонную Русь. Между тѣмъ Давидъ примирился съ Ростиславичами и призвалъ половецкаго хана Боняка съ половцами. Близъ Перемышля Святополкъ и Коломанъ были снова разбиты Володаремъ и венгры изгнаны; но война въ югозападной Руси между Святополкомъ съ одной стороны, Давидомъ и Ростиславичами съ другой не прекращалась, а половцы продолжали разорять южную Русь. Наконецъ въ 1100 году князья съѣхались снова, по приглашенію Мономаха, близъ Кіева; миръ былъ водворенъ отнятіемъ у Давида владимірскаго его удѣла, и Мономахъ убѣдилъ всѣхъ князей (исключая Олега) идти соединенными силами противъ половцовъ. Въ 1101 г. дружины кіевскія, переяславскія, смоленскія, рязанскія и полоцкія, Святополкъ и бѣльшая часть удѣльныхъ князей, подъ главнымъ предводительствомъ Мономаха, отправились сухимъ путемъ и водою внизъ по Днѣпру. За порогами, у Хортицкаго острова, флотилія остановилась; войско, устроясь, двинулось на востокъ и по 4-хъ дневномъ походѣ черезъ степи встрѣтило половцовъ. Видя угрожавшую имъ опасность, послѣдніе собрались со всѣхъ сторонъ въ огромномъ числѣ и, отвергнувъ совѣтъ старѣйшаго изъ своихъ хановъ—мириться съ русскими князьями, положили сразиться съ ними. Передовой отрядъ ихъ былъ окруженъ и истребленъ, а затѣмъ и главное войско ихъ было разбито наголову въ кровопролитной битвѣ. 20 хановъ и множество половцовъ пали въ бою, еще большее число взято въ плѣнъ, и русскіе князья возвратились съ богатою добычей и множествомъ освобожденныхъ ими плѣнниковъ русскихъ.

До 1106 года половцы не тревожили Русь, но въ 1106 и 1107 годахъ снова появились въ южныхъ предѣлахъ ея, и снова князья Святополкъ, Мономахъ съ двумя сыновьями, Олегъ и многіе другіе двинулись противъ нихъ соединенными силами. Перейдя черезъ р. Сулу, они произвели на нихъ внезапное и стремительное нападеніе, опрокинули ихъ, обратили въ бѣгство, гнали до самой р. Хороля, множество истребили и взяли въ плѣнъ, захватили всю на-

грабленную ими добычу и отбили всѣхъ взятыхъ ими плѣнниковъ. Половцы просили мира; но въ 1109—1110 годахъ русскія войска уже снова воевали противъ нихъ въ собственныхъ ихъ земляхъ близъ Дона, а въ 1111 г. Мономахъ опять убѣдплъ князей идти на нихъ соединенными силами. Союзное войско, сосредоточась (6-го марта) на р. Голтвѣ, двинулось къ р. Ворсклѣ. Здѣсь князья торжественно поклялись побѣдить или умереть. 19-го марта они прибыли къ Дону, пощадилъ половецкій городъ Осеневъ, жители котораго встрѣтили ихъ съ покорностью и дарами, но сожгли другой городъ Сугровъ. 24-го марта они разбили половцовъ на голову, но два дня спустя были окружены ими на берегахъ р. Сала и въ кровопролитнѣйшей битвѣ снова одержали надъ ними блистательную побѣду, которую рѣшилъ Мономахъ съ своими дружинами. Затѣмъ князья возвратились съ добычей и плѣнниками. Побѣда на Салѣ надолго обуздавала половцовъ. Въ слѣдующемъ (1112) году Святополкъ умеръ, и на престолъ великокняжескій вступилъ Мономахъ. Первою заботой его было огражденіе внѣшней безопасности Руси. Сыновья его, Мстиславъ, Ярополкъ и Георгій (Долгорукій), и внукъ, Всеволодъ Мстиславичъ, воевали успѣшно противъ чуди, половцовъ, волжскихъ болгаръ и въ Финляндіи, а самъ Мономахъ изгналъ изъ русскихъ предѣловъ печенѣговъ, торковъ, берендѣевъ, поселенныхъ и самовольно поселившихся въ переяславской области и жившихъ въ ней грабежомъ. Эти подвиги (1116—1123) были послѣдними въ княженіи Мономаха: въ 1125 г. онъ умеръ, мудрою политикой и силою оружія умиривъ и соединивъ Русь внутри и обезопасивъ ее извнѣ—къ сожалѣнію лишь на короткое время.

§ 33.

Война Изяслава Мстиславича съ Георгіемъ Долгорукимъ или начало борьбы Суздаля съ Кіевомъ (1146—1154).

Въ 1146 г., по смерти великаго князя Всеволода Олеговича, на престолъ великокняжескій вступилъ братъ его, Игорь Олеговичъ. Но Изяславъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава Владиміровича, внукъ Мономаха, призванный кіевлянами въ томъ же году, разбилъ и взялъ въ плѣнъ Игоря подъ стѣнами Кіева, вступилъ на великокняжескій престолъ и, утвердивъ миръ съ половцами, ополчился противъ дяди своего, Георгія Долгорукаго, которому престолъ великокняжескій принадлежалъ по праву старѣйшинства, и противъ союзнаго съ нимъ брата Игорева, Святослава, князя Новгорода сѣверскаго.

Уже самыя первыя дѣйствія Изяслава заслуживаютъ вниманія. Дабы раздѣлить силы Георгія и Святослава, онъ произвелъ одновременное нападеніе на каждаго изъ нихъ порознь. Между тѣмъ, какъ князь рязанскій, по приказанію его, напалъ на суздальскую область Георгія, уже готовившагося выступить въ походъ, и тѣмъ удержалъ его въ ней для ея защиты, самъ Изяславъ, соединясь съ князьями черниговскими, вторгнулся въ сѣверскую область Святослава и разорилъ ее. Однако послѣдствія не соотвѣтствовали началу и были невыгодны для Изяслава. Святославъ бѣжалъ къ Георгію и вскорѣ, съ наемными половцами и бродниками, завоевалъ всю страну отъ Мценска до предѣловъ сѣверской области. Слѣдствіемъ этого было то, что черниговскіе князья перешли на сторону Святослава, кіевляне же, озлобленные противъ Олеговичей, взбунтовались и умертвили плѣннаго и уже принявшаго схиму Игоря (1147). Тогда между Георгіемъ и Изяславомъ—представителями старшаго и младшаго поколѣній Мономахова рода—и ихъ союзниками открылась жестокая война, положившая начало важной въ политическомъ отношеніи борьбѣ между Суздалемъ и Кіевомъ. Святославъ, сынъ Георгія Глѣбъ и князья черниговскіе съ своими дружинами, половцами и бродниками вторглись въ курскую область и взяли одинъ изъ ея городовъ приступомъ; нѣсколько другихъ городовъ покорились Глѣбу, но остальные держались. Вскорѣ, свѣдавъ, что Изяславъ идетъ къ р. Сулѣ, а смоленскія дружины сожгли Любечъ, союзные князья, покинутые половцами, бѣжали въ Черниговъ. Изяславъ взялъ городъ Всеволожъ, сжегъ Бѣлую Вежу и н. д. мѣста въ черниговской области и затѣмъ возвратился въ Кіевъ. Тогда Святославъ, Глѣбъ и князья черниговскіе, собравъ войска и призвавъ половцовъ, взяли Остеръ или Городецъ, разорили Брагинъ и напали на Переяславль, но были отражены отъ него. Изяславъ призывалъ венгровъ, осадилъ Глѣба въ Остерѣ, принудилъ его покориться, затѣмъ расположился близъ Чернигова, на Олеговомъ полѣ и, тщетно вызывая противниковъ на бой (въ который они не отваживались вступить, видя на сторонѣ Изяслава превосходство силъ), совершилъ замѣчательное движеніе для принужденія ихъ къ бою, а именно пошелъ къ Любечу, гдѣ находились ихъ военные запасы. Озабоченные этимъ, они поспѣшили туда и по необходимости были вынуждены рѣшиться на бой. Оба войска были отдѣлены Днѣпромъ, уже ставшимъ (это было зимою съ 1148 г. на 1149-й), и стрѣлки съ обоихъ береговъ уже открыли стрѣльбу. Но необыкновенные въ это время года оттепель и дождь подняли въ Днѣпрѣ воду, ледъ взломался и тронулся, и Изяславовы дружины едва успѣли перейти на другую сторону; венгры же обломились на

льду и большею частию погибли. Обѣ стороны разошлись безъ боя— и вскорѣ, въ началѣ 1149 г., Святославъ и князья черниговскіе примирились съ Изяславомъ. Склонивъ послѣднихъ, равно и смоленскаго князя Ростислава, идти соединенными силами на Суздаль, Изяславъ отправился въ Новгородъ, возбудилъ новгородцовъ противъ Георгія и съ дружинами новгородскими и псковскими двинулся къ р. Медвѣдицѣ, гдѣ соединился съ Ростиславомъ и дружинами смоленскими. Князья черниговскіе выступили также, но остановились въ землѣ вятичей, ожидая оборота дѣлъ въ пользу той или другой стороны. Осторожный Георгій медлилъ идти противъ Изяслава, желая прежде удостовѣриться въ содѣйствіи Олеговичей и Владимірка галицкаго, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и рѣшительнѣе нанести Изяславу ударъ въ Кіевѣ и Переяславлѣ. А между тѣмъ дружины Изяслава разоряли суздальскія земли на Волгѣ до Углича и Молога, окрестности Ярославля и др. мѣста. Но наступленіе весны и распутица принудили ихъ удалиться: новгородцы возвратились въ Новгородъ, Ростиславъ въ Смоленскъ, а Изяславъ въ Кіевъ.

Наконецъ Георгій рѣшился открыть военныя дѣйствія, и лѣтомъ 1149 года съ дружинами суздальскими, Святославовыми (сѣверскими) и половцами двинулся къ Переяславу, гдѣ находились братья Изяславовы, и осадилъ этотъ городъ. Изяславъ собралъ дружины кіевскія, смоленскія, владимірскія, переяславскія, черниговскія и берендѣевъ, и поспѣшилъ къ Переяславу, чтобы выручить своихъ братьевъ. 23 августа 1149 г. подъ стѣнами Переяславля произошла битва, кончившаяся весьма неудачно для Изяслава, вслѣдствіе собственныхъ его ошибки и неосторожности, малодушія и измѣны большей части его войскъ и въ особенности хитрости Георгія. Въ самомъ началѣ битвы Георгій началъ притворно отступать. Изяславъ, полагая, что онъ бѣжитъ, бросился преслѣдовать его, но былъ встрѣченъ Георгіемъ, внезапно обратившимся назадъ. Завязался упорный, рукопашный бой и вскорѣ берендѣи первые, а за ними дружины черниговскія и кіевскія обратились въ бѣгство; переяславскія же измѣнили и передались Георгію. Изяславъ съ одною великокняжескою дружиною своею успѣлъ пробиться и, разбитый на голову, бѣжалъ въ Кіевъ, а оттуда во Владиміръ на Волыни. Георгій, искуснымъ сочетаніемъ благоразумныхъ осторожности, медленія и выжиданія съ хитростью и рѣшительностью дѣйствій въ превосходныхъ силахъ, при особенно благопріятномъ для него, сверхъ того, вліяніи счастья, восторжествовалъ надъ Изяславомъ, вступилъ въ Переяславль и Кіевъ, и раздѣлилъ владѣнія Изяславовы между своими сыновьями и союзниками. Изяславъ просилъ помощи дяди своего, Вячеслава, и Владимірка га-

лицкаго, и получивъ отказъ, призвалъ королей: Гейзу венгерскаго и Болеслава польскаго, съ которыми находился въ родственныхъ связяхъ, а между тѣмъ заперся съ братомъ Владиміромъ въ Луцкѣ и укрѣпился въ немъ. Гейза прислалъ ему 10.000 челов. конницы, а Владиславъ и Болеславъ (по сказанію лѣтописца) сами привели къ нему вспомогательныя войска. Но свѣдавъ, что Вячеславъ уже соединился, а Владимірко идетъ на соединеніе съ Георгіемъ, союзники Изяслава остановились въ Чемеринѣ и предложили быть посредниками между Изяславомъ и Георгіемъ. Послѣдній требовалъ, чтобы они удалились изъ русскихъ предѣловъ. Но едва они исполнили это, какъ Георгій отвергнулъ всякіе переговоры съ Изяславомъ, осадилъ Луцкъ (1150) и вскорѣ довелъ этотъ городъ, мужественно и упорно обороняемый Владиміромъ, до такой крайности, что Изяславъ былъ вынужденъ просить мира, который и заключенъ въ Пересопницѣ. Георгій призналъ Вячеслава великимъ княземъ кіевскимъ, удержавъ за собою всѣ занятія имъ, Георгіемъ, земли и отдавъ Глѣбу бывшій удѣлъ Вячеслава, а Изяславу—Владиміръ и новгородскую дань. Но вскорѣ Георгій далъ Вячеславу Вышгородъ, а самъ вступилъ на престолъ великокняжескій. Изяславъ возсталъ противъ него, занялъ Луцкъ и Пересопницу, и съ малочисленною дружиною смѣло и внезапно подступилъ къ Кіеву. Георгій бѣжалъ въ Городецъ, а Изяславъ занялъ Кіевъ, къ которому вскорѣ двинулись: съ одной стороны—Георгій съ сыномъ Андреемъ, а съ другой—Владимірко Галицкій. Угрожаемый съ двухъ сторонъ Изяславъ явилъ и рѣшимость, и быстроту, но не довольно осторожности, почему и послѣдствія были невыгодны для него. Не дождавшись присоединенія дружинъ Вячеславовыхъ, онъ съ однѣми кіевскими и берендѣями обратился противъ ближайшаго къ нему Владимірка и, встрѣтивъ его на Стугнѣ, вступилъ съ нимъ въ бой. Берендѣи и кіевляне, устрашенные превосходствомъ силъ Владиміркова войска, малодушно обратились въ бѣгство и Изяславъ былъ принужденъ укрыться во Владиміръ, а Георгій въ третій разъ вступилъ въ Кіевъ, въ которомъ соединился съ Владиміркомъ.

Въ слѣдующемъ (1151) году Изяславъ произвелъ необыкновенно смѣлое и рѣшительное движеніе: съ 10 т. наемныхъ венгровъ онъ быстро двинулся изъ Владиміра (волинскаго) прямо къ Кіеву, гдѣ находился Георгій, между тѣмъ какъ съ тыла за Изяславомъ шелъ Владимірко, а на пути къ Кіеву Пересопница была занята сыномъ Георгія Андреемъ. Но Изяславъ прошелъ мимо нея не останавливаясь, а всѣ другіе города на пути покорились ему добровольно и охотно. На рѣкѣ Ушѣ настигли его передовыя войска

Владимірка. По совѣту бояръ и воеводъ, Изяславъ искусно обманулъ Владимірка: оставивъ противъ него сына своего, Владиміра, съ частію дружины, чтобы задерживать его, самъ онъ съ главными силами ночью двинулся далѣе и шелъ такъ быстро, что совершенно неожиданно явился подъ Бѣлгородомъ и вслѣдъ затѣмъ подъ Кіевомъ. Снова Георгій бѣжалъ въ Городецъ, а Изяславъ вступилъ въ Кіевъ и отдалъ престолъ великокняжескій Вячеславу. Владимірко же, недовольный Георгіемъ и призываемый въ свое княжество опасностью, угрожавшею со стороны венгровъ, удалился. Вскорѣ Георгій, соединясь съ князьями черниговскими и половцами, двинулся къ Кіеву. Изяславъ не допустилъ его переправиться противъ самаго Кіева, но не могъ воспрепятствовать силою перейти ниже. Подъ стѣнами Кіева, на берегахъ рѣчки Лыбеди, произошла жаркая битва, въ которой побѣда осталась за Изяславомъ. Разстроенныя быстрымъ натискомъ черныхъ клобуковъ и отборныхъ воиновъ Изяслава, подъ личнымъ его предводительствомъ, дружины Георгія не устояли и были опрокинуты. Георгій отступилъ въ ту сторону, откуда на помощь къ нему уже снова шелъ изъ Галича Владимірко. Изяславъ преслѣдовалъ его и еще до соединенія съ Владиміркомъ успѣлъ настигнуть на берегахъ Рута (Ротока), близъ Перепѣтова, и послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду. Олеговичи и половцы бѣжали, а Георгій съ небольшимъ числомъ суздальцовъ укрылся въ Переяславлѣ и былъ осажденъ въ немъ братьями Изяслава. По кратковременной осадѣ, онъ сдалъ городъ и удалился въ Городецъ, ожидая Владимірка. Въ то время какъ послѣдній слѣдовалъ изъ Галицкой области, сынъ Изяслава Мстиславъ шелъ къ нему съ наемными венграми черезъ Волынь и въ весьма близкомъ разстояніи отъ Владимірка расположился безъ всякихъ предосторожностей. Владимірко воспользовался тѣмъ, напалъ на него врасплохъ и разсѣялъ его войско, а самъ Мстиславъ едва успѣлъ спастись съ нѣсколькими боярами (1152). Изяславъ успѣшно собралъ войско, призывалъ берендѣевъ и черныхъ клобуковъ, и по присоединеніи къ нему даже Святослава Олеговича и черниговскихъ князей, осадилъ Городецъ, принудилъ Георгія удалиться оттуда въ Суздаль и затѣмъ обратился противъ Владимірка. Близъ Карпатскихъ горъ онъ соединился съ королемъ венгерскимъ Гейзой, вступилъ вмѣстѣ съ нимъ въ княжество галицкое и разбилъ Владимірка на берегахъ р. Сана. Владимірко просилъ у Гейзы мира и обѣщалъ возвратить всѣ взятые имъ, Владиміркомъ, въ кіевской области города, но не сдержалъ обѣщанія и снова двинулся на помощь Георгію, призвавшему между тѣмъ половцовъ и соединившемуся съ князьями

рязанскими и Святославомъ Олеговичемъ. Однако Изяславъ снова разбилъ Владимірка и принудилъ его воротиться; Георгій же, занявъ страну вятичей, осадилъ Черниговъ. Изяславъ двинулся на освобожденіе этого города. По приближеніи его, половцы бѣжали и Георгій былъ принужденъ отступить.

Въ слѣдующемъ (1153) году Владимірко умеръ и Изяславъ потребовалъ отъ его сына и преемника, Ярослава, обѣщаннаго Владиміркомъ возвращенія кіевскихъ городовъ. Вслѣдствіе отказа Ярослава, Изяславъ двинулся противъ него и на берегахъ р. Серета произошла между ними жаркая битва, въ которой побѣда осталась однако нерѣшенною. Этимъ заключились военные подвиги Изяслава: въ слѣдующемъ (1154) году онъ умеръ, оставивъ по себѣ память мужественнаго, воинственнаго, отважнаго и искуснаго въ военномъ дѣлѣ князя. Дѣйствія его въ южной Руси, съ малыми силами и средствами, противъ нѣсколькихъ противниковъ, тѣснившихъ его съ разныхъ сторонъ въ одно время, отличаются быстрою, рѣшительностью, смѣлостью, даже отважностью, искусствомъ и большею частію вѣнчались успѣхомъ.

§ 34.

Походы Святослава кіевского, Игоря сѣверскаго и Всеволода туrowsкаго противъ половцовъ (1184—1185).

Послѣдними большими походами русскихъ князей противъ половцовъ въ собственныя ихъ земли были походы князей: Святослава кіевского (1184) и братьевъ: Игоря сѣверскаго и Всеволода туrowsкаго (1185). Изъ нихъ послѣдній прославленъ въ древней русской поэмѣ: Пѣснь о полку Игоревѣ.

Въ 1184 году Святославъ кіевскій и съ нимъ до 12-ти князей южной Руси (переславскій, туrowsкій, пинскій, гродненскій и др.), съ дружинами кіевскими, смоленскими, волынскими, галицкими и др., выступивъ въ походъ противъ половцовъ, пять дней искали ихъ въ заднѣпровскихъ степяхъ и наконецъ встрѣтили многочисленныя полчища ихъ. Владиміръ переславскій, пылая нетерпѣніемъ отмстить имъ за разореніе его области, просилъ Святослава дать ему передовую стражу и, смѣло напавъ съ нею на половцовъ, разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Князья преслѣдовали ихъ и на берегахъ Угла или Орели (рѣчки, впадающей въ Днѣпръ при нынѣшнемъ м. Орликѣ) нанесли имъ сильное пораженіе и взяли у нихъ богатую добычу, множество коней и оружія и до 7 т. плѣнниковъ, въ томъ числѣ хана Кобыка съ двумя сыновьями и до 417 князей. Но съ

другой стороны противъ русскихъ князей уже шелъ ханъ Кончакъ съ силами столько же многочисленными и, по сказанію лѣтописца, съ огромными самострѣлами или луками, едва натягиваемыми 50-ю воинами, и съ неизвѣстными орудіями, которыя стрѣляли живымъ (можетъ быть греческимъ) огнемъ и которыми управлялъ бесурменинъ или бесерменъ (т. е. правовѣрный магометанинъ, вѣроятно сарацинъ или турокъ). Не смотря на это, а можетъ быть и по причинѣ самыхъ этихъ, тяжелыхъ и неудобныхъ орудій, Кончакъ былъ разбитъ (1 марта 1185 г.) близъ р. Хороля и бѣжалъ, оставивъ русскимъ князьямъ въ добычу множество плѣнниковъ, оружія, коней, скота и всѣ свои самострѣлы и огнестрѣльные орудія, вмѣстѣ съ управлявшимъ ими бесурмениномъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ Игорь Святославичъ, князь Новгорода сѣверскаго, не могшій участвовать въ этомъ походѣ русскихъ князей и движимый соревнованіемъ къ ихъ славѣ и успѣхамъ, пошелъ на половцовъ съ своимъ сыномъ Владиміромъ, сѣверскими дружинами, братомъ Всеволодомъ туровскимъ, племянникомъ Святославомъ Олеговичемъ рыльскимъ, ихъ дружинами и взятыми имъ у черниговскаго князя наемными дружинами ковуевъ (такихъ же степныхъ бродягъ, какъ и черные клобуки). Перейдя черезъ Донецъ и сосредоточившись на берегахъ р. Оскола, они двинулись къ Дону и Салу. Узнавъ объ этомъ, Кончакъ и 5 другихъ хановъ собрали многочисленныя силы и двинулись на встрѣчу князьямъ. Вскорѣ русскія дружины сошлись съ передовыми половцами (между Осколомъ и Дономъ, на берегахъ р. Сюурлін, можетъ быть нынѣшней Суры), разбили ихъ, взяли богатую добычу и, гордясь этою побѣдой, три дня праздновали ее на мѣстѣ сраженія, а потомъ хотѣли идти за Донъ, въ страны приморскія, истребить варваровъ и пріобрѣсть вѣчную славу. Эта излишняя самоувѣренность имѣла для нихъ самая гибельныя послѣдствія. Они двинулись къ р. Сальницѣ (Салу), а оттуда далѣе къ р. Каялѣ (Кагальнику). По ту сторону послѣдней рѣки половцы окружили ихъ, отрѣзали отъ рѣки, три дня дѣйствовали противъ нихъ издали стрѣльбою изъ луковъ, избѣгая рукопашнаго боя, и наконецъ принудили ихъ, утомленныхъ боемъ и изнуренныхъ жаждой, пробиваться силою къ рѣкѣ. Здѣсь князья были совершенно окружены и, послѣ жестокаго боя, принуждены уступить превосходнымъ силамъ половцовъ. Игорь съ сыномъ, племянникомъ и небольшимъ числомъ воиновъ (не болѣе 15-ти русскихъ и еще менѣе ковуевъ) были взяты въ плѣнъ и отведены въ половецкія вѣжи, а всѣ остальные русскіе воины, ковуи и храбрый Всеволодъ пали въ бою.

Одержавъ такой блистательный успѣхъ, половцы двинулись къ

предѣламъ Руси; однако, узнавъ о сборѣ русскихъ князей и дружинъ подъ Каневымъ, не отважились идти далѣе. Но едва русскіе князья и дружины разошлись, какъ половцы, подъ предводительствомъ хановъ Кончака и Кзы, устремились въ русскіе предѣлы. Къ счастью для руссовъ, между половецкими вождями произошли несогласія: одни хотѣли идти на Кіевъ, другіе на беззащитный край по р. Семи. Слѣдствіемъ этого было то, что половцы раздѣлились и узнавъ, что русскіе князья стали по Днѣпру, Деснѣ и Семи, намѣренныя обороняться, не посмѣли идти далеко. Кза сжегъ Путивль и взялъ нѣсколько городовъ по Сулѣ, а Кончакъ прошелъ скрытно отъ Днѣпра къ Переяславлю. Владиміръ переяславскій вышелъ на встрѣчу къ нему, сражался мужественно, едва не былъ убитъ, и половцы, только помощью вооружившихся гражданъ отбитые отъ Переяславля, обратились къ Ромнамъ, выжгли этотъ городъ и затѣмъ удалились. Вскорѣ послѣ того Игорь успѣлъ бѣжать отъ нихъ и возвратился въ отечество.

§ 35.

Походы Мстислава Удалаго (1212—1222).

Мстиславъ, прозванный Удалымъ, сынъ Мстислава Ростиславича Храбраго, одинъ изъ лучшихъ и доблестнѣйшихъ русскихъ князей временъ, предшествовавшихъ нашествію монголовъ, съ отличіемъ участвовалъ въ войнахъ: съ половцами (1193), Рюрика кіевского съ Романомъ волынскимъ (1196) и потомъ съ Всеволодомъ Чермнымъ или Рыжимъ (1207) и, по окончаніи войны съ послѣднимъ, удалясь изъ Кіева въ Смоленскъ, получилъ отъ смоленскаго князя Мстислава Романовича въ удѣлъ городъ Торопецъ (1209). Съ горестью взиралъ онъ на междоусобія князей и бѣдствія Руси и, чуждый своекорыстныхъ видовъ властолюбія, хотѣлъ оружіемъ пріобрѣсть силу и значеніе, но единственно для умирненія, соединенія, усиленія и возвеличенія земли и народа русскихъ. Орудіемъ для достиженія этой цѣли онъ справедливо избралъ сильный, вольный Новгородъ, столь любившій его отца и столь любимый послѣднимъ. Зимой 1209 г. онъ собралъ малыя дружины свои, неожиданно явился въ Торжокъ, не врагомъ, а другомъ жителей его, взялъ только въ плѣнъ намѣстника и дворянъ великаго князя Всеволода Георгіевича, захватилъ ихъ имѣнія и отправилъ посла въ Новгородъ съ предложеніемъ своихъ услугъ и защиты. Новгородцы съ радостью согласились принять сына Мстислава Храб-

раго и заключили князя своего Святослава, сына Всеволода, равно и бояръ владимірскихъ, въ темницу. Мстиславъ, въѣхавъ торжественно въ Новгородъ, немедленно собралъ новгородскія дружины и двинулся въ суздальскую область. Но на границахъ ея Мстислава встрѣтили послы встревоженнаго Всеволода, хотѣвшаго не войны, а мира. Мстиславъ и Всеволодъ размѣнялись добычей и плѣнниками, и Мстиславъ, отпустивъ Святослава и владимірскихъ бояръ, возвратился въ Новгородъ (1209). Упрочивъ внутреннее спокойствіе его и внѣшнюю безопасность со стороны Суздаля и Смоленска, въ 1212 году онъ пошелъ въ чудскія земли, гдѣ въ это время рыцари ордена меченосцовъ уже успѣли утвердиться, быстро распространяли власть свою, строили замки, крѣпости, латинскія церкви и начали уже сближаться съ предѣлами Новгорода, Пскова и Полоцка. Двинувшись на сѣверъ отъ Юрьева (Дерпта), Мстиславъ покорилъ обитавшую тамъ чудь и зимою осадилъ Оденне или Медвѣжью голову. Но въ 1213 году изгнаніе брата его, Владимира, псковитянами изъ Пскова и бѣгство Владимира въ Ригу къ меченосцамъ, споры послѣднихъ съ полоцкимъ княземъ, уступившимъ имъ, при посредничествѣ Владимира, всѣ, дотолѣ подвластныя Полоцку чудскія земли, наконецъ набѣги литовцовъ на псковскія земли—все это побудило Мстислава идти въ Псковъ, а оттуда противъ рыцарей. Давъ псковитянамъ новаго князя—племянника своего, Всеволода Борисовича, Мстиславъ вмѣстѣ съ нимъ, Владимиромъ, Давидомъ торопецкимъ и съ 15 т. войскъ двинулся (1213) въ чудскія земли. Рыцари укрылись въ Ригѣ, а Мстиславъ обратился къ Ервену, доходилъ до самаго моря, осаждалъ Верпенъ (Верпель или Воробьинъ), собралъ дань, разорилъ нѣсколько селеній и пошелъ обратно. Едва онъ удаллся, какъ рыцари появились снова, но Мстиславъ не могъ уже обратиться противъ нихъ, потому что дѣла, болѣе важныя, призывали его въ южную Русь. Тамъ, по смерти Рюрика Ростиславича, Всеволодъ Чермный, князь кіевскій, изгналъ сына и племянниковъ Рюриковыхъ изъ кіевской, черниговской и волынской областей. Изгнанники удалились въ Смоленскъ и просили помощи Мстислава. Получивъ согласіе новгородцовъ идти съ нимъ на помощь его родственникамъ и наказать Всеволода, Мстиславъ въ началѣ іюня 1214 г. двинулся съ дружинами новгородскими къ Смоленску, гдѣ присоединились къ нему дружины смоленскія. Новгородцы, поссорясь съ смолянами, отказались—было идти съ Мстиславомъ и были отпущены. имъ, но вскорѣ раскаялись и послѣдовали за любимымъ княземъ въ Кіеву. Подъ Вышгородомъ два Олеговича, Ростиславъ и Ярополкъ Ярославичи отважились сразиться съ Мстиславомъ, но были разбиты и взяты

въ плѣнъ. Всеволодъ бѣжалъ въ Черниговъ и, осажденный въ немъ Мстиславомъ, вскорѣ умеръ. Братъ его Глѣбъ примирился съ Мстиславомъ и получилъ Черниговъ, а Кіевъ Мстиславъ отдалъ старшему изъ Ростиславичей, Мстиславу Романовичу смоленскому. Затѣмъ Мстиславъ вознамѣрился освободить галицкое княжество отъ власти поляковъ и венгровъ, овладѣвшихъ имъ по смерти Романа Мстиславича, и избавить оное отъ междуусобицъ князей, раздоровъ и смутъ боярскихъ; новгородцамъ же предоставилъ на волю избрать другаго князя. Они избрали зятя его, Ярослава Всеволодовича, князя Переяславля-Залѣскаго. Несправедливость и самовольныя дѣйствія Ярослава, вскорѣ послѣ прибытія его въ Новгородъ, произвели народный бунтъ. Ярославъ удалился въ Торжокъ, не пускалъ въ Новгородъ ни хлѣба, ни другихъ продовольственныхъ запасовъ, отчего въ Новгородѣ вскорѣ произошли жестокий голодъ и сильная смертность. Тщетно новгородцы вели съ Ярославомъ переговоры: онъ требовалъ безусловной покорности, удерживалъ въ плѣну многихъ знатныхъ новгородцовъ и готовилъ войско. Въ этихъ трудныхъ для новгородцовъ обстоятельствахъ, Мстиславъ отложилъ на время походъ въ галицкое княжество, въ февралѣ 1215 г. явился въ Новгородъ, вызвался быть его защитникомъ и вступилъ въ переговоры съ Ярославомъ. Но онъ отвергнулъ всѣ его предложенія, отправилъ плѣнныхъ новгородцовъ въ оковахъ въ Переяславль и вмѣстѣ съ великимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ суздальскимъ и братомъ его Святославомъ, княземъ Юрьева-Польскаго, началъ собирать войско и строить на пути засѣки и укрѣпленія. Тогда Мстиславъ, увѣренный въ помощи и содѣйствіи князей ростовскаго Константина Всеволодовича и смоленскаго, собралъ небольшую дружину новгородцовъ (500 чел.) и съ братомъ своимъ Владиміромъ псковскимъ смѣло и быстро двинулся 1-го марта Селигерскимъ путемъ (по озеру Селигеру и внизъ по верхней Волгѣ). Свѣдавъ о томъ, Святославъ хотѣлъ преградить ему путь и съ 10 т. войскъ осадилъ Ржевку или Ржевъ, занятый только 100 воинами подъ начальствомъ Мстислава воеводы Яруна. Послѣдній оборонялся упорно, а между тѣмъ Мстиславъ послѣшилъ на помощь Ржеву. По приближеніи его, Святославъ снялъ осаду и отступилъ. Въ это время къ Мстиславу присоединились смоленскія дружины съ Владиміромъ Рюриковичемъ. Князья смоленскій и псковскій совѣтовали идти къ Торжку, но Мстиславъ, вмѣсто того, чтобы воевать въ собственныхъ областяхъ, справедливо и благоразумно положилъ идти прямо къ Переяславлю-Залѣсскому, въ области Георгія, гдѣ надѣялся сблизиться съ Константиномъ ростовскимъ. Избраніе

имъ этихъ направленія и предмета дѣйствій заслуживаетъ особенныхъ вниманія и одобренія, свидѣтельствуя о военныхъ дарованіяхъ и искусствѣ его. Осадивъ и взявъ укрѣпленный Зубцовъ, онъ двинулся внизъ по правому берегу Волги, разоряя край на пути. Между тѣмъ Ярославъ вышелъ изъ Торжка и двинулся къ Волгѣ, съ тѣмъ чтобы, перейдя черезъ нее, направиться къ Переяславлю, на соединеніе съ Георгіемъ и Святославомъ, шедшими изъ Владиміра. На Волгѣ, ниже Твери, Ярунъ, начальствовавшій передовою стражей Мстислава, встрѣтилъ передовую же стражу Ярослава, опрокинулъ и разбилъ ее. Но самъ Ярославъ успѣлъ перейти черезъ Волгу въ другомъ мѣстѣ и соединиться съ Георгіемъ и Святославомъ. Мстиславъ же продолжалъ идти внизъ по Волгѣ и разорилъ край почти до нын. Калязина. Это движеніе его внизъ по Волгѣ имѣло цѣлю сближеніе его съ Константиномъ ростовскимъ, и этотъ послѣдній, выступивъ изъ Ростова съ ростовскими дружинами на встрѣчу Мстиславу, присоединился къ нему 9 апрѣля въ Городищѣ на р. Сарѣ, въ переяславской области (въ 40-й день по выступленіи Мстислава изъ Новгорода). Мстиславъ, тщетно предлагавъ Ярославу и Георгію мириться, бросилъ всѣ свои тяжести и налегкѣ быстро двинулся къ Переяславлю, чтобы предупредить сосредоточеніе союзниковъ. Но Ярославъ, отступивъ передъ нимъ, успѣлъ, какъ сказано, соединиться съ Георгіемъ и Святославомъ. Свѣдавъ о быстромъ приближеніи Мстислава и о нападеніи его на Юрьевъ, союзные князья поспѣшно отступили къ р. Кзѣ и расположились за нею съ сильнымъ войскомъ, въ которомъ, сверхъ дружинъ княжескихъ, находились бродники и суздальскіе вооруженные горожане и даже пѣшіе сельскіе ратники ¹⁾. Съ гордостью отвергая всѣ мирныя предложенія Мстислава, они дѣлили уже между собою русскую землю, вызывали Мстислава и его союзниковъ на бой на обширномъ Липецкомъ полѣ и расположились въ сильномъ мѣстоположеніи на Авдовой горѣ ²⁾, за лѣсомъ, окруживъ станъ свой плетнемъ и тыномъ. Мстиславъ послѣдовалъ за ними и сталъ на Юрьевой горѣ. Рѣчка Тунега раздѣляла оба войска. Мстиславъ выслалъ часть новгородской дружины впередъ, выманивать непріятеля. Цѣлый день (20 апрѣля) происходили сшибки, но суздальцы не выходили изъ своего стана. На другой день (21 апрѣля) Мстиславъ употребилъ хитрость, именно предпринялъ

¹⁾ По словамъ лѣтописца, «блше у князя Юрія стяговъ (или полковъ) 17, а трубъ 40, толикоже и бубновъ, а у Ярослава стяговъ 13, а трубъ и бубновъ 60». Слѣдовательно однихъ княжескихъ дружинъ или полковъ было 30.

²⁾ Мѣстоположеніе Авдовой горы съ точностью неизвѣстно, но долженствовало быть около Юрьева Польскаго.

притворное боковое движеніе къ Владиміру. Полагая, что онъ отступаетъ, Георгій вышелъ изъ своего стана, спустился съ Авдовой горы и выступилъ изъ-за лѣса, имѣя Ярославъ на лѣвомъ крылѣ, муромскихъ князей на правомъ, а самъ находясь въ серединѣ. Тогда Мстиславъ внезапно и быстро обратился назадъ и, построивъ смолянъ на лѣвомъ крылѣ, ростовцовъ и ярославцовъ на правомъ, а новгородцовъ и псковитянъ въ серединѣ, произвелъ общее, дружное и сильное нападеніе на Георгія. Въ происшедшей вслѣдствіе того упорной и кровопролитной битвѣ (извѣстной въ исторіи подъ названіемъ Липецкой) войско Георгія и его союзниковъ было разбито на-голову и разсѣялось во всѣ стороны, потерявъ болѣе 9 т. простыхъ ратниковъ убитыми, сверхъ того 60 знатныхъ бояръ и мужей суздальскихъ пали въ бою или были взяты въ плѣнъ. Георгій бѣжалъ во Владиміръ, а Ярославъ въ Переяславль; Мстиславъ же, изъ великодушія и состраданія къ побѣжденнымъ, не преслѣдовалъ ихъ и, повелѣвъ щадить край и жителей, двинулся къ Владиміру и обложилъ его. Георгій, Святославъ, Владиміръ и бояре ихъ явились къ нему съ покорностью. Онъ примирился съ ними и вступилъ во Владиміръ съ Константиномъ, который былъ провозглашенъ великимъ княземъ и отдалъ Георгію городокъ Радилъ на Волгѣ. Ярославъ упорствовалъ въ своихъ намѣреніяхъ; но когда Мстиславъ съ своими и Константиновыми дружинами двинулся къ Переяславу, Ярославъ покорился и Константинъ вступилъ въ Переяславль, а Мстиславъ, освободивъ плѣнныхъ новгородцовъ и смолянъ, возвратился въ Новгородъ и послалъ новгородскія дружины на ливонскихъ рыцарей, грабившихъ чудскія земли. Но рыцари не выждали ихъ и удалились въ Ригу.

Лѣтомъ 1218 года Мстиславъ отправился изъ Новгорода въ Кіевъ, для исполненія важнѣйшаго своего намѣренія — освобожденія и умирненія Волыни и Галича. Изгнавъ, съ помощію союзника своего, герцога Лѣшка польскаго, венгровъ и Коломана, сына венгерскаго короля Андрея II, изъ галицкой области (1219), онъ отдалъ дочь свою за молодого сына Романова, Даніила (столь знаменитаго въ послѣдствіи), но послалъ его княжить въ Волыни, а княжество галицкое оставилъ за собою. Даніилъ потребовалъ отъ Лѣшка возвращенія взятыхъ имъ родовыхъ городовъ волынскихъ князей. Вслѣдствіе отказа Лѣшка возвратить ихъ, а Мстиславова — содѣйствовать обратному ихъ покоренію, Даніилъ завоевалъ ихъ самъ, безъ всякаго посторонняго пособія. Въ отмщеніе за то, поляки двинулись вмѣстѣ съ венграми къ Галичу. Мстиславъ выслалъ на встрѣчу имъ воеводу своего Дмитрія, Даніилу и Александру бельзскому поручилъ защиту Галича, а самъ началъ

собирать войска на Днѣпрѣ и звалъ половцовъ. Воевода Дмитрій былъ разбитъ, а остатки войскъ его присоединились къ Мстиславу, прибывшему уже къ р. Зубрьѣ. Мстиславъ рѣшился присоединить къ себѣ изъ Галича Данила и, уступая силѣ, удалиться изъ галицкой области. Данилъ, совершивъ чрезвычайно трудное отступление изъ Галича, въ непрерывномъ бою съ венграми и поляками, и терпя крайній недостатокъ въ продовольствіи, соединился за Днѣстромъ съ Мстиславомъ. Отпущенный послѣднимъ въ Воынь, онъ нашелъ помощь въ литовскихъ князьяхъ и ихъ дружинами усилилъ себя противъ поляковъ (1220). Между тѣмъ и венгры были усилены подкрѣпленіями, прибывшими изъ Венгріи подъ предводительствомъ воеводы Фильпія. Вскорѣ Фильпій со всѣми венгерскими дружинами и частью Лѣшковыхъ двинулся изъ Галича противъ Мстислава, а Лѣшко съ остальными дружинами своими направился въ Воынь, для занятія и удержанія въ ней Данила (1221). Фильпій встрѣтилъ неподалеку отъ Галича Мстислава съ призванными имъ половцами, опрокинулъ Владиміра Рюриковича съ передовыми дружинами, но, преслѣдуя ихъ въ безпорядкѣ, въ разсыпную, былъ внезапно атакованъ главными силами Мстислава, разбитъ наголову и бѣжалъ въ Галичъ. Мстиславъ преслѣдовалъ его, силою ворвался въ городъ и окружилъ венгровъ въ церкви, въ которой они укрѣпились и заперлись. Черезъ нѣсколько дней, изнуренные голодомъ и жаждой, всѣ они, и въ томъ числѣ Коломанъ съ венгерскими вельможами и воеводами, сдались Мстиславу. Король венгерскій Андрей II открылъ съ нимъ переговоры, слѣдствіемъ которыхъ было освобожденіе Коломана, отреченіе его навсегда отъ галицкаго княжества, назначеніе послѣдняго Мстиславомъ въ приданое другой дочери своей, отданной въ супружество третьему сыну Андрееву, и примиреніе Галича съ Венгріей и Польшей (1222).

ГЛАВА V.

РУССКІЯ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ (1224 — 1353).

§ 36. Первое нашествіе монголовъ на земли половецкія (1224). — § 37. Второе нашествіе Батия и монголовъ на восточную Русь (1237—1238). — § 38. Третье нашествіе Батия и монголовъ на южную Русь (1239—1240). — § 39. Русскія войны въ первой половинѣ монгольскаго періода (1243 — 1353). — § 40. Войны на сѣверѣ съ шведами. — § 41. Войны на сѣверо-западѣ съ ливонскимъ орденомъ. — § 42. Войны на западѣ съ литовцами. — § 43. Войны на юго-западѣ съ литовцами, поляками, венграми и монголами.

§ 36.

Первое нашествіе монголовъ на земли половецкія (1224).

Завоевавъ въ пространствѣ времени отъ 1206 до 1222 г. обширныя и сильныя царства средней Азіи, тангутское (западные области нынѣшняго Китая), уйгурское (по отраслямъ Алтайскаго хребта), гинское (сѣверныя области нынѣшняго Китая), кара-китайское (въ нынѣшней Бухаріи), наконецъ Ховарезмъ или царство ховарезмійскихъ турокъ (въ нынѣшнихъ Персіи и Кабулѣ), — Темудзинъ, въ 1206 г. уже принявшій названіе Чингисъ-хана (повелителя сильныхъ), въ 1220 г., осаждая Самаркандъ, послалъ полководцовъ своихъ Чжебе и Субутая съ 30 т. чел. конницы преслѣдовать и взять въ плѣнъ бѣжавшаго ховарезмійскаго султана Мохаммеда. Чжебе и Субутай быстро преслѣдовали его къ Нишабуру, Казвину и Каспійскому морю, на необитаемомъ островѣ котораго Мохаммедъ укрылся и умеръ. А Чжебе и Субутай, не отыскавъ его, двинулись къ Тавризу, Мегарѣ, Гамедану и въ Грузію,

разоряя край на пути. Въ февралѣ 1221 года разбивъ грузинскую армію близъ Тифлиса, они обратились снова къ Тавризу, Мегарѣ, Ербилу, Гамедану, Ардебилу, Байлекану, то грабя и разрушая одни изъ этихъ городовъ, то беря богатые окупы съ другихъ. Вторично разбивъ въ Грузіи грузинскую армію, они повернули въ Ширванскую область, разграбили Шемаху, взяли Дербентъ и пошли черезъ Кавказскія горы къ сѣверу. Перейдя черезъ горы, они встрѣтили союзное войско алановъ, лезгиновъ, черкесовъ и половцовъ, составившихъ союзъ для сопротивленія, сразились съ ними, но ни та, ни другая сторона не одержала побѣды. Тогда монголы золотомъ и богатыми дарами отдѣлили половцовъ отъ союзниковъ ихъ и, разбивъ послѣднихъ, двинулись вслѣдъ за половцами, расхаживавшими безъ всякихъ предосторожностей по своимъ кочевьямъ, разбили ихъ по частямъ и вслѣдъ за ними двинулись къ южнымъ предѣламъ Руси. Половцы бѣжали къ Днѣпру, просили русскихъ князей пропустить ихъ черезъ эту рѣку и русскія земли и вѣстью о приближеніи грозныхъ, неизвѣстныхъ завоевателей распространили повсюду страхъ и ужасъ. Тестъ Мстислава Удалаго, половецкій ханъ Котянъ, съ большимъ числомъ половцовъ бросился въ Галичъ, умоляя Мстислава спасти себя и половцовъ и предупредить монголовъ, изъ опасенія, чтобы они не отняли русскихъ земель также, какъ отняли половецкія. Мстиславъ созвалъ въ Кіевъ съѣздъ князей южной Руси, убѣдилъ ихъ ополчиться противъ монголовъ, общими силами встрѣтить ихъ за предѣлами русской земли и не допустить ихъ вторгнуться въ нее.

Весною 1224 года князья: Мстиславъ галицкій, Даниилъ волынский, Мстиславъ кіевскій, Мстиславъ черниговскій, Мстиславъ пересопницкій, Олегъ курскій и мн. др. соединили свои дружины и двинулись внизъ по правому берегу Днѣпра. У Заруба и Варяжскаго острова они встрѣтили 10 монгольскихъ пословъ, которые сказали имъ, что ничѣмъ не обидѣли ихъ, не вступали въ ихъ земли, не брали ни городовъ, ни селеній ихъ, а шли только на половцовъ, рабовъ монголовъ и враговъ Руси, противъ которыхъ и русскимъ князьямъ слѣдовало идти. Но русскіе князья, возбужденные многими половцами, находившимися при нихъ, умертвили монгольскихъ пословъ—и этимъ сдѣлали первую и важную ошибку (объясненіе того см. выше въ статьяхъ о монголахъ), которая имѣла горькія послѣдствія для Руси.

На 17-й день похода русское войско остановилось близъ Олешья, на правомъ берегу нижняго Днѣпра, въ ожиданіи остальныхъ галицкихъ и волынскихъ дружинъ, которыя на 1 т. ладьяхъ плыли внизъ по Днѣстру и позже вошли въ Днѣпръ и стали у р. Хортицы. Здѣсь же

съ русскими дружинами соединились и половцы, и сюда прибыли новые монгольскіе послы, которые сказали князьямъ, что они, послушавшись половцовъ, умертвили монгольскихъ пословъ и шли на монголовъ, не сдѣлавшихъ имъ зла, и что Богъ разсудитъ между ними. Этихъ пословъ князья отпустили безъ вреда, и вскорѣ на противномъ берегу показались монгольскія передовыя войска (посланныя для развѣданія и завлеченія русскихъ князей вдаль, по обычаю монгольскому). Данилъ съ галичанами немедленно переплылъ черезъ Днѣпръ и ударилъ на монголовъ, которые, послѣ непродолжительнаго (вѣроятно притворнаго) сопротивленія, обратились въ бѣгство. Мстиславъ галицкій съ 1 т. чел. конницы погнался за ними, разбилъ ихъ и отбилъ множества скота. Предводитель монголовъ Гимябекъ спрятался въ ямѣ, но былъ найденъ русскими и убитъ половцами—еще одна причина для озлобленія монголовъ.

Этотъ первый успѣхъ русскихъ князей внушилъ имъ такую неблагоразумную самоувѣренность, что они неосторожно двинулись далѣе на востокъ и черезъ 9 дней прибыли къ Калкѣ или Калакѣ (нынѣ Калець, который, соединясь съ Калміусомъ, впадаетъ въ Азовское море близъ Маріуполя), гдѣ произошла легкая сшибка съ монголами. Тутъ, къ новому несчастію, между князьями произошло несогласіе: Мстиславъ кievскій не хотѣлъ (и очень благоразумно) переправиться вмѣстѣ съ прочими черезъ Калку, а расположился и укрѣпился на правомъ берегу ея, на каменистой горѣ. Мстиславъ же галицкій съ прочими князьями и половцами 31 мая 1224 г. *) переправился черезъ Калку и, отрядивъ впередъ Данила волынскаго и Яруна, половецкаго вождя, двинулся за ними съ главными силами. Данилъ вскорѣ встрѣтилъ многочисленныя полчища монголовъ, которыя первыя ударили на него. Данилъ мужественно выдержалъ ударъ и вмѣстѣ съ Олегомъ курскимъ, подкрѣпившимъ его, Мстиславомъ пересопницкимъ и др., храбро сражался въ рукопашномъ бою съ монголами, не смотря на рану копьемъ въ грудь. И можетъ быть они удержались бы до прибытія Мстислава съ главными силами, еслибы малодушные половцы, не выдержавъ напора монголовъ, не обратились въ постыдное бѣгство, не смяли дружинъ Мстислава и не распространили смятенія и страха въ самомъ станѣ ихъ на берегу Калки, гдѣ еще ничего не знали о началѣ битвы, потому что Мстиславъ галицкій, надѣясь на легкую побѣду, не далъ знать о томъ ни Мстиславу черниговскому, ни Мстиславу кievскому. Несчастливымъ слѣдствіемъ этого было то, что монголы одолѣли и

*) По нашимъ лѣтописямъ, по китайскимъ же и монгольскимъ — въ 1223 г. По словамъ Абулгази, Субутай соединился (послѣ битвы при Калкѣ) съ Чингисъ-ханомъ на границахъ Великой Бухаріи, а онъ пахотился тутъ весною 1224 г.

Даниїла, и Мстислава, разбили ихъ на голову и, нанеся имъ огромный уронъ ¹⁾, стремительно и сильно преслѣдовали остатки войскъ ихъ къ Калѣ. Мстиславъ кїевскій, видѣвшій съ вершины горы, какъ монголы безпощадно истребляли русскія войска, не тронулся съ мѣста для поданія имъ помощи и въ гордости своей положилъ защищаться одинъ тамъ, гдѣ стоялъ. Монголы, двинувъ главныя силы свои вслѣдъ за бѣжавшими за Калку, частию силъ своихъ окружили Мстислава кїевского и три дня сряду яростно нападали на него на горѣ, но онъ, оградивъ себя обозомъ, храбро, отчаянно, упорно отбивался отъ монголовъ. Наконецъ послѣдніе, по своему обычаю, прибѣгли къ хитрости и коварству. Съ ними были бродники, вождя которыхъ, Плоскиню, они послали къ Мстиславу для переговоровъ. Мстиславъ согласился дать за себя и за свою дружину выкупъ, а Плоскиня отъ имени монголовъ далъ клятву и даже поцѣловалъ крестъ, что всѣхъ ихъ выпустятъ безъ вреда. Но едва русскіе князья и войска вышли изъ стана, какъ монголы всѣхъ ихъ перебили; самъ Плоскиня связалъ Мстислава, Андрея и Александра дубровецкихъ и привелъ въ шатеръ монгольскаго вождя, гдѣ ихъ положили между досокъ и, задушивъ, сѣли пировать на ихъ трунахъ.

Между тѣмъ неосторожный, но несчастный Мстиславъ галицкій, переправясь обратно за Днѣпръ, приказалъ истребить на немъ всѣ суда, дабы лишить монголовъ возможности переправиться черезъ эту рѣку (не зная, что это не было препятствіемъ для нихъ, см. выше). Жители городовъ и селеній на пути монголовъ, надѣясь смягчить монголовъ покорностью, выходили на встрѣчу къ нимъ съ крестами, но монголы, по правиламъ политики Чингисхана—истреблять всѣхъ непокорившихся по первому требованію и сопротивлявшихся, не щадили ни пола, ни возраста и все предавали огню и мечу. Такъ они дошли до Новгорода Святополческаго, на Днѣпрѣ ниже Кіева, близъ Витичева—и вдругъ, къ немалой радости жителей, обратились назадъ и ушли, по приказанію Чингисъ-хана, къ нему въ Великую Бухарію и къ сыну его, Джучѣ, въ сѣверозападную Монголію ²⁾. Этимъ и кончилось первое нашествіе монго-

¹⁾ Изъ всего русскаго войска спаслась едва 10-я часть; однихъ кїевлянъ на горѣ погибло до 10 т. Въ числѣ убитыхъ было 6 князей: Святославъ лвовскій, Изяславъ Ингваровичъ, Святославъ шумскій, Мстиславъ черниговскій съ сыномъ и Георгій несвижскій, и славный витязь Александръ Поновичъ съ 70 удалцами. Это было настоящее побоище, въ родѣ позднѣйшаго Мамаева, только въ обратномъ смыслѣ, и имѣетъ нѣкоторое сходство съ сраженіемъ при Маренго новѣйшихъ временъ.

²⁾ Но еще прежде того они двинулись по Днѣпру въ Тавриду, взяли гор. Судакъ, принадлежавшій генуэзцамъ и бывшій главнымъ складочнымъ мѣстомъ об-

ловъ на Русь, въ которомъ они, по свидѣтельству Абулгази, умышленно заманили русскихъ князей какъ можно далѣе отъ Днѣпра въ глубь степей, на главныя силы свои, и превосходствомъ ихъ, равно и обычнымъ своимъ образомъ дѣйствій въ полѣ и въ бою, разбили ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Удаливость же русскихъ князей, особенно Мстислава галицкаго, крайне неблагоприятное и неосторожное противъ такихъ враговъ, вовсе неизвѣстныхъ еще имъ, впервые ознакомивъ ихъ съ ними, послужило для нихъ первымъ, жестокимъ урокомъ, къ несчастію для нихъ и для всей Руси, нисколько не образумившимъ ихъ въ послѣдствіи и повлекшимъ за собою злосчастное покореніе Руси монголами на цѣлыя 200 лѣтъ.

§ 37.

Второе нашествіе Батия и монголовъ на восточную Русь (1237—1238).

Послѣ похода Чжебе и Субутая къ Днѣпру въ 1224 г., монголы посылали еще новыя войска въ 1229 г. къ Волгѣ. И тотъ, и другой походы эти можно назвать предварительнымъ, усиленнымъ военнымъ обозрѣніемъ ими странъ къ западу отъ Волги. Въ сраженіи при Калкѣ, отъ множества плѣнныхъ изъ южныхъ областей Руси, и въ походѣ 1229 г. къ Волгѣ монголы безъ сомнѣнія собрали нужныя имъ свѣдѣнія о странахъ между Иртышомъ, Волгой, Днѣпромъ и за Днѣпромъ, въ томъ числѣ о Руси, Польшѣ и Венгріи. По свидѣтельству Плано-Карпини, монголы послѣ Батиева похода въ Венгрію (1240—41) предполагали въ 18 лѣтъ завоевать всю Европу. Это показываетъ, что у нихъ уже заранѣе былъ составленъ планъ такого завоеванія и что имъ вѣроятно было извѣстно тогдашнее положеніе Европы. Такимъ образомъ второе нашествіе монголовъ, подъ предводительствомъ Батия, въ 1237—38 г.г. на восточную Русь нельзя, кажется, принимать за подобное всѣмъ предшествовавшимъ нашествіямъ азійскихъ народовъ на Европу, но за основанное на обширномъ, глубоко соображенномъ планѣ, только началомъ котораго были нашествія 1224 и 1237—38 г.г. Къ сожалѣнію, послѣднее изъ нихъ описано въ нашихъ лѣтописяхъ слишкомъ кратко и неудовлетворительно. Описаніе его составлено безъ сомнѣнія не тотчасъ послѣ него, а много лѣтъ спустя, когда наше

ширной и богатой торговли на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Изъ Тавриды въ концѣ 1224 года они пошли за нижній Дунай въ земли болгаръ, завлекли ихъ въ засаду и разбили такъ, что изъ арміи ихъ спаслось только около 4 т. чел. Затѣмъ уже они пошли въ обратный походъ за Волгу.

духовенство, монастыри и церкви уже получили льготныя грамоты, обезпечившія ихъ со стороны монголовъ. Поэтому недостатокъ фактовъ о 2-мъ нашествіи монголовъ лишаетъ возможности узнать, какими именно соображеніями руководствовался Батый въ этомъ и въ 3-мъ нашествіяхъ, и по необходимости, излагая факты, должно ограничиться только одними предположеніями и догадками, основанными на общемъ характерѣ военной системы и военного искусства монголовъ при Чингисъ-ханѣ.

Абулгази и Д'Оссонъ повѣствуютъ, что Чингисъ-ханъ, распредѣляя удѣлы своимъ сыновьямъ и родственникамъ, назначилъ старшему сыну своему Джучи страны по сѣверную сторону Аральскаго и Каспійскаго морей и къ западу отъ нихъ, по его выраженію «до тѣхъ мѣстъ, куда только дойдутъ монгольскіе кони». Послѣ похода Чжебе и Субутая *) въ 1224 г., Джучи долженъ былъ идти на соединеніе съ ними къ сѣверу отъ Каспійскаго моря; но этотъ походъ его не состоялся. По присоединеніи же Чжебе и Субутая къ Чингисхану въ Большой Бухаріи (по восточнымъ источникамъ — весною 1224 г.), Чингисъ-ханъ, на основаніи доставленныхъ ими свѣдѣній, безъ сомнѣнія тогда же начерталъ, въ главныхъ основаніяхъ, свой обширный планъ завоеванія въ 18 лѣтъ сначала восточной, а потомъ и западной Европы и вмѣстѣ съ тѣмъ Китая, Индіи и всей Азіи. Джучи назначался для похода въ Европу, но смерть его, а потомъ и самого Чингисъ-хана (16 августа 1227 г. въ горахъ Ліупанъ, въ земляхъ гиновъ, въ 35 верстахъ къ юго-западу отъ гор. Гу-юань-чжеу, на 66-мъ году отъ рожденія, а по мнѣнію профессора Эрдмана — на 72-мъ), отсрочили исполненіе этого плана. Старшій послѣ Джучи сынъ Чингисъ-хана Оготай или Октай, покоривъ гиновъ, въ 1235 г. созвалъ курилтай, на которомъ рѣшены были одновременные походы въ Китай, Корею, Кашемиръ и Индію и въ Европу.

Для похода въ Европу были назначены сыновья Джучи: Батый, Орду, Шейбани и Тангутъ, Октай: Куюкъ и Каданъ, Тулуя: Мену и др. Изъ нихъ Батый, какъ старшій, былъ назначенъ главнымъ предводителемъ войска, а въ помощь ему — опытный и искусный Субутай, уже бывшій въ восточной Европѣ. По распущеніи курилтая, князья возвратились въ свои улусы, для приготовленій къ походу, и съ своихъ кочевьевъ постепенно приближались къ назначенному общему сборному мѣсту въ верховьяхъ Иртыша и въ западномъ Алтаѣ.

*) Субутай въ нашихъ лѣтописяхъ называется Себедай-Багадуръ, у Хондемира, по переводу Грингорьева — Судебай-Багадуръ, а у Абулгази — Судай-Багадуръ.

Въ февралѣ 1236 г. все войско Батия ¹⁾ двинулось оттуда перекочевками къ средней Волгѣ, вѣроятно такими мѣстами, гдѣ былъ подножный кормъ и хорошая вода ²⁾. Земля и жители ихъ (кипчаки или половцы, неизвѣстные саксинны и болгары) на пути слѣдованія его уже были на половину покорены монгольскими войсками, посланными еще въ 1229 г., послѣ избранія Октая въ ханы. Поэтому Батый могъ быть на Волгѣ уже въ іюнѣ и даже ранѣе. Съ Волги Субутай съ частію войскъ былъ отряженъ для довершенія покоренія болгаръ и взялъ и разграбилъ главный городъ ихъ Болгаръ. Батый же съ главными силами, продолжая походъ на западъ, завоевалъ земли кипчаковъ (половцовъ), буртасовъ, мокшанъ, мордвы, черкесовъ и всю страну отъ Каспійскаго и Азовскаго морей до юго-восточныхъ предѣловъ Руси, именно—рязанской области.

По сказанію нашихъ лѣтописцовъ, Батый велъ переговоры съ рязанскими князьями, пахотясь на Онузѣ, но гдѣ и что такое былъ Онузъ—неизвѣстно. Если упоминаемый въ лѣтописяхъ Воронежъ есть рѣка этого имени, куда была выслана часть рязанской дружины, то Онузъ долженствовалъ быть или къ югу, или къ востоку отъ этой рѣки. Въ такомъ случаѣ должно предполагать, что Батый прикочевалъ къ притокамъ Дона для того, чтобы здѣсь откормить лошадей и приготовиться къ вторженію въ русскія земли. Отсюда онъ потребовалъ отъ рязанскихъ князей десятины всего—отъ князей, бояръ, простыхъ людей и отъ коней бѣлыхъ, вороныхъ, рыжихъ, пѣгихъ и пр. Но князья рязанскіе, муромскій и пронскій отвѣчали, что «когда никого изъ нихъ не останется, тогда все будетъ ваше». Между тѣмъ они просили помощи Георгія владимірскаго, но онъ не исполнилъ просьбы ихъ, положивъ обороняться одинъ! Казалось, что монголы уже дали знать себя русскимъ князьямъ въ первомъ нашествіи 1224 г., и послѣднимъ не могло быть неизвѣстнымъ, ни что дѣлали монголы въ Азіи, ни походъ Батиевыхъ полчищъ къ Волгѣ. Наконецъ, бѣжавшіе отъ нихъ кипчаки, болгары и др. не могли не предварить ихъ о приближавшемся нашествіи монголовъ. Но, къ несчастію, въ раздробленной и разрозненной до крайности Руси, и восточной, и западной, не было и не могло быть ни малѣйшихъ единства и согласія между русскими князьями для отпора громаднымъ силамъ монголовъ, движимыхъ, напротивъ, одною волей, однимъ побужденіемъ, съ одною, точно опредѣленною цѣлью.

¹⁾ Числительную силу его доводятъ даже до 500 т. чел., но въ точности она неизвѣстна, хотя безъ сомнѣнія долженствовала быть очень велика, такъ какъ 11 потомковъ Чингисъ-хана соединили всѣ свои силы.

²⁾ Вѣроятно чрезъ степныя земли приказовъ: каркаралинскаго, акмоллинскаго, аманъ-карагайскаго и вдоль оренбургской линіи.

И все ограничилось только нѣсколькими отдѣльными и слабыми оборонительными мѣрами рязанскихъ князей, область которыхъ ближе всѣхъ находилась къ монголамъ на пути слѣдованія ихъ. Выше сказано, что только часть рязанскихъ дружинъ была выслана впередъ къ р. Воронежу, а остальные вѣроятно еще только собирались. Непзвѣстно, какая именно судьба постигла часть, высланную въ Воронеж: вѣроятно она была разбита и только спасшіеся принесли вѣсть объ убіеніи князя Θεодора Георгіевича. Только тогда рязанскіе князья соединили свои дружины, двинулись на встрѣчу монголамъ и на предѣлахъ рязанской области вступили съ ними въ бой. Но что значили ихъ слабыя дружины противъ громадныхъ силъ Батия? Разумѣется, онѣ были подавлены и при томъ такъ, что, по словамъ костромской лѣтописи, послѣ самой отчаянной обороны, всѣ легли на мѣстѣ (безъ сомнѣнія—бывъ окружены со всѣхъ сторонъ). Послѣ того монголы двинулись лѣсами на Пронскъ, страшно разоряя край, 16-го декабря подступили къ Рязани (Старой, близъ нын. города Спска), окружили ее тыномъ, сильно обстрѣливали метательными орудіями, производили непрерывные приступы и наконецъ, послѣ 5-ти-дневной осады, взяли ее 21 декабря 1237 года, разграбили, разрушили, а князей, бояръ и всѣхъ жителей вырѣзали.

Отсюда Батій пошелъ на Коломну и Москву, съ цѣлью воевать въ сѣверной Руси зимою. Причинъ этого могло быть много. Состояніе Руси, безъ сомнѣнія, было извѣстно Батію и монголамъ. Они знали, что Русь была раздроблена и разрознена, что князья ея враждовали и воевали между собою и что сколько трудно было бы завоевать Русь въ случаѣ ихъ согласія и соединенія, столько же легко было исполнить это, раздѣляя ихъ силы и разбивая ихъ по частямъ. При томъ южная Русь въ то время уже отжила свою политическую жизнь, которая перешла на сѣверъ, во Владиміръ, Новгородъ, Псковъ, и въ первомъ изъ нихъ уже зародилась мысль о соединеніи Руси. Поэтому, еслибы Батій началъ войну прежде въ южной Руси, которую одолѣть было легче, то князья ея съ своими дружинами могли бы удалиться въ сѣверную Русь и усилить ее, которая и безъ того была сильнѣе и труднѣе для завоеванія. Но, разгромивъ сначала ее, Батій оставилъ бы южную Русь безъ опоры на сѣверѣ и завоевалъ бы ее тѣмъ легче. Мѣстность на сѣверѣ и на югѣ также должна была, вѣроятно, имѣть вліяніе на движеніе Батия прежде въ сѣверную Русь, а потомъ уже въ южную. Первая была гораздо болѣе покрыта большими лѣсами и болотами и перерѣзана большими и малыми рѣками и озерами, и лѣтомъ не имѣла удобныхъ для движенія монголовъ путей сообщенія или очень мало, кромѣ рѣкъ. Южная же Русь, напротивъ, была болѣе открытою, ме-

нѣе пересѣченною и граничила съ южными степями, въ которыхъ монголы уже кочевали. Слѣдовательно Батый, можетъ быть, держался при этомъ правилѣ охоты, которую Чингисъ-ханъ считалъ школою войны, т. е. «выгонять звѣрей изъ лѣсовъ на открытыя мѣста». Зимній походъ его въ сѣверную Русь также можетъ быть объясненъ обычнымъ правиломъ монголовъ совершать свои походы зимою, когда рѣки и озера замерзли, вездѣ можно было проходить прямѣйшими и кратчайшими путями, равно и тѣмъ, что для кочеваго народа зимніе походы не представляли особеннаго затрудненія, между тѣмъ какъ лѣтомъ жары, переправы черезъ рѣки и озера, трудные пути сообщенія, содержаніе людей и особенно лошадей и пр., напротивъ, представляли такихъ затрудненій гораздо болѣе. Лѣса лѣтомъ были удобнѣе для обороны длинныхъ и узкихъ тѣснинъ въ нихъ, устройства засадъ, внезапныхъ нападеній, задерживанія наступавшаго непріятеля меньшими силами и т. п.; зимою же обнаженные лѣса, замерзшія рѣки, озера и болота, покрытые снѣгомъ трудные проходы и пути не представляли монголамъ такихъ затрудненій для движеній и дѣйствій противъ оборонявшагося. Притомъ зимою монголы могли находить всѣ продовольственные способы края и его жителей, т. е. скотъ, хлѣбъ, овесъ, сѣно, солому и пр., уже собранными въ селеніяхъ и городахъ, а жителямъ труднѣе было скрываться въ нихъ или въ лѣсахъ. И взятіе городовъ зимою также значительно облегчалось тѣмъ, что осажденнымъ трудно было усиливать свои укрѣпленія: рвы заносились снѣгомъ, почему приступъ къ стѣнамъ былъ удобнѣе и пр. Наконецъ, какъ зима всегда была для монголовъ порою военныхъ походовъ и дѣятельности, такъ лѣто, напротивъ, порою отдыха людей и лошадей, откармливанія послѣднихъ и приготовленія къ зимнимъ походамъ, во время которыхъ монголамъ было гораздо выгоднѣе жить на чужой счетъ и кормить себя чужимъ хлѣбомъ, а лошадей своихъ — чужимъ фуражомъ, а не себе-незкамъ, т. е. пастбою ихъ зимою изъ-подъ снѣга. Словомъ—походъ сначала въ сѣверной Руси и притомъ зимою долженствовалъ быть во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе и выгоднѣе для монголовъ, нежели въ южной Руси и лѣтомъ.

Къ этому нужно еще прибавить, что Батыю необходимо было съ 21 декабря—дня взятія Рязани—торопиться въ два зимнихъ мѣсяца, январь и февраль, до весенней распутицы, совершить зимній походъ въ сѣверной Руси противъ Владиміра и особенно Новгорода и Пскова, еще болѣе отдаленныхъ. Во время распутицы многочисленное конное войско монголовъ, въ сѣверныхъ лѣсахъ и болотахъ и на переправахъ черезъ разлившіяся рѣки, нашлось бы въ крайне трудномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что сѣверныя, влажныя, сочныя травы

и даже перемена воды были бы очень вредны для непривычныхъ къ тому монгольскихъ лошадей, развили бы между ними болѣзни, падежъ и пр. А безъ лошадей монголы были безсильны и слабы, имѣя даже поговорку, что «монголъ, лишившійся лошади, ничего не въ состояніи сдѣлать».

И такъ Батый, по взятіи Рязани 21 декабря, двинулся въ сѣверную Русь, но не тотчасъ же прямо къ Владиміру, а сначала къ Коломнѣ и Москвѣ. И это также, безъ сомнѣнія, было не безъ причины, потому что у монголовъ все бывало заранѣе обдуманно и рассчитано. Весьма вѣроятною причиною того, что Батый движеніемъ къ Владиміру черезъ Коломну и Москву сдѣлалъ зимою, по снѣгу, 160 верстъ кругу, тогда какъ ему нужно было торопиться до весны дойти до богатыхъ Новгорода и Пскова, было намѣреніе отрѣзать владимірскому князю Георгію II Всеволодовичу прямой путь отступленія изъ Владиміра на Москву, Тверь и Новгородъ, а западнымъ и южнымъ русскимъ дружинамъ—соединеніе съ нимъ. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что Батый, разбивъ подъ Коломною встрѣченныя имъ войска Георгія, разграбивъ въ Москвѣ бывшіе въ ней въ складѣ товары, сжегши городъ и съ главными силами своими двинувшись къ Владиміру, часть силъ послалъ взять Торжокъ, на пути изъ Твери въ Новгородъ.

Къ Владиміру Батый подступилъ 3 февраля 1238 г., т. е. 43 дня по взятіи Рязани, хотя отъ Старой Рязани черезъ Коломну и Москву до Владиміра не болѣе 420 верстъ или 28 дней хода коннаго войска монгольскаго зимою по снѣгу. Причины такого замедленія неизвѣстны: можетъ быть Батый былъ задержанъ на пути, или осадой и взятіемъ какихъ-нибудь городовъ, или преслѣдованіемъ какихъ-либо русскихъ дружинъ, или наконецъ сборомъ продовольствія и перевозочныхъ способовъ для перевозки ихъ.

Прибывъ къ Владиміру 3 февраля, Батый узналъ, что Георгія въ немъ не было (онъ отправился собирать войска между Угличемъ и Бѣжецкомъ), и осадилъ Владиміръ, а посланные имъ отряды взяли и сожгли Суздаль. 7 февраля Батый взялъ Владиміръ приступомъ отъ Золотыхъ воротъ, съ сѣвера и съ Клязьмы, разграбилъ и разрушилъ его, а жителей истребилъ. Разославъ во всѣ стороны отряды для разграбленія и завоеванія владимірской области, онъ въ короткое время овладѣлъ всѣми городами ея, а между тѣмъ принялъ мѣры для внезапнаго нападенія на Георгія.

Послѣдній, въ ожиданіи сбора войскъ и подкрѣпленій съ юга и запада, не имѣя болѣе возможности идти ни къ Москвѣ, ни къ Твери, ни въ Торжокъ, былъ вынужденъ обратиться къ сѣвернымъ путямъ на Новгородъ черезъ Угличъ и Бѣжецкъ. Здѣсь онъ располо-

жился за р. Ситью, на соединеніи нѣсколькихъ путей, ведущихъ изъ Владиміра въ Новгородъ и Бѣлозерскъ. Эти пути, по причинѣ цвѣтущей торговли Новгорода съ волжскими болгарами, вѣроятно были, какъ пути торговые, въ лучшемъ состояніи, нежели прочіе, и не имѣли недостатка въ продовольствіи.

Но Батый разстроилъ предположенія Георгія. Отъ Владиміра, взятаго 7 февраля, онъ, по овладѣніи всею владимірскою областю, въ 3 съ небольшимъ недѣли, въ 16 переходовъ, успѣлъ достигнуть р. Сити. Разосланные имъ отряды постепенно сдвигались влѣво, къ западу, чрезъ Тверь и Ярославль, и такъ неожиданно обошли правый флангъ расположенія Георгія на Сити, что посланный послѣднимъ для развѣданія отрядъ, воротясь, увѣдомилъ, что монголы уже обошли Георгія и находились вблизи. Едва только Георгій началъ строить свои войска, какъ монголы уже налетѣли на нихъ съ праваго фланга и разбили ихъ на голову. Георгій съ остатками ихъ былъ отброшенъ и преслѣдованъ къ сѣверу и тамъ (вѣроятно у нын. села Могилыцы, въ 20 верстахъ къ с. отъ Сити) погибъ. Битва при р. Сити произошла 4 марта, а 5 марта отрядъ, посланный къ Торжку, взялъ его, послѣ 2-хъ-недѣльной осады.

Отъ Сити или вѣрнѣе отъ Могилыцы къ Торжку — 12 переходовъ — монголы могли прійти около 16 или 17 марта и отъ Торжка уже двинуться всѣми силами къ Новгороду не ранѣе этого времени (значить — уже передъ началомъ весенней распутицы). Отъ Торжка къ Новгороду вели два пути: одинъ — прямой, около 20 переходовъ, черезъ валдайскія горы и долины, бронницкія болота и р. р. Мсту и Волховъ, а другой, такъ называемый Селигерскій — на Осташковъ (зимою по озеру Селигеру) и Старую Руссу (зимою по озеру Ильмену). Батый избралъ послѣдній, вѣроятно потому, что хотя онъ былъ длиннѣе перваго по крайней мѣрѣ на 6 переходовъ, но Батый избѣгалъ на немъ всѣхъ неудобствъ движенія по первому пути, въ виду воинственнаго и сильнаго Новгорода, и выгадывалъ то, что становился на сообщенія между Новгородомъ и Псковомъ.

Подойдя этимъ путемъ уже на 200 верстъ отъ Новгорода, онъ вѣроятно былъ уже на р. Ловати и, по расчету времени, въ концѣ марта или началѣ апрѣля, когда въ этихъ мѣстахъ уже вскрываются рѣки и озера и начинается весенняя распутица. Опасеніе этой послѣдней и всѣхъ вредныхъ послѣдствій ея для своего войска (о которыхъ говорено выше) вѣроятно заставило Батыя вернуться назадъ (у урочища, называемаго въ лѣтописи Игначъ крестъ, можетъ быть тамъ, гдѣ нынѣ находится село Игнатицы, на р. Полѣ, въ 190 верстахъ отъ Новгорода, или села Спасское и Богородицкое, нѣсколько ближе къ нему). Многія соображенія могли представлять ему неудоб-

нымъ, труднымъ и даже опаснымъ дальнѣйшее движеніе въ эту пору года къ Новгороду и заставить его двинуться къ югу, не довершивъ своего похода противъ Новгорода и Пскова — къ необыкновенному счастью для нихъ.

Обратный походъ Батые на югъ едва отмѣченъ нашими лѣтописцами и извѣстенъ только по 6-ти-недѣльной осадѣ и упорнѣйшей оборонѣ города Козельска (въ нын. Калужской губ.). Здѣсь княжилъ молодой князь Василій Олеговичъ, за котораго жители поклялись «положить животъ свой» и 6 недѣль оборонялись упорнѣйшимъ образомъ, пока наконецъ монголы не разбили городскихъ стѣнъ. Но они и тутъ встрѣтили отчаянное сопротивленіе гражданъ, изъ которыхъ одни бились съ ними въ городѣ, а другіе, выйдя изъ него, напали на монголовъ и убили до 4 т. ихъ, пока наконецъ всѣ, и въ городѣ, и внѣ его, не были истреблены. По взятіи Козельска, названнаго монголами злымъ городомъ, они вышли изъ предѣловъ русской земли и направились въ половецкія земли, къ притокамъ и низовьямъ Дона, разбили здѣсь хана Котяна, который съ 40 т. чел. своего народа удалился послѣ того въ Венгрію и получилъ въ ней земли для поселенія. Батый же удался за Волгу, потерявъ, кажется, въ продолженіи всего этого похода, отъ февраля 1237 г., съ береговъ Иртыша, и съ декабря этого года до мая или іюня 1238 г. въ русскихъ предѣлахъ, много лошадей, потому что до похода его въ южную Русь прошло около двухъ лѣтъ. Въ сѣверной же Руси, на всемъ пути его отъ р. Воронежа къ Рязани, Коломнѣ, Москвѣ, Владиміру, р. Сити, Торжку, Осташкову, Старой Руссѣ и обратно къ Козельску и въ половецкія земли, все—и города, и селенія, было разграблено, разрушено, сожжено, а жители истреблены. Жестоко было это второе нашествіе монголовъ, подъ предводительствомъ Батые, на восточную Русь: такова уже была военная система ихъ, девизомъ которой всегда было: «смерть и разореніе непокорявшимся». Но нельзя не признать необыкновеннаго искусства ихъ вообще и Батые въ особенности, доказывающаго, что не одно превосходство числительной силы было причиной успѣховъ ихъ. Это искусство соображеній и исполненія ихъ—съ одной стороны, и непостижимое ослѣпленіе русскихъ князей — съ другой, вотъ причины, по которымъ восточная, а потомъ и югозападная Русь (исключая Новгорода и Пскова) не могли не быть покорены монголами. Русскіе князья не могли не знать, съ какимъ опаснымъ врагомъ имъ предстояло имѣть дѣло, и должны были, кажется, понять, что только въ общемъ и дружномъ соединеніи ихъ всѣхъ заключалось одно спасеніе ихъ и невозможность или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайная трудность завоеванія Руси монголами. Но они до того были раздѣлены и все-

ябло заняты своими бессмысленными междуусобіями, изъ-за власти, областей и городовъ, что все вниманіе ихъ было поглощено ими и отвлечено отъ опасности, грозившей всей Руси со стороны монголовъ. Это ослѣпленіе ихъ, легкомысліе, непрозорливость, безпечность и нерадѣніе были причиной, что ни одинъ изъ нихъ не подумалъ не только объ общемъ соединеніи противъ монголовъ, но даже и о томъ, чтобы подавать другъ другу своевременно помощь, почему они и были легко разбиваемы по частямъ соединенными силами монголовъ, притомъ искусно предводимыми и направляемыми. Очень вѣроятно также, что обычная хитрая политика монголовъ еще болѣе содѣйствовала разъединенію русскихъ князей, а искусныя и быстрыя движенія и рѣшительныя дѣйствія Батя не допускали ихъ до соединенія своихъ силъ и даже заставляли еще болѣе раздѣлять ихъ. Неуспѣхи громадныхъ силъ Ксеркса, Дарія Истаспа и крестоносцовъ служатъ лучшимъ подтвержденіемъ того, что Батя, какъ во 2-мъ, такъ и въ 3-мъ нашествіи своемъ на Русь одолѣлъ и покорилъ ее не одною числительною силой, но и искусствомъ.

§ 38.

Третье нашествіе Батя и монголовъ на южную Русь (1239—1240).

Въ 1239 г. (вѣроятно зимою 1238—39 гг.) монголы снова явились на сѣверовостокѣ, взяли земли мордвы, доходили до р. Клязьмы, сожгли городъ Гороховецъ, но далѣе Клязьмы не ходили. Зимою же 1239—40 гг. Батя со всѣми своими силами двинулся изъ-за Волги въ половецкія земли и въ южную Русь на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Но объ этомъ нашествіи его въ нашихъ лѣтописяхъ имѣется еще менѣе удовлетворительныхъ свѣдѣній, нежели о первомъ. Многое темно, многого не достаетъ, а что имѣется, необходимо объяснять догадками и предположеніями. Такъ, напримѣръ, вѣроятно, что послѣ похода Батя въ сѣверной Руси, совершеннаго въ 4, 5 или много 6 мѣсяцовъ и не безъ труда, походъ его въ южной Руси былъ менѣе труденъ и потребовалъ менѣе времени. Лѣсовъ и болотъ здѣсь было менѣе, хотя большихъ и малыхъ рѣкъ было довольно. Въ случаѣ продолжительной осады какого-либо города, наши лѣтописцы не умолчали бы объ этомъ. Вѣроятно, что здѣсь все болѣе или менѣе гибло отъ монголовъ безъ значительнаго сопротивленія, за немногими исключеніями. Даже время завоеванія южныхъ княжествъ (зимою или лѣтомъ?) и осадъ и взятія такихъ городовъ, какъ Черниговъ и Кіевъ, не опредѣлено въ точности. По ходу событій слѣдуетъ по-

лагать, что Батый шелъ сначала половецкими степями, а потомъ повернулъ на Глуховъ и Черниговъ, пославъ отдѣльный отрядъ въ Переяславлю и Кіеву (у Соловьева, напротивъ, онъ самъ пошелъ къ послѣднимъ двумъ городамъ, а въ Глухову и Чернигову послалъ отрядъ; но первое предположеніе вѣроятнѣе, потому что Черниговъ былъ большой и сильно-укрѣпленный городъ, что доказывается и его осадой и тѣмъ, что Батюю прежде нужно было овладѣть Черниговомъ, а потомъ уже Кіевомъ). Переяславль былъ взятъ и сожженъ, изъ жителей же его половина истреблена, а другая взята въ плѣнъ. Черниговъ былъ осажденъ и сильно обстрѣливаемъ метательными орудіями. Извѣстно, между прочимъ, что при осадѣ его монголы метали, на разстояніи $1\frac{1}{2}$ выстрѣла (до 150 или 200 сажень) камни такой величины, что 4 человека едва могли поднимать ихъ. Такъ какъ въ окрестностяхъ Чернигова нѣтъ такихъ камней, то должно полагать, что монголы перевозили ихъ съ собою или, можетъ быть, метали мельничные жернова, раздробленные на части; какъ они дѣлали это въ Китаѣ, при осадѣ южной столицы гинговъ, Бянь. Двоюродный братъ князя Михаила черниговскаго, Мстиславъ Глѣбовичъ, пришедшій на помощь Чернигову, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Венгрію. Черниговъ былъ взятъ и сожженъ (когда? — въ апрѣлѣ или ноябрѣ? — неизвѣстно). Послѣ того сынъ Тулуя (у Соловьева — Угедей), Мен у или Менгу, прибылъ къ Песочному Городку, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Кіева, чтобы обзрѣть этотъ городъ и мѣстоположеніе его, съ цѣлю взятія его, и отправилъ къ князю Михаилу кіевскому и гражданамъ пословъ склонить ихъ къ сдачѣ города, но они убили пословъ, что было крайне неблагоразумно. Однако Михаилъ не дождался осады и бѣжалъ въ Венгрію, а на его мѣсто въ Кіевъ прибылъ изъ Смоленска внукъ Давида Ростиславъ Мстиславичъ. Но старшій его въ родѣ Даниилъ галицкій схватилъ Ростислава и взялъ Кіевъ себѣ, однако не остался въ немъ, а поручилъ оборону его тысяцкому Дмитрію. Такъ южно-русскіе князья, въ то самое время, когда имъ грозила такая страшная бѣда со стороны монголовъ, безразсудно спорили изъ-за власти, Кіева и другихъ городовъ и областей и малодушно бѣжали въ Венгрію и Польшу искать помощи ихъ, которой [однако не могли получить. Удивительно-ли послѣ того, что монголамъ была полная свобода легко и скоро завоевать и разорить южную Русь.

Наконецъ вся сила Батыева явилась на лѣвой сторонѣ Днѣпра противъ Кіева, но въ какое именно время — въ лѣтописяхъ нашихъ также не опредѣлено съ точностью. Сказано только, что Кіевъ взятъ въ Николинъ день 1240 года, но въ который? лѣтній 9-го мая, или зимній 6-го декабря (по Лаврентіевской и Ипатіевской лѣто-

писямъ, Карамзину, митрополиту Евгенію и Соловьеву — 6-го декабря, и только по Полевому и Устрялову — 9-го мая). Если взятіе Кіева было 6-го декабря, то гдѣ же были и что дѣлали монголы Батыя съ зимы 1239—40 гг. до зимы 1240—41 гг.? А если 9-го мая, то переправа монголовъ черезъ Днѣпръ и осада Кіева должны были произведены гораздо ранѣе (по крайней мѣрѣ за мѣсяцъ, т. е. въ апрѣлѣ). Если Кіевъ держался, какъ вѣроятно, недолго, то монголы должны были совершить переправу черезъ Днѣпръ по вскрытіи его и во время разлива его, и потому невѣроятно, чтобы они переправу совершили въ это время, а не въ ноябрѣ по льду, притомъ совсѣми своими войсками, метательными орудіями, обозами, вьючными верблюдами и пр. Еслибы наши лѣтописцы прибавили только одно слово: въ лѣтній или зимній Николинъ день былъ взятъ Кіевъ — все было бы объяснено. Но вмѣсто одного этого необходимаго слова, они предпочли помѣстить ненужную и невѣроятную сказку, будто отъ скрипа телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія коней монгольскихъ кіевлянамъ въ Кіевѣ нельзя было разслушать другъ друга! Это можетъ дать понятіе, какъ и кѣмъ писались наши лѣтописи и на сколько сказанія ихъ точны и опредѣлительны, между прочимъ, въ военномъ отношеніи.

Изъ изслѣдованій новѣйшаго времени извѣстно, что монголы обложили и осадили Кіевъ на правомъ берегу Днѣпра и били его стѣны, церкви и зданія внутри его изъ метательныхъ орудій (въ лѣтописяхъ — пороковъ) огромными камнями, и у Лядскихъ воротъ, противъ Десятинной церкви, и противъ Софійскаго собора, и противъ великой или соборной Успенской церкви Печерскаго монастыря (потому что эти церкви были почти совсѣмъ разрушены), но особенно противъ Лядскихъ воротъ и Десятинной, богатѣйшей церкви (за валомъ нынѣшней, близъ Андреевскаго спуска на Подоль), гдѣ произведенъ былъ главный приступъ, имѣвшій слѣдствіемъ разграбленіе Десятинной церкви, княжескаго терема противъ нея и затѣмъ всего города и Печерскаго монастыря надъ землею, но не въ пещерахъ, куда монголы не проникали. Не смотря на упорнѣйшее, отчаянное сопротивленіе Дмитрія и гражданъ, и на стѣнахъ и валахъ города, и внутри его, монголы окончательно взяли Кіевъ, какъ сказано, въ Николинъ день, разграбили его и разрушили до основанія, а жителей его на половину истребили, (исключая раненаго Дмитрія, котораго, за храбрость его, Батый велѣлъ не убивать), на половину взяли въ плѣнъ, исключая успѣвшихъ въ небольшомъ числѣ спастись. Затѣмъ узнавъ, что князя Михаилъ кіевскій и Даніилъ галицкій бѣжали, первый въ Польшу,

а второй въ Венгрію за помощью, Батый двинулся съ главными силами своими въ Волынь, пославъ отдѣльные отряды въ Польшу, галицкую область и въ Венгрію, какъ для грабежа, такъ и для собранія свѣдѣній объ этихъ странахъ и ихъ жителяхъ.

Подступивъ къ гор. Ладыжину на Бугѣ, Батый сталъ бить его стѣны метательными орудіями, но, не успѣвъ разбить ихъ, льстивыми обѣщаніями пощады склонялъ жителей къ сдачѣ, а когда они повѣрили и вышли, то всѣхъ ихъ истребилъ, а городъ разграбилъ и разрушилъ (такова была система монголовъ, чтобы не оставлять въ тылу за собою непокоренныхъ городовъ). Подобная же участь постигла Каменецъ, Владиміръ, Галичъ и много другихъ городовъ юго-западной Руси, а край былъ разграбленъ и разоренъ вплоть до предѣловъ Польши и Венгрии (только одинъ Кременецъ, по своему неприступному мѣстоположенію, не былъ взятъ). Тогда плѣнный Дмитрій, видя конечную гибель юго-западной Руси, далъ Батію совѣтъ (котораго онъ и послушался) идти не медля въ Венгрію, иначе жители этой сильной страны успѣли бы собраться и не впустить монголовъ.

§ 39.

Русскія войны въ первой половинѣ монгольскаго періода (1243—1353).

Въ продолженіи 100 лѣтъ со времени покоренія Руси монголами (1243) до кончины Симеона Іоанновича Гордого, уже великаго князя всея Руси (1353), русскіе князья продолжали вести междоусобныя войны, то призывая на помощь, одни противъ другихъ, монголовъ, то усиливаясь удерживать или отражать нашествія послѣднихъ. Въ то же время на сѣверѣ и западѣ производилась почти непрерывная война съ шведами, ливонскимъ орденомъ, новыми завоевателями — литовцами и съ поляками и венграми. Характеръ всѣхъ этихъ войнъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, вообще былъ въ теченіи этого времени почти тотъ же, что и въ удѣльномъ періодѣ, съ тою разницею, что въ дѣйствіяхъ русскихъ князей усматривается уже нѣсколько болѣе единства цѣли, силъ и власти. Но въ войнахъ съ монголами замѣтна уже важная перемена. Войны эти съ русской стороны носятъ на себѣ отпечатокъ слабости, робости, осторожности и становятся по преимуществу оборонительными. Изнеможеніе силъ и страхъ, внушаемый монголами, удаляли всякую мысль о дѣйствіяхъ наступательныхъ: единственною заботой было — отражать или по крайней мѣрѣ удерживать монголовъ, и успѣхъ

въ этомъ почитался наравнѣ и даже выше самой рѣшительной и блистательной побѣды. Рѣдко, робко и слабо дѣйствовали войска въ открытомъ полѣ. Зная превосходство монголовъ и собственную слабость въ военномъ отношеніи, они старались усиливать себя естественными и искусственными препятствіями: располагались на неудободоступной мѣстности, а въ ровныхъ и открытыхъ мѣстахъ окружали себя окопами, тыномъ, повозками и проч., держались по возможности ближе къ укрѣпленнымъ городамъ, запираясь въ нихъ при малѣйше-невыгодномъ оборотѣ дѣйствій и за ихъ стѣнами обороняясь смѣлѣе, нежели въ открытомъ полѣ, гдѣ монголы и числомъ, и дѣйствіями всегда имѣли надъ ними рѣшительное превосходство. Такъ какъ конница уже сдѣлалась главною, многочисленнѣйшею частью русскаго войска и дѣйствовала подобно монгольской, при нашествіяхъ же монголовъ иногда производилось уже вооруженіе народа и составляемыя послѣднимъ способомъ земскія или народныя ополченія сражались большею частію пѣшими, вооруженныя чѣмъ и какъ могли, и употреблялись преимущественно для обороны окоповъ, становъ и городовъ, то отъ всего этого и происходило во 1-хъ то, что русскія войны съ монголами и даже съ ходомъ времени и самыя внутреннія, междуусобныя начали постепенно принимать характеръ войнъ монгольскихъ или вообще азіятскихъ, и во 2-хъ, что русскіе князья старались уже одолѣть монголовъ не столько силою оружія, храбростью, мужествомъ и искусствомъ, сколько превосходствомъ числительной силы, разореніемъ края для лишенія противниковъ средствъ продовольствованія, военными хитростями, обманомъ, скрытностью дѣйствій, внезапностью нападеній, засадами, обходами, словомъ — всѣми дѣйствіями и уловками, употребляемыми обыкновенно азіятскими народами.

Междуусобныя войны князей восточной Руси съ 1243-го по 1353-й годъ не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго въ отношеніи къ искусству веденія войны. Притомъ войны эти не происходили уже, какъ въ удѣльномъ періодѣ, почти непрерывно, но напротивъ прерывались продолжительными промежутками внутреннихъ мира и тишины, нарушаемыхъ только ничтожными частными распрями князей. Такъ, за исключеніемъ великаго князя Андрея Ярославича (1247—1252), безвременно и безразсудно задумавшаго силою оружія освободить Русь отъ монголовъ и только бывшего причиной новаго нашествія ихъ, отецъ Андрея, Ярославъ Всеволодовичъ (1238 — 1247) и братья Александръ Невскій (1247—1263), Ярославъ тверской (1263—1272) и Василій костромской (1272—1276), всего въ продолженіи 27 лѣтъ, покорностью смиряли монголовъ и отклоняли отъ Руси новыя бѣдствія. Дѣти и

внуки Александра Невского и Ярослава тверского, помышляя уже не о благѣ отечества, а о присвоеніи себѣ великокняжескаго престола, въ продолженіи 52 лѣтъ (1276—1328) вели непрерывныя междоусобныя войны, призывая другъ противъ друга монголовъ и съ помощью ихъ изгоняя одинъ другаго изъ своихъ удѣловъ, свергая другъ друга съ великокняжескаго престола и навлекая тѣмъ на восточную Русь непрерывныя нашествія монголовъ, разореніе и всевозможныя бѣдствія. Но съ 1328 г., со вступленіемъ на великокняжескій престолъ Іоанна I Калиты, въ восточной Руси водворяется внутренняя тишина — предвѣстница близкаго единодержавія.

Болѣе вниманія въ военномъ отношеніи заслуживаютъ внѣшнія русскія войны: на сѣверѣ съ шведами, на сѣверо-западѣ съ ливонскимъ орденомъ, на западѣ съ литовцами и на юго-западѣ съ литовцами же, поляками и венграми — войны, славныя для русскаго оружія своими подвигами, хотя и бѣдственныя для Руси на западѣ своими результатами.

§ 40.

Войны на сѣверѣ съ шведами.

Нева, Ладожское озеро и край къ югу и сѣверу отъ нихъ были поприщемъ непрерывныхъ войнъ между новгородцами съ одной стороны, шведами и финскими туземными племенами: емью, сумью, ижорой, корелой и проч. — съ другой, безпрестанныхъ набѣговъ и вторженій одной стороны во владѣнія другой, съ цѣлью изгнанія изъ нихъ противниковъ и собственнаго утвержденія въ нихъ, для чего обѣ стороны строили многія крѣпости и крѣпостцы. Шведы воевали сверхъ того съ цѣлью обращенія финновъ и новгородцевъ въ латинскую вѣру и даже овладѣнія самимъ Новгородомъ. Самымъ замѣчательнымъ въ этомъ отношеніи былъ походъ шведскаго ярла изъ рода Фолькунговъ, Биргера, еще въ 1240 г. въ Финляндію и сѣверную Русь. Когда онъ высадился при устьѣ р. Ижоры въ Неву, чтобы идти къ Ладогѣ, новгородскій князь Александръ Ярославичъ не сталъ дожидаться ни дружинъ отца своего, ни сбора всѣхъ новгородскихъ, но съ небольшою и храброю дружиной быстро двинулся прямо противъ Биргера и, прибывъ къ мѣсту высадки его, стремительно напалъ на него (15 іюля 1240 г.) и послѣ жестокаго боя, въ которомъ самъ съ 6-ю храбрѣйшими витязями своими лично сражался въ головѣ своей дружины и своимъ копьемъ ранилъ Бир-

гера въ лицо, разбилъ его на голову, прогналъ его и тѣмъ заслужилъ прозваніе Невскаго. По смерти его, шведы овладѣли подвластными Новгороду Емью и частью Кореліи, построили Выборгъ (1293), Кексгольмъ и крѣпостцу на Наровѣ (1295) и Ландскрону при устьѣ Невы (1300). Съ своей стороны новгородцы возобновили укрѣпленія Копорской крѣпости (1297), взяли Ландскрону вскорѣ послѣ построения ея, построили крѣпость близъ Кексгольма (1310) и разорили городъ Ванай въ Финляндіи (1311). Въ отмщеніе за то, шведы сожгли Ладогу (1313) и овладѣли Копорскою крѣпостью, которую жители передали имъ, истребивъ новгородскій гарнизонъ (1314). Но новгородцы отняли у нихъ эту крѣпость, сожгли Або (1318), ходили въ Финляндію и безуспѣшно осаждали Выборгъ (1322) и заложили при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера крѣпость Орѣшекъ (нынѣ Шлиссельбургъ), въ которой въ томъ же году (1323) заключили съ шведами миръ, извѣстный подъ названіемъ Орѣшковскаго. Этимъ миромъ были опредѣлены обоюдно границы. Въ 1337 г. шведы нарушили его, и война началась снова. Шведы разорили земли по р. Онегѣ и сожгли Ладогу, а новгородцы опустошили шведскую Финляндію (1338). Орѣшковскій миръ былъ возобновленъ, но 10 лѣтъ спустя (1348) шведскій король Магнусъ предпринялъ противъ новгородцовъ походъ съ цѣлью обращенія ихъ въ латинскую вѣру и даже овладѣнія самымъ Новгородомъ. Съ шведскими и наемными датскими и нѣмецкими войсками приплылъ онъ на флотѣ къ Березовымъ островамъ, силою оружія принудилъ финскихъ туземцовъ креститься, пошелъ къ Орѣшку и взяли его, но, свѣдавъ о движеніи новгородскихъ, псковскихъ и торжсковъ ихъ дружинъ къ Ладогѣ и оттуда къ Орѣшку и потерявъ множество людей и лошадей, поспѣшно удалился.

§ 41.

Войны на сѣверозападѣ съ ливонскимъ орденомъ.

Вторженія рыцарей ливонскаго ордена въ новгородскую и особенно въ псковскую области начался собственно съ 1240 г. Въ этомъ году рыцари взяли Изборскъ, разбили псковитянъ, сожгли Псковъ и, заключивъ миръ съ псковичами, построили крѣпостцу въ Конорѣ и вторглись въ земли новгородскія, грабя и разоряя ихъ до самаго Новгорода. Но Александръ Ярославичъ съ новгородцами изгналъ ихъ изъ новгородскихъ земель, отнялъ у нихъ крѣпостцу Копорскую (1240), на льду Чудскаго озера разбилъ ихъ въ то время, когда они произвели внезапное нападеніе на Псковъ

(1241) и принудилъ орденъ къ миру (1242). Въ 1253 году рыцари снова напали на Псковъ, но новгородцы прогнали ихъ, разорили земли за Наровой и въ Кореліи и снова принудили орденъ къ миру. Въ 1262 г. князья: Ярославъ тверской и Товтивиль литовскій съ дружинами новгородскими и псковскими, подъ главнымъ предводительствомъ сына Александра Невскаго, князя Дмитрія Александровича, совершили походъ въ Ливонію, осадили и взяли приступомъ Юрьевъ (Дерптъ), при чемъ часть жителей была истреблена, другая погибла въ пожарѣ, а остальная взята въ плѣнъ, и затѣмъ русскія войска возвратились съ богатою добычей. Въ 1268 году новгородцы ходили въ Эстонію противъ поселившихся тамъ датчанъ, осаждали Везенбергъ или Раковоръ, но по причинѣ несогласія между собою возвратились безъ успѣха. Тогда, призвавъ князя Дмитрія Александровича, они, подъ главнымъ предводительствомъ его, въ значительныхъ силахъ, съ князьями Святославомъ и Михайломъ, сыновьями великаго князя Ярослава Ярославича, и Довмонтомъ псковскимъ, снова двинулись противъ датчанъ въ Эстонію и осадили Везенбергъ. Ливонскіе рыцари обѣщали не вмѣшиваться въ эту войну, но когда датчане въ значительныхъ силахъ внезапно явились подъ Везенбергомъ, то новгородцы, перейдя черезъ р. Коголу, въ головѣ датскаго войска встрѣтили, къ удивленію своему, ливонскихъ рыцарей подъ предводительствомъ ландкомтура Отто-фонъ-Роденштейна. Въ происшедшей здѣсь 18-го февраля 1268 года кровопролитной битвѣ (Раковорской или Везенбергской) новгородцы одержали побѣду, но понесли столь большой уронъ и такъ ослабѣли, что принуждены были возвратиться. Въ 1269 г. магистръ ливонскій, въ отмщеніе за пораженіе при Везенбергѣ, осадилъ съ 18 т. войскъ Псковъ. Храбрый князь Довмонтъ мужественно оборонялся 10 дней, а прибывшіе на помощь Пскову новгородцы принудили рыцарей заключить миръ и хотѣли идти на Ревель, но датчане также примирились съ ними.

Послѣ того рыцари, занятые междоусобіями, 30 лѣтъ были въ мирѣ съ новгородцами и псковитянами. Но въ 1299 г., вслѣдствіе происшедшихъ у нихъ распрей съ послѣдними, они внезапно напали на Псковъ, сожгли посадъ его и осадили псковитянъ во внутренней городской крѣпости (Кремлѣ). Князь Довмонтъ вышелъ изъ нея, разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Затѣмъ 22 года снова прошли въ мирѣ. Но въ 1322 году псковитяне, призвавъ литовскаго князя Давида, подъ предводительствомъ его разорили Эстонію до самаго Ревеля за то, что эстонцы убили псковскихъ купцовъ и звѣролововъ на Наровѣ и Чудскомъ озерѣ. Вслѣдствіе того, въ 1323 г. рыцари съ сильнымъ войскомъ осадили Псковъ. Не получивъ отъ новгород-

повъ помощи, псковитяне снова призвали князя Давида и въ то время, какъ онъ съ Евстафіемъ, намѣстникомъ изборскимъ, напалъ на рыцарей съ тыла, сами вышли изъ Пскова и напали на нихъ спереди. Разбитые на голову, рыцари приняли предписанный имъ миръ. Въ 1342 году псковитяне снова воевали съ Эстоніей. Литовскій князь Ольгердъ помогалъ имъ съ своими дружинами, но слабо и, причинивъ имъ болѣе вреда, нежели пользы, удалился въ Литву. Псковитяне продолжали однако опустошать Эстонію въ 1342—1343 годахъ подъ предводительствомъ Евстафія. Въ 1343 году, возвращаясь въ Псковъ, они были настигнуты близъ Нейгаузена преслѣдовавшими ихъ рыцарями, но разбили ихъ, и рыцари, озабоченные возмущеніемъ эстонцовъ, примирились.

§ 42.

Войны на западѣ съ литовцами.

До половины XIII вѣка литовцы, дикій, грубый и бѣдный языческій народъ, производили безпрестанные, хищнические набѣги на сосѣдственныя земли польскія и русскія, псковскія, полоцкія и даже волынскія, съ единственною цѣлью грабежа. Для наказанія и обузданія ихъ, русскіе князья, съ своей стороны, также производили частые походы въ литовскія земли. Литовцы скрывались и упорно, отчаянно защищались въ своихъ лѣсахъ и только въ крайности платили дань звѣринными шкурами и даже, по словамъ лѣтописцовъ, лыками и вѣшниками. Но походы русскихъ князей противъ нихъ не всегда были удачны, и скудная дань, платимая имъ литовцами, иногда обходилась имъ очень дорого. Самъ Мстиславъ I Храбрый (1125 — 1132), всегда счастливый въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ, въ 1131 — 32 г.г. испыталъ въ Литвѣ такую неудачу, что цѣлая дружина его была истреблена литовцами, предводимыми своими князьями Куковойтисомъ и Монтвилломъ. Жители Семигаліи подпали-было подъ власть полоцкихъ князей, но силою оружія возвратили себѣ свободу. Въ то же время литовцы вели упорныя войны съ польскимъ королемъ Болеславомъ Кудравымъ, который хотѣлъ обратить пруссовъ въ христіанскую вѣру; но они завлекли войско его въ засаду и истребили его.

Русскіе же князья, не успѣвъ покорить ихъ, своими безпрестанными походами только еще болѣе раздражили и озлобили ихъ и обратили въ жестокихъ и непримиримыхъ враговъ. Съ половины XII вѣка литовцы стали производить свои набѣги на русскія земли уже

съ гораздо бѣльшими силой, злобой и дерзостью, страшно грабя и разоряя эти земли. Князь Романъ галицкій, въ концѣ XII вѣка, силою и страхомъ своего оружія, на время прекратилъ однако набѣги ихъ на Волынь. Но за то въ полоцкой, псковской и даже новгородской областяхъ, а также въ сосѣднихъ польскихъ и въ земляхъ ливонскаго ордена меченосцовъ литовцы продолжали производить страшныя опустошенія и дальнія завоеванія. Въ 1224 г. они проникли до самой Руссы, въ 1239 г. едва не овладѣли Смоленскомъ, а въ одной изъ битвъ съ рыцарями нанесли имъ страшное пораженіе, и самъ геермейстеръ Волквинъ палъ въ бою, вмѣстѣ съ многими псковичами, призванными имъ на помощь.

Наконецъ въ половинѣ XIII вѣка, одновременно съ нашествіемъ монголовъ на Русь съ востока, начались уже не набѣги, а нашествія на нее литовцовъ съ запада и уже съ цѣлю не грабежа, а завоеванія сосѣднихъ русскихъ областей псковской, полоцкой и волынской. Нашествія эти они производили подъ предводительствомъ своихъ князей, главою которыхъ съ 1240 г. былъ Миндовгъ—первый достовѣрный князь литовскій, уже соединившій всю Литву въ одно великое княжество и даже временно въ королевство. И первое нашествіе его на полоцкую, псковскую и новгородскую области было такъ сильно и стремительно, что князь Александръ Ярославичъ новгородскій (Невскій) 8 разъ ходилъ съ своими дружинами противъ литовцовъ, уже овладѣвшихъ Торжкомъ, и едва успѣлъ отразить и изгнать ихъ и спасти города и области свои. Но раздоры сыновей и внуковъ его облегчили литовцамъ завоеваніе полоцкаго, витебскаго и минскаго княжествъ. Новгородъ и Псковъ, видя угрожавшую и имъ опасность, напрягли всѣ свои силы для спасенія своихъ городовъ и успѣли въ томъ. Тогда литовцы обратили свои нашествія на югъ, распространили свои завоеванія до Пинска и все болѣе и болѣе угрожали югозападной Руси. Тройденъ (1270—1283) и Витенъ (1283—1315) воевали съ галицкимъ княземъ Львомъ изъ-за обладанія Литвою и удержали ее за собою. Но, завоевывая русскія княжества, литовцы охотно вѣстились въ христіанскую вѣру восточной церкви, роднились съ русскими князьями, легко и скоро усвоивали себѣ языкъ, нравы и обычаи русскіе и сливались съ руссами въ одинъ народъ русскій.

Въ началѣ XIV вѣка западная, литовская Русь уже успѣла образовать могущественное, независимое отъ монголовъ, великое княжество литовское, грозное для своихъ сосѣдей воинственнымъ духомъ своихъ князей, потомковъ Миндовга. Гедиминъ (1315—1341), по однимъ—сынъ Витена, по другимъ—его конюшій, убившій его и присвоившій себѣ его власть, необыкновенный человекъ

умомъ и дарованіями своими, окончательно соединившій, распространившій и усилившій Литву, употребилъ первые годы своего княженія на счастливую войну съ ливонскимъ орденомъ, у котораго въ 1319 г. отнялъ Самогитію, а потомъ завоевалъ пинское княжество. Монголамъ онъ не платилъ дани, но былъ съ ними въ дружбѣ. Родство же его съ западнорусскими князьями, (браками сыновей его) послужило ему поводомъ къ новымъ завоеваніямъ на югѣ. Онъ велъ удачныя войны съ этими князьями, и галицкіе короли были не въ силахъ устоять противъ него. Одинъ изъ нихъ палъ въ бою съ нимъ подъ Владиміромъ волынскимъ, а другой, соединясь съ сѣверскими князьями, былъ разбитъ имъ на берегахъ р. Ирпени въ кievскомъ княжествѣ (1320). Эти побѣды доставили Гедимину всю правую сторону Днѣпра съ Черниговомъ, Кіевомъ и Волынью, и онъ, принявъ титулъ великаго князя литовскаго и русскаго, упрочилъ свои завоеванія мудрыми законами и учрежденіями и умеръ по новгородской лѣтописи въ 1341 г., а по другимъ въ 1345 г. (по Стрыйковскому же былъ убитъ, будто бы, изъ ружья подъ Фрейбургомъ еще въ 1329 г.).

§ 43.

Войны на юго-западѣ съ литовцами, поляками, венграми и монголами.

Юго-западная Русь, заключавшая въ себѣ области галицкую и волынскую, находилась въ непрерывныхъ войнахъ съ венграми, поляками, литовцами, а съ 1240 г. подвергалась сверхъ того частымъ нашествіямъ монголовъ. Самою замѣчательною военною эпохой югозападной Руси въ это время было княженіе знаменитато князя Даніпла галицкаго. По смерти Мстислава Удалаго (1228), отдавшаго галицкое княжество зятю своему, Андрею, сыну венгерскаго короля Андрея II, Даніилъ, бывшій тогда княземъ волынскимъ и воевавшій въ Польшѣ, какъ союзникъ мазовецкаго князя Конрада, завоевалъ обратно, при помощи послѣдняго, галицкое княжество у венгровъ, взявъ въ плѣнъ королевича Андрея. Два раза король венгерскій посылалъ войско для обратнаго завоеванія галицкаго княжества, но Даніилъ, являя неимовѣрную дѣятельность, успѣлъ отразить венгровъ, множество которыхъ было истреблено или погибло въ Днѣстрѣ и Карпатскихъ горахъ (1230). Исторгнувъ галицкое княжество изъ рукъ венгровъ, Даніилъ долго не могъ утвердиться на престолѣ. Споры съ князьями южной Руси за галицкій престолъ кончились даже (1234) изгнаніемъ Даніила изъ

галицкаго княжества Михаиломъ черниговскимъ, который 5 лѣтъ спустя былъ въ свою очередь вытѣсненъ Даниломъ (1239). Едва послѣдній успѣлъ утвердиться на галицкомъ престолѣ, какъ Батый вторгнулся въ югозападную Русь, и Данилъ бѣжалъ въ Венгрію, откуда возвратился уже по удаленіи Батыя къ Волгѣ (1243). Снова начались споры за галицкій престолъ между Даниломъ и Михаиломъ черниговскимъ, а по смерти послѣдняго—сыномъ его Ростиславомъ. Данилъ одолѣлъ ихъ, но, призванный Батыею, былъ принужденъ признать себя данникомъ монголовъ (1250). Менѣе зависимый отъ нихъ, нежели князья восточной Руси, онъ вскорѣ возвелъ галицкое княжество на высокую степень могущества и силы, упрочилъ внутреннюю тишину и благосостояніе его, принялъ (1254) званіе короля галицкаго и русскаго и велъ удачныя и нерѣдко дальнія внѣшнія войны. Такъ онъ помогалъ мазовецкому князю Семовиту въ войнѣ противъ ятвяговъ, которыхъ разбилъ и принудилъ къ миру. Въ союзѣ съ ливонскимъ орденомъ и польскими князьями онъ воевалъ противъ литовскаго князя Миндовга, покорившаго Новгородокъ и другіе города волынскіе; пользуясь междуусобіями литовскихъ князей, проникъ во внутренность самой Литвы и принудилъ наконецъ Миндовга къ миру и возвращенію завоеванныхъ имъ городовъ и земель. Въ союзѣ съ венгерскимъ королемъ Белой онъ ходилъ сначала защищать Гертруду, вдову Фридриха, герцога австрійскаго, противъ притѣсненій императора Фридриха II и короля чешскаго, а затѣмъ воевать съ послѣднимъ въ Чехіи; здѣсь, въ битвѣ подъ Опавой (Тропау), онъ и сынъ его Левъ рѣшили побѣду и взяли Носельтъ. Наконецъ онъ отважился даже возстать противъ монголовъ. Долго готовился онъ къ тому, искалъ усиленія въ сношеніяхъ съ папой Иннокентіемъ IV и въ союзахъ съ королями: польскимъ, чешскимъ и венгерскимъ, собралъ многочисленное и превосходно вооруженное и устроенное войско, укрѣпилъ города и по смерти Батыя, при преемникѣ его Беркаѣ, изгналъ монголовъ изъ галицкихъ предѣловъ до самаго Днѣпра (1259). Дважды Куремша, темникъ монгольскій, вступалъ въ галицко-русское королевство и безуспѣшно осаждалъ Кременецъ, Владиміръ и Луцкъ, но оба раза былъ прогнанъ къ Днѣпру. Другой монгольскій полководецъ Бурондай, заступившій мѣсто Куремши, явился на предѣлахъ галицкихъ и требовалъ, чтобы Данилъ шелъ съ нимъ воевать противъ литовцовъ. Данилъ не посмѣлъ послушаться и отправилъ къ нему брата своего, Василька, съ галицкими дружинами. Два года спустя Бурондай, разоривъ Литву и земли ятвяговъ, вступилъ въ собственныя области Данила. Послѣдній бѣжалъ въ Польшу, а потомъ въ Венгрію, но, оставленный своими союзниками,

принужденъ былъ снова признать себя данникомъ монголовъ и разрушить, по требованію Бурондая, укрѣпленія городовъ Львова, Данилова, Стожка, Кременца, Владиміра и Луцка. Между тѣмъ Миндовгъ, пользуясь раздорами Даниіла съ монголами, снова обратился противъ Волыни, и съ этого времени начинается рядъ непрерывныхъ войнъ съ литовцами. Главнымъ поприщемъ ихъ была Волынь: здѣсь происходили частыя битвы, удачныя то для литовцовъ, то для волынянъ и галичанъ. Убіеніе Миндовга (1265) не позволило ему овладѣть Волынью, а смерть Даниіла (1266) была даже причиною кратковременнаго соединенія литовскаго княжества съ королевствомъ галицко-рускимъ подъ властью сына Даниілова, Шварна (1266—1268). Преемникъ Шварна, Левъ, не умѣлъ утвердиться въ Литвѣ: Тройденъ захватилъ въ ней верховную власть—и снова возгорѣлась война между литовцами и князьями волынскими и галицкими, которые съ другой стороны не переставали вмѣшиваться въ междоусобія князей польскихъ, призывая монголовъ какъ противъ нихъ, такъ и противъ литовцовъ. Но успѣхъ былъ большею частію на сторонѣ поляковъ и особенно литовцовъ; монголы же, проходя безпрестанно черезъ волынскія и галицкія земли, только жестоко разоряли ихъ. Въ 1285 г. они принудили Льва совершить съ ними походъ въ Венгрію, кончившійся почти совершенною гибелью и монголовъ, и галичанъ въ Карпатскихъ горахъ отъ чумы.

Наконецъ въ первой половинѣ XIV вѣка судьба Волыни и Галича совершилась: Гедиминъ, утвердивъ въ Литвѣ единовластіе, превратилъ литовцовъ изъ грабителей въ грозныхъ завоевателей, а неустроенныя толпы ихъ—въ правильно-устроенныя дружины и, удачно воевавъ съ князьями южной и югозападной Руси, въ теченіи времени съ 1315 по 1321 г. завоевалъ весь край по правую сторону Днѣпра до предѣловъ галицкихъ, т. е. Волынь съ Кіевомъ и Черниговомъ. Галицкое же королевство, терзаемое внутренними распрями и безпорядками, подверженное нападеніямъ поляковъ, литовцовъ и венгровъ, подняло наконецъ подъ власть первыхъ изъ нихъ. По смерти послѣдняго потомка Даниілова, Георгія (1336), галичане призвали княжить князя Болеслава мазовецкаго, но онъ возбудилъ къ себѣ общую ненависть и былъ отравленъ, и въ 1340 г. галицкимъ королевствомъ овладѣлъ польскій король Казиміръ Великій.

ГЛАВА VI.

ВОСТОЧНАЯ И ЗАПАДНАЯ РУСЬ СЪ ПОЛОВИНЫ XIV ВѢКА ДО ІОАННА III.

I. Восточная Русь. — § 44. Военное устройство. — § 45. Различные роды войскъ, вооружение и число ихъ. — § 46. Огнестрѣльное оружіе. — § 47. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ. — § 48. Внутреннее устройство и духъ войскъ. — § 49. Укрѣпленіе, осада и оборона городовъ. — § 50. Состояніе военнаго дѣла вообще. — § 51. Новгородъ и Псковъ. — § 52. Казаки донскіе и днѣпровскіе. — II. Западная Русь. — § 53. Военное устройство и военное дѣло въ ней.

I.

Восточная Русь.

§ 44.

Военное устройство.

Съ половины XIV вѣка Русь уже рѣшительно раздѣлилась на восточную и западную. Первая (области: московская, владимірская, новгородская, псковская и удѣльныя: смоленская, рязанская, муромская, пронская, ростовская, бѣлозерская, суздальская, нижегородская и тверская) была подъ господствомъ великихъ князей московскихъ, потомковъ Св. Владиміра I, въ родѣ Св. Александра Невского и внука его, Іоанна I Калиты;—вторая (остальная часть Руси) — подъ господствомъ великихъ князей литовскихъ и рус-

скихъ, потомковъ и преемниковъ Гедимина, завоевавшего сѣверо-западную и восточную половину юго-западной Руси. Чертою раздѣла восточной и западной Руси были р. р. Западная Двина и Днѣпръ. И хотя вѣра, языкъ, нравы, обычаи, законы и пр. въ той и другой остались одинаковыми, но политическія судьбы ихъ уже стали постепенно болѣе и болѣе принимать различное направленіе. Поэтому и военное устройство, и военное дѣло въ каждой изъ нихъ отсѣлъ слѣдуетъ уже разсматривать отдѣльно, обращая преимущественное вниманіе на состояніе ихъ въ восточной Руси, постепенно развивавшейся въ самостоятельное государство русское.

Выше (глава II § 13) уже было сказано, что военное устройство въ древней Руси, первоначально образовавшееся на началахъ, положенныхъ первыми русскими князьями, постепенно развивалось на нихъ въ двухъ послѣдующихъ періодахъ: удѣльномъ и монгольскаго владычества, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя произвели въ нихъ время и обстоятельства, особенно удѣльное раздробленіе Руси и владычество монголовъ.

Эти измѣненія были особенно важны, замѣчательны и благотѣльны для восточной Руси во второмъ вѣкѣ монгольскаго владычества, съ половины XIV вѣка до половины XV-го. Они были тѣсно связаны съ ходомъ и развитіемъ политическаго, государственнаго и общественнаго строя восточной Руси въ это время, вслѣдствіе мудрой и твердой политики великихъ князей московскихъ: Іоанна I Калиты, Іоанна II, Симеона Гордаго, Дмитрія Донскаго, Василія I и Василія II. Эта политика заключалась въ томъ, чтобы постепенно уничтожить пагубное удѣльное раздробленіе восточной Руси, собрать, соединить ее въ одно цѣлое подъ верховною властію великихъ князей московскихъ, исключительно въ одномъ родѣ Св. Александра Невскаго, усилить власть эту снова до той степени, которую она имѣла при Владимірѣ Св. и Ярославѣ I, увеличить московское княжество приобрѣтеніемъ новыхъ городовъ и областей, возвысить его надъ всѣми княжествами и такимъ образомъ сосредоточить и увеличить силы восточной Руси противъ внѣшнихъ враговъ ея и особенно главныхъ изъ нихъ — монголовъ *).

Всѣ эти цѣли политики названныхъ выше великихъ князей московскихъ, къ истинному и великому счастью для восточной Руси, въ 134 года (1328—1462) были постепенно и вполнѣ достигнуты. И восточная Русь (отъ которой уже были совершенно независимы области западной и почти независимы новгородская и псковская сѣ-

*) До конца XIV вѣка ихъ вѣрнѣе называть монголами, а съ XV вѣка татарами (см. объ этомъ ниже гл. VII § 57).

верной), подъ верховню властію великихъ князей московскихъ и всея Руси, къ половинѣ XV вѣка уже образовала собранное въ одно цѣлое и значительно усиленное великое княжество московское, съ столицею и главою его—Москвой, изъ частнаго села Кучкова постепенно возросшей въ удѣльный и потомъ въ великокняжскій престольный городъ.

Вполнѣ сообразно и соразмѣрно съ тѣмъ развивались, сосредоточивались, усиливались и совершенствовались и военное устройство восточной Руси вообще, и образованіе, устройство, управленіе военныхъ силъ ея въ частности, уже предназначенныхъ не для пагубныхъ междоусобій внутреннихъ, но, какъ сказано, противъ враговъ внѣшнихъ и особенно монголовъ. Подобно тому, какъ и въ періодахъ удѣльномъ и первомъ владычества монголовъ, военныя силы эти и въ настоящемъ періодѣ состояли первоначально изъ: 1) великокняжескихъ московскихъ, 2) удѣльныхъ и 3) принадлежавшихъ Новгороду и Пскову, въ послѣдствіи же—преимущественно и наконецъ исключительно изъ однихъ первыхъ, поглотившихъ слившіяся съ ними удѣльныя. Новгородскія же и псковскія продолжали существовать и развиваться отдѣльно и независимо, почему и будутъ разсмотрѣны особо ниже.

Но, кромѣ того, въ это время на южныхъ предѣлахъ восточной и западной Руси возникаетъ новая, вольная, независимая отъ нихъ, но сродственная имъ и все болѣе и болѣе входящая въ близкія соотношенія съ ними военная сила — казачество придонское и приднѣпровское, которое поэтому также будетъ разсмотрѣно особо ниже.

Великокняжескія и удѣльныя военныя силы восточной Руси первоначально состояли одинаково изъ: 1) дворовъ княжескихъ, 2) дворянъ, 3) боярскихъ дѣтей, 4) временныхъ городскихъ ополченій и 5) иноземныхъ и инородныхъ наемныхъ дружинъ.

Дворы (прежде бывшія дружины) княжескіе стояли въ главѣ и выше всѣхъ и составляли ядро и главную, лучшую часть военныхъ силъ. Лица, принадлежавшія къ нимъ, носили общее названіе дворянъ, въ смыслѣ высшаго, преимущественно, военного сословія, а не въ томъ, который получили позже, т. е. высшаго сословія народнаго, хотя и послужили началомъ ему. Какъ и прежде, одни изъ нихъ стояли выше, другіе — ниже. Къ первымъ принадлежали бояре и воеводы—близайшіе къ князю совѣтники его, сановники его двора, гражданскіе и военные чиновники его, старые или старшіе и молодые или младшіе. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой собственный дворъ (что прежде была дружина), въ маломъ подобный княжескому. Низшій разрядъ лицъ княжескихъ дво-

ровъ составляли собственно дворяне, находившіеся, одни при дворахъ князей, другіе въ ихъ городахъ и областяхъ, либо жившіе въ своихъ вотчинахъ. Сословіе дворянъ значительно умножилось и все болѣе умножалось противъ прежняго. Ниже дворянъ стояли боярскія дѣти (прежде бывшіе боярскіе отроки или слуги, дружинники) — еще болѣе многочисленныя, нежели дворяне, и вмѣстѣ съ ними составлявшіе многочисленное же, осѣдлое, землевладѣльческое, военное сословіе, главною обязанностью котораго была военная служба въ военное время, по требованію и призыву князей. Въ мирное же время оно занимало разныя должности и исполняло разныя обязанности гражданскія и военныя при князьяхъ и въ ихъ городахъ и областяхъ. Низшій разрядъ дворовъ (дружинъ) княжескихъ вообще составляли собственно такъ называемые слуги, слуги военные, люди дворные, имѣвшіе свободный отъѣздъ или выѣздъ, отличаясь отъ боярскихъ дѣтей только происхожденіемъ.

Кромѣ дворовъ (дружинъ) княжескихъ, войско по прежнему составлялось изъ городскихъ полковъ, московскихъ и удѣльныхъ, изъ горожанъ или жильцовъ. Съ конца этого періода въ числѣ городскихъ ополченій начинаютъ быть упоминаемы городовые казаки (прежде всѣхъ рязанскіе въ 1444 г.), образовавшіеся вѣроятно по примѣру донскихъ (см. ниже).

Сельскіе жители или земледѣльцы въ обыкновенныхъ случаяхъ къ оружію призываемы не были; но въ случаѣ нашествій монголовъ часто производилось поголовное вооруженіе народа.

Съ XIV вѣка начинаютъ быть упоминаемо также особенное пограничное на востокъ и югъ, большее или меньшее, смотря по надобности, земское ополченіе, большею частію по одному съ 20 дворовъ, обязанное охранять и оборонять пограничныя засѣки и по нимъ получившее названіе засѣчной стражи. Большія подробности о ней будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ позже.

Наконецъ, въ случаяхъ особенной надобности, важности или опасности, означенныя военныя силы князей иногда были временно увеличиваемы также иноземными и инородными наемными дружинами, какъ-то: литовскими, придиѣпровскими и придонскими (бродниками и т. п.); и даже монгольскими.

Но по мѣрѣ возвышенія и усиленія значенія и власти великихъ князей московскихъ и, напротивъ, ослабленія и наконецъ уничтоженія удѣловъ, дворъ и всѣ вообще военныя силы первыхъ также начали постепенно болѣе и болѣе становиться выше всѣхъ, превосходить ихъ числомъ и устройствомъ и наконецъ образовали главныя, первенствующія военныя силы всей и единой Руси (восточной). Преждебывшія же удѣльныя заняли второе послѣ нихъ мѣсто, въ видѣ вспомо-

могательныхъ, подъ верховною властію великихъ князей московскихъ. Дворъ московскій постепенно становился болѣе многочисленнымъ и пышнымъ, а рати (арміи) московскія — болѣе значительными числомъ и сосредоточенными, съ бѣльшимъ единствомъ и лучше устроенными и вполне подчиненными великимъ князьямъ московскимъ.

Числительная сила ихъ значительно возросла противъ прежняго, никогда однако не превосходя, кажется, числа 150 т. чел. Даже и этого числа она достигла только одинъ разъ и то съ большими усилями, именно—когда великій князь московскій Дмитрій Іоанновичъ въ 1380 году ополчился противъ Мамаю и его союзниковъ, Олега рязанскаго и Ягайла или Ягелла литовскаго. 150-тысячную (по нимъ даже гораздо бѣльшую—до 200 и даже 400 тысячъ, что нисколько не вѣроятно) рать Дмитрія лѣтописцы признавали никогда невиданною, неслыханною и небывалою дотолѣ на Руси. Впрочемъ вообще должно сказать, что о числительной силѣ русскихъ ратей въ этомъ періодѣ имѣется еще менѣе точныхъ свѣдѣній, чѣмъ даже въ предшествовавшемъ. Извѣстія о нихъ лѣтописцовъ кажутся очень приукрашенными, преувеличенными и сомнительными. Иногда (какъ, напримѣръ, по поводу Куликовской битвы) лѣтописцы не въ мѣру преувеличивали ихъ, а иногда (особенно послѣ этой битвы) и 5 т. и даже 1,500 войскъ называли великою ратью. Постоянныхъ же и положительныхъ основаній счета войскъ въ эти времена не было и не могло быть.

Вмѣстѣ съ постепеннымъ умноженіемъ военныхъ силъ великокняжескихъ московскихъ, совершенствовалось и упрочивалось и устройство ихъ цѣлесообразными военными учрежденіями и постановленіями. Они исходили уже непосредственно отъ московскихъ великихъ князей и ихъ двора, какъ высшаго и главнаго военного управленія, все менѣе и менѣе стѣсняемыя городскими народными вѣчами, терявшими свою силу и значеніе и подъ конецъ этого періода совершенно исчезнувшими въ восточной Руси, за исключеніемъ Новгорода и Пскова, гдѣ они напротивъ все болѣе и болѣе усиливались, какъ будетъ означено ниже.

Наибольшаго развитія и лучшаго состоянія военное устройство восточной Руси вообще достигло при Василіи II (1425—1462) и такимъ перешло къ сыну его, Іоанну III, который, въ слѣдующемъ періодѣ, уже далъ ему, на прежнихъ основаніяхъ, своеобразное, еще болѣе полное и прочное развитіе.

§ 45.

Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ.

Главнымъ, многочисленнымъ и сравнительно лучшимъ родомъ войскъ въ это время была конница, составленная изъ чиновъ и лицъ княжескихъ дворовъ и изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ средства и возможность служить на коняхъ. Неимѣвшие же ихъ, по недостаточному или бѣдному состоянію, служили пѣшими и составляли второстепенный родъ войскъ — пѣхоту, которая входила и въ составъ полевыхъ ратей, но преимущественно назначалась для службы городской — охраненія и обороны городовъ, а также полевыхъ военныхъ становъ и укрѣпленій.

Сообразно съ тѣмъ, и вооруженіе войскъ было сложнѣе, полнѣе, тяжеле, лучше и отчасти богаче въ конницѣ, нежели въ пѣхотѣ. Вообще оно имѣло характеръ отчасти древне-русскій, отчасти монгольскій или подобный ему, и раздѣлялось на оборонительное и нападательное, а послѣднее — на ручное и метательное. Самый полный видъ оборонительнаго вооруженія составляла броня (въ западной Европѣ *brunia*) или доспѣхъ, состоявшій изъ остроконечныхъ желѣзныхъ шишаковъ съ носомъ (желѣзною полосою сверху внизъ противъ носа и середины лица) и съ кольчужною сѣткою, опускавшеюся на лицо, шею и плечи (замѣнявшею забрала шлемовъ въ западной Европѣ), — затѣмъ изъ кольчуги или кольчуги въ видѣ рубахи до колѣнъ съ рукавами, опоясанной мечомъ и у знатныхъ и достаточныхъ людей прикрытой на туловищѣ спереди и сзади, на рукахъ и на ногахъ металлическими латами (нагрудниками, наручниками и пр.) *), и наконецъ изъ круглыхъ щитовъ. Въ XV вѣкѣ въ лѣтописяхъ нерѣдко упоминаются названія: желѣзные или кованые полкъ или рать, что означаетъ, кажется, что оборонительное вооруженіе конницы стало уже гораздо прочнѣе и тяжеле, впрочемъ не вообще, а отчасти и преимущественно въ сѣверовосточной Руси, особенно въ Новгородѣ и Псковѣ. Нападательное оружіе состояло: 1) ручное — изъ прямыхъ, короткихъ мечей, кривыхъ монгольскихъ сабель, ножей или кинжаловъ, копій: длинныхъ и короткихъ, легкихъ или дротиковъ (сулицъ), топоровъ, бердышей (аллебардъ), палицъ или дубинъ (ослоповъ), кистеней (короткой палки, на одномъ

*) Замѣчательно, что эта полная броня или доспѣхъ вполне или весьма походила на теперешній полный доспѣхъ кавказско-горскихъ народовъ и особенно ихъ князей и знатнѣйшихъ и достаточнѣйшихъ лицъ.

концѣ которой, на ремнѣ или на цѣпи, была металлическая тяжесть или камень, а на другомъ концѣ петля, надѣвавшаяся на кисть руки), и 2) метательное — изъ луковъ и стрѣлъ, въ томъ числѣ самострѣлы: ручные, для метанія большихъ стрѣлъ, и тяжелые для метанія большихъ камней (баллисты и катапульты), послѣдніе при осадѣ и оборонѣ городовъ. Въ этихъ трехъ родахъ вооруженія не было однообразія, а напротивъ — большое разнообразіе: каждый вооружался, по состоянію и средствамъ, какъ и чѣмъ могъ, знатные и богатые — полнѣе и богаче, недостаточные и бѣдные — проще и бѣднѣе. При дворахъ княжескихъ вооруженіе хранилось въ особыхъ складахъ и выдавалось передъ походомъ или не перевозилось за войсками сухимъ путемъ на конныхъ подводахъ, либо сплавлялось на судахъ по рѣкамъ.

Каждая часть войскъ, называвшаяся по областямъ и городамъ (большею частію полками), имѣла свои особенные стяги или знамена съ изображеніями ликовъ Спасителя, Божіей Матери или святыхъ. Были особые стяги княжескіе и городскіе, но выше и важнѣе всѣхъ были стяги великіе или великокняжескіе московскіе, съ изображеніемъ Св. велikomученика Георгія на конѣ, копіемъ поражающаго змѣя — герба московскаго великаго княжества. Замѣчательнѣйшимъ такого рода стягомъ было большое знамя великаго князя Дмитрія Іоанновича въ Куликовской битвѣ, на черной атласной ткани имѣвшее изображеніе Нерукотвореннаго образа Спасителя. Великіе стяги ставились всегда въ серединѣ боеваго порядка войскъ, гдѣ становился самъ великій князь съ своимъ дворомъ, и охранялись почетною стражею знатнѣйшихъ московскихъ дворянъ.

При войскахъ по прежнему были трубы, рога, бубны или накры (въ родѣ ручныхъ литавръ), сопели или дудки и пр. т. п., подъ звуки которыхъ войска строились къ бою, двигались и вступали въ него, подъ своими стягами.

§ 46.

Огнестрѣльное оружіе.

По сказанію лѣтописей, въ 1389, послѣднемъ году княженія Дмитрія Донскаго, въ восточную Русь впервые привезли «изъ нѣмецкой земли арматы и стрѣльбу огненную, и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти». Подъ арматами и стрѣльбою огненною слѣдуетъ разумѣть первыя огнестрѣльные орудія и ручное оружіе, проникшія въ восточную Русь изъ западной Европы,

прежде всего вѣроятно черезъ Новгородъ и Псковъ путями торговыми, вслѣдствіе торговыхъ сношеній, особенно Новгорода съ Ганзейскими городами, а потомъ можетъ быть и отъ шведовъ, датчанъ, (въ нын. Эстоніи), ливонскихъ рыцарей и литовцовъ. При сынѣ и преемникѣ Дмитрія Донскаго, Василии I (1389 — 1425) въ Москвѣ уже изготовляли зеліе (такъ съ тѣхъ поръ до Петра I называли у насъ порохъ), а каменные стѣны Москвы уже были вооружены арматами (пушками), дѣйствіемъ которыхъ въ 1408 г. было отражено нападеніе татарскаго полководца Эдигея. Въ 1450 г. князь Дмитрій Шемяка также употребилъ огнестрѣльные орудія при оборонѣ Галича противъ войскъ Василия II. Но вообще до половины XV вѣка и даже далѣе огнестрѣльное оружіе исключительно ввозилось въ восточную Русь изъ-за границы, распространялось довольно медленно, было очень несовершенно и употреблялось тяжелое при оборонѣ городовъ, но не въ полѣ и не ручное. Первые огнестрѣльные орудія (вообще арматы) получили свои особенныя русскія названія: пускичи (пушки), пищали, гаковницы или гафунцы (гаубицы) или дробовики, и можжиры (мортиры). Пускичами и прежде назывались метательныя орудія, метавшія большіе камни (баллисты и катапульты). Пищалами сначала назывались одни тяжелыя орудія, потомъ длинное и тяжелое ручное, изъ котораго стрѣляли съ городскихъ стѣнъ, съ треножныхъ подставокъ, — и наконецъ собственно ручное оружіе (западноевропейскія аркебузы), изъ которыхъ стрѣляли съ вилка или подсошекъ. Дробовики имѣли одинаковую наружность со всѣми вообще тяжелыми пищалами или пушками, но съ заостренною (конической) внутри каморой; изъ нихъ стрѣляли камнями въ вилѣ дробы, откуда и названіе ихъ. Всѣ вообще огнестрѣльные орудія были первоначально весьма длинны и тяжелы, употреблялись такъ же, какъ и въ западной Европѣ, всѣ вмѣстѣ съ самаго начала стали называться нарядомъ или снарядомъ (что соотвѣтствовало западноевропейскому названію артиллерія) и постоянно находились въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ.

Ручное огнестрѣльное оружіе стало входить въ употребленіе позже орудій, и главный родъ его назывался пищалью. Свѣдѣнія о нихъ будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ позже.

Хотя такимъ образомъ огнестрѣльное оружіе только-что стало входить въ употребленіе въ восточной Руси съ конца XIV вѣка, однако очень замѣчательно, что, въ первой половинѣ XV вѣка, его было болѣе, нежели у татаръ, къ большой выгодѣ противъ послѣднихъ и къ немалому удивленію въ отношеніи къ нимъ, такъ какъ огнестрѣльное оружіе первоначально возникло въ Азій и отъ китайцовъ и

аравитянъ перешло къ монголамъ. Такъ, напримѣръ, когда въ 1408 г. Эдигей шелъ на Москву, то приказалъ князю Іоанну Михайловичу тверскому присоединиться къ нему съ пищалями и самострѣлами; но когда, вмѣсто того, тверитяне изъ Клина воротились въ Тверь и Эдигей безъ орудій подступилъ къ Москвѣ, то войска его не смѣли приступить къ осадѣ ея, изъ страха огнестрѣльныхъ орудій, изъ которыхъ по нимъ стрѣляли со стѣнъ Москвы—и Эдигей былъ отраженъ и принужденъ отступить. Такой же недостатокъ въ огнестрѣльныхъ орудіяхъ принудилъ и татарскаго полководца Мазовшу отступить отъ Москвы въ 1451 г. при Василіи II. Слѣдовательно русскіе въ это время имѣли уже въ этомъ отношеніи значительное превосходство надъ татарами.

§ 47.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ.

Они имѣли тѣ же главныя основанія и черты, что и въ предъидущемъ періодѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что отчасти по опыту предшествовавшихъ временъ, отчасти же изъ подражанія монголамъ, были преимущественно приспособлены къ дѣйствіямъ противъ послѣднихъ, а на сѣверѣ, сѣверозападѣ и западѣ противъ шведовъ, ливонскихъ рыцарей и литовцовъ.

Войска вообще раздѣлялись на десятки, сотни и тысячи, на конныя и пѣшія дружины или полки, на тяжелыя (линейныя) и легкія (стрѣльцовъ). Первые строились и въ бою дѣйствовали въ длинномъ и глубокомъ строѣ (фалангами), ручнымъ оружіемъ—сначала копьями (при чемъ задніе ряды, у которыхъ копья были длиннѣе, клали ихъ на плечи передовыхъ рядовъ, у которыхъ копья были короче), потомъ мечами, топорами и т. п., а вторыя—въ разомкнутомъ или въ разсыпномъ строѣ стрѣльбою изъ луковъ. Главными и важнѣйшими были дѣйствія конницы—нападательныя, запальчивыя, стремительныя и сильныя; дѣйствія же пѣхоты—второстепенными, вспомогательными, преимущественно оборонительными за окопами, повозками или мѣстными препятствіями, за которыми пѣхота оборонялась чрезвычайно упорно, въ открытомъ же полѣ, напротивъ, держалась слабо, особливо противъ монгольской конницы. Русская же конница, въ случаѣ неуспѣха перваго нападенія, столь же быстро обращалась назадъ, дабы возобновить потомъ нападеніе либо предаться бѣгству.

Въ дѣйствіяхъ въ полѣ русскія войска во многомъ подражали монголамъ или по крайней мѣрѣ сходились съ ними, растягивая

фронтъ, стараясь охватывать крыла, прибѣгая къ разнымъ военнымъ хитростямъ, притворнымъ отступленіямъ и инымъ движеніямъ, нападеніямъ изъ скрытныхъ засадъ (какъ на примѣръ въ Куликовской битвѣ) и пр. т. п.

Порядокъ походныхъ движеній былъ подобенъ прежнему, съ тѣмъ различіемъ, что производился съ бѣльшими: осторожностью, порядкомъ, устройствомъ и сходствомъ съ монгольскими обычаями. Въ это время уже замѣчаются первые слѣды раздѣленія ратей въ походныхъ движеніяхъ на полки: сторожевой или передовой (авангардъ), большой (главныя силы), правой и лѣвой руки (фланговые) и на затыльный или засадный, задній или запасный (аррьергардъ). Впереди и по сторонамъ шли сторожи—легкіе конные отряды, для развѣдыванія путей и непріятеля, добыванія плѣнныхъ, языковъ и т. п. За сторожами слѣдовалъ сторожевой полкъ, а за нимъ по порядку полки: правой руки, большой съ дворомъ между нимъ, лѣвой руки и задній.

При встрѣчѣ съ непріателемъ рати строились въ боевой порядокъ такъ, что въ серединѣ его становились князь, дворъ и стяги его, и по обѣимъ сторонамъ ихъ большой полкъ, на крылахъ—полки правой и лѣвой руки, передовой—впереди, а задній—въ тылу, въ видѣ резерва или въ засадѣ. Этотъ нормальный боевой порядокъ измѣнялся впрочемъ, смотря по обстоятельствамъ и мѣстности. По построеніи всей рати, князь говорилъ войску ободрительную рѣчь, подавалъ знакъ къ бою звукомъ трубъ, роговъ, бубновъ и пр., которыми вторили всѣ прочіе, и обыкновенно первый подъ своимъ стягомъ и съ своимъ дворомъ бросался въ бой, а примѣру его слѣдовала и вся линія боеваго порядка. Тогда происходилъ общій рукопашный бой, побѣду въ которомъ рѣшали превосходство числительной и тѣлесной силы и личныхъ, мужества, храбрости, ловкости владѣнія оружіемъ, иногда какія-нибудь особенныя движенія или дѣйствія, внезапныя нападенія изъ засадъ и т. п. Лучшимъ примѣромъ того можетъ служить Куликовская битва, которая будетъ обстоятельно изложена въ своемъ мѣстѣ ниже.

Въ случаѣ успѣха и побѣды, передовой полкъ преслѣдовалъ разбитаго непріятеля, а главныя силы оставались на мѣстѣ боя (на костяхъ), погребали своихъ убитыхъ, подбирали раненыхъ и плѣнныхъ, праздновали побѣду благодарственными молитвами Богу и потомъ пированіемъ, а затѣмъ иногда также слѣдовали за передовымъ полкомъ или продолжали военныя дѣйствія въ ту или другую сторону.

Въ случаѣ же неуспѣха и пораженія, рати, состоявшія большею частію изъ конницы, такъ же быстро и стремительно обращались

назадъ, какъ и передъ боемъ впередъ, не противопоставляя побѣдителя отпора. Пѣхота, не поспѣвая за конницей и хуже ея вооруженная и устроенная, или защищалась за обозами либо мѣстными препятствіями, или же терпѣла большой уронъ и пораженіе отъ конницы побѣдителя. Но большею частію, послѣ пораженія, рати направлялись подъ защиту ближайшаго города и, укрываясь въ немъ, защищались упорно. Тогда уже главное участіе въ оборонѣ принадлежало пѣхотѣ, дѣйствовавшей преимущественно сильною стрѣльбою изъ луковъ и другими средствами, указанными ниже (§ 49).

§ 48.

Внутреннее устройство и духъ войскъ.

О военныхъ упражненіяхъ въ русскомъ войскѣ, въ мирное время, прямыхъ указаній въ источникахъ не имѣется. Но нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что воинственный духъ прежнихъ дружинъ не угасъ и въ княжескихъ дворахъ, и въ многочисленномъ военномъ сословіи дворянъ и боярскихъ дѣтей этого времени, и что лица, принадлежавшія къ нимъ, и въ мирное время не пренебрегали военными упражненіями — наѣздничествомъ на коняхъ съ ручнымъ оружіемъ и стрѣльбою изъ луковъ съ коня и пѣшкомъ. При сборахъ и смотрахъ войскъ передъ походомъ, безъ сомнѣнія, испытывались оруженость и конность ихъ, снабженіе всемъ нужнымъ для похода и боя и удостовѣреніе въ готовости и способности къ необходимымъ въ нихъ дѣйствіямъ.

Военное начальствованіе соотвѣтствовало десятичному дѣленію войскъ на десятки, сотни и тысячи, и потому частными начальниками войскъ были десятники, сотники и тысяцкіе. Послѣдніе были главными послѣ князей воеводами и для отличія носили на шеѣ и груди золотыя гривны или медали на такихъ же цѣпяхъ. Послѣднимъ тысяцкимъ былъ Василій Васильевичъ Вельяминовъ, по смерти котораго въ 1374 г. Дмитрій московскій уже никого не назначалъ въ это званіе. Въ современныхъ лѣтописяхъ иногда упоминаются уже головы и полковники, въ смыслѣ предводителей областныхъ или городскихъ полковъ. Высшими начальниками войскъ были бояре и воеводы московскіе и удѣльные, полковые и осадные или крѣпостные, но выше всѣхъ ихъ уже съ конца XIV вѣка стали московскіе. Кромѣ бояръ, но ниже ихъ, упоминаются уже окольничіе и позже разные чины дворовые или придворные: стольники, чашники, конюшенные и пр. Происхожденіе названія околь-

ничій производятъ отъ словъ около (т. е. князей) или околицы (т. е. обязанности завѣдывать всемъ, что касалось походовъ князей по околцамъ или дорогамъ). Особенныя, высшія значеніе и важность имѣли бояре, еще съ прежнихъ, давнихъ временъ бывшіе высшими сановниками придворными, гражданскими и военными, имѣвшіе право служить, по своей волѣ, тому князю, котораго болѣе любили и уважали, и даже переходить на службу отъ одного къ другому. Они пользовались у князей большимъ почетомъ, но нерѣдко употребляли это во зло, питая между ними междуусобія, а между собою считаясь древностью своего родоваго происхожденія, производили, какъ и прежде, боярскія смуты, которыя такъ усилились въ послѣдствіи и заключали въ себѣ, между прочимъ, сѣмена позднѣйшаго мѣстничества (т. е. счета между собою мѣстами по старшинству родоваго происхожденія). Василий II началъ уже жаловать въ бояры, и даже бывшихъ удѣльныхъ князей. Сверхъ московскихъ и (вначалѣ) удѣльныхъ бояръ, были еще городовые: каждый городъ имѣлъ своихъ, которые были въ немъ высшими и важнѣйшими сановниками. Въ отличіе отъ княжескихъ, они прежде назывались боярцами, но по мѣрѣ усиленія значенія и власти великихъ князей московскихъ и ослабленія, напротивъ, удѣльныхъ, равно и народныхъ вѣчъ, также стали исчезать и наконецъ совсѣмъ исчезли, кромѣ Новгорода и Пскова (см. § 51). Всѣ вообще бояре въ военное время были высшими начальниками войскъ, при князьяхъ, въ полѣ или въ городахъ.

Воеводы были также, какъ и бояре, ближайшими къ князьямъ сановниками, совѣтниками ихъ и въ мирное время—высшими гражданскими чиновниками, а въ военное—начальниками и предводителями войскъ. Въ удѣльномъ періодѣ и послѣ него число ихъ значительно размножилось и они владѣли большими вотчинами и богатствами, и могли также, какъ бояре, служить, по своей волѣ, тому или другому князю. Но съ XV вѣка и воеводы, какъ и бояре, стали уже слугами великихъ князей московскихъ, т. е. вполне подчиненными имъ; между ними были старыя или старшіе, родовитые, и молодые или младшіе, новые, вновь пожалованные. Такъ какъ въ это время уже существовало раздѣленіе ратей, по примѣру татаръ, на полки: большой, правой и лѣвой рукъ, сторожевой и затыльный (см. выше), то и воеводы назначались начальниками ихъ соотвѣтственно значенію и важности, какъ своему, такъ и полковъ, и знатнѣйшіе изъ нихъ—преимущественно начальниками полковъ правой и лѣвой рукъ и особенно большаго.

Дворяне и боярскія дѣти составляли, какъ уже было сказано выше, многочисленное военное сословіе и стояли, первые—выше, а

вторые—ниже. Они были землевладельцами, болѣе или менѣе достаточными, начиная отъ владѣвшихъ вотчинами до однодворцовъ, и исправляли военную службу какъ въ военное время, такъ и въ мирное въ городахъ и при князьяхъ, московскіе особенно при великихъ въ Москвѣ по очереди и наряду. По утвержденіи единой державы въ XV вѣкѣ, всѣ дворяне и боярскія дѣти уже подчинились власти великихъ князей московскихъ и въ число дворянъ начали вступать даже сыновья бывшихъ удѣльных князей. Боярскія дѣти, являвшіяся по наряду въ города на службу, росписывались городовыми воеводами по десятиямъ (десятней называлось цѣлое съ одного города ополченіе изъ боярскихъ дѣтей подъ начальствомъ дворянъ) и вносились въ десятинные списки или книги. Нѣсколько десятенъ составляли полкъ и десятии назывались по городамъ, а полки по княжествамъ или областямъ. Съ XV вѣка боярскія дѣти начали уже понемногу получать участки земли на свое вооруженіе и содержаніе, и, будучи свободными, могли носить оружіе и, по современнымъ понятіямъ, считались благородными, но низшаго противъ дворянъ разряда. Изъ нихъ и особенно изъ дворянъ назначались частные начальники войскъ и разнаго рода военные чиновники.

Главное начальствованіе войсками во 2-й половинѣ XIV вѣка еще принадлежало, въ московскомъ и удѣльныхъ княжествахъ, особо великимъ и удѣльнымъ князьямъ, но уже со временъ Дмитрія Донскаго — все болѣе и болѣе великимъ князьямъ московскимъ, которымъ подчинялись удѣльные, а въ XV вѣкѣ и безудѣльные. Дмитрій Донской, въ 1380 г., до и во время Куликовской битвы, уже является верховнымъ предводителемъ всѣхъ, собранныхъ имъ, въ числѣ до 150 тыс. чел., противъ Мамаю, Олега рязанскаго и Ягайла литовскаго, вооруженныхъ силъ восточной Руси, въ составѣ которыхъ находилось уже множество удѣльныхъ и безъ-удѣльныхъ князей (см. ниже § 70). И послѣ него право такого верховнаго предводительствованія московскими ратями болѣе и болѣе утверждалось и упрочивалось за великими князьями московскими, преемниками его, Дмитрія, Василиемъ I и Василиемъ II, хотя они и боролись еще съ послѣдними удѣльными князьями.

Сообразно съ тѣмъ, и военное управленіе, сначала сосредоточивавшееся въ княжескихъ дворахъ московскомъ и удѣльныхъ, съ конца XIV вѣка, съ Дмитрія Донскаго, уже сосредоточилось исключительно въ московскомъ. И съ тѣхъ поръ онъ сталъ, нѣкоторымъ образомъ, главнымъ военнымъ управленіемъ всѣхъ военныхъ силъ восточной Руси, изъ котораго исходили всѣ вообще военныя распоряженія по нимъ, чрезъ посредство чиновъ московскаго двора, по повелѣніямъ великихъ князей. Къ числу различныхъ чи-

новъ этого главнаго военнаго управленія, уже съ этого времени, кажется, должно отнести первое начало: 1) воеводъ: полковыхъ и осадныхъ мѣстѣ, начальствовавшихъ войсками и въ городахъ, и въ областяхъ ихъ, — полковыхъ — въ полѣ, осадныхъ — въ пограничныхъ и укрѣпленныхъ городахъ или крѣпостяхъ, и городовыхъ — въ городахъ и ихъ округахъ, — 2) есауловъ, ѣздившихъ впереди воеводъ, и завоеводчиковъ — за ними, 3) становщиковъ или займщиковъ, обязанныхъ занимать мѣста подъ станы или займки войскъ въ походѣ. Кромѣ того, въ это же время упоминаются, между прочимъ, киличи (отъ татарскаго слова киличъ или килиджъ — сабля) — княжескіе оруженосцы, и рынды — княжескіе же знаменосцы, носившіе княжескіе стяги. Изъ тѣхъ и другихъ важнѣйшими стали московскіе.

Выше (§ 44) уже было говорено о городскихъ казакахъ, изъ которыхъ первыми упоминаются въ 1444 г. рязанскіе, какъ пограничные. Полагаютъ, что то были легкоконныя дружины, подобныя прежнимъ бродникамъ или бройникамъ (разноплеменнымъ бродягамъ, кочевавшимъ между Волгой, Дономъ и Днѣпромъ, занимавшимся разбоями и грабежомъ и служившимъ всякому, кто давалъ имъ больше денегъ), а въ это время образовавшіяся, вѣроятно, по примѣру придонскихъ казаковъ (см. ниже § 52). Они входили въ составъ городскихъ ополченій, подчинялись городovýmъ воеводамъ и употреблялись преимущественно для развѣдывательной и охранной службы. О нихъ будетъ говорено обстоятельнѣе въ своемъ мѣстѣ позже.

Касательно содержанія войскъ должно сказать, что ни они, ни начальники ихъ не получали ни жалованья, ни продовольствія, но были обязаны служить на собственномъ иждивеніи. Но въ XV вѣкѣ московскіе великіе князья начали уже иногда раздавать, въ видѣ награды или отличія, участки земель съ условіемъ нести военную службу, что послужило первымъ началомъ позднѣйшей помѣстной службы. Жалованье же получали только иноплеменные наемныя дружины, иногда призываемыя на временную службу и упомянутыя выше.

Въ походахъ не было ни особыхъ складовъ продовольствія и другихъ военныхъ запасовъ, ни ставокъ (кромѣ князей и военачальниковъ), но продовольственные запасы — толокно, сухари, мясо, рыба и пр. т. п., равно сухой фуражъ для лошадей, перевозились на вьючныхъ лошадьяхъ, подводахъ и по рѣкамъ на судахъ. Лошадей кормили большею частію подножнымъ кормомъ. Войска располагались на открытомъ воздухѣ, либо въ шалашахъ, землянкахъ и т. п., защищаясь отъ дождя и вѣтра войлоками. Лошади были нерослыя, но

крѣпкія, сильныя и быстрыя на бѣгу, большею частію татарской—ногайской породы, которыхъ рѣдко подковывали, а конскіе уборы и все конское снаряженіе—подобныя монгольскимъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, тяжести и обозы при войскахъ были многочисленны и не могли не затруднять и замедлять походныхъ движеній. Многочисленность ихъ значительно увеличивалась между прочимъ тѣмъ, что князья и высшіе начальники войскъ имѣли при себѣ много слугъ, лошадей, повозокъ и пр. Тяжести перевозились, какъ сказано, сухимъ путемъ и по рѣкамъ на судахъ.

Военный порядокъ въ войскахъ поддерживался болѣе, нежели прежде, строгими наказаніями и щедрыми наградами. Тѣлесныя наказанія и смертная казнь, проникшія отъ монголовъ вмѣстѣ съ ихъ владычествомъ, были примѣняемы и въ войскахъ, за военные проступки и преступленія. Наградами же за военные отличія служили золотые и серебряные: гривны (деньги или медали), цѣпи и кресты, носимые на шеѣ и на груди, дорогія одежды, мѣха, шубы, оружіе, доспѣхи, кони, кубки, ковши и т. п., а также возведеніе въ званія и чины придворныя, военные и гражданскіе (высшіе—въ бояре и воеводы), иногда раздача земель, а войскамъ—денегъ или части военной добычи и т. п.

Война объявлялась еще, по древнему обычаю, ключеями (отъ слова кличъ) или бирючами (татарское слово, по Татищеву—высококличъ). Мирные договоры заключались вѣчныя и срочныя, большею частію отъ одного большаго праздника до другаго, утверждались клятвой или присягой на Евангеліи и крестѣ (что называлось цѣловать крестъ), и въ условія ихъ включались, между прочимъ, статьи о военноплѣнныхъ и размѣнѣ ихъ на границахъ, человѣка за человѣка или по условію деньгами. Иногда военноплѣнныхъ отсылали во внутреннія, малонаселенныя области и поселяли въ нихъ; инородцовъ же, особенно татаръ, обращали въ рабство.

Духъ войскъ, вообще говоря, былъ весьма хорошій: войска отличались преданностью и повиновеніемъ князьямъ и начальникамъ, простотою жизни, нравовъ и обычаевъ, сносливостью походныхъ трудовъ и лишеній, мужествомъ и храбростью въ бою, необыкновеннымъ упорствомъ въ оборонѣ за городскими стѣнами или за окнами и чрезвычайною пылкостью, даже запальчивостью, нападеній въ открытомъ полѣ, но недостаточною устойчивостью въ немъ, при неуспѣхѣ нападенія часто обращаясь въ бѣгство, а по духу и обычаю времени нерѣдко предаваясь грабежу, тѣмъ болѣе, что должны были содержать себя собственными средствами.

Но вообще должно сказать, что съ усиленіемъ и утвержденіемъ въ этомъ періодѣ единовластія, внутреннее устройство войскъ, какъ

и государственное военное устройство, въ восточной Руси значительно усовершенствовалось противъ прежняго и находилось относительно въ лучшемъ состояніи.

§ 49.

Укрѣпленіе, осада и оборона городовъ.

Нашествія монголовъ уже съ половины XIII вѣка заставили помышлять о прикрытіи восточныхъ и южныхъ границъ восточной Руси укрѣпленными линіями и о лучшемъ укрѣпленіи внутреннихъ и особенно пограничныхъ городовъ.

Укрѣпленными линіями были такъ называемыя засѣки или зарубы, валы или черты. Они состояли въ лѣсныхъ мѣстахъ—изъ древесныхъ засѣкъ съ земляными завалами, а въ безлѣсныхъ и открытыхъ—изъ земляныхъ валовъ съ сухими или водяными рвами. Для первыхъ назначались заповѣдныя лѣса, въ которыхъ запрещены были рубка лѣса и даже прокладываніе дорогъ. На протяженіи засѣкъ устраивались острожки или городки (небольшіе форты), огражденные валами съ толстымъ тыномъ и рвомъ, а между ними для проѣзда заставы съ надолбами (шлагбаумами). Засѣки охранялись и оборонялись пограничною засѣчною стражею, о которой говорено выше (§ 44). Іоаннъ I устроилъ такого рода засѣки отъ Оки до Дона и Волги (изъ нихъ въ послѣдствіи образовалась Бѣлгородская пограничная черта или линія). Преемники его усиливали прежнія и устраивали новыя засѣки и число ихъ умножилось. Съ конца XIV вѣка лѣтописи упоминаютъ также о пограничныхъ станцияхъ, заселенныхъ пограничною стражей, городскими казаками и даже наемными татарами. Такъ какъ съ того же времени южныя границы тревожили не одни татары, но и придонскіе казаки, то противъ нихъ были устроены новыя станции на Ливнахъ (нынѣ городъ Ливны Орловской губерніи) и городъ Елецъ на р. Быстрой Соснѣ (въ той же губерніи). Вообще съ конца XIV вѣка внѣшняя пограничная оборона была значительно развита и усилена.

То же слѣдуетъ сказать и о внутренней оборонѣ, до конца XIV вѣка сохранявшей прежній характеръ деревянныхъ ¹⁾ укрѣпленій городовъ, но со временъ Дмитрія Донскаго получившей новый и лучшій—каменныхъ ²⁾ стѣнъ и башенъ, начиная съ Москвы въ

¹⁾ и ²⁾ Деревянные укрѣпленія старинныхъ русскихъ городовъ строились не изъ одного дерева, но вмѣстѣ съ землею и камнемъ, а именно: изъ толстаго строеваго лѣса, большею частію дубоваго, изъ массивныхъ булыжниковъ и

1367 г., Нижнего Новгорода въ 1372 г. и позже другихъ, важнѣйшихъ городовъ. Эта заслуга принадлежитъ Дмитрію Донскому, который первый началъ призывать иностранныхъ, болѣею частію италіянскихъ (особенно славившихся тогда) строителей и щедро награждалъ ихъ, даже вотчинами. Съ этого времени многіе большіе внутренніе города были укрѣплены вновь и лучше и построены новыя укрѣпленные города на восточныхъ и южныхъ границахъ.

Способъ укрѣпленія городовъ былъ тотъ же, что и прежде, и подобенъ современному въ западной Европѣ. Извнѣ города были ограждаемы внѣшними стѣнами (заборами) и башнями (вежами), что называлось овольнымъ градомъ или острогомъ, а внутри, преимущественно на высокомъ мѣстѣ, имѣли дѣтинецъ или днѣшній (внутренній) городъ, иначе вышгородъ, а со времени построенія каменныхъ стѣнъ и башенъ—Кремль (въ Москвѣ, Нижнемъ Новгородѣ и другихъ городахъ). Изъ нихъ московскій, каменный Кремль былъ построенъ въ 1367 г. на томъ мѣстѣ, на которомъ сынъ Александра Невского Данилъ въ 1300 г. построилъ деревянный вышгородъ.

И способы осады и обороны городовъ вообще были тѣ же, что и прежде, но уже съ тѣмъ различіемъ, что съ конца XIV вѣка мѣсто прежнихъ осадныхъ и оборонительныхъ метательныхъ орудій (самострѣловъ, быковъ, барановъ или тарановъ, пороковъ и пр.) стали уже заступать новыя огнестрѣльные орудія большихъ размѣровъ, о которыхъ говорено выше, а съ конца этого періода, около половины XV вѣка, и большія пищали (крѣпостныя ружья), что придавало осадѣ и оборонѣ городовъ иной характеръ. Часто упоминаются также острогъ (циркумвалаціонная линія), тынъ, туры, присыпы или приметы земли и земляные подкопы, но земляныхъ ходовъ или подступовъ (траншей и апрошей) еще не замѣчается. Первымъ дѣломъ осаждавшихъ, а нерѣдко и готовившихся быть осажденными,

плитнаго камня, скрѣпленныхъ деревянными и желѣзными связями и крѣпкимъ цементомъ, съ примѣсю песка, глины, мелкаго камня и пр., смотря по почвѣ и находямаго въ ней строительнаго матеріала. Каменные же укрѣпленія съ конца XIV вѣка строились уже исключительно изъ массивнаго булыжнаго и плитнаго камня на крѣпкомъ цементѣ. Не слѣдуетъ однако забывать, что каменные постройки церквей и городскихъ стѣнъ и башенъ изумительной прочности (судя по остаткамъ ихъ въ Новгородѣ, Старой Ладогѣ, Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ древней сѣверной и южной Руси) относятся еще ко временамъ Рюрика и первыхъ русскихъ князей, особенно Владиміра I и Ярослава I. Извѣстно, напримѣръ, что Рюрикова крѣпость въ Старой Ладогѣ была построена еще Рюрикомъ въ 862—64 гг., а въ 1116 г. новгородцы оградилъ ее каменными стѣнами и башнями означенной выше постройки, остатки которой видны еще и теперь.

было сжечь посады (городскія предмѣстья) и всѣ строенія вокругъ города. Московскій Кремль ниразу не былъ взятъ открытою силой или приступомъ и только одинъ разъ хитростью или обманомъ—Тохтамышемъ. Смоленскъ былъ два раза взятъ также хитростью—Витовтомъ. Тверь, послѣ нашествія татаръ съ Іоанномъ Калитой, не была взята ниразу, даже Дмитріемъ московскимъ послѣ 4-хъ-недѣльной осады, потому что Михаилъ тверской успѣлъ заключить съ нимъ миръ.

§ 50.

Состояніе военнаго дѣла вообще.

Касательно характера войнъ восточной Руси въ этомъ періодѣ, въ Исторіи Россіи Соловьева (Т. 4. стр. 228—229) находятся любопытныя свѣдѣнія слѣдующаго рода:

Изъ 90 извѣстій о внутреннихъ или междуусобныхъ русскихъ войнахъ въ 234 года времени (отъ смерти князя Мстислава Мстиславича торопецкаго въ 1228 г. до смерти Василія II въ 1462 году) встрѣчается не болѣе 20 извѣстій о битвахъ, изъ которыхъ 15 относятся къ настоящему періоду, а изъ этихъ 15—7 приходятся на одну междуусобную войну Василія II съ его двоюродными братьями, что доказываетъ усиленное ожесточеніе этой войны. О внѣшнихъ войнахъ восточной Руси въ 234 года времени встрѣчается около 160 извѣстій и въ томъ числѣ только около 50 извѣстій о битвахъ, изъ которыхъ болѣе 30 было выиграно русскими войсками. Изъ общаго числа 160 извѣстій о внѣшнихъ войнахъ, 45 относятся къ войнамъ съ татарами, 41—съ литовцами, 30—съ ливонскими рыцарями, остальные—съ шведами, болгарамъ и др. Во время междуусобныхъ войнъ въ восточной Руси, разъ 35 встрѣчаются извѣстія о взятіи городовъ, причемъ разъ 5 о неудачныхъ осадахъ, а во внѣшнихъ войнахъ—разъ 15 о взятіи русскими войсками городовъ, разъ 7 о неудачныхъ осадахъ, разъ 17 объ отраженіи русскими отъ своихъ городовъ—осаждавшихъ ихъ и разъ около 70-ти о взятіи русскихъ городовъ, преимущественно монголо-татарамъ во время нашествій Батыя, Тохтамыша и Эдигея.

Вообще же, изъ всего изложеннаго выше (въ §§ 44—49) можно заключить, что какъ военное устройство и устройство войскъ, такъ и все военное дѣло въ восточной Руси, во 2-й половинѣ XIV вѣка и особенно въ 1-й половинѣ XV-го, получили значительное и лучшее противъ прежняго развитіе, благодаря преимущественно мос-

ковскимъ великимъ князьямъ отъ Іоанна I до Василія II включительно. При главныхъ, основныхъ, древне-русскихъ чертахъ и особенностяхъ, заимствовавъ многое отъ татаръ, они однако во многихъ отношеніяхъ представляютъ немало, общаго сходства и съ современными западно-европейскими. А въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они даже превосходили ихъ, какъ, напримѣръ, въ томъ, что имѣли важное преимущество, проистекавшее отъ усиленія и утвержденія единовластія, между тѣмъ какъ въ западной Европѣ начавшаяся борьба единовластія съ феодализмомъ и рыцарствомъ и со всѣми ихъ недостатками все еще служила важнымъ препятствіемъ къ скорѣйшему и лучшему развитію военнаго устройства и военнаго дѣла.

§ 51.

Новгородъ и Псковъ.

Новгородъ, древнѣйшій городъ восточныхъ славянъ — собственно словенъ ильменскихъ — при истокѣ р. Волхова изъ озера Ильменя, — въ теченіи 500 лѣтъ (862 — 1350) образовалъ съ своею областью почти независимое отъ великихъ князей восточной Руси княжество и достигъ необыкновенныхъ силы, значенія и важности. Не принадлежа исключительно никакому поколѣнію Св. Владиміра, онъ присвоилъ себѣ право избирать русскихъ князей по своему произволу, ограничилъ власть ихъ и, управляясь народнымъ вѣчемъ, въ XIV вѣкѣ уже былъ могущественною народною державою, именуюсь Новгородомъ Великимъ.

Верховная власть законодательная и судебная, въ общественныхъ дѣлахъ, принадлежала въ немъ народному вѣчу или общему собранію новгородскихъ гражданъ. Собираясь, по звону вѣчеваго колокола, на Ярославовомъ дворѣ, иногда въ Софійскомъ соборѣ или иныхъ мѣстахъ, оно рѣшало вопросы мира и войны, избирало князя, посадника, владыку (архіепископа), судило государственныя преступленія, самовольныя дѣйствія князя и посадника, назначало имъ наказанія и защищало бѣдныхъ противъ богатыхъ.

Князю было предоставлено исключительное право судебной власти въ гражданскихъ дѣлахъ, наблюденіе за правосудіемъ и заботы о внѣшней безопасности. Для этого онъ имѣлъ свою дружину, которая въ мирное время производила судъ и расправу, а въ военное составляла княжеское войско подъ его главнымъ предводительствомъ, но съ распоряженіемъ военными дѣйствіями вмѣстѣ съ посадникомъ.

Исполнительная власть была предоставлена этому послѣднему, какъ первому гражданскому сановнику и предсѣдателю вѣча. Онъ начальствовалъ, вмѣстѣ съ тысяцкимъ, новгородскими войсками, велъ переговоры, помогалъ князю въ судѣ и расправѣ, въ случаѣ отсутствія его исправлялъ его обязанности и вообще былъ исполнителемъ всѣхъ опредѣленій вѣча.

Во время монгольскаго владычества, новгородское княжество давало великому князю восточной Руси значительный перевѣсъ, если только онъ умѣлъ быть въ согласіи съ новгородскимъ вѣчемъ. Но это случалось рѣдко и своеволие новгородцевъ болѣе ослабляло, чѣмъ усиливало великаго князя, беспрестанно озабочивая его спорами о правѣ собирать подати, производить судъ и расправу и пр. и даже отраженіемъ вторженій, разбоевъ, грабежей и пр. новгородской вольницы (между прочимъ ушкуйниковъ или рѣчныхъ удалцовъ и разбойниковъ) въ сосѣднія области восточной Руси: тверскую, ярославскую, московскую и др.

Между тѣмъ, въ 500 лѣтъ времени Новгородъ силою оружія такъ распространилъ свои владѣнія во всѣ стороны, особенно на сѣверовостокъ, что они обнимали восточную часть нынѣшней Финляндіи, до Сѣвернаго моря и Урала и даже за Ураломъ, и до предѣловъ галицкихъ, костромскихъ, ярославскихъ, тверскихъ, смоленскихъ, псковскихъ, литовскихъ и ливонскихъ. Въ нихъ входили отдаленныя на сѣверовостокѣ земли: заволочская или заволоцкая (въ нын. Архангельской губерніи), двинская, вятская, пермская и югорская (за Ураломъ), богатая мягкою рухлядью и даже дорогими металлами. Для управленія ими, обширная новгородская область раздѣлялась на пятны или округа и волости, а по нимъ и Новгородъ—на 5 концовъ. Пятны были: Бѣжецкая, Водская, Деревская, Шелонская и Обонежская; волости: Заволочье, Лопъ, Двинская земля, Пермь, Печора, Югра; города въ нихъ: главный—Новгородъ Великій, Ладога, Русса, Торжокъ, Волокъ (Вышій Волочокъ), Великіе Луки, Каргополь, Орѣшекъ, Кексгольмъ, Выборгъ и др.

Военное устройство новгородскаго княжества, имѣя общія, древнерусскія основанія и черты, вмѣстѣ съ тѣмъ получило съ ходомъ времени своеобразное развитіе. Только одна княжеская дружина составляла нѣкоторымъ образомъ родъ постоянного войска; въ случаѣ же войны или отдѣльных военныхъ предпріятій составлялось, по опредѣленію вѣча, большее или меньшее народное ополченіе гражданъ, способныхъ носить оружіе и сражаться, а иногда и общее поголовное, на собственномъ иждивеніи и содержаніи. Судя по обширности новгородскихъ владѣній и по войнамъ новгородскимъ на сѣверѣ, западѣ, югѣ и востокѣ, должно полагать, что Новгородъ

былъ въ состояніи собрать и выставить значительныя военныя силы. Съ конца XIV вѣка и начала XV-го военное ополченіе было, кажется, подворное или подушное, по сохамъ, конное и пѣшее, раскладкой по общинамъ, волостямъ и городамъ, при чемъ обязанные служить назывались выборными, а необязанные, но служившіе по своей охотѣ — охочими. Ополченіе дѣлилось на тысячи или полки и называлось посѣхою, подъ предводительствомъ воеводъ; тысячи дѣлились на сотни, а сотни на десятки, подъ начальствомъ сотенныхъ головъ и десятниковъ. Въ составъ ополченія входили также: горѣдники — строители становъ и городовъ (инженеры), мѣстники — мостовъ и переправъ черезъ рѣки, парочники — всякаго рода полевыхъ и осадныхъ военныхъ орудій и машинъ, и пр. Всемъ ополченіемъ предводительствовалъ новгородскій князь, при содѣйствіи посадника. По окончаніи похода, ополченіе распускалось и потому, какъ временное, не имѣло остойчивости постояннаго, правильно-устроеннаго войска и было способнѣе сражаться оборонительно въ городахъ и укрѣпленіяхъ, нежели въ открытомъ полѣ. Если же въ войнахъ своихъ съ сосѣдями, особенно съ шведами и ливонскими рыцарями, новгородцы часто дѣйствовали наступательно и успѣшно, одерживали побѣды и брали города, то этимъ были обязаны преимущественно необыкновеннымъ своимъ мужеству, храбрости, отважности, удалству и искусству своихъ князей (какъ напримеръ Александра Невскаго и предводителей).

Что касается родовъ войскъ, числа, строя, образа дѣйствій и внутренняго устройства ихъ, укрѣпленія, осады и обороны городовъ и всего вообще военнаго дѣла, то они имѣли тѣ же главныя основанія и черты, что и современныя въ восточной Руси (см. выше), съ нѣкоторыми только особенностями. Во 1-хъ, совершенно чуждые монгольскаго вліянія, они не могли быть независимы отъ вліянія шведовъ, ливонскихъ рыцарей, литовцовъ, поляковъ и вообще западной Европы, потому что Новгородъ имѣлъ обширныя торговыя сношенія и связи со всемъ балтійскимъ поморьемъ и особенно съ ганзейскими городами, и въ самомъ Новгородѣ постоянно жили многіе иностранныя торговыя люди изъ западной Европы, имѣвшіе въ немъ свои торговыя дома, склады, лавки и т. п. Во 2-хъ, по этимъ причинамъ, новгородцы удобнѣе и скорѣе познакомились съ западно-европейскими изобрѣтеніями, нововведеніями и усовершенствованіями, въ томъ числѣ и военными, и между прочимъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое безъ сомнѣнія проникло къ нимъ и распространилось у нихъ ранѣе, нежели въ восточной Руси, можетъ быть даже тотчасъ или вскорѣ по введеніи его въ западной Европѣ. Въ 3-хъ то же самое можно сказать и о способахъ укрѣпленія, осады и обороны городовъ.

Новгородъ и другіе, важнѣйшіе города его, гораздо ранѣе, нежели въ восточной Руси, начали быть ограждаемы, вмѣсто деревянныхъ стѣнъ и башенъ, каменными, внѣшними и внутренними, изъ которыхъ послѣднія въ Новгородѣ заключали въ себѣ древній Кремль съ Софійскимъ соборомъ и всѣми святынями и древностями. И когда въ восточной Руси, съ конца XIV вѣка, только начиналось еще укрѣпленіе городовъ каменными стѣнами и башнями, въ новгородской области Новгородъ и важнѣйшіе города уже были ограждены ими и совершенно по образцу западно-европейскихъ городовъ. Точно также и въ осадѣ, и въ оборонѣ городовъ новгородцы, безъ сомнѣнія, употребляли современные способы западной Европы, ранѣе знакомясь съ ними, особенно съ употребленіемъ для того огнестрѣльныхъ орудій и ручнаго оружія. Словомъ—въ отношеніи къ военному дѣлу вообще и различнымъ отраслямъ его въ частности, будучи ближе къ западной Европѣ, нежели восточная Русь, и не находясь, подобно ей, подъ вліяніемъ монголовъ, Новгородъ всегда былъ, можетъ быть, на цѣлыхъ полвѣка впереди ея.

Псковъ, въ старину Плесковъ, также весьма древній городъ въ землѣ славянскихъ кривичей, при сліяніи р. Псковы съ р. Великою, какъ по исторической судьбѣ своей, такъ и по своему внутреннему устройству, общественному и военному, былъ совершеннымъ подобіемъ Новгорода, только въ меньшемъ видѣ. Онъ былъ тѣсно связанъ съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ, хотя и независимъ отъ него, а напротивъ равный ему. Сами псковичи, въ договорной грамотѣ своей 1348 года съ Новгородомъ, положили: «Пскову считаться и называться равнымъ Новгороду, а не зависимымъ отъ него, и только меньшимъ братомъ его, какъ старшаго брата». Поэтому все въ немъ—и внутреннее устройство, общественное и военное, и военное дѣло были до такой степени сходны съ новгородскими и несомнѣнно, кажется, заимствованы у Новгорода, съ нѣкоторыми только развѣ мѣстными особенностями, что входитъ въ подробности о нихъ особенно было бы излишнимъ. Можно замѣтить только, что и въ Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, огнестрѣльное оружіе и способы каменнаго укрѣпленія городовъ, равно осады и обороны ихъ, по примѣру западной Европы, проникли изъ нея, сдѣлались извѣстными и вошли въ употребленіе ранѣе, нежели въ восточной Руси. Псковской деревянный Кремль существовалъ уже въ 1197 г., а до 1253 г. и весь Псковъ уже былъ огражденъ стѣнами и кострами (башнями) деревянными по поламъ съ камнемъ и землею (см. выше). Съ 1266 г. онъ началъ уже ограждаться каменными стѣнами и башнями, по частямъ, сна-

чала—Кремль Довмонтовою стѣною и затѣмъ постепенно и Кремль, и городъ средній и внѣшній, такъ что въ 1323 г. весь Кремль и весь Псковъ уже были ограждены стѣнами и башнями, частью деревянными и частью каменными. Дальнѣйшая постройка послѣднихъ продолжалось постоянно съ половины XIV вѣка до XVII и далѣе.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить тотъ замѣчательный фактъ, что Псковъ, стоявшій почти на самой границѣ Ливоніи и недалеко отъ границъ Литвы, съ XI вѣка до XVIII-го выдержалъ всего 26 большихъ и малыхъ осадъ и обложеній, но взятъ былъ только одинъ разъ—и то измѣной и предательствомъ—въ 1250 г. дерптскимъ епископомъ Германомъ, ливонскимъ орденмейстеромъ Германомъ фонъ Балкъ и союзнымъ съ ними датскимъ полководцемъ, но въ 1242 г. освобожденъ новгородскимъ княземъ Александромъ Ярославичемъ (въ послѣдствіи Невскимъ), который вслѣдъ затѣмъ 5 апрѣля того же года на голову разбилъ ливонскихъ рыцарей на льду Чудскаго озера (слѣдовательно передъ самымъ вскрытіемъ его).

§ 52.

Назакіи донскіе и днѣпровскіе.

Въ XII и XIII вѣкахъ, на пространствѣ между низовьями Дона и Днѣпра, южными предѣлами Руси и сѣверными берегами Чернаго и Азовскаго морей, въ исторіи являются, подъ разными названіями—бродниковъ, берендѣевъ, черныхъ клобуковъ, бѣловежцовъ, черкасовъ и мн. др. — разноплеменные, вольныя, военныя дружины. Живя войною и грабежомъ, онѣ служили всякому, кто давалъ имъ больше денегъ, въ томъ числѣ и русскимъ князьямъ, но еще чаще грабили и разоряли южные предѣлы Руси. Онѣ образовались, можетъ быть, изъ остатковъ хазаръ, печенѣговъ, половцовъ, торковъ, угровъ, кавказскихъ: аланъ, яссовъ, кассоговъ, черкесовъ, равно изъ выходцовъ и бѣглецовъ русскихъ, польскихъ, венгерскихъ, румынскихъ и др. Нашествіе монголовъ поглотило въ себѣ всѣ эти разноплеменные дружины, и онѣ на цѣлый вѣкъ скрылись въ исторію, но снова появился въ ней, когда обширное царство, основанное Чингизъ-ханомъ и его ближайшими преемниками, раздробилось на многія орды. Тогда означенныя выше вольныя дружины снова явились на прежнихъ мѣстахъ, но уже въ новомъ видѣ, съ иными цѣлями и съ постоянно возрастающими силами. Выходцы и бѣглецы преимущественно изъ восточной и западной Руси, равно

изъ разныхъ странъ, прилегавшихъ къ Черному и Азовскому морямъ съ сѣвера, запада и востока, убѣгая отъ всякой зависимости общественной, иногда отъ кары законовъ, движимые заманчивостью неограниченной личной свободы и привольной жизни и духомъ отваги и удалства, толпами селились въ низовьяхъ Дона и Днѣпра, на ихъ берегахъ, притокахъ и островахъ. Отсюда они постепенно распространялись къ востоку, западу и особенно сѣверу по украинамъ или окраинамъ восточной и западной Руси, и производили смѣлые набѣги, какъ на нихъ, такъ и на татаръ крымскихъ, ногайскихъ и волжскихъ, и на сухомъ пути, и моремъ. Отъ непрестанныхъ столкновений съ татарами, вѣроятно, они начали называть себя казаками, что у азійскихъ народовъ всегда означало бездомныхъ, вольныхъ, легкоконныхъ всадниковъ и удалцовъ *). Подобно вольнымъ дружинамъ XII и XIII вѣковъ, живя въ полной волѣ и независимости, повинуваясь лишь своимъ уставамъ, обычаямъ и выборнымъ вождямъ, занимаясь только войною и грабежомъ, казаки, какъ донскіе, такъ и днѣпровскіе, ревностные исповѣдники греко-русской вѣры, принимали въ свою среду всякаго, лишь бы только онъ исповѣдывалъ ту же вѣру (что свидѣтельствуется, что основаніе казачеству положили несомнѣнно русскіе) и вели жестокую, непримиримую войну съ врагами Христовой вѣры—татарами и позже турками. Воюя съ ними, они въ то же время нерѣдко служили за деньги и въ разныхъ мѣстахъ единовѣрной съ ними южной Руси, и по примѣру ихъ, вѣроятно, съ половины XV вѣка въ ней начали учреждаться городовые казаки, о которыхъ говорено выше.

Число донскихъ и днѣпровскихъ казаковъ стало значительно умножаться различныхъ званій и состояній выходцами и бѣглецами, съ начала XV вѣка—изъ юго-западной или малой Руси (Малороссіи, Украины), а позже, съ конца XV вѣка—и изъ восточной или великой Руси (Великороссіи). Первые спасались отъ притѣсненій правительства, дворянства и духовенства польскихъ, а послѣдніе — отъ твердыхъ, нерѣдко строгихъ мѣръ единоподдержавія, стѣснявшихъ прежнія ихъ права и преимущества, вольности и льготы, либо и вовсе

*) Полагаютъ, что слово казакъ перешло отъ татаръ и заимствовано изъ турецкаго джагатайскаго нарѣчія, на которомъ казъ значитъ гусь — эмблема вольности у восточныхъ народовъ. Оттуда и слова: словацкое *husar*, сербское *hussar*, *gussor*, чешское *husak*, польское *gensior*, венгерское *husz*, *huszar* и т. п. значать вольный всадникъ. Другіе производятъ слово казакъ отъ кассоговъ, древняго кавказскаго народа, отъ Касахіи, закавказской области, упоминаемой Константиномъ Багрянороднымъ и т. п. Но всѣ эти предположенія не утвердили достовѣрности происхожденія слова казакъ, хотя и нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что оно происхожденія восточнаго, азійскаго.

лишали ихъ оныхъ, а съ ними и прежняго значенія ихъ въ обществѣ.

Военное устройство казаковъ и военное дѣло у нихъ до конца XV и начала XVI вѣковъ были еще очень просты и имѣли общій характеръ, свойственный неустроеннымъ легкоконнымъ войскамъ и вольнымъ жителямъ и удальцамъ обширныхъ придонскихъ и приднѣпровскихъ степей. Болѣе правильное, хотя и своеобразное, военное устройство они получили уже въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ, почему оно и будетъ изложено позже въ своемъ мѣстѣ.

II.

Западная Русь.

§ 53.

Военное устройство и военное дѣло въ ней.

Западная Русь, съ половины XIV вѣка сдѣлавшаяся достояніемъ великихъ князей литовскихъ и русскихъ, потомковъ и преемниковъ Гедимина, но исповѣдывавшихъ греко-русскую вѣру и состоявшихъ въ брачныхъ союзахъ и родственныхъ связяхъ съ русскими князьями, находилась въ болѣе благопріятномъ положеніи, нежели современная восточная Русь. Сохранивъ вѣру, языкъ, нравы, обычаи и законы свои, она не подчинялась татарамъ и образовала независимое, самостоятельное и сильное государство, подъ названіемъ великаго княжества литовскаго и русскаго, грозное для сосѣдей воинственнымъ духомъ своихъ великихъ князей.

Къ сожалѣнію, это продолжалось недолго—не болѣе полувѣка: въ 1386 г. домъ Гедимина, въ лицѣ внука его, Ольгердова сына Ягайла или Ягелла (1377—1434), вступившаго въ бракъ съ наслѣдницею польскаго престола, 15-ти-лѣтнею дочерью Людовика, короля венгерскаго и польскаго, Ядвигой—вступилъ на польскій престолъ и такимъ образомъ соединилъ или, лучше сказать, насильственно связалъ Литву съ Польшей. Соединивъ судьбу свою съ судьбою послѣдней, Литва не могла однако ни совершенно слиться съ

нею, ни отдѣлится отъ нея, и была осуждена не только претерпѣть отъ того жестокаго внутренняго смуты, но даже неразъ вооружаться противъ единокровной и единовѣрной съ нею восточной Руси.

Вслѣдствіе того, военное устройство и военное дѣло въ ней представляютъ два, отличные одинъ отъ другаго характера въ этомъ періодѣ и въ послѣдующихъ. Въ первомъ они сохраняли еще неизмѣнными прежнія, древне-русскія основанія и черты, съ тѣмъ только различіемъ, что единовластіе великихъ князей литовскихъ и русскихъ придавало имъ болѣе единства, согласія и силы, нежели въ восточной Руси въ то же время и въ 1-й половинѣ XV вѣка. Междуусобія Ягелла съ Витольдомъ (1392 — 1430), сыномъ Кейстута и внукомъ Гедимина, и съ братомъ своимъ Свидригайломъ (1430 — 34), а потомъ Свидригайла съ Сигизмундомъ, братомъ Витольда (1434—40), за престолъ литовскій и самостоятельность Литвы, не произвели никакой особенной переменны въ военномъ устройствѣ и военномъ дѣлѣ въ ней, даже и при второмъ сынѣ Ягелла, Казиміръ IV (1440—1492), до 1447 г.—великомъ князѣ литовскомъ и русскомъ, а съ 1447 г.—и королѣ польскомъ. Казиміръ, съ трудомъ согласясь быть королемъ польскимъ, не прежде могъ выѣхать изъ Вильны въ Краковъ для коронованія, какъ клятвенно обязавшись уничтожить всѣ акты соединенія Литвы съ Польшей и оставить неприкосновенными всѣ права литовскаго народа, церковныя и гражданскія. Поэтому и военное устройство и военное дѣло въ Литвѣ, и въ 1-й половинѣ XV вѣка сохраняли еще прежній свой русскій характеръ, мало отличный отъ того, который имѣли въ то же время въ восточной Руси. Но съ XVI вѣка и особенно съ конца его, когда Литва была окончательно соединена съ Польшей, вліяніе послѣдней измѣнило уже, какъ будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ позже, прежній литовско-русскій характеръ военнаго устройства и военнаго дѣла въ Литвѣ въ литовско-польскій.

ГЛАВА VII.

СОВРЕМЕННЫЯ СОСѢДНІЯ ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ.

§ 54. Швеція.—§ 55. Ливонскій орденъ.—§ 56. Польша.—57. Монголо-татары.

§ 54.

Ш в е ц і я.

Хотя Швеція, Ливонскій орденъ и Польша, по своему государственному, общественному и военному устройству, принадлежали къ системѣ западно-европейскихъ государствъ, но, по сосѣдству ихъ съ восточною Русью и частымъ войнамъ съ нею, военное устройство и военное дѣло въ нихъ въ настоящемъ періодѣ (1350—1462) слѣдуетъ разсмотрѣть здѣсь.

Въ Швеціи, въ самыя раннія времена, главныя основанія военнаго устройства были чисто-германскія. Съ ходомъ времени къ нимъ присоединились главныя черты общескандинавскаго военнаго устройства, въ Швеціи — болѣе континентальнаго, а въ Норвегіи — болѣе морскаго характера. Весь народъ носилъ на себѣ печать военнаго народа и назывался Swea-här (шведское войско) и Svithiod (народъ-войско). Общепародное собраніе (Ting) въ Упсалѣ называлось Als-herjarting — общее собраніе войска, изъ котораго ежегодно часть подъ предводительствомъ своихъ вождей шла на войну. Съ этимъ было соединено дѣленіе на сотни (Hundari, Härad). Вокругъ храбраго и счастливаго вождя собиравлись его родственники, друзья, сподвижники и составляли его дружину (Sweit, Suet, Suit). Такого рода

вожди составляли родъ дворянства и назывались Härad's konungar (сотенными королями). Изъ ихъ среды нѣкоторые, болѣе могущественные, возвышались потомъ въ главные конунги, имѣли извѣстную верховную власть, назывались Härkonungar (войсковыми или сухопутными королями) и Sjökonungar (морскими королями) и имѣли преимущественное право собирать вокругъ себя дружины воиновъ.

Съ ходомъ времени такое дружинное устройство само собою должно было повести къ нѣкотораго рода леннымъ отношеніямъ, потому что, хотя конунги и дѣлили завоеванныя земли между своими военными сподвижниками, однако къ общей, совокупной оборонѣ этихъ земель присоединялась обязанность службы въ ополченіи или войскѣ. Собственно же феодальнаго военного устройства, подобнаго западно-европейскому, въ Скандинавіи не было. Хотя изъ военного сподвижничества конунгамъ въ Швеціи и произошло служебное дворянство, однако эти служебныя отношенія ограничивались исключительно одною войною. У себя дома всѣ дворяне считали себя равными между собою, но на войнѣ повиновались конунгу или назначенному имъ предводителю. Только свободнорожденный могъ быть сподвижникомъ конунга, но само по себѣ дворянство это было личное, а не потомственное. Хотя въ Швецію также со временемъ проникла обязанность знатныхъ людей слѣдовать за конунгомъ на войну, но, безъ собственной доброй воли ихъ—только до границъ. Законы и дисциплинарныя постановленія для военныхъ дружинъ знатныхъ людей заключались въ такъ называемомъ придворномъ правѣ, соотвѣтствовавшемъ позднѣйшимъ военнымъ артикуламъ и отличавшемся отъ обыкновенныхъ законовъ страны строгими тѣлесными наказаніями.

Около конца XIII вѣка сословіе королевскихъ людей (лейдовъ) получило болѣе прочное устройство. Для того, чтобы не только привязать къ королевской власти—людей, отличавшихся дорогою, но блистательною службою на конѣ, но вообще сдѣлать военную службу условіемъ дворянскихъ преимуществъ, король Магнусъ въ 1285 г. освободилъ всѣхъ служившихъ на конѣ отъ податей. Такимъ образомъ возникла дворянская конная служба, на томъ основаніи, что каждый служившій противъ непріятеля на своемъ конѣ и съ своимъ вооруженіемъ, равно и земли его, были свободны отъ податей. И крестьянинъ также могъ такой же службой пріобрѣтать свободу отъ податей, но не рыцарское или дворянское достоинство, между тѣмъ, какъ рыцарь-дворянинъ неисполненіемъ военной повинности своей лишался освобожденія отъ податей. Съ этого времени рыцарское достоинство сдѣлалось и въ Швеціи также личнымъ отличіемъ дворянства и сходствовало съ западно-европейскимъ, служившимъ ему

образомъ. Въ оффиціальныхъ актахъ рыцари, рядомъ съ епископами, всегда упоминались первыми господами (Herremän), а послѣ нихъ оруженосцы (Wärnare) или вооруженные слуги (Svenar af wapen), т. е. служащее дворянство. Каждый дворянинъ, рыцарь или оруженосецъ былъ обязанъ лично являться на ежегодные смотры на собственномъ конѣ, въ полномъ вооруженіи и вполнѣ готовымъ послѣдовать за королемъ на войну, на собственномъ содержаніи до границъ и 14 сутокъ за ними.

Весь народъ получалъ вполнѣ военное образованіе, упражненіями съ ранней молодости въ стрѣльбѣ изъ луковъ и т. п. Каждый, по достиженіи совершеннолѣтія и требуемаго искусства въ стрѣльбѣ и пр., былъ признаваемъ способнымъ къ военной службѣ. Жители Готланда и Финляндіи славились какъ искуснѣйшіе стрѣлки; боевая же сѣкира и копье были преимущественнымъ оружіемъ собственно шведовъ. Крестьянинъ рѣдко выходилъ изъ своего дома невооруженнымъ. Въ нравахъ и обычаяхъ не только дворянства, но и народа издревле было ежегодно слѣдовать за королемъ въ походъ (Ledung). Позже, когда число королевскихъ служивыхъ людей все болѣе и болѣе умножалось, участіе народа въ войнѣ становилось ограниченнѣе, однако по временамъ онъ все еще призывался къ оружію. Такъ, напримѣръ, въ 1359 г. король Эрихъ собралъ значительное войско, состоявшее болѣею частію изъ ополченія простаго народа и потому названное Knubbe - Her—дубиннымъ войскомъ (крестьянскимъ), но быстро и смѣло послѣдовавшее за королемъ.

Таковы вообще были главныя основанія и черты военного устройства Швеціи до половины и даже конца XV вѣка, когда, напротивъ, народныя или крестьянскія войска получили рѣшительный перевѣсъ надъ дворянскими или рыцарскими.

Что же касается военного дѣла въ Швеціи, то оно болѣе или менѣе сходствовало съ современнымъ состояніемъ его въ западной Европѣ, въ которой феодальное рыцарство еще существовало, но все болѣе и болѣе слабѣло и падало.

§ 55.

Ливонскій орденъ.

Страна, заключающая въ себѣ нынѣ три русскія балтійскія губерніи: эстляндскую, лифляндскую и курляндскую, издревле была обитаема народами частію финскаго, частію латышскаго племени, въ нынѣшней Эстляндіи—эстами и чудью, въ Лифляндіи—ливами и леттами, въ

Курляндія—корсью или куроами, и по имени ливовъ извѣстна въ исторіи подъ общимъ названіемъ Ливонія. Эсты, чудь и ливы, со времени Ярослава I, построившаго въ ихъ землѣ городъ Юрьевъ (н. Дерптъ), зависѣли большею частію отъ новгородцовъ и частію отъ псковитянъ и полоцкихъ князей. Дикіе и грубые язычники, они неохотно платили дань, и новгородскіе князья часто были принуждены воевать съ ними. Съ конца XII же вѣка эти народы обратили на себя вниманіе нѣмецкихъ миссіонеровъ, замыслившихъ обратить ихъ въ римскую вѣру и подчинить папѣ. Первымъ такимъ миссіонеромъ былъ августинскій священникъ Мейнгардъ, построившій въ 1186 г., съ согласія полоцкаго князя Владиміра, крѣпостцу въ Икесколѣ (Иксуль) на западной Двинѣ, близъ залива. По смерти Мейнгарда, уже епископа, въ 1196 г., на его мѣсто прибылъ епископъ Бертольдъ, но сопротивленіе туземцовъ заставило его отправиться къ папѣ Целестину II за помощью, которая и прибыла въ устье Двины, на мѣсто, называемое Righe. Она состояла изъ дружины нѣмецкихъ крестоносцовъ, въ войнѣ которыхъ съ туземцами Бертольдъ былъ убитъ. На мѣсто его въ 1199 году прибылъ епископъ Албертъ Буксгевденъ и утвердился въ построенной имъ, въ 1200 году, на мѣстѣ Righe, крѣпости, названной этимъ же именемъ (Ригой). Но какъ, не смотря на то, новая колонія нѣмецкихъ крестоносцовъ все еще была не въ безопасности, то, по ходатайству Алберта Буксгевдена, въ 1201 г. папа Иннокентій III разрѣшилъ учредить новый орденъ Братства Креста Христова или ливонскихъ меченосцовъ (*Fratres militiae Christi crucigeri, Livländische Schwerdtbrüder*), получившій уставъ ордена Св. Храма (тамплиеровъ). Послѣ 30-лѣтней, упорной и трудной борьбы съ туземцами, ливонскіе рыцари-меченосцы успѣли подчинить ихъ папѣ и въ то же время начали нападать и на границы полоцкаго княжества. Но, чувствуя слабость свою, они, съ согласія папы Григорія IX, въ 1237 г. присоединились къ тевтонскому ордену (*Teutsche Orden, Ordre Teutonique*), который, послѣ жесточайшей борьбы съ пруссами (1229—82), овладѣлъ ихъ страной—Пруссіей. Однако ливонскіе рыцари-меченосцы сохранили при этомъ прежнія свои: устройство, права епископовъ, гермейстеровъ, назначаемыхъ тевтонскими магистрами или гросмейстерами, и пр. Съ этихъ поръ они съ новыми силами вступили въ непрерывную и жестокую борьбу съ князьями полоцкими, псковскими и новгородскими, въ то самое время, когда Батый разорялъ южную Русь, а шведы старались овладѣть Новгородомъ (1240). Ливонскіе же рыцари съ своей стороны хотѣли непременно овладѣть Псковомъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался главною цѣлью ихъ нападеній на русскіе предѣлы. Раздоры, возникшіе между ними

и ихъ епископами съ конца XIII вѣка и усилившіеся съ начала XIV-го, на время отвлекли вниманіе ихъ отъ Руси. Въ этихъ раздорахъ главными соперниками были рижскій епископъ, съ 1255 г. архіепископъ, и гермейстеръ; перваго поддерживали города, особенно Рига, а втораго—орденъ, усилившійся особенно со времени уступки ему королемъ датскимъ Эстляндіи. Слѣдствіемъ было то, что къ концу XV вѣка Ливонія раздробилась на многія небольшія области, нѣзъ которыхъ одиѣ принадлежали архіепископу и епископамъ, а другія ордену и различнымъ чинамъ его.

Внутренне устройство этого ордена было совершенно подобно тому, которое съизначала имѣли всѣ военно-духовные рыцарскіе ордена, со времени перваго возникновенія ихъ въ западной Европѣ, во время крестовыхъ походовъ. Древнѣйшимъ изъ нихъ былъ орденъ госпиталей или больницы Св. Іоанна Іерусалимскаго, основанный еще въ 1048 г. и извѣстный въ послѣдствіи подъ названіемъ Родосскихъ и наконецъ Мальтійскихъ рыцарей. Въ 1118 г. былъ учрежденъ орденъ Св. Храма Іерусалимскаго или храмовниковъ (Templiers), уничтоженный въ 1314 г. королемъ Франціи Филиппомъ IV Красивымъ, а въ 1190 г.—орденъ Тевтонскихъ рыцарей и въ 1201 г. отрасль его—орденъ Ливонскихъ рыцарей, о которыхъ говорено выше. Ордена эти возникли изъ соединенія въ одно братство такихъ лицъ, благочестивыми цѣлями которыхъ, при соблюденіи извѣстныхъ правилъ, были: попеченіе о больныхъ, равно распространеніе христіанской вѣры и покровительство ей. Уставы ихъ были подобны уставамъ монашескихъ орденовъ. Папа долженъ былъ утверждать учрежденіе ихъ и былъ ихъ главою; предстоятелей же и магистровъ своихъ рыцари избирали сами въ своей средѣ. Позже по ихъ образцу образовались свѣтскіе рыцарскіе ордена сочетавшіе духовныя упражненія съ рыцарскими, а также принявшіе внѣшнимъ знакомъ отличія изображеніе креста (большею частію краснаго на бѣломъ плащѣ). Высшими чинами въ нихъ были: великіе магистры, гросмейстеры, гермейстеры, маршалы, командоры, балли (bailli); остальные же были простые рыцари.

Строгіе: подчиненность и порядокъ, господствовавшіе въ этихъ орденахъ, и военная опытность, пріобрѣтенная ими въ крестовыхъ походахъ, были причинами, что эти военныя дружины считались въ то время превосходными, служили образцомъ для устройства многихъ феодальныхъ и особенно городскихъ войскъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи могутъ быть названы первыми постоянными войсками въ те-перешнемъ значеніи этого слова.

Въ ливонскомъ орденѣ около 100 лѣтъ сначала верховная власть по дѣламъ духовнымъ и свѣтскимъ принадлежала рижскому епис-

скопу, позже архіепископу, который имѣлъ право мира и войны, суда и расправы, раздавалъ земли и помѣстья, словомъ—былъ главою ордена. Но съ конца XIII вѣка власть его начала слабѣть, когда въ средѣ ордена возникли, какъ сказано, раздоры и междуусобія.

Что касается собственно военного устройства ордена и военного дѣла въ немъ, то оно было совершенно одинаково съ свойственными современными: рыцарскимъ орденамъ и феодално-рыцарскому обществу въ западной Европѣ, въ періодъ собственно такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ.

§ 56.

П о л ь ш а.

Въ половинѣ XIV вѣка положеніе Польши, сравнительно съ положеніемъ восточной и особенно западной Руси, было несравненно хуже. Между всѣми властями и сословіями народными не только не было согласія, но и напротивъ величайшее разногласіе. Короли спорили съ папами, съ императорами за королевскій титулъ, съ родственниками за краковскій престолъ, удѣльные князья—между собою за удѣлы, съ королями—за свою независимость отъ нихъ, съ духовенствомъ—за десятину, съ вельможами (магнатами)—за право суда, съ среднимъ, городскимъ сословіемъ—за пошлыны и оброки. Народъ состоялъ изъ природныхъ поляковъ, нѣмецкихъ всельниковъ или поселенцовъ, евреевъ и многочисленныхъ привилегированныхъ классовъ, пользовавшихся исключительнымъ правомъ монополій. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой языкъ, свои нравы и обычаи, свой судъ и расправу. Латинскій языкъ былъ господствовавшимъ въ богослуженіи, въ гражданскихъ и судебныхъ дѣлахъ, въ наукахъ и литературѣ, но совершенно чуждымъ для славянскаго народа въ славянскомъ государствѣ. При такихъ условіяхъ, Польша не могла имѣть и не имѣла крѣпкой внутренней силы и ей необходима была внѣшняя опора, которая поддерживала бы ее. Такого-то рода опору она, по смерти Казимира III Великаго (1333—1370), думала найти въ сосѣднемъ, могущественномъ, великомъ княжествѣ литовскомъ и русскомъ. Казиміръ III 37 лѣтъ царствовалъ мудро, счастливо и полезно, но какъ со смертью его долженъ былъ угаснуть королевскій домъ Пяста, то Казиміръ еще при жизни своей убѣдилъ магнатовъ предложить польскій престолъ племяннику своему, венгерскому королю Людовіку. Послѣдній, вмѣстѣ съ принятіемъ польскаго престола, подписалъ предложенныя ему магнатами *pacta conventa* или

условія, утверждавшія права могущественнаго высшаго дворянства Польши и ограничавшія королевскую власть въ ней. Но раздоры, найденные имъ во всѣхъ сословіяхъ ея, заставили его возвратиться въ Венгрію, къ которой онъ вмѣстѣ съ тѣмъ присоединилъ отъ Польши Галицію. Тогда магнаты объявили королевой младшую дочь его, 15-ти-лѣтнюю Ядвигу, и вмѣстѣ съ польскими епископами убѣдили ее вступить въ бракъ съ великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ Ягайломъ или Ягелломъ, съ условіемъ, чтобы онъ принялъ самъ и ввелъ въ Литву римскую вѣру (онъ исповѣдывалъ, подобно своимъ братьямъ, грекороссійскую вѣру). Это и совершилось въ 1386 г. въ Краковѣ: Ягелло принялъ римскую вѣру, обязался ввести ее въ Литвѣ, соединить послѣднюю съ Польшей и соблюдать польскіе законы, и затѣмъ вступилъ въ бракъ съ Ядвигой и короновался подъ именемъ Владислава II. Выше (§ 53) было сказано, какія были ближайшія послѣдствія этого насильственнаго соединенія Литвы съ Польшей, именно упорное сопротивленіе первой изъ нихъ и князей ея Витольда или Витовта, Свидригайла или Скиргайла и Витольдова брата, Сигизмунда, до воцаренія въ Польшѣ втораго сына Ягеллова, великаго князя литовскаго и русскаго Казимира IV (1445—1492), согласившагося принять польскій престолъ, но съ обязательствомъ, даннымъ литовскому народу, не признавать соединенія Литвы съ Польшей, оставить неприкосновенными церковныя и гражданскія права первой и возвратитъ ей Волинь и Подолію.

При такомъ ходѣ исторіи Польши, военное устройство ея, развивавшееся своеобразно при Владиславѣ I Локоткѣ (1305 — 33) и сынѣ его, Казимірѣ III Великомъ (1333 — 70) и значительно усовершенствованное ими,—въ періодѣ времени отъ смерти послѣдняго до Казимира IV Ягелла пришло въ большой безпорядокъ, вслѣдствіе постоянно возраставшихъ могущества и своеволія польскаго дворянства. Людовикъ (1370 — 82), равнодушный къ пользамъ Польши и помышлявшій только объ обезпеченіи престола ея для одной изъ своихъ дочерей, не имѣвшихъ права на него, хотѣлъ склонить къ тому дворянство и освободилъ его все безъ изъятія, на Кошицкомъ сеймѣ (1374), отъ податей, кромѣ 2 серебряныхъ грошей (около 30 к.) съ лана земли, даровавъ ему кромѣ того нѣкоторыя другія привилегіи. При немъ многія военныя учрежденія Венгріи перешли въ Польшу. По смерти же его въ 1382 г., въ Польшѣ 4 года до конца 1386 г. происходили жестокія междоусобія, смуты, междуусобія и перевороты, и сверхъ того внѣшнія войны, особенно съ Ягелломъ литовскимъ, вторгнувшимся въ восточную Польшу и разорившимъ ее (1384). Но и въ 48-лѣтнее правленіе послѣдняго,

подъ именемъ Владислава II (1386 — 1434), военное устройство пришло если и не въ худшее положеніе, то и далеко не въ лучшее. Усмиреніе внутреннихъ смуть въ Польшѣ, постоянныя усилія удержать Литву въ союзѣ съ нею, а польскій престолъ обезпечить потомству Владислава Ягелла, и непрерывная борьба съ тевтонскимъ орденомъ за Поморье или Пруссію — все это нмало не способствовало правильному развитію военнаго устройства. Но еще болѣе препятствовали и вредили тому непостоянство права Владислава Ягелла, его довѣрчивость къ любимцамъ, потворство дворянству и особенно непомѣрная расточительность, разорившая государственную казну до того, что часто нечѣмъ было уплачивать жалованье войску. Новыхъ крѣпостей не строили, старыхъ не поддерживали и не исправляли, дисциплина въ войскѣ пришла въ совершенный упадокъ, шайки разбойниковъ грабили и разоряли области, а война съ тевтонскимъ орденомъ, не смотря на числительное превосходство польскихъ войскъ и побѣду ихъ при Танненбергѣ (1410), большею частію не имѣла никакихъ важныхъ и полезныхъ для Польши результатовъ.

При сынѣ и преемникѣ Владислава II Ягелла, Владиславѣ III (1434—44), королѣ польскомъ и венгерскомъ, при которомъ впервые начались войны венгровъ съ турками и который самъ палъ въ битвѣ съ султаномъ Мурадомъ I подъ Варной (1444), ничего важнаго и полезнаго для военнаго устройства Польши сдѣлано не было. Только на сеймѣ въ Корчинѣ (1436) было постановлено счять врагомъ отечества всякаго, кто не государственными законами, а собственнымъ оружіемъ будетъ мстить за личную обиду. Но это постановленіе, имѣвшее нелучшій успѣхъ, чѣмъ подобныя же въ Германіи (*der Landfriede*) и во Франціи (*la paix générale*), свидѣтельствуешь только, что и Польша также страдала тѣмъ же и даже болѣшимъ еще, нежели западно-европейскія государства, внутреннимъ педугомъ — борьбою политическихъ партій и особенно знатныхъ и сильныхъ магнатовъ, при крайней слабости королевской власти..

Накопецъ братъ и преемникъ Владислава III, Казиміръ IV (1444 — 92), великій князь литовскій и русскій и король польскій, 6 лѣтъ по вступленіи на престолъ не утверждалъ привиллегій польскаго дворянства, единственно потому, что они домогались отъ него такой присяги, которая была противна данной уже имъ Литвѣ. Въ угожденіе послѣдней, онъ присоединилъ къ ней лужское княжество; но когда поляки и литовцы начали угрожать другъ другу войною, онъ утвердилъ наконецъ (1453) привиллегіи польскаго дворянства, тѣмъ болѣе, что смуты въ Пруссіи представляли удобный случай испол-

нить домогательство дворянства касательно возвращенія утраченныхъ польскихъ областей.

Такимъ образомъ со времени смерти Казимира III Великаго въ 1370 г. и до 1453 г. военное устройство или, лучше сказать, не-устройство Польши представляется въ самомъ жалкомъ видѣ, вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ, слабости королевской власти и, напротивъ, непомѣрно возраставшихъ: силы, притязаній, домогательствъ и своеволія польскаго дворянства. Это дошло наконецъ до того, что со времени Казимира IV въ Польшѣ вошло въ обычай королю на сеймахъ торговаться съ дворянствомъ о податяхъ и о средствахъ для веденія войны. И это въ то именно время, когда война, вслѣдствіе введенія огнестрѣльнаго оружія, сдѣлалась дороже, а содержаніе постоянныхъ войскъ необходимѣе. Какія мѣры были принимаемы съ этою цѣлію Казиміромъ IV и какой былъ успѣхъ ихъ, будетъ уже изложено въ своемъ мѣстѣ позже. Здѣсь же слѣдуетъ только привести нѣсколько свѣдѣній объ устройствѣ войскъ и состояніи военнаго дѣла въ Польшѣ съ половины XIV вѣка до половины XV.

Король не могъ производить никакихъ важныхъ военныхъ предприятий, безъ содѣйствія всего дворянства безъ изъятія (*wzystka'slachta*). Они, какъ и всѣ вообще землевладѣльцы, были обязаны, по призыву короля, идти въ поле и до границъ служить на собственномъ издѣивеніи, а за границей получать по 5 серебряныхъ гривень (5 талеровъ или около 6 р.) на человѣка. Въ случаѣ надобности въ сборѣ войска, король посылалъ повсемѣстно приказы (*wici, rozkazy*), обязывавшіе дворянство и всѣхъ служивыхъ людей собираться въ назначенныя время и мѣсто, въ полномъ вооруженіи и со всѣми нужными военными и продовольственными средствами и способами. вмѣстѣ съ тѣмъ король, если самъ не предводительствовалъ войскомъ, назначалъ верховнаго (короннаго) гетмана. Послѣдній имѣлъ довольно неограниченную власть и даже право на жизнь и смерть дворянъ. Такого рода ополченія, обыкновенно лишь съ одной части государства, доставляли однако значительныя военныя силы. Еще прежде, нежели Пруссія, Курляндія и Лифляндія были присоединены къ Польшѣ, она выставила до 150 т. войскъ противъ Тевтонскаго ордена. Въ случаѣ же особенной важности, все вообще дворянство могло быть призвано къ общему ополченію (*pospolite ruszenie*). Тогда всѣ землевладѣльцы были обязаны являться лично на коняхъ и въ вооруженіи на сборныя мѣста въ каждомъ воеводствѣ, откуда не болѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, имѣли быть ведены противъ непріятеля, иначе сами собою расходились по домамъ. Они, съ своими дружинами, со-

ставляли конницу и главную, лучшую часть войска. Города же составляли пѣхоту и обозъ.

Но при могуществѣ и своеволіи дворянства, пользовавшагося непомѣрными привилегіями, все это исполнялось очень неисправно и неудовлетворительно. Даже часто, до и во время призыва, дворянство предъявляло королю такія требованія, въ случаѣ неудовлетворенія которыхъ отказывалось идти противъ непріятеля.

Сверхъ дворянскихъ ополченій, въ Польшѣ по прежнему были также войска вербованныя и наемныя на жалованьѣ. А какъ, по причинѣ разстройства финансовъ, денегъ на жалованье часто не доставало, то слѣдствія были тѣ же, что и вездѣ въ западной Европѣ, и даже хуже.

Вообще военное устройство войскъ и самое военное дѣло въ Польшѣ въ это время имѣли почти тѣ же главныя черты, что и вездѣ въ западной Европѣ въ то же время: личную, поземельную, неудовлетворительную военную службу дворянства и землевладѣльцовъ, при участіи городовъ и сельскаго населенія, находившагося въ тяжкомъ подданствѣ дворянъ и землевладѣльцовъ, и успленіе такого рода временныхъ ополченій вербованными и наемными войсками, со всѣми недостатками и тѣхъ, и другихъ. И военное дѣло въ Польшѣ въ это время также представляетъ много сходства съ современнымъ состояніемъ его въ западной Европѣ, при участіи въ томъ, въ то же время, вліянія введенія огнестрѣльнаго, еще очень несовершеннаго оружія. Усовершенствованія по различнымъ частямъ военнаго устройства Польши и военнаго дѣла въ ней произошли лишь позже, въ концѣ XV вѣка и особенно въ XVI. Тогда они приобрѣли и бѣльшія значенія и важность въ отношеніи къ военной исторіи восточной Руси, между тѣмъ какъ въ этомъ періодѣ Польша находилась еще въ борьбѣ не съ нею, а съ западною Русью или великимъ княжествомъ литовскимъ и русскимъ, насильственно присоединеннымъ къ ней, но, вовсе еще не слившимся съ нею.

§ 57.

Монголо-татары.

Несравненно бѣльшія, нежели шведы, ливонскіе рыцари, Литва и Польша, важность и значеніе для восточной Руси имѣли въ этомъ періодѣ главные внѣшніе враги ея съ востока и юга—монголо-

татары *), еще господствовавшие надъ нею, но уже гораздо слабѣе, нежели въ первомъ вѣкѣ ихъ владычества.

Извѣстно, что завоеванія Чингизъ-хана и первыхъ потомковъ его распались на четыре, независимыя одно отъ другаго ханства. Китай, Манчжурія, Корея, часть Индіи и собственная Монголія составили восточное ханство. Восточная часть киргизской орды новѣйшихъ временъ, земли отъ верховьевъ Иртыша и Оби до хребта Тянь-шань и далѣе къ югу до Гималайскаго хребта, съ долиною, въ которой лежатъ Кашгаръ, Яркендъ, Хотанъ и др., равно хивинское и бухарское ханства и область Ферганъ (Коканъ), до Гиндукуша, образовали джагатайское ханство. Нынѣшніе Хорасанъ, Афганистанъ и Персія или вообще страны отъ р. Инда и Гиндукуша до кавказскихъ горъ и Евфрата составили третье ханство наслѣдниковъ Гулагъ-хана. Наконецъ западная часть киргизской орды новѣйшихъ временъ, до Каспійскаго и Аральскаго морей и низовьевъ р. Сыръ-Дарыя, а также большая, восточная часть нынѣшней европейской Россіи до кавказскихъ горъ, Азовскаго и Чернаго морей и до нижняго Дуная—образовали четвертое ханство—Кипчакъ или Большую, Золотую орду. Ханства эти управлялись ханами изъ потомковъ Чингизъ-хана, но права наслѣдства не были точно опредѣлены, выборы зависѣли отъ курилта или собранія знатнѣйшихъ сановниковъ и вельможъ, что давало поводъ къ проишкамъ, подкупамъ, насиліямъ, давало сплу вельможамъ и ослабляло власть хановъ. Притомъ границы между главными ханствами не были точно опредѣлены, что давало поводъ къ ссорамъ за нихъ и междуусобіямъ, во время которыхъ многіе изъ потомковъ Чингизъ-хана отказывали главнымъ ханамъ въ повиновеніи, становились независимыми отъ нихъ и, въ свою очередь, ссорились и воевали между собою. Словомъ—обширное царство Чингизъ-хана распалось, раздробилось и болѣе и болѣе слабѣло и клонилось къ упадку отъ постепенно возрастающихъ жестокихъ внутреннихъ междуусобій.

Китай первый свергнулъ его монголовъ въ 1367 г., изгнавъ въ Монголію послѣдняго потомка Чингизъ-хана, Тоганъ-Тимура. Мѣсто его заступила династія Минъ, которая вела счастливую войну съ монголами въ самой Монголіи до 1398 г. Но съ этого года до 1403 въ самомъ Китаѣ возникли междуусобія, которыми монголы не могли воспользоваться, потому что и въ самой Монголіи произошли такія же и ханскій престолъ оспаривался многочисленными искателями его и переходилъ отъ одного къ другому.

*) О названіяхъ монголы и татары см. ниже замѣчаніе о нихъ.

Въ ханствахъ: джатайскомъ и наслѣдниковъ Гулагъ-хана было тоже самое—междуусобіа многихъ независимыхъ ханствъ, на которыя раздробились главные.

Кипчакъ или Золотая орда, основанная Батыемъ, обнимала всѣ бывшія половецкія земли отъ нижняго Дуная до Урала и отъ береговъ Чернаго и Каспійскаго морей до р. Ворсклы, верховьевъ р. Хопра и впаденія р. Камы въ Волгу. Главныя силы этой орды сосредоточились въ нын. астраханскихъ и саратовскихъ степяхъ на лѣвой сторонѣ Волги. Здѣсь, на берегахъ р. Ахтубы, въ 60 верстахъ отъ устьевъ Волги, Батый построилъ для своего пребыванія Сарай или Сарай—въ родѣ деревяннаго города Аттилы нѣкогда на Дунаѣ при устьѣ р. Тейсы. Отсюда онъ съ 1243 г. и послѣ него преемники его господствовали надъ восточною Русью, именемъ великаго или главнаго хана въ Монголіи, въ Каракорумѣ, между р.р. Орхономъ и Тамиромъ. Но эта зависимость была ничтожная, только по имени, и продолжалась недолго. Золотая орда стала совершенно независимою и самостоятельною, и ханы въ ней до конца XIV вѣка были изъ рода Джучи, старшаго сына Чингизъ-хана. Первымъ былъ Батый, старшій сынъ Джучи, утвердившій владычество монголовъ надъ восточною Русью (1243); 2-мъ—второй братъ его Беркай, при которомъ весь народъ ея былъ обложенъ поголовною данью (1256); 3-мъ—третій братъ Менгъ-Темиръ, положившій первое начало введенію въ ордѣ магометанской религіи; 4-мъ—второй сынъ Батия, Тудъ-Мангъ, управлявшій Сараемъ и восточною частью Золотой орды, между тѣмъ какъ западною частью ея между Дономъ и Днѣстромъ, управлялъ 4-й, младшій братъ Батия, Ногай (до 1291 г.). Послѣдній разбилъ и убилъ Тудъ-Мангъ и завладѣлъ всею Золотою ордой, но черезъ три года былъ изгнанъ сыномъ Менгъ-Темира, Тохтою или Тохтагъ. Преемникомъ послѣдняго былъ сынъ его, знаменитый Узбекъ, родоначальникъ узбековъ и покровитель московскихъ князей. Потомство же Ногай утвердилось въ Тавридѣ, гдѣ въ послѣдствіи образовалось отдѣльное ханство крымское.

Золотая орда, болѣе вѣка кочевавшая въ степяхъ нижней Волги, сохранила прежніе нравы и обычаи кочеваго, полудикаго народа, живя данью покоренныхъ народовъ и ставъ ненасытно корыстолюбивою. Хотя она и не имѣла уже прежняго, пылкаго, воинственнаго духа, однако не измѣнила прежняго военнаго искусства Чингизъ-хана и все еще была сильна и грозна для покоренныхъ и сосѣднихъ народовъ и государствъ, особенно для восточной Руси. Но внутренніе раздоры и междуусобія, начавшіеся въ ней еще при первыхъ преемникахъ Батия во 2-й половинѣ XIII вѣка, съ ходомъ времени все усиливались и ослабляли ее, такъ что въ половинѣ и особенно

въ концѣ XIV вѣка великіе князья московскіе уже стали помышлять объ освобожденіи восточной Руси отъ монгольскаго ига. Особенно рѣшительно дѣйствовалъ съ этою цѣлію внукъ Іоанна I Калиты, Димитрій Іоанновичъ, въ то самое время, когда въ Золотой ордѣ, послѣ жестокихъ междуусобій, всѣхъ соперниковъ своихъ одолѣлъ и сталъ властвовать именемъ хана Маматъ-Салтана, полководецъ Мамай (1370). Восемь лѣтъ спустя, въ 1378 г. Димитрій уже впервые разбилъ на берегахъ р. Вожа, въ рязанской области, отрядъ монголовъ, посланный Мамаемъ для разоренія московскаго княжества. Раздраженный этимъ, Мамай поднялъ противъ восточной Руси всю орду, въ союзѣ съ великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ Ягелломъ, который долженъ былъ напасть на нее съ запада. Но наголову разбитый въ 1380 г. въ знаменитой Куликовской битвѣ, Мамай бѣжалъ въ орду съ остатками своего войска, а когда они были разсѣяны близъ нынѣшняго Мариуполя Тохтамышемъ—въ Кафу, въ Тавридѣ, гдѣ былъ убитъ генуэзцами.

Тохтамышъ, сподвижникъ знаменитаго Тамерлана и соперникъ Мамаея, воцарясь въ Сараѣ, захотѣлъ заявить свое господство надъ восточною Русью и въ 1382 г. вторгнулся въ предѣлы ея, дошелъ до Москвы, разрушилъ ее и грозилъ разорить всю Русь, если Димитрій Донской не покорится ему. Вынужденный сплосу обстоятельствъ, Димитрій снова сталъ данникомъ Золотой орды.

Послѣ того Тохтамышъ захотѣлъ быть независимымъ отъ самаго Тамерлана, покорившаго Китай, Индію, Персію, Сирію и Малую Азію, и вступилъ въ войну съ нимъ. Разбитый имъ въ астраханскихъ степяхъ, онъ собралъ всѣ свои силы, напалъ на него близъ нын. Екатеринограда, между р. р. Терекомъ и Кумою, но былъ вторично разбитъ. Тамерланъ, преслѣдуя его, въ 1395 г. перешелъ на правую сторону Волги, двинулся къ южнымъ предѣламъ Руси, взялъ Елецъ и уже дошелъ до верховьевъ Дона, какъ вдругъ—26 августа обратился назадъ въ Золотую орду, разрушилъ Сарай, разорилъ весь Кипчакъ и удалился за Уралъ. По удаленіи его, Тохтамышъ хотѣлъ возстановить Золотую орду, но былъ изгнанъ однимъ изъ потомковъ Батыя, Тимуръ-Кутлукомъ, который въ свою очередь былъ вытѣсненъ другими властолюбцами, еще болѣе ослабившими Золотую орду своими междуусобіями. Пользуясь этимъ, сынъ Димитрія Василій I нѣсколько лѣтъ не платилъ ордѣ дани и самъ не ѣздилъ и бояръ своихъ не посылалъ въ Сарай, остерегаясь однако явно возставать противъ орды. Тогда полководецъ ея Эдигей въ 1408 г. вторгнулся въ восточную Русь и осадилъ Москву, но, не могши овладѣть ею и только взявъ съ нея богатый окупъ, воротился въ орду, грозя новымъ вторженіемъ, если Василій не смирится.

Послѣдній покорился необходимости и даже поѣхалъ въ Сарай. Но вслѣдъ затѣмъ въ ордѣ возникли новыя, еще болѣе жестокія междоусобія. Около 1440 года ханъ сарайскій Улу-Махметъ, будучи изгнанъ изъ Сарая, занялъ Бѣлевъ, но, вытѣсненный изъ него войсками Василия II, удалился въ бывшую камско-волжскую Болгарію, возобновилъ въ ней разрушенный городъ Казань, основалъ отдѣльное, независимое ханство казанское и объявилъ Василию II войну. Василий выступилъ противъ него, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ (1443), однако вскорѣ освобожденъ за богатый выкупъ.

Такимъ образомъ, къ половинѣ XV вѣка обширное царство, основанное Батыемъ, распалось на три большія, независимыя одна отъ другой орды: большую или Золотую въ Кипчакѣ и Сарай, крымскую въ Тавридѣ и казанскую въ Казани и камско-волжской Болгаріи. Изъ нихъ первая еще признавала за собою право господства надъ восточною Русью. Въ такомъ видѣ засталъ ихъ сынъ Василия II, Іоаннъ III, при вступленіи своемъ на престолъ (1462).

Въ 200 лѣтъ времени съ половины XIII вѣка до половины XV-го, монголо-татары *) сохранили болѣе или менѣе то военное устройство и то военное дѣло, которыя были установлены еще Чингизъ-ханомъ и изложены въ собраніи законовъ его, подъ названіемъ Яса, бывшемъ у монголовъ въ такомъ же уваженіи, какъ Коранъ у магометанъ. Такъ какъ подробности объ этомъ предметѣ уже были изложены выше въ главѣ III § 27, то здѣсь излишнимъ было бы повторять ихъ, но необходимо вкратцѣ изложить военныя учрежденія и постановленія другаго, позднѣйшаго и столь же замѣчательнаго и знаменитаго, сколько и Чингизъ-ханъ, завоевателя Средней Азіи — Тимуръ-бека или Тимуръ-ленга, прозваннаго въ Европѣ Тамерланомъ. Хотя наибольшая часть завоеваній его была совершена въ Азіи, но походы его: въ 1391 г. въ Золотую орду противъ Тохтамыша и въ 1395 году въ восточную Русь до верховьевъ Дона, по близкой связи своей съ военною исторіею послѣдней, заставляютъ признать нужнымъ, для поясненія ихъ, краткое изложеніе здѣсь, какъ сказано, военныхъ учреж-

*) Такъ какъ Чингизъ-ханъ и его преемники были монголы, то до конца XIV вѣка, когда родъ Чингизъ-хана угасъ и царство его распалось, завоевателей восточной Руси вѣрнѣе называть монголами, съ начала же XV вѣка — татарами, потому что уже полчища Чингизъ-хана и его преемниковъ состояли преимущественно изъ татарскихъ племенъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ они называются татарами съ самаго начала покоренія ими восточной Руси.

деній и постановленій Тамерлана, тѣмъ болѣе, что они весьма замѣчательны во многихъ отношеніяхъ.

Тамерланъ родился въ 1333 году въ окрестностяхъ города Кеша или Карши, къ ю. в. отъ Бухары, гдѣ отецъ его владѣлъ удѣломъ или участкомъ земли. Генеалогіи Тамерлана, во времена его славы, производили происхожденіе его по женской линіи отъ Чингизъ-хана. Положивъ соединить обширное царство послѣдняго, раздробленное между потомками его, Тамерланъ велъ съ ними постоянныя и счастливыя войны и успѣлъ основать въ Азіи новое, обширное царство монгольское, простиравшееся отъ стѣнъ Китая до Босфора и Дарданеллъ и отъ южныхъ предѣловъ Сибири до Персидскаго залива и р. Ганга. Такъ какъ въ это время монголы болѣею частію уже приняли магометанскую религію и раздѣлились на секты, то двигателемъ своей военной системы Тамерланъ сдѣлалъ, сверхъ алчности къ добычѣ и власти, какъ дотолѣ, магометанскій фанатизмъ и ненависть къ иновѣрцамъ, которыми успѣлъ воспламенить свои войска и тѣмъ велъ ихъ отъ одного завоеванія къ другому, предавая все, по его собственному выраженію, «вѣтру истребленія». Онъ также, какъ Чингизъ-ханъ, составилъ свои военные законы и правила, которыя, можетъ статья, были только частными измѣненіями и усовершенствованіями, сообразно съ временемъ и иными обстоятельствами и отношеніями, Чингизъ-ханова Ясá или уложенія. Въ сравненіи съ послѣднимъ, въ нихъ сохранилось болѣе подробностей касательно состава, устройства, вооруженія, строя и образа дѣйствій монгольскихъ войскъ. Болѣе замѣчательными изъ нихъ были слѣдующія:

Главную силу монгольскаго войска при Тамерланѣ составляла по прежнему конница, но въ постановленіяхъ его упоминается и пѣхота. Та и другая раздѣлялись на простыхъ и отборныхъ воиновъ, а конница, кромѣ того, на легкую и тяжелую. Сверхъ того, въ войскѣ были мостовщики (понтонеры) для построенія мостовъ, метатели греческаго огня или зажигательныхъ составовъ и снарядовъ, и разнаго рода мастеровые и рабочіе для построенія осадныхъ метательныхъ и стѣнобитныхъ орудій и машинъ и для дѣйствіями. Въ числѣ оружія и разныхъ вещей, которыя воины были обязаны имѣть при себѣ, сверхъ предписанныхъ Чингизъ-ханомъ, упоминаются еще палицы или дубины, топоры, сѣкиры, веревки и мѣшки. Сверхъ того, каждые 18 простыхъ и 5 отборныхъ воиновъ должны были имѣть юрту или кибитку. Часть тяжелой конницы имѣла лошадей, покрытыхъ тигровыми шкурами. Десятники должны были имѣть 1 кибитку и 5 лошадей, сотники 1 кибитку и 10 лошадей и т. д., а эмиръ, начальствовавшій 12 тысячами чел. конницы — не менѣе

300 лошадей и большое число запаснаго оружія. Пѣхота въ дальнихъ походахъ снабжалась лошадьми и была вооружена какъ легкая конница.

Власть начальниковъ войскъ была опредѣлена закономъ. Войска получали жалованье, которое опредѣлялось цѣною лошади каждаго воина и выдавалось частью деньгами, частью произведеніями земли. Содержаніе это назначалось изъ участковъ покоренныхъ земель, раздѣленныхъ на военные округа, и съ доходовъ областей и городовъ. Отборный воинъ получалъ жалованья отъ 2 до 4 цѣнъ его лошади, десятникъ—сколько 10 воиновъ, сотникъ—сколько 2 десятника, тысячникъ—сколько 3 сотника, десятидесячникъ, или темникъ, называемый эмиромъ (ихъ было 12 степеней)—смотря по его достоинству, отъ 1,000 до 10,000 лошадиныхъ цѣнъ; юртжи—отъ 100 до 1,000 и пр. Награды за военные отличія состояли въ похвалѣ, прибавкѣ жалованья, повышеніи въ чинъ, почетномъ званіи, на примѣръ багадура или батыря (храбраго) и пр.

Десятники выбирались изъ отборныхъ воиновъ, по согласію 9 его товарищей, но въ прочіе чины производили по назначенію высшаго начальства. Каждый начальникъ имѣлъ своего товарища или помощника, который, въ случаѣ надобности, долженъ былъ исправлять его должность. Начальники имѣли право изгонять подчиненныхъ изъ службы за нарушеніе порядка.

Въ войскахъ Тамерлана замѣтны начала правильнаго (регулярнаго) однообразнаго устройства: полки различались по цвѣтамъ знаменъ и вооруженія, красному, желтому, бѣлому и пр. и кромѣ того по вооруженію, одни—латами, другіе—кольчугами, третьи—палицами и пр.

Для дѣйствій въ бою Тамерланъ установилъ особые боевые порядки. Отрядъ, не превышавшій 12 т. чел. конницы, раздѣлялся для боя на 9 частей, изъ которыхъ 2 составляли авангардъ и передовые посты,—по 3 части, поставленные въ 2 линіи, отдѣлялись на правое и лѣвое крыла, а 1 часть, вѣроятно составлявшая не менѣе $\frac{1}{4}$ всего отряда—въ резервъ. Большой отрядъ, не превышавшій 40 т. чел. конницы, дѣлился на многія части и распредѣлялся подобнымъ же образомъ, но правое и лѣвое крыла ставились въ 4 линіи, а резервъ въ 3. Для арміи же, превышавшей 40 т. чел. конницы, прибавлялись еще другія линіи *).

*) По мнѣнію бывшаго казанскаго профессора Эрдманна, переднія линіи праваго и лѣваго крыла составляли части авангарда, но только поставленные уступами (эшелонами) на правомъ и лѣвомъ флангахъ его. Должно полагать, что авангардъ и переднія линіи состояли изъ легкой конницы, завязывавшей и начинавшей бой.

Бой завязывали и начинали передовые посты и авангардъ, составленные изъ легкой конницы, которая, бросаясь на непріятеля съ крикомъ и метаніемъ стрѣлъ и дротиковъ, старалась разстроить его. Когда нужно было поддержать авангардъ, постепенно вводились въ дѣло части войскъ изъ заднихъ линій, т. е. изъ крылъ, сначала изъ середины, потомъ съ фланговъ, а когда и этихъ было недостаточно, то вводился и резервъ, составленный изъ отборныхъ воиновъ и тяжелой конницы, который и довершалъ побѣду.

При расположеніи станонъ вблизи непріятеля, войска всегда оканчивались валомъ и рвомъ, которые прикрывали еще тыномъ и щитами. Для предохраненія себя отъ внезапныхъ нападеній, они имѣли впереди каждаго фаса стана, на разстояніи $\frac{1}{2}$ фарсанга (около 4 версты), авангарды и выставленные отъ нихъ караулы и часовыхъ, которые были въ непрерывномъ сообщеніи между собою и доносили о всемъ замѣченномъ ими у непріятеля. Въ самыхъ станахъ была особенная полиція для соблюденія порядка.

Для завоеванія государствъ Тамерланъ составилъ и завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ особенныя военно-политическія правила. На основаніи ихъ, не слѣдовало дѣйствовать силою оружія, когда и гдѣ можно было достигнуть цѣли политикой. Заблаговременно до начатія войны должно было изучить способы края, узнать пути, удобные для наступленія и отступленія, изыскать средства для дѣйствія на нравственную силу войскъ. Когда чужое государство раздиралось внутренними раздорами, враждебными одна другой сектами или было добычей деспотизма и насплія, слѣдовало принимать сторону которой-нибудь изъ сектъ или партій, являться защитниками слабыхъ и угнетенныхъ, покровителями духовныхъ лицъ, ученыхъ и т. п., и тѣмъ облегчать средства къ завоеванію страны.

Для пріобрѣтенія свѣдѣній о состояніи государствъ, на которыя Тамерланъ имѣлъ виды, онъ отправлялъ въ нихъ посольства или торговые караваны, либо посылалъ на верблюдахъ и лошадяхъ легкіе отряды, которые, вторгаясь внутрь страны, захватывали путешественниковъ и жителей и отбирали отъ нихъ нужныя свѣдѣнія.

Для возбужденія духа и мужества въ войскахъ, при арміяхъ Тамерлана состояли духовныя лица и предсказатели успѣховъ оружія.

Этотъ краткій очеркъ военныхъ учрежденій Тамерлана свидѣтельствуешь: во 1-хъ, что они во многомъ и особенно по духу были весьма сходны съ военными учрежденіями Чингизъ-хана и отличались отъ нихъ только тѣмъ, что были искусно примѣнены къ времени, обстоятельствамъ и исповѣданію монголами магометанской религіи; во 2-хъ, что подобно военнымъ учрежденіямъ Чингизъ-

хана, и они также изобличаютъ въ Тамерланѣ столь же необыкновеннаго, великаго человѣка, правителя и полководца, одержавшаго такіе же военные успѣхи и совершившаго такіа же обширныя завоеванія превосходствомъ не однѣхъ только числительныхъ и матеріальныхъ силъ, но и преимущественно нравственныхъ—ума и воли, искусства и счастья—того счастья, которое всѣ великіе полководцы умѣли подчинять себѣ и употреблять въ свою пользу,—и наконецъ въ 3-хъ, что правильно-устроенныя, отлично дисциплинированныя, сильно одушевленныя и превосходно управляемыя такимъ полководцемъ, какъ Тамерланъ, арміи его, составленныя изъ средне-азіятскихъ кочевыхъ народовъ, значительно превосходили жалкіи передъ ними, феодально-рыцарскія, вербованныя и наемныя ополченія западной Европы и въ томъ числѣ Польши, равно и западной и восточной Руси, изъ которыхъ послѣдняя дѣйствительно только чудомъ спаслась отъ нашествія грознаго завоевателя Азіи.

ГЛАВА VIII.

ВОЙНЫ ВОСТОЧНОЙ РУСИ.

съ 1328 г. до 1462 г.

I. Войны Дмитрія Донскаго (1362—1389).—§ 58. Война съ князьями; Михайломъ тверскимъ и Ольгердомъ литовскимъ (1368—1375).—§ 59. Война съ Ордою и князьями: Олегомъ рязанскимъ и Ягайломъ литовскимъ (1376—1382).—Куликовская битва (8-го сентября 1380 г.).—II. Войны Василия I и Василия II (1389—1462).—§ 60. Войны Василия I (1389—1425).
§ 61. Войны Василия II (1425—1462.)

I.

Войны Дмитрія Донскаго.

(1362—1389).

§ 58.

Война съ княземъ Михайломъ тверскимъ и Ольгердомъ литовскимъ (1368—1375).

По смерти Іоанна II (1362), 11-ти-лѣтній сынъ его Дмитрій, получивъ изъ Орды грамоту на великое княжество московское, встрѣтилъ—было соперника въ князѣ Дмитріѣ Константиновичѣ суздальскомъ, правнукѣ Андрея Ярославича, брата Александра Невскаго. Но Дмитрій суздальскій, уstraшенный движеніемъ противъ него московскихъ полковъ, смирился, призналъ Дмитрія великимъ княземъ (1365) и выдалъ за него дочь свою Евдокію (1366).

Димитрій Іоанновичъ, руководимый совѣтами московскаго митрополита Алексія и московскихъ бояръ, именуя себя, по примѣру дѣда и дяди своихъ, великимъ княземъ всея Руси и пользуясь значительнымъ уже увеличеніемъ московской области и ея военныхъ силъ, положилъ окончательно рѣшить вопросъ о правѣ потомства Іоанна Калиты на великокняжескій престолъ и съ этою цѣлію властвовать надъ удѣльными князьями. Онъ вмѣшивался въ ихъ распри, спльно тѣснилъ непокорныхъ, отнималъ и раздавалъ удѣлы ихъ. Князья ростовскіе, стародубскіе, нижегородскіе, галичскіе (Галича сѣверпаго) и многіе другіе, одинъ за другимъ, признали его своимъ главою, одни—безпрекословно, другіе — послѣ слабаго сопротивленія. Но Тверь, Рязань и Новгородъ не хотѣли покориться ему, желая быть независимыми. Самымъ упорнымъ и дѣятельнымъ противникомъ Димитрія былъ тверской князь Михаилъ Александровичъ, отецъ котораго былъ умерщвленъ въ Ордѣ по навітамъ Іоанна Калиты. Побуждаемый родовою местию и по праву старѣйшинства считая себя законнымъ великимъ княземъ восточной Руси, Михаилъ не хотѣлъ терпѣть въ своемъ княжествѣ самовластія Димитрія и поѣхалъ въ Литву просить помощи у зятя своего, Ольгерда, великаго князя литовскаго и русскаго, женатаго на княжнѣ Іуліаніи Александровнѣ тверской (1367). Воротясь съ литовскими войсками, Михаилъ съ ними и своими тверскими двинулся къ Кашину, удѣльному городу дяди своего, Василія Михайловича. Но на пути туда онъ встрѣтилъ пословъ Василія и примирился съ нимъ и съ Димитріемъ московскимъ. Въ 1368 г. послѣдній пригласилъ Михаила въ Москву на третейскій судъ, послѣ котораго Михаилъ былъ подвергнутъ заключенію, но вскорѣ освобожденъ, будучи принужденъ отказаться отъ Городка. Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы заклятымъ врагомъ Димитрія и вторично отправился въ Литву просить помощи Ольгерда. Послѣдній рѣшился исполнить просьбу его, тѣмъ болѣе, что еще съ 1363 г. встрѣчаются извѣстія о враждебныхъ столкновенияхъ Литвы съ Москвою.

Лѣтописецъ повѣствуетъ, что у Ольгерда былъ обычай тщательно скрывать и отъ своихъ, и отъ чужихъ, для чего онъ собиралъ войско и куда замышлялъ походъ, и что этою скрытностью онъ и завоевалъ много городовъ и земель. Такъ и на этотъ разъ Димитрій узналъ о замыслахъ Ольгерда тогда только, когда послѣдній уже былъ на московской границѣ, съ братомъ своимъ Кейстутомъ, сыномъ Витольдомъ или Витовтомъ, другими сыновьями своими и литовскими князьями, Михаиломъ тверскимъ, Святославомъ смоленскимъ и войсками литовскими и смоленскими. Димитрій немедленно разослалъ по всѣмъ городамъ грамоты о сборѣ войскъ,

а пока они могли собраться, выслалъ на границу только сторожевой полкъ изъ московскихъ, коломенскихъ и дмитровскихъ ратниковъ, подъ предводительствомъ своего воеводы Дмитрія Минина и воеводы двоюроднаго брата своего, Владиміра Андреевича—Іакима Шубы. Между тѣмъ Ольгердъ уже опустошалъ пограничныя земли огнемъ и мечомъ, убилъ двухъ встрѣченныхъ имъ русскихъ князей стародубскаго и оболенскаго, а 21-го ноября разбилъ на р. Троснѣ московскій сторожевой полкъ такъ, что князя, воеводы и бояре все погибли. Узнавъ здѣсь, что Дмитрій еще не успѣлъ собрать войска и заперся въ Москвѣ, Ольгердъ быстро двинулся къ ней. Дмитрій, сжегши посады или пригороды ея, самъ съ Владиміромъ Андреевичемъ, боярами и всеми жителями заперся въ новомъ каменномъ Кремлѣ. Три дня стоялъ передъ нимъ Ольгердъ и не могъ взять его, но жестоко разорилъ окрестности, взял множество плѣнныхъ, отогналъ весь скотъ и ушелъ назадъ. Впервые съ начала княженія Іоанна Калиты (1328) московское княжество испытало такое страшное нашествіе непріятеля—изъ-за личной мести Михаила тверскаго! Онъ былъ отомщенъ и Дмитрій былъ принужденъ возвратить ему Городокъ.

Ольгердъ не могъ оставаться передъ Москвою долѣе трехъ дней потому, что ливонскіе рыцари, въ 1362 г. взявшіе Ковно, не давали покоя литовскимъ границамъ. Пока онъ воевалъ съ ними, войска Дмитрія, вмѣстѣ съ волоцкими (города Волока-Ламскаго), въ 1370 году воевали въ смоленской области, вѣроятно въ отмщеніе князю ея за союзъ съ Ольгердомъ. Потомъ Дмитрій посылалъ рать къ Брянску литовскому, а въ августъ того же 1370 года объявлялъ войну Михаилу тверскому—и, по обычаю, послѣдній снова отправился въ Литву, а московскія войска опустошили тверскую область. Вскорѣ и самъ Дмитрій вступилъ въ нее съ большою ратью, взялъ и сжегъ Зубцовъ, Микулинь, все волости и села, и воротился съ множествомъ плѣнныхъ, добычи и скота.

Ольгердъ, склонясь на мольбы Михаила, въ Рождественскій постъ 1370 года снова двинулся къ Москвѣ съ Кейстутомъ, Михаиломъ, Святославомъ смоленскимъ и сильнымъ войскомъ. Онъ двинулся въ походъ изъ Литвы въ началѣ зимы, когда рѣки, озера и болота только-что замерзли отъ первыхъ морозовъ—для того, чтобы избѣжать переправъ черезъ нихъ. А чтобы идти скорѣе, онъ посылалъ впередъ нѣсколько тысячъ сельскихъ жителей расчищать пути для войска. Обычная скрытность и быстрота его движенія имѣли цѣлю снова застигнуть Дмитрія врасплохъ. Въ психодъ ноября онъ подступилъ къ Волоку-Ламскому, огражденному деревянными стѣнами и мужественно обороняемому княземъ березуйскимъ. Про-

стоявъ передъ нимъ три дня и не могли взять его, а только сжегши посады его и разоривъ окрестности, онъ, въ нетерпѣніи, чтобы не терять времени, двинулся далѣе къ Москвѣ и 6-го декабря подступилъ къ ней. Дмитрій, не успѣвшій еще собрать войскъ, снова заперся въ Кремль; но Владиміръ Андреевичъ стоялъ въ Перемышлѣ, собирая полки, и къ нему присоединились князь пронскій съ своими войсками, войска Олега рязанскаго и собравшіеся суздальскія и другія. Ольгердъ обложилъ Кремль, но 8 дней не отваживался взять его приступомъ и только выжегъ посады и разорилъ окрестности. А затѣмъ, опасаясь быть окруженнымъ московскими войсками, собиравшимися въ Перемышлѣ, видя внезапно наступившую, необыкновенную въ это время года оттепель и озабоченный враждебными замыслами ливонскихъ рыцарей, онъ предложилъ Дмитрію миръ. Но Дмитрій согласился только на перемиріе до Петрова дня слѣдующаго 1371 г., и Ольгердъ пошелъ обратно въ Литву, съ величайшею осторожностью, опасаясь преслѣдованія или внезапнаго нападенія.

Покинутый имъ Михаилъ въ 1371 г. обратился къ хану, но исканія его остались безуспѣшными: Дмитрій былъ снова утвержденъ великимъ княземъ и снова открылъ войну съ Михаиломъ и разорилъ волости его. Но отъ войны съ нимъ отвлекла его другая война съ Олегомъ рязанскимъ. Послѣдній еще при отцѣ Дмитрія сильно противудѣйствовалъ стремленію московскихъ великихъ князей къ единовластію и упорно стоялъ за свою независимость. Онъ былъ тайнымъ врагомъ и Дмитрія, съ самаго вступленія его на московскій престолъ, и доброе согласіе между ними, часто нарушаемое, было нарушено и въ концѣ 1371 г. Въ декабрѣ этого года Дмитрій послалъ противъ Олега сильную рать подъ предводительствомъ своего воеводы, Дмитрія Михайловича Боброка волынскаго. Олегъ выступилъ на встрѣчу ей также съ большимъ войскомъ, но въ кровопролитной битвѣ у Скорнищева, въ рязанской области, былъ разбитъ съ огромнымъ урономъ и едва спасся бѣгствомъ съ небольшою дружиной. Князь Владиміръ пронскій, союзникъ Дмитрія, тотчасъ занялъ Рязань, но былъ изгнанъ изъ нея Олегомъ. А Дмитрій, озабоченный враждебными дѣйствіями Михаила, на время примирился съ Олегомъ.

Михаилъ, не имѣвъ успѣха въ Ордѣ у Мамаю, въ 1372 году снова обратился за помощью къ Ольгерду, заключилъ съ нимъ союзъ и, въ надеждѣ на него, весною послалъ племянника своего, Дмитрія, съ войскомъ къ городу Кистмѣ (рѣчка Кесма впадаетъ въ р. Мологу, верстъ около 10 ниже Весьегонска, въ Тверской губерніи). Воеводы этого города были взяты въ плѣнъ и отвезены въ

Тверь. Не удовольствовавшись этимъ, Михаилъ самъ двинулся къ Дмитрову, взялъ съ него окупъ, сжегъ посады, волости и села его, а бояръ и жителей взялъ въ плѣнъ.

Между тѣмъ Ольгердъ весною же послалъ въ московскіе предѣлы брата своего, Кейстута, съ войсками. Михаилъ тайно подвел Кейстута къ Переяславлю, который и былъ обложенъ 6-го апрѣля. Не могли взять его, Кейстутъ поступилъ съ нимъ и потомъ съ Кашиномъ точно такъ же, какъ Михаилъ съ Дмитровымъ. Отъ Кашина союзники пошли къ Торжку, взяли его и Михаилъ назначилъ въ него своихъ намѣстниковъ. Но въ маѣ въ Торжокъ явились новгородцы, заключившіе союзъ съ Дмитріемъ, изгнали Михайловыхъ намѣстниковъ, ограбили тверскихъ купцовъ и жителей, укрѣпили городъ и стали ждать Михаила. Онъ подступилъ 31 мая и потребовалъ выдачи тѣхъ, которые ограбили тверитянъ, и принятія его намѣстниковъ. Новгородцы не согласились на это и вышли изъ города на бой, но были разбиты на-голову и частью бѣжали по дорогѣ въ Новгородъ, частью заперлись во внутренней крѣпости Торжка. Тверитяне зажгли посадъ, сильный вѣтеръ погналъ огонь на городъ и онъ весь сгорѣлъ, а жители его частью погибли въ огнѣ или въ рѣкѣ, частью были ограблены и убиты.

Между тѣмъ Дмитрій собиралъ войска, а Ольгердъ, чтобы предупредить мщеніе его за нашествіе Кейстута (удалившагося послѣ взятія Кашина), въ третій разъ двинулся скрытно и быстро въ московскіе предѣлы съ многочисленнымъ войскомъ. 12-го іюня у Любутска (близъ Калуги) онъ соединился съ Михаиломъ, прибывшимъ отъ Торжка, и снова надѣялся застигнуть Дмитрія врасплохъ, но обманулся. На этотъ разъ Дмитрій двинулся на встрѣчу ему съ сильнымъ войскомъ и у Любутска разбилъ сторожевой полкъ его. Ольгердъ и все войско его пришли въ большую тревогу и укрылись за глубокимъ и крутымъ оврагомъ. Раздѣленные имъ, долго оба войска стояли одно противъ другаго, не отваживаясь первыми перейти черезъ оврагъ и не успѣвъ обмануть для того одно другое. Между тѣмъ обѣ стороны желали мира—и онъ былъ заключенъ, хотя и на короткій срокъ—до Дмитріева дня (26 октября). Ольгердъ поручился, что Михаилъ возвратитъ все награбленное въ московскихъ предѣлахъ и выведетъ изъ нихъ намѣстниковъ своихъ, еслиже сталъ бы во время перемирія грабить московскія волости, то литовскіе князья не вступятся за него. Дмитрій же предоставилъ себѣ право судиться съ Михаиломъ у хана въ Ордѣ.

Но раздоры между князьями тверскимъ и кашинскимъ не допустили до продолжительнаго мира между Михаиломъ и Дмит-

ріемъ. Первый, надѣясь на помощь Орды и Литвы, въ 1375 году объявилъ Дмитрію войну и послалъ намѣстниковъ своихъ въ Торжокъ и сильную рать къ Угличу. Но помощь не приходила къ Михаилу ни изъ Орды, ни изъ Литвы, а между тѣмъ Дмитрій успѣлъ собрать сильное войско и двинулся къ Волоку-Ламскому. Здѣсь къ нему присоединились 19 князей съ своими войсками, и вся соединенная рать его, подъ личнымъ предводительствомъ его, двинулась къ Твери, взяла Микулинъ, выжгла окрестности, плѣнила жителей и наконецъ въ августѣ осадила Тверь, въ которой заперся Михаилъ. Обложивъ весь городъ тыномъ и наведя два большіе моста черезъ Волгу, Дмитрій послалъ за новгородцами, которые, будучи рады отмстить Михаилу за пораженіе, уже черезъ три дня явились подъ Тверь. Тогда осаждавшіе всѣми силами приступили къ городу, приставили туры, сдѣлали присыпъ къ стѣнамъ кругомъ города и зажгли мостъ у Тмакскихъ воротъ и стрѣльницы (башни). Осажденные потушили пожаръ, хотя и съ большимъ трудомъ, и когда войско Дмитрія нѣсколько отступило, произвели сильную и удачную вылазку, истребили или сожгли туры и нанесли осаждавшимъ большой уронъ въ людяхъ. Но этотъ успѣхъ не принесъ Михаилу никакой пользы: область его была опустошена въ конецъ, города Зубцовъ, Бѣлгородъ и Городокъ (Старица) взяты, помощи изъ Орды не было, а литовскія войска, хотя и приблизились, но узнавъ какое многочисленное войско было у Дмитрія, поспѣшили уйти назадъ. Тогда Михаилъ, потерявъ послѣднюю надежду, наконецъ просилъ мира, отдаваясь на полную волю Дмитрія. Вслѣдствіе того между ними былъ заключенъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Михаилъ, какъ независимый великій князь тверской, получившій отъ хана грамоту на великое княженіе владимірское, обязался за себя и дѣтей считать себя младшимъ братомъ Дмитрія, равнымъ младшему двоюродному брату послѣдняго, удѣльному князю Владимиру Андреевичу; — идти въ походъ вмѣстѣ съ Дмитріемъ; посылать своихъ воеводъ, если и онъ пошлетъ своихъ; не искать ни Москвы, ни московскаго великаго княженія, а также не искать и не принимать отъ татаръ великаго княженія; — 2) Дмитрій же, съ своей стороны, обѣщалъ не принимать Твери отъ татаръ, но вытребовалъ, чтобы кашинское княжество было независимо отъ тверскаго — условіе весьма важное для Москвы, а другое условіе, еще болѣе важное — относительно татаръ: быть-ли въ мирѣ съ ними, давать или не давать имъ выходъ (платить дань) — зависѣло отъ Дмитрія; если татары пойдутъ на него или на Михаила, обоимъ воевать съ ними вмѣстѣ, а если Дмитрій пойдетъ на нихъ, то и Михаилу идти съ нимъ; — 3) Михаилъ отказался отъ союза съ Ольгердомъ

и всемъ родомъ его, и даже обязался воевать съ ними, если они нападутъ на московскаго или смоленскаго князя;—4) съ Новгородомъ и Торжкомъ Михаилъ обязался жить въ мирѣ и возвратить послѣднему награбленное у него;—5) за боярами и вольными слугами обоихъ князей утверждено право отъѣзда или переѣзда отъ одного къ другому,—и наконецъ 6) что очень замѣчательно—дѣла между москвитянами и тверитянами, при затрудненіяхъ въ смѣшанномъ судѣ, положено было отдавать на трейтейское рѣшеніе великаго князя (также получившаго отъ хана грамоту на это званіе) Олега рязанскаго. Таковъ былъ этотъ мирный договоръ между Димитріемъ и Михаиломъ — любопытный памятникъ этого времени, положившій счастливый для Москвы конецъ борьбѣ ея съ Тверью и, по поводу ея, съ Литвою. Изъ него между прочимъ видно, что Димитрій уже явно выразилъ зависимость отъ него самого и одного уплаты или неуплаты дани татарамъ и мира или войны съ ними.

Однако Михаилъ не разрывалъ союза съ Литвою и еще въ 1375 г. женилъ сына своего Іоанна на дочери Кейстута Маріи. Но союзъ этотъ былъ бесполезенъ для Михаила: въ 1377 г. Ольгердъ умеръ, а великимъ княземъ сталъ сынъ его Ягайло, въ православіи Іаковъ, не по праву старшинства, а помимо старшаго брата своего, Вингольда-Андрея, княжившаго въ Полоцкѣ. Послѣдній воспротивился, но, лишенный области, удалился въ Псковъ жители котораго приняли его въ себѣ княземъ, съ согласія Димитрія. Въ 1379 г. Димитрій, желая воспользоваться этою смутой послалъ князей Владиміра Андреевича и Димитрія Михайловича Волынскаго вмѣстѣ съ Андреемъ Ольгердовичемъ и войсками въ литовскія владѣнія, гдѣ они взяли Трубчевскъ и Стародубъ и воротились съ богатою добычей. При этомъ князь трубчевскій, Димитрій Ольгердовичъ, братъ Андрея, не сопротивлялся и съ семействомъ и боярами своими поѣхалъ въ Москву и вступилъ въ службу Димитрія, который далъ ему Переяславль. Такимъ образомъ, два сына Ольгерда стали подручниками Димитрія, что въ то время было очень важно. Еще важнѣе было то, что смуты, которыя возникли въ Литвѣ между Ягайломъ и Кейстутымъ и повели къ убіенію послѣдняго, отняли у литовскихъ князей средства враждебно дѣйствовать противъ Димитрія, а ему, напротивъ, дали возможность безпрепятственно управиться съ татарами.

§ 59.

Война съ Ордою и князьями: Олегомъ рязанскимъ и Ягайломъ литовскимъ (1376—1382).—Куликовская битва (8 сентября 1380 года).

Димитрій, уже неоднократно раздражавшій Орду неповиновениемъ, вызываемый ею на борьбу и чувствуя себя въ состояніи пзмѣрить съ нею свои силы, дѣятельно готовился къ тому. Взаимныя враждебныя дѣйствія начались еще въ 1365 г., вторженіями татаръ въ нижегородскую и рязанскую области, а русскихъ князей въ земли камско-волжскихъ болгаръ и Казани. Среди этихъ взаимныхъ враждебныхъ дѣйствій, между прочимъ, въ 1374 г. нижегородцы умертвили въ Нижнемъ Новгородѣ пословъ Мамаѣ и съ ними до 1500 татаръ.

Раздраженный этимъ Мамаѣ въ 1375 г. послалъ въ нижегородскую область татаръ, которые разорили страну на берегахъ р. Киши, притока р. Суры, и за р. Пьяной. Димитрій неразъ ходилъ за Оку, охраняя свои земли отъ татаръ. По окончаніи же войны съ Тверью и Литвою, весною 1376 г. онъ послалъ Волынского съ двумя нижегородскими князьями и войскомъ къ Казани. Казанцы вышли изъ города на встрѣчу имъ, но были опрокинуты обратно въ городъ и принуждены дать богатый окупъ.

Въ 1377 г. въ Москвѣ получено было извѣстіе, что въ земляхъ по р. Сурѣ явился татарскій царевичъ Арапша съ береговъ р. Яка (Урала) и Аральскаго моря. Димитрій тотчасъ собралъ большое войско и пошелъ на помощь тестю своему, князю Димитрію нижегородскому. Но какъ объ Арапшѣ долго ничего не было слышно, то Димитрій воротился лично въ Москву, оставивъ своихъ воеводъ съ владимірскими, переяславскими, юрьевскими, муромскими и ярославскими полками. Къ нимъ присоединились и нижегородскіе, подъ предводительствомъ своего князя Іоанна. Составившаяся такимъ образомъ большая рать двинулась за р. Пьяну. Здѣсь въ іюлѣ воеводы получили извѣстіе, будто Арапша находился далеко, на р. Волчьихъ воды, противъ р. Донца, и не обращая вниманія на другія, приходившія къ нимъ вѣсти, полагаясь на свои большія силы, разоружились и какъ сами, такъ и войска ихъ, предались полной безпечности, разбрелись, ѣздили на охоту, пировали и т. п.

Между тѣмъ Мамаѣ, по случаю свирѣпствовавшей въ Ордѣ чумы отлагавшій до времени ополченіе всѣми своими силами противъ Димитрія, не упускалъ однако случаевъ всячески вредить ему. Съ этою цѣлію онъ и послалъ Арапшу съ сильнымъ войскомъ въ нижегородскіе предѣлы. Мордовскіе князья доставляли Арапшѣ всѣ

свѣдѣнія о рати Дмитрія и указали ему тайные пути къ ней. Скрытность движеній Арапши, при безпечности русскаго войска, была такова, что онъ, раздѣливъ свое войско на пять частей, 2-го августа внезапно напалъ на русскую рать со всѣхъ сторонъ. Захваченная совершенно врасплохъ, она безъ сопротивленія бросилась въ разстройство и страхъ бѣжать къ р. Пьянѣ. Князь Іоаннъ и множество бояръ и ратниковъ утонули въ ней, а другіе были убиты или взяты въ плѣнъ. На 3-й день, 4-го августа Арапша подступилъ къ Нижнему Новгороду, откуда князь Дмитрій нижегородскій бѣжалъ въ Суздаль, а жители спаслись на судахъ по Волгѣ къ Городцу. Татары перехватили не успѣвшихъ спастись, сожгли городъ, разорили окрестности и—ушли откуда пришли. Но въ томъ же году Арапша разграбилъ и разорилъ Засурье (за р. Сурою), внезапно напалъ на Рязань и взялъ ее, при чемъ самъ князь Олегъ, израненный, едва успѣлъ спастись. Послѣ такого погрома, мордва также захотѣла поживиться въ нижегородской области и, приплывъ на судахъ по Волгѣ въ окрестности Нижняго Новгорода, ограбила и то, что осталось послѣ татаръ Арапши. Но князь Борисъ Константиновичъ городецкій настигъ ее у р. Пьяны, разбилъ и многихъ потопилъ въ ней. Оба Дмитрія, московскій и нижегородскій, не ограничиваясь этимъ, зимою, въ сильные морозы, послали въ земли мордвы московскія и нижегородскія войска, которыя опустошили ихъ въ конецъ, а приведенные плѣнники были казнены смертію.

Въ 1378 г. Мамай, раздраженный пораженіемъ подвластной ему мордвы, послалъ сначала одно войско противъ Дмитрія нижегородскаго, а потомъ другое подъ начальствомъ мурзы Бегича противъ Дмитрія московскаго. Первое внезапно напало на Нижній Новгородъ и, не смотря на то, что Дмитрій нижегородскій послалъ окупъ, сожгло городъ и опустошило округъ его и Березовое поле. Дмитрій же московскій, узнавъ о движеніи противъ него Бегича, немедленно собралъ войско, двинулся за Оку въ рязанскую область и встрѣтилъ Бегича на берегахъ р. Вожи (праваго притока Оки, въ нын. Рязанскомъ уѣздѣ). 11 августа къ вечеру татары переправились черезъ Вожу и съ громкими криками бросились на русскія войска, которыя сами храбро ударили на нихъ, Дмитрій—съ фронта, а пронскій князь Даніилъ и московскій окольничій Тимоѣей—съ обѣихъ сторонъ во флангъ, и сломили татаръ. Послѣдніе, разбитые на-голову, бѣжали за Вожу, при чемъ множество ихъ утонуло въ ней или было убито. Ночь и густой туманъ на слѣдующее утро помѣшали преслѣдовать татаръ, и только пополудни русскія войска двинулись за ними и въ степи захватили весь обозъ ихъ. Это была первая съ 1243 г. значительная побѣда русскихъ надъ та-

тарами. Въ отмщеніе за нее, Мамай собралъ остатки разбитыхъ войскъ и въ сентябрѣ напалъ съ ними на рязанскую область. Олегъ бѣжалъ на лѣвую сторону Оки, а татары взяли и сожгли города Дубокъ и Переяславль, опустошили землю, но далѣе Оки не пошли.

Такимъ образомъ между русскими и татарами уже была открытая война, и безпрестанныя вторженія послѣднихъ въ нижегородскіе и рязанскіе предѣлы, соединенныя съ варварскимъ опустошеніемъ ихъ, стали уже невыносимыми для пограничныхъ князей и особенно для великаго князя Дмитрія московскаго. Послѣдній не могъ надѣяться, что Мамай, послѣ Вожской побѣды, ограничитъ месть свою разореніемъ рязанской области. Раздоры и смуты въ Ордѣ, ослаблявшіе ее, были хорошо извѣстны ему. Свидѣтельствомъ слабости Орды было, между прочимъ, то, что Мамай былъ принужденъ удовольствоваться меньшею, нежели во времена Джанибека, русскою данью. Самоувѣренность русскихъ войскъ возросла особенно послѣ Вожской побѣды, доказавшей, что русскіе могли побѣждать татаръ. Но пока Мамай правилъ Ордою только именемъ хановъ Абдула и потомъ Магомета, онъ могъ производить противъ восточной Руси только частныя нападенія; когда же онъ избавился отъ Магомета и провозгласилъ самаго себя ханомъ, тогда уже могъ двинуть противъ восточной Руси всю Орду и всѣ ея силы. Вожское пораженіе особенно раздражило его до ярости и онъ поклялся отмстить великому князю Дмитрію. Есть извѣстіе, будто совѣтники его, представляя ему, что Орда ослабѣла, совѣтовали ему нанять генуэзцовъ, яссовъ, кассоговъ и другіе народы, и что Мамай, послушавшись ихъ, дѣйствительно усилилъ свое татарское войско ополченіями многихъ народовъ, какъ-то: половцовъ, хоразмійскихъ турокъ, яссовъ, кассоговъ и другихъ кавказскихъ черкесовъ, буртасовъ, даже армянъ, генуэзцовъ и др. Собравъ такимъ образомъ огромное войско (сила его въ точности неизвѣстна, но безъ сомнѣнія значительно превосходила силу войска, собраннаго Дмитріемъ, какъ означено ниже), лѣтомъ 1380 г. Мамай переправился съ лѣваго берега Волги на правый и остановился на кочевкѣ при устьѣ р. Воронежа (на которой въ 1237 г. кочевалъ и Батый). Ягайло литовскій, имѣвшій много причинъ непріязни къ Дмитрію, заключилъ съ Мамаемъ союзъ и обѣщалъ соединиться съ нимъ 1 сентября.

Дмитрій, узнавъ о всемъ этомъ, немедленно и дѣятельно сталъ собирать столько войскъ, сколько могъ, со всей восточной Руси, къ чему уже давно готовился. Онъ разослалъ гонцовъ во всѣ области, города и ко всѣмъ князьямъ удѣльнымъ, безудѣльнымъ и подручнымъ и изъ нихъ прежде всѣхъ къ двоюродному брату своему, князю Владиміру Андреевичу, находившемуся въ Боровскѣ. По-

слѣдній немедленно прибылъ лично въ Москву и оба князя пошли совѣтоваться съ московскимъ митрополитомъ Кипріяномъ. Послѣдній совѣтовалъ утолить гнѣвъ Мамаю денежными дарами, и князья уже собирались—было исполнить это, когда узнали о союзѣ съ Мамаемъ не только Ягайла, но и Олега рязанскаго, преступно измѣнившаго общему отечеству изъ-за мести Дмитрію и честолюбивыхъ замысловъ заступить его мѣсто. Болѣе другихъ русскихъ князей потерпѣвъ отъ татаръ, еще недавно опустошившихъ его пограничную область, а теперь зная, что Мамай стоялъ съ огромнымъ войскомъ на границахъ ея и она должна была содѣлаться жертвою его, и не надѣясь, чтобы Дмитрій осмѣлился вступить въ борьбу съ нимъ, Олегъ, хотя и послалъ сказать Дмитрію о нашествіи Мамаю, но самъ вступилъ въ союзъ съ Ягайломъ и Мамаемъ. Съ первымъ онъ уговаривался въ томъ, чтобы, когда Дмитрій удалится изъ Москвы въ Новгородъ или на Двину, имъ, Олегу и Ягайлѣ, завладѣть Москвою и Владиміромъ, и ущедривъ Мамаю, раздѣлить между собою московское княжество.

Но Дмитрій вовсе не думалъ бѣжать изъ Москвы: принявъ отъ митрополита Кипріяна благословеніе на борьбу съ врагами Руси, онъ приказалъ всѣмъ князьямъ, боярамъ, воеводамъ и военнымъ людямъ собираться къ Коломнѣ. А между тѣмъ онъ послалъ Родіона Ржевскаго, Якова Усатаго и Васплія Тупикѣ съ сторожевымъ отрядомъ въ ту сторону, гдѣ находились татары, до р. Быстрой Сосны, добыть языковъ и развѣдать о татарахъ. Отъ добытаго языка узнали, что дѣйствительно Мамай шелъ на Русь съ великими силами и съ князьями Олегомъ рязанскимъ и Ягайломъ литовскимъ, но будто не спѣшилъ, а ждалъ осени, чтобы воспользоваться русскими хлѣбами, т. е. жатвами. При вѣсти объ этомъ, Дмитрій убѣждалъ всѣхъ собравшихся князей единодушно и крѣпко противустать врагамъ Руси; князья же, съ своей стороны, увѣрили его въ своей рѣшимости на то. Эти единодушіе и твердая рѣшимость русскихъ князей, въ тяжелое для Руси время, были отраднымъ явленіемъ, совершенно противоположнымъ разъединенію ихъ за 142 года передъ тѣмъ, при нашествіи Батыя, и подавали большія надежды на успѣхъ.

Дмитрій назначилъ всѣмъ войскамъ собираться къ Коломнѣ къ дню Успенія Божіей Матери—15 августа, дабы устроить рать и полки и назначить въ нихъ воеводъ. А самъ онъ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и многими другими князьями отправился въ монастырь Св. Троицы, недавно основанный близъ Москвы, въ Радонежскихъ лѣсахъ, высокой духовной жизни пустынножителемъ игуменомъ Сергіемъ. Послѣдній благословилъ его (18 августа) на

брань съ невѣрными, обѣщалъ ему побѣду, хотя и послѣ большаго кровопролитія, и отпустилъ съ нимъ двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, въ міръ бывшихъ воинами, а первый и бояриномъ въ Брянскѣ.

Затѣмъ Дмитрій, оставивъ въ Москвѣ при женѣ и дѣтяхъ своихъ воеводу Теодора Андреевича съ частью войскъ, 22 августа выступилъ со всемъ дворомъ своимъ и съ московскими полками, для бѣльшаго удобства—по нѣсколькимъ дорогамъ, къ Коломнѣ. Прибывъ сюда (въ 4 перехода и дня) 26 августа, онъ нашелъ уже собранными здѣсь войска почти всѣхъ областей и городовъ восточной Руси, съ ихъ князьями, боярами и воеводами, за исключеніемъ новгородскихъ, рязанскихъ и смоленскихъ. Въ томъ числѣ были даже тверскія съ племянникомъ Михаила княземъ холмскимъ и дружины двухъ литовскихъ князей Андрея и Дмитрія, братьевъ Ягайла. 27 августа рано утромъ великій князь произвелъ на Дѣвичьемъ полѣ подъ Коломною смотръ всему собранному войску, распредѣлилъ и устроилъ его какъ слѣдовало, назначилъ главныхъ и частныхъ военачальниковъ (см. ниже) и въ тотъ же день двинулся вверхъ по лѣвой сторонѣ Оки. Между тѣмъ, тутъ же въ Коломнѣ онъ узналъ, что Мамай уже три недѣли стоялъ за Дономъ, ожидая присоединенія къ нему Ягайла (какъ сказано — 1 сентября). Вѣсть о силѣ войска Дмитрія вѣроятно заставила Мамай сначала попытаться устроить дѣло миромъ: онъ отправилъ въ Дмитрію въ Коломну пословъ съ требованіемъ уплаты дани, какую великіе князья платили при Узбекѣ и Джанибекѣ. Но Дмитрій отвергнулъ это требованіе, соглашаясь платить только ту дань, которая была условлена между нимъ и Мамаемъ въ послѣднее свиданіе ихъ въ Ордѣ.

Движеніе Дмитрія отъ Коломны не прямо на югъ, а на юго-западъ, безъ сомнѣнія имѣло цѣлю соединеніе съ дружинами князя Владиміра Андреевича, собиравшимися въ Серпуховѣ. Перейдя черезъ границу московскаго княжества съ рязанскимъ, Дмитрій 28 августа къ вечеру остановился при устьѣ р. Лопасни въ р. Оку, между Каширою и Серпуховымъ. Здѣсь къ нему присоединился князь Владиміръ Андреевичъ съ своими войсками, а также и большой воевода московскій Вельяминовъ, съ остальными московскими полками. По присоединеніи ихъ, Дмитрій 29 августа переправился со всемъ войскомъ за Оку и двинулся къ Дону (вѣроятно сначала къ истоку его изъ Иванъ-озера, а потомъ внизъ по лѣвой сторонѣ). Въ 7 или 8 переходовъ и дней прибылъ онъ 5 сентября къ

устью р. Непрядвы въ Донъ *). Здѣсь онъ получилъ письменное посланіе отъ игумена Сергія, который снова благословлялъ его смѣло идти на бой съ татарами, обѣщая ему помощь Бога и Пресвятой Богородицы. Ободренный этимъ, Димитрій совѣщался съ князьями, остаться-ли на лѣвомъ берегу Дона или переправиться на правый? По нѣкоторымъ (невѣроятнымъ при тогдашнемъ общемъ одушевленіи) свѣдѣніямъ, иные, вѣроятно слишкомъ осторожные, совѣтовали, будто бы, не ходить за Донъ, потому что тамъ былъ не одинъ Мамай, но и Олегъ и Ягайло (что было невѣрно, см. ниже). Литовскіе же князья Андрей и Димитрій первые подали мнѣніе перейти черезъ Донъ, дабы никто и не помышлялъ объ отступленіи, подкрѣпивъ это мнѣніе тѣмъ, что если побѣдятъ русскіе, то останутся живы, а если побѣдятъ татары, то русскіе во всякомъ случаѣ примутъ общую смерть, и что Ярославъ и Александръ Невскій одержали побѣды, перейдя черезъ рѣки. Такъ повѣствуютъ лѣтописцы; но можно предположить, что кромѣ того цѣлю перехода черезъ Донъ было не допустить соединенія Ягайла съ Мамаемъ—цѣль еще болѣе важная. Димитрій согласился съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ и велѣлъ строить мосты черезъ Донъ и искать въ немъ броды. Это, вѣроятно, заняло сутки и даже болѣе, потому что войско переправилось на правый берегъ Дона только въ ночь съ субботы 7 на воскресенье 8 сентября. Между тѣмъ передовыя войска безирестанно доносили, что Мамай уже приближался все болѣе и болѣе, и наконецъ даже показались преслѣдовавшіе ихъ передовыя татары.

*) Числа посѣщенія Димитріемъ Троицкаго монастыря и игумена Сергія возвращенія его въ Москву, выступленія изъ нея, прибытія въ Коломну, выступленія изъ нея и прибытія къ Дону означены у нашихъ историковъ и въ Древнемъ сказаніи о побѣдѣ Димитрія надъ Мамаемъ (изд. Снегиревымъ въ 1829 г.) различно и, по расчету времени и разстояній, отчасти не совсѣмъ кажется вѣроятно. Принимая во вниманіе, что, по Древнему сказанію, 18 августа въ воскресенье Димитрій былъ въ Троицкомъ монастырѣ, а 22 августа въ четвергъ выступилъ изъ Москвы, 26 августа въ понедѣльникъ ввечеру онъ могъ уже быть въ Коломнѣ, 27 августа во вторникъ произвести смотръ войску, устроить его къ походу и выступить къ Лопаснѣ (въ это время Ягайло прибылъ въ Одоевъ и остановился въ немъ, Олегъ же былъ еще въ своей области), 28 августа въ среду ввечеру быть у устья Лопасни, 29 августа въ четвергъ переправиться за Оку и двинуться къ Дону, 5 сентября въ четвергъ къ вечеру прибыть къ устью Непрядвы въ Донъ, 6 сентября въ пятницу строить мосты и искать броды, и наконецъ вечеромъ и въ ночь съ субботы 7 сентября на воскресенье 8 сентября перейти черезъ Донъ.

Куликовская битва

(8 сентября 1380 года).

Утро этого знаменательнаго дня началось густымъ туманомъ, разсѣявшимся только къ полудню. Не смотря на то, войско русское съ ранняго утра стало строиться къ бою на правой сторонѣ Дона, на обширномъ Куликовомъ полѣ. Это построение его Дмитрій поручилъ (вѣроятно потому, что онъ былъ особенно опытенъ и искусенъ въ этомъ) знаменитому воеводѣ Дмитрію Михайловичу Боброку или Боброву, родомъ изъ Волыни и потому извѣстному подъ названіемъ Волынскаго.

Мѣстность, на которой войско построилось, и боевой порядокъ его на немъ были слѣдующіе:

Рѣка Донъ, отъ истока своего изъ Иванъ-озера до впаденія въ нее съ правой стороны р. Непрядвы, течетъ въ юговосточномъ направленіи. По впаденіи же Непрядвы (гдѣ въ углу на правомъ берегу ея и Дона нынѣ находится село Рождественское или Монастырщина), Донъ поворачиваетъ прямо на востокъ верстъ на 5 и потомъ снова течетъ на юговостокъ (мимо нынѣшняго селенія Куликова). Непрядва же течетъ сначала къ востоку, потомъ къ сѣверу и наконецъ къ сѣверовостоку до впаденія въ Донъ. Вслѣдствіе того, мѣстность между Дономъ и Непрядвою постепенно расширяется отъ сѣвера къ югу (отъ 7 верстъ на сѣверѣ между с. Рождественскимъ и с. Куликовымъ, до 17 верстъ на югѣ между с. Куликовкой на Непрядвѣ, мимо нынѣшняго памятника по срединѣ, и с. Орловкой на правомъ берегу Дона). Мѣстность на этомъ пространствѣ перерѣзана рѣчками: Смолкой и Курцой, текущими въ оврагахъ съ запада и югозапада въ Донъ, затѣмъ двумя рѣчками, текущими также въ оврагахъ съ юговостока въ Непрядву, и наконецъ двумя оврагами, направляющимися съ юговостока въ долину нижней Непрядвы. Мѣстность между этими рѣчками и оврагами, отъ Непрядвы до Дона, образуетъ слегка волнистую возвышенность, въ центрѣ которой, близъ с. Куликовки (Телятинки), находится отдѣльная высота или холмъ, на которомъ сооруженъ памятникъ Куликовской побѣды, а въ 5 верстахъ къ югозападу отъ него находится еще одно с. Куликова (Шаховская), 4-е того же имени на этомъ пространствѣ. Вся эта мѣстность нынѣ почти безлѣсная, открытая; только къ сѣверу и западу отъ р. Смолки находятся двѣ рощи, одна подъ названіемъ Зеленой Дубровы, а другая между двумя оврагами на нижней Непрядвѣ. Та-

кою представляется эта мѣстность нынѣ; какою она была во время Куликовской битвы—неизвѣстно, потому что лѣтописцы описанія ея не дѣлаютъ. Но съ вѣроятностью предположить можно, что въ 1380 г. мѣстность эта, открытая въ серединѣ, на такъ называемомъ Куликовомъ полѣ, была лѣсистѣе вдоль Дона, Непрядвы, четырехъ рѣчекъ и двухъ овраговъ и особенно тамъ, гдѣ нынѣ находятся означенныя двѣ рощи.

Гдѣ и какъ именно на этой мѣстности построилось русское войско въ боевой порядокъ — также опредѣлить нельзя, потому что и объ этомъ также лѣтописцы умалчиваютъ. Но, принимая въ соображеніе, что, по свидѣтельству лѣтописцовъ, битва на Куликовомъ полѣ происходила на протяженіи цѣлыхъ 10 верстъ и что въ засадѣ въ лѣсу стоялъ засадный полкъ князя Владиміра Андреевича и Дмитрія Волынскаго, а они, сколько извѣстно, стояли за правымъ крыломъ войска, можно предположить, что линія боеваго порядка вѣроятно простиралась, сначала — впереди Дона, между нимъ и Непрядвой, а позже, къ полудню — на менѣе пересѣченной мѣстности, между нын. с.с. Красное, Доброе и Буйцы на Непрядвѣ, мимо Хворостянки (Дубицы), Куликовки и Хуторовъ (Сабурова), до Бол. и Мал. Курцовъ на Дону, центромъ нѣсколько къ сѣверу отъ памятника. Южнѣе же мѣстность болѣе сужена и пересѣчена сближающимися вершинами рѣчекъ и овраговъ, почему позже оказалась слишкомъ тѣсною для огромнаго войска Мамая. По составу же тогдашняго русскаго войска преимущественно изъ конницы, для дѣйствій ея необходима была мѣстность болѣе открытая и ровная.

Боевой порядокъ войска на этой мѣстности былъ слѣдующій: въ серединѣ, въ большомъ полку — войска литовскихъ князей Андрея и Дмитрія Ольгердовичей, князя Θεодора Романовича бѣлозерскаго и боярина Николая Васильевича, а въ серединѣ большаго полка — великокняжескіе: большой стягъ и московскій дворъ, съ боярами: Іоанномъ Родіоновичемъ Квашней, Михаиломъ Бренкомъ и княземъ Іоанномъ Васильевичемъ смоленскимъ; — на правомъ крылѣ — князя Андрей Θεодоровичъ ростовскій и Андрей Θεодоровичъ стародубскій и бояринъ Θεодоръ Грунка; на лѣвомъ крылѣ — князя: Васплій Васильевичъ ярославскій и Θεодоръ Михайловичъ молоджскій и бояринъ Левъ Морозовъ; въ сторожевомъ (передовомъ) полку — бояринъ Михаилъ Ивановичъ, внукъ Акиноовъ, — князь Симеонъ Константиновичъ оболенскій, братъ его, князь Іоаннъ тарусскій и воевода Андрей Серкизовъ, — и наконецъ въ засадномъ полку, въ засадѣ, въ рощѣ, за правымъ флангомъ, князя: Владиміръ Андреевичъ — двоюродный братъ Дмитрія, Дмитрій Михайловичъ

Боброкъ Волынскій, Романъ Михайловичъ брянскій, Василій Михайловичъ кашинскій и сынъ князя Романа новосильскаго (всего 23 князя, боярина и воеводы).

Пока войско строилось, Дмитрій съ князьями Владиміромъ Андреевичемъ и литовскими сталъ на высокій холмъ впереди (можетъ быть тотъ самый, на которомъ сооруженъ нынѣшній памятникъ) и долго съ умиленіемъ смотрѣлъ на многочисленные русскіе полки, блиставшіе на яркомъ солнцѣ (туманъ уже разсѣялся) доспѣхами и оружіемъ, подъ развѣвавшимися по вѣтру стягами, между которыми болѣе всѣхъ отличался великій, съ изображеніемъ Нерукотвореннаго лика Спасителя на черной атласной ткани. Сойдя съ коня, онъ преклонилъ передъ этимъ образомъ колѣна и горячо молился о спасеніи Руси. Затѣмъ онъ объѣхалъ всѣ полки и ободрялъ воиновъ, напоминая, что падшихъ въ бою съ врагами христіанства ожидали вѣнцы мучениковъ и вѣчная слава. Войска отвѣчали, что всѣ готовы были положить свои головы за него и за отечество, прося только сотворить церковное поминовеніе по нимъ. Бояре совѣтовали и просили Дмитрія не подвергать свою жизнь опасности и стать въ большомъ полку, но Дмитрій не согласился на то и объявилъ, что станетъ въ передовомъ полку, дабы служить примѣромъ и ободреніемъ для другихъ. Но, дабы сразу же не навлечь на себя вниманія и ударовъ татаръ, онъ облекъ въ свои доспѣхи любимца своего, Михаила Бренка, и поставилъ его подъ великимъ стягомъ, самъ же облекся въ доспѣхи простаго ратника и сталъ въ передовомъ полку.

Затѣмъ въ полдень все войско двинулось впередъ и увидало передъ собою на обширномъ протяженіи несмѣтныя полчища Мамаѣ. Съ громкимъ кликомъ: «Богъ намъ прибѣжище и сила!» Дмитрій первый ринулся съ сторожевымъ полкомъ на татаръ, а за нимъ и вся линія русскаго войска.

Три часа сряду длилась жестокая сѣча на пространствѣ цѣлыхъ 10 верстъ; уже наступилъ 9-й по тогдашнему расчету, 3-й по нынѣшнему часъ дня, но побѣда не склонялась еще ни на ту, ни на другую сторону. Однако татары уже начинали брать верхъ значительнымъ превосходствомъ числа своихъ силъ. Нѣкоторые молодые и неопытные русскіе ратники, думая, что уже все погибло, не выдержали и обратили тыль, и татары, гоня ихъ, успѣли пробиться до самаго великокняжескаго стяга. Но, московскіе дворяне охранявшіе его, напрягли всѣ свои силы, отстояли его и отразили татаръ.

Между тѣмъ Владиміръ Андреевичъ въ засадѣ горѣлъ нетерпѣніемъ вступить въ бой: «къ чему стоимъ здѣсь праздно?» — говорилъ онъ Дмитрію Волынскому — «кому помогать будемъ, когда

враги истребятъ все наше войско?» — Но благоразумный и опытный Волынской, зорко слѣдившій за ходомъ битвы, сдерживалъ пылкаго Владиміра Андреевича: видя, что вѣтеръ дулъ прямо въ лицо русскому войску, онъ запретилъ засадному полку выступать изъ рощи, сказавъ, что «нѣтъ еще на то воли Божіей». Но вдругъ вѣтеръ перемѣнился и подулъ въ лицо татарамъ.... «Теперь настало время! съ Богомъ впередъ!» — громко вскричалъ Волынской — и какъ молнія ринулся засадный полкъ изъ засады въ рощѣ на татаръ. Стремительный и совершенно неожиданный ударъ этихъ свѣжихъ войскъ на утомленныхъ продолжительнымъ боемъ татаръ навелъ на нихъ ужасъ и сразу сломилъ ихъ и рѣшилъ побѣду въ пользу русскаго войска. Все татарское полчище обратило тылъ и бѣжало. Мамай въ самомъ началѣ битвы взвѣхалъ на высокій холмъ, съ знатнѣйшими своими мурзами, и долго оттуда слѣдилъ за битвой, но увидѣвъ ударъ засаднаго русскаго полка и бѣгство своего войска, бѣжалъ первый. Преслѣдуемые по пятамъ русскими войсками до самой р. Красивой Мечи (праваго притока р. Дона, верстахъ въ 30 — 40 отъ Куликова поля), татары гибли подъ ихъ ударами и во множествѣ потонули въ этой рѣкѣ. Далѣе преслѣдовать ихъ не позволили наступившая темнота и чрезвычайное утомленіе русскихъ войскъ.

Пораженіе татаръ и побѣда русскихъ были полныя и совершенныя, но искуплены для послѣднихъ дорогою цѣной — огромнымъ урономъ убитыхъ и раненыхъ. Существовало преданіе, будто изъ 400 т. чел. осталось въ живыхъ только 40 т., т. е. $\frac{1}{10}$ часть, будто съ обѣихъ сторонъ до 200 т. легло на мѣстѣ и т. п. Но этимъ преданіямъ вѣрить нельзя; несомнѣнно только то, что уронъ русскаго войска былъ громадный и не даромъ Куликовская битва сохранилась въ народной памяти подъ названіемъ Мамаева побоища (или бойни): побѣда въ ней близко граничила съ тяжкимъ поражениемъ. Въ числѣ убитыхъ было множество князей, бояръ и воеводъ, именно: князья бѣлозерскіе Θεодоръ и сынъ его Іоаннъ, князья тарусскіе Θεодоръ и братъ его Мстиславъ; бояре: Симеонъ Михайловичъ, Николай и Тимоѳей Васильевичы Вельяминовы, сыновья тысяцкаго, — Михайлъ Акинѳовъ, Левъ Морозовъ, Андрей Серкизовъ, Димитрій Мининъ, любимецъ великаго князя Михайлъ Бренокъ и мн. др., и сверхъ того инокъ — витязь Александръ Пересвѣтъ, павшій въ единоборствѣ съ татарскимъ батыремъ-великаномъ Темиръ-Мурзой.

Прекратилось преслѣдованіе, день склонился къ вечеру, побѣдители стали подлинно на костяхъ, и въ первомъ порывѣ сердца провозгласили князя Владиміра Андреевича Храбрымъ. Но самаго великаго князя не было видно: всѣ видѣли его въ битвѣ, сра-

жавшимся, какъ простой ратникъ, иные—какъ онъ крѣпко отбивался отъ четырехъ татаръ разомъ, другіе,—какъ онъ былъ сбитъ съ коня, еще другіе—какъ онъ, уже пѣшій и избитый, удалялся съ мѣста битвы... Въ страшномъ безпокойствѣ, долго князь Владиміръ Андреевичъ и многіе другіе искали его между убитыми и ранеными, и наконецъ нашли въ рощѣ, на правой сторонѣ поля битвы, лежавшимъ подъ срубленнымъ деревомъ, безъ чувствъ, въ совершенно избитыхъ доспѣхахъ, но, къ счастью, не раненымъ смертельно. Съ радостью привѣтствовали его всѣ, когда онъ очнулся, съ великою побѣдой. Не смотря на истощеніе силъ своихъ, онъ сѣлъ на коня, объѣхалъ мѣсто побоища, благодарилъ живыхъ, оплакалъ убитыхъ, велѣлъ честно похоронить ихъ (и позже—вѣчно поминать ихъ въ субботу Димитріевскую, передъ днемъ своего ангела—26 октября), разослалъ повсюду гонцовъ съ радостною вѣстью о побѣдѣ и на 8-й день послѣ битвы прибылъ въ Коломну, а 26-го сентября въ Москву, гдѣ былъ встрѣченъ какъ спаситель русской земли. Войска же разошлись по домамъ, бывъ не въ состояніи, какъ слѣдовало бы, преслѣдовать разбитыхъ татаръ до самыхъ улусовъ ихъ въ Ордѣ и тамъ довершить дѣло освобожденія восточной Руси. Необычайное ослабленіе силъ ея, вслѣдствіе огромнаго урона въ битвѣ, и опасеніе умереть съ голода въ степяхъ и понести пораженіе отъ вновь собравшихся татаръ, не позволили помышлять о томъ.

Ягайло, во время битвы, находился уже не болѣе, какъ въ 30 или 40 верстахъ къ западу отъ Куликова поля. Но, узнавъ о пораженіи и бѣгствѣ Мамаѣ, онъ поворотилъ назадъ и поспѣшно ушелъ въ Литву. Олегъ рязанскій бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Литву, но вскорѣ воротился, притворно раскаялся—и Димитрій великодушно простилъ его, оставилъ за нимъ его область и даже заключилъ съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ.

Такова была эта великая Куликовская битва, подобной которой, по словамъ лѣтописцовъ, никогда еще дотолѣ не бывало на Руси. Да и въ западной Европѣ, въ древнія времена и въ среднихъ вѣкахъ, подобныхъ было немного, какъ, папримѣръ, великія битвы на Каталаунскихъ поляхъ, гдѣ былъ разбитъ грозный Аттила, и при Турѣ во Франціи, гдѣ Карлъ Мартелль разбилъ мавровъ. Подобно тому, какъ эти двѣ побѣды въ то время спасли западную Европу отъ грозныхъ завоевателей Азіи, такъ и Куликовская побѣда спасла восточную Русь отъ нашествія Мамаѣ. И хотя она была куплена дорогою цѣною и въ послѣдствіи не принесла тѣхъ плодовъ, которыхъ отъ нея ожидали современники, однако несомнѣнно имѣла благотворное вліяніе на послѣдующія судьбы восточной Руси. Она разрушила въ ней мнѣніе о непобѣдимости татаръ, еще силь-

нѣе возбудила желаніе освобожденія отъ нихъ и возстановленія независимости, и озаривъ Дмитрія, прозваннаго Донскимъ, достойною славой, необыкновенно возвысила въ понятіяхъ современниковъ родъ Александра Невского и Іоанна Калиты на великокняжескомъ престолѣ московскомъ.

Мамай, воротясь съ остатками своихъ войскъ въ Орду, собралъ новыя полчища, чтобы снова идти противъ Дмитрія. Но Тохтамышъ, потомокъ старшаго сына Джучи — Орду и сподвижникъ Тамерлана, назначившаго его ханомъ Золотой Орды, напалъ на Мамая на берегахъ р. Калки (той самой, на которой русскіе князья впервые встрѣтились съ монголами и были побѣждены ими въ 1224 г.), разбилъ его и воцарился въ Сараѣ и Кипчакѣ. Разбитый же имъ Мамай бѣжалъ въ Кафу, въ Тавридѣ, гдѣ генуэзцы убили его.

Воцарясь въ Сараѣ, Тохтамышъ отправилъ въ Москву пословъ съ объявленіемъ о томъ Дмитрію и русскимъ князьямъ и съ требованіемъ, чтобы они явились къ нему съ покорностью и данью. Они приняли пословъ съ честію и отпустили ихъ съ дарами, но въ Сарай не поѣхали. Въ 1381 г. Тохтамышъ снова отправилъ къ Дмитрію посла Ахкозю съ 700 чел. татаръ, но на нихъ напалъ такой страхъ послѣ Куликовской битвы, что они не осмѣлились ѣхать далѣе Нижняго Новгорода и воротились назадъ. Тогда Тохтамышъ, чтобы разогнать этотъ страхъ и отмстить за неповиновеніе, въ 1382 г. приказалъ ограбить русскихъ купцовъ въ Болгаріи и захватить ихъ суда, а самъ съ большимъ войскомъ переправился на правую сторону Волги и пошелъ къ Москвѣ съ большою скрытностью и быстротою, дабы русскіе не узнали о томъ и не встрѣтили его съ войскомъ въ открытомъ полѣ. Нижегородскій князь Дмитрій, узнавъ о походѣ Тохтамыша, послалъ къ нему двухъ сыновей своихъ съ дарами, чтобы спасти свою область. Но онъ шелъ такъ быстро, что князья настигли его уже на границахъ рязанской области. Здѣсь Тохтамыша встрѣтилъ Олегъ рязанскій, умолилъ его не проходить черезъ рязанскую область и, обведя кругомъ его, указалъ ея броды черезъ Оку. Такимъ образомъ оба эти князя спасли свои области.

Дмитрій Донской, узнавъ о нашествіи Тохтамыша, сначала хотѣлъ было идти на встрѣчу ему, но не могъ скоро собрать достаточнаго числа войскъ, потому что московская область крайне обѣднѣла людьми послѣ Куликовской битвы. А потому онъ отправился сначала въ Переяславль, а потомъ въ Кострому, собирать тамъ войска. Тохтамышъ, взявъ Серпухоя, двинулся къ Москвѣ. По приближеніи его, въ ней произошло сильное народное волненіе: одни хотѣли бѣжать, другіе не пускали ихъ, и дѣло дошло даже до явнаго мятежа, убійствъ и грабежа, при чемъ мятежники едва согла-

сились выпустить только митрополита Кипріяна и великую княгиню Евдокію съ дѣтьми. По счастью, въ Москву прибылъ литовскій князь Остей, по лѣтописцу—внукъ Ольгерда, посланный вѣроятно Димитріемъ. Онъ возстановилъ порядокъ, успокоилъ жителей, укрѣпилъ Кремль и заперся въ немъ, сжегши посады вокругъ. 23 августа явились передовыя войска Тохтамыша, объѣхали вокругъ Кремля, осмотрѣли его укрѣпленія и спросили, тутъ-ли былъ Димитрій. Имъ отвѣчали, что нѣтъ, и снова въ Кремль начались беспорядки: одни молились, другіе, стали пить и со стѣнъ грозить татарамъ. 24 августа прибылъ самъ Тохтамышъ съ главными силами и открылъ осаду Кремля сильною стрѣльбою изъ луковъ, но, не имѣя съ собою стѣнобитныхъ орудій, хотѣлъ взять Кремль приступомъ по лѣстницамъ. Осажденные, управляемые Остеемъ, оборонялись мужественно и упорно, лили на татаръ горячую воду, бросали большіе камни, стрѣляли изъ самострѣловъ и даже изъ пищалей и тюфяковъ (ружей), которые впервые упоминаются здѣсь. Такъ продолжалось три дня, и Тохтамышъ, не видя успѣха и надежды взять Кремль силою, прибѣгнулъ къ татарской хитрости: на 4-й день—27 августа—къ стѣнамъ Кремля подѣхали большіе князья Орды и съ ними два сына нижегородскаго князя и стали уговаривать осажденных, чтобы они впустили Тохтамыша и не боялись его, потому что онъ пришелъ на Димитрія, а не на нихъ, и зла имъ не сдѣлаетъ, а дастъ имъ миръ, въ чемъ нижегородскіе князья дали клятву. Осажденные повѣрили имъ, отворили ворота и лучшіе люди вышли на встрѣчу съ Остеемъ, крестами и дарами. Но татары сначала отвели Остея въ свой станъ и тамъ убили его, а потомъ ворвались въ Кремль и разграбили его въ конецъ, а жителей частію перебили, частію взяли въ плѣнъ.

Послѣ того Тохтамышъ разослалъ отряды въ московское и владимірское княжества и жестоко разорилъ ихъ. Юрьевъ, Звенигородъ, Можайскъ, Боровскъ, Руза, Дмитровъ, Переяславль были взяты и разграблены, равно какъ и всѣ села и деревни ихъ. Тверской князь Михайлъ прислалъ къ Тохтамышу килчю съ большими дарами и тѣмъ такъ же, какъ князья нижегородскій и рязанскій, спасъ свою область, а вся мечь Тохтамыша разразилась на областяхъ великаго князя.

Между тѣмъ послѣдній собиралъ войска въ Костромѣ, а князь Владиміръ Андреевичъ уже собралъ много войскъ у Волока Ламскаго. Одинъ изъ татарскихъ отрядовъ, нечаянно наткнувшись на послѣднихъ, былъ разбитъ и татары въ страхѣ увѣдомили Тохтамыша о присутствіи большаго русскаго войтка у Волока. Тогда ясно обнаружилось, какъ татары послѣ Куликовской битвы стали бояться

русскихъ: Тохтамышъ немедленно стянулъ всѣ свои отряды и поспѣшно пошелъ назадъ, на пути взявъ и разграбивъ Коломну и разоривъ рязанскія земли. Это нашествіе его дорого стоило московскому и владимірскому княжествамъ: все было разорено и разграблено, а жители плѣнены или убиты (въ одномъ Кремлѣ было убито 24 т. чел.).

Князья: нижегородскій, рязанскій и тверской явили себя при этомъ съ весьма невыгодной стороны, спасая себя, но губя тѣмъ области Дмитрія. Михаилъ тверской даже тайно поѣхалъ въ 1383 г. въ Орду, искать себѣ великаго княженія владимірскаго и новгородскаго. Узнавъ объ этомъ, Дмитрій съ своей стороны послалъ въ Орду старшаго сына своего, Василия, съ богатыми дарами. Тохтамышъ умилостивился къ Дмитрію и лѣтомъ того же года прислалъ къ нему посла съ «милостивыми словами», за которыя пришлось заплатить большими дарами, т. е. данью деньгами. Дмитрій былъ принужденъ покориться горькой необходимости, будучи не въ сплахъ вступить съ Тохтамышемъ въ открытую борьбу. Но алчность татаръ не удовлетворилась этимъ: Тохтамышъ задержалъ сына Дмитрія, Василия, требуя за него 8 т. рублей выкупа—суммы въ то время огромной. Однако Василий въ концѣ 1385 г. успѣлъ спастись изъ Орды бѣгствомъ.

Такимъ образомъ Куликовская побѣда, при всѣхъ своихъ благотворныхъ послѣдствіяхъ, о которыхъ говорено выше, имѣла и очень невыгодныя и печальныя. Она такъ ослабила восточную Русь, особенно Москву, что Дмитрій, не успѣвъ освободиться отъ подданства Орды, былъ вынужденъ снова признать себя данникомъ ея, лишь бы только отвратить новыя бѣдствія и конечное разореніе. Но тѣмъ ревностнѣе старался онъ исправить зло, нанесенное восточной Руси варварствомъ и ненасытною алчностью татаръ, и довершить великое дѣло, указанное Іоанномъ Калитою — сосредоточеніе раздробленной восточной Руси въ одно государство московское. Съ этою послѣднею цѣлію онъ прежде всего обратилъ вниманіе на рязанское княжество, князь котораго Олегъ такъ недостойно поступилъ въ важное и трудное для общаго отечества время, ставъ на сторонѣ враговъ ея. Едва Тохтамышъ удалился изъ предѣловъ восточной Руси, какъ московскія войска уже вступили въ рязанскую область и разорили то, что не было разорено татарами. Олегъ отместилъ за то въ 1385 г., внезапно напавъ на Коломну, взявъ и разграбивъ ее. Дмитрій послалъ противъ него князя Владиміра Андреевича съ войскомъ, но оно было разбито и понесло большой уронъ, въ томъ числѣ многихъ бояръ и воеводъ. Сокрушаясь объ этомъ внутреннемъ междуусобіи послѣ тяжелой внѣшней войны,

Димитрій хотѣлъ великодушно примириться съ Олегомъ. Но послѣдній такъ упорствовалъ въ своемъ ожесточеніи, что никто и ничѣмъ не могъ склонить его къ миру. Тогда Димитрій послалъ къ нему игумена Сергія, и этотъ святой мужъ успѣлъ умирить Олега, такъ что между нимъ и Димитріемъ былъ заключенъ вѣчный миръ, на основаніи договора, подобнаго заключенному прежде съ Михаиломъ тверскимъ, и даже былъ скрѣпленъ семейнымъ союзомъ — бракомъ сына Олега съ дочерью Димитрія.

Примирившись съ Олегомъ, Димитрій обратился противъ новгородцовъ, которые, стремясь къ полной независимости, грабили и разоряли московскіе города и земли, содержали тѣсную связь съ Литвою и самовольно отдавали свои волости въ управленіе литовскимъ удѣльнымъ князьямъ. Въ началѣ княженія Димитрія, они признали-было его своимъ княземъ и приняли его намѣстниковъ, но съ 1366 г. уже начались ссоры ихъ съ нимъ, за ихъ разбои и грабежи на Волгѣ. Ссоры эти то оканчивались миромъ, то возобновлялись и усложнялись еще обращеніемъ новгородцовъ на сторону то Димитрія, то Михаила тверскаго, во время борьбы ихъ между собою. Но наконецъ въ 1386 г. Димитрій, уже спокойный со стороны Орды и Рязани, положилъ покончить съ новгородцами. Собравъ войско съ 29 волостей, въ томъ числѣ бѣжецкой и новгородской, онъ двинулся съ нимъ къ Новгороду. Новгородцы послали на встрѣчу ему пословъ съ просьбою о мирѣ, но онъ отпустилъ ихъ безъ мира и остановился въ 15 верстахъ отъ Новгорода. Новгородцы послали къ нему архіепископа Новгорода Алексія съ просьбою о мирѣ и съ предложеніемъ 8 т. рублей за виновныхъ въ разбояхъ. Но Димитрій и его отпустилъ безъ мира, и тогда новгородцы приготовились къ оборонѣ: сожгли вокругъ города 24 монастыря и всякое строеніе за городскимъ рвомъ, построили острогъ и много сами себѣ нанесли вреда и убытка и потерпѣли ихъ отъ войскъ Димитрія, которыя грабили и разоряли окрестности. Наконецъ они отправили къ Димитрію третье посольство, которому и удалось склонить его къ миру, цѣною 3 т. рублей наличныхъ и 5 т. руб., которые новгородцы обѣщали взять съ заволоцкихъ жителей, также грабившихъ на Волгѣ. Сверхъ того, они признали Димитрія своимъ верховнымъ государемъ и обязались ежегодно платить ему такъ называемый черный сборъ или поголовную подать съ низшаго сословія народнаго.

Этимъ заключились военные подвиги Димитрія Донскаго: три года спустя, въ 1389 г. онъ умеръ, оказавъ восточной Руси ту важную заслугу, что, неуклонно слѣдуя мудрой политикѣ дѣда, дяди и отца своихъ, искусно, въ-время, кстати и удачно употребилъ приго-

товленные ими средства и самъ еще болѣе приготовилъ восточную Русь къ дальнѣйшему государственному развитію и устроенію ея преемниками своими. Въ военномъ же отношеніи онъ стяжалъ себѣ вѣчную славу мужественною рѣшимостью вступить въ открытую борьбу съ Ордою, и великою побѣдою, одержанною надъ нею на поляхъ Куликовскихъ и на берегахъ Дона и снискавшею ему прозваніе Донскаго.

II.

Войны при Василиѣ I и Василиѣ II (1389—1462).

§ 60.

Войны при Василиѣ I (1389—1425).

Сынъ и преемникъ Донскаго, Василій I, хотя не имѣлъ его воинской доблести, смѣлости и великодушія, но былъ очень уменъ, остороженъ и дѣйствовалъ такъ дальновидно и хитро, что внутри еще болѣе сосредоточилъ и усилилъ восточную Русь, а пзвнѣ искусно и удачно спасалъ ее отъ алчности и хищности татаръ и отъ властолюбія тестя своего, великаго князя литовскаго и русскаго Витольда или Витовта (на дочери котораго Софіи онъ былъ женатъ).

Орда уже была менѣе прежняго опасна для восточной Руси, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и переворотовъ въ ней, изъ которыхъ важнѣйшимъ былъ произведенный Тимуръ-бекомъ, или Тимуръ-ленгомъ, или Тамерланомъ, въ 1391 году. Завоевавъ передъ тѣмъ среднюю Азію и возстановивъ въ ней царство Чингизъ-хана, онъ воцарилъ, какъ сказано, сподвижника своего, Тохтамыша, въ Сараѣ и Кипчакѣ. Но Тохтамышъ, вмѣсто благодарности ему, возсталъ противъ него, желая быть независимымъ. Разбитый имъ въ 1391 г. на берегахъ р. Кондурчи (притока р. Сока, впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны, выше нын. Самары), онъ въ 3 года времени (1392 — 1394) успѣлъ собрать новое, многочисленное войско, но въ 1395 году былъ вторично и окончательно разбитъ Тамерланомъ (какъ полагаютъ — близъ нын. Темиръ-ханъ-шуры въ Дагестанѣ) и преслѣдованъ имъ до Волги. Сдѣлавъ нѣсколько перехо-

довъ вверхъ по правому берегу ея (вѣроятно до того мѣста, гдѣ она всего болѣе сближается съ Дономъ, между нын. Царицынымъ и Калачомъ), Тамерланъ направился къ Дону и дошелъ до Ельца, взялъ его, плѣнилъ его князя, разорилъ окрестности и остановился тутъ, чтобы дать отдыхъ лошадямъ и откормить ихъ (это было лѣтомъ).

Нашествіе его навело ужасъ на южныя пограничныя русскія области, но не было неожиданнымъ для Василія. Онъ успѣлъ собрать сильное войско и стать съ нимъ на берегахъ Оки у Коломны, на границѣ московскаго княжества. Но Тамерланъ, проведя двѣ недѣли въ рязанской области и разоривъ обѣ стороны Дона, вдругъ повернулъ назадъ въ тотъ самый день—26 августа 1395 г.—когда жители Москвы встрѣтили Владимірскую икону Божіей Матери, нарочно принесенную изъ Владиміра. Тамерланъ пошелъ къ Азову и потомъ къ Астрахани, разграбилъ ихъ, зимою страшно разгромилъ Кипчавскую Орду, чѣмъ (къ счастью для восточной Руси) еще болѣе ослабилъ ее, и затѣмъ удалился въ среднюю Азію.

Послѣ этого разгрома, Золотая Орда долго не была опасна для восточной Руси. 12 лѣтъ послѣ того въ лѣтописяхъ упоминается только раза три о неважныхъ сшибкахъ татаръ съ рязанцами. Василій не ѣздилъ въ Орду и не платилъ дани, отговариваясь тѣмъ, что страна крайне обѣднѣла людьми. Между тѣмъ въ Ордѣ Тохтамышъ былъ изгнанъ однимъ изъ потомковъ Батыя, Тимуръ-Кулукомъ, а этотъ въ свою очередь другими соперниками, послѣ жестокихъ междоусобій. Наконецъ, въ 1408 г., когда всѣмъ дѣлами въ Ордѣ управлялъ, какъ нѣкогда Мамай, полководецъ Эдигей, послѣдній положилъ напомнить Василію о подданствѣ его Ордѣ. Но, не смѣя уже явно и прямо идти къ Москвѣ, онъ прибѣгнулъ къ хитрости — оружію слабаго, отъ нея только ожидая успѣха и избѣжанія встрѣчи съ русскимъ войскомъ въ открытомъ полѣ. Онъ далъ знать Василію, будто идетъ на Витовта, а самъ быстро двинулся къ Москвѣ. Василій, дѣйствительно застигнутый врасплохъ, уѣхалъ съ женою и дѣтьми въ Кострому, поручивъ защиту Москвы князю Владиміру Андреевичу и братьямъ своимъ Андрею и Петру. Въ Москвѣ снова произошли беспорядки, и посады были выжжены. Подступивъ къ Москвѣ и обложивъ ее вокругъ, Эдигей по обычаю разослалъ всюду отряды, которые разграбили ближніе и дальніе города и села, причемъ множество жителей погибло отъ татаръ и отъ жестокаго холода (это было въ началѣ зимы). 34 т. татаръ были посланы въ погоню за Василіемъ, однако не успѣли настигнуть его. Не имѣя при себѣ ни стѣнобитныхъ, ни огнестрѣльныхъ орудій, Эдигей приказалъ тверскому князю прійти къ нему

съ войскомъ и пищалями, а самъ между тѣмъ, оберегая своихъ людей и помня неудачу Тохтамыша, тѣмъ болѣе, что москвичи уже стрѣляли со стѣнъ Кремля изъ большихъ пищалей, не дѣлалъ приступовъ, а положилъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ голодомъ и такимъ образомъ простоялъ вокругъ Кремля цѣлый мѣсяцъ. А между тѣмъ тверскія войска не только не прибыли къ нему, но и вернулись изъ Клина въ Тверь, изъ Орды же онъ получилъ приказаніе немедленно воротиться въ нее, потому что на хана напалъ одинъ изъ татарскихъ царевичей. Тогда Эдигей послалъ къ осажденнымъ съ мирными предложеніями, и когда они съ радостью дали ему 3 т. рублей, чтобы только избавиться отъ него, поспѣшно вышелъ изъ русскихъ предѣловъ, взявъ однако на пути и разграбивъ Рязань.

Но и послѣ того до 1412 г. Василій не ѣздилъ и никого не посылалъ въ Орду, и только въ 1412 г. поѣхалъ туда — въ послѣдній разъ, съ богатыми дарами и со всѣми своими боярами. Послѣ того встрѣчаются уже извѣстія только о частныхъ нападеніяхъ татаръ на пограничныя русскія области въ 1414, 1422 и 1424 г.г., при чемъ каждый разъ татары были отражаемы и не разъ поражаемы.

Но Литва была опаснѣе Орды и борьба съ нею труднѣе. Примиравшись съ Ягайломъ и ставъ великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ, Витовтъ началъ честолюбиво стремиться къ освобожденію Литвы и западной Руси отъ вліянія Польши, а восточной Руси отъ подданства татарамъ, и соединивъ обѣ подъ своею властію, образовать изъ нихъ одно, самостоятельное и грозное для сосѣдей государство. Обладая большею частію древней Руси по обѣимъ сторонамъ Двины и Днѣпра (кромѣ галицкой Руси, принадлежавшей Польшѣ), онъ хотѣлъ присвоить себѣ и области, принадлежавшія Василію, не смотря на то, что послѣдній былъ женатъ на его дочери Софіи. Для болѣе вѣрнаго успѣха въ томъ, онъ вознамѣрился прежде сокрушить Золотую Орду и предложилъ Василію исполнить это общими, соединенными силами ихъ. Но прозорливый и осторожный Василій, поощряя Витовта къ войнѣ съ татарами, самъ уклонялся отъ нея, зная, что Витовтъ, сокрушивъ Орду, потомъ не пощадитъ и Москвы. Вслѣдствіе того, Витовтъ рѣшился одинъ воспользоваться представившимся ему случаемъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Орды. Тохтамышъ, изгнанный Темиръ-Кутлукомъ (см. выше), отдался въ покровительство Витовту, который и обѣщалъ возвратить ему Кипчакъ, съ тѣмъ чтобы онъ, Тохтамышъ, помогъ ему потомъ овладѣть Московою. Въ 1399 году Витовтъ собралъ многочисленное войско, въ которомъ было до 50 князей, Тох-

тамышъ и, сверхъ литовскихъ, русскихъ и татарскихъ войскъ, польскія, волошскія и даже нѣмецкія, потому что великій магистръ ордена меченосцовъ Конрадъ фонъ-Юнгингенъ прислалъ ему отрядъ рыцарей. Съ этимъ войскомъ Витовтъ двинулся противъ Темиръ-Кутлука, а послѣдній на встрѣчу ему, и они сошлись на берегахъ р. Ворсклы (въ нынѣшней Полтавской губерніи). Оба вступили въ переговоры, причемъ Витовтъ требовалъ, чтобы Темиръ-Кутлукъ покорился и платилъ ему дань, а иначе будетъ принужденъ къ тому силой. Ханъ уже соглашался, когда прибывшій къ нему Эдигей съ своей стороны потребовалъ, напротивъ, чтобы Витовтъ покорился и платилъ дань ему. Раздраженный этимъ Витовтъ напалъ на войска Эдигея, при чемъ съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ самострѣловъ и пищалей (пушекъ), но послѣднія плохо дѣйствовали въ открытомъ полѣ. Не смотря на то, войска Витовта уже начали брать верхъ, но войска Темиръ-Кутлука обошли ихъ и напали на нихъ съ фланга и тыла. Тохтамышъ первый обратился въ бѣгство и въ этомъ бѣгствѣ ограбилъ много земель и плѣнилъ много людей литовскихъ. За Тохтамышемъ бѣжали и войска Витовта, который самъ едва спасся съ небольшою дружиною. Эдигей и Темиръ-Кутлукъ взяли весь обозъ его и гнались за нимъ до самаго Кіева, а отсюда Темиръ-Кутлукъ разослалъ свои отряды по литовской землѣ, которую они ограбили и разорили до самаго Луцка. Кіевъ откупился 3-мя тысячами рублей, и затѣмъ Темиръ-Кутлукъ ушелъ въ свои степи съ богатою добычей.

Побѣда при Ворсклѣ, усмиривъ и ослабивъ Витовта, отвратила большую опасность съ его стороны отъ Василія. Послѣдній, дотолѣ осторожно избѣгавшій раздоровъ съ могущественнымъ Витовтомъ, послѣ пораженія его сталъ дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе, положивъ не уступать Литвѣ ничего, что не было присвоено ею уже прежде.

Въ 1401 году Олегъ рязанскій совершилъ походъ къ Смоленску, отнятому Витовтомъ, а въ августѣ ввелъ въ него зятя своего, бывшаго смоленскаго князя Георгія или Юрія Святославича, и разграбилъ и разорилъ ближайшія литовскія земли. Осенью Витовтъ подступилъ къ Смоленску, однако, простоявъ передъ нимъ 4 недѣли напрасно, заключилъ перемиріе и отступилъ. Въ 1402 году сынъ Олега Родославъ пошелъ на Брянскъ-литовскій, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ двумя литовскими князьями Симеономъ и Александромъ. Въ 1403 г. Симеонъ взялъ Вязму, а въ 1404 г. самъ Витовтъ осадилъ Смоленскъ, но послѣ 3-хъ мѣсячной осады не могъ взять его и, разоривъ окрестности, отступилъ. Такъ какъ въ 1402 г. Олегъ рязанскій умеръ и Юрію смоленско-

му уже нельзя было ждать помощи изъ Рязани, то онъ и обратился за нею къ Василию. Но послѣдній медлилъ, а между тѣмъ сторонники Витовта въ Смоленскѣ призвали его и сдали ему городъ, въ который онъ и поставилъ снова своихъ намѣстниковъ, давъ жителямъ большія льготы. Тогда Юрій уѣхалъ въ Новгородъ, жители котораго приняли его, дали ему 13 городовъ и заключили съ нимъ союзъ, вѣроятно имѣя въ виду Витовта. Послѣдній, дѣйствительно, въ 1405 г. объявилъ Новгороду войну и внезапно вступилъ съ войскомъ въ псковскую область, взялъ городъ Коложе, простоялъ два дня подъ другимъ городомъ Вороначемъ и въ обоихъ убилъ, ограбилъ и плѣнилъ многихъ жителей. Псковичи, захваченные врасплохъ, просили помощи Новгорода, который и прислалъ имъ трехъ воеводъ съ войсками, но Витовтъ уже вышелъ изъ псковскихъ предѣловъ. Псковичи звали новгородцовъ идти въ Литву отмстить Витовту, но новгородцы не согласились на то и псковичи пошли одни, воевали около Ржева и Великихъ Лукъ и воротились съ добычей, а въ 1406 году даже подняли всю свою область и ходили къ Полоцку.

Но ни они, ни новгородцы не надѣялись однѣми своими силами отстоять себя отъ Витовта и просили помощи Василия. Послѣдній, нерѣшительно дѣйствовавшій въ отношеніи къ Смоленску, не хотѣлъ уступить Витовту Пскова и Новгорода, прервалъ миръ съ нимъ и въ 1406 г. послалъ въ литовскія земли войска, которыя безуспѣшно приступали къ Вязьмѣ, Серпухову и Козельску. За это Витовтъ велѣлъ избить всѣхъ московскихъ людей, находившихся въ его владѣніяхъ. Но множество недовольныхъ Витовтомъ литовцовъ и русскихъ изъ Литвы бѣжало въ Москву, въ службу Василия; съ обѣихъ сторонъ были собраны большія рати, и осенью 1406 г. Василий выступилъ въ походъ, и на р. Плавѣ, близъ Крапивны, къ нему присоединились тверскіе полки и татарскія войска отъ хана Шадибека. Витовтъ также выступилъ въ походъ противъ Василия, съ жмудскими, польскими и др. войсками, но до боя дѣло не дошло, оба князя вступили въ переговоры, заключили перемиріе до слѣдующаго года и разошлись.

Въ 1407 г. литовцы первые открыли военныя дѣйствія взятіемъ Одоева. Василий снова пошелъ съ большимъ войскомъ противъ Витовта, взялъ и сжегъ литовскій городъ Дмитровецъ (нын. деревня на р. Протвѣ въ Калужской губерніи), но снова оба князя заключили перемиріе и разошлись.

Въ 1408 г. въ іюлѣ изъ Литвы въ Москву вышелъ родной братъ Ягайла, сѣверскій князь Свидригайло съ епископомъ черниговскимъ, 6-ю князьями юго-западной Руси и множествомъ бояръ чер-

ниговскихъ и сѣверскихъ. Василиѣй принялъ ихъ съ радостью и въ сентябрѣ уже стоялъ на литовской границѣ, на берегу р. Угры, съ русскими и татарскими войсками. На другомъ берегу той же рѣки стоялъ Витовтъ съ войсками жмудскими, литовскими, польскими и нѣмецкими. Но и тутъ снова не дошло до боя: долго простоявъ одинъ противъ другаго, князья заключили миръ и разошлись.

Послѣ того Витовтъ до самой смерти Василия уже не обнаруживалъ болѣе враждебныхъ замысловъ ни противъ Москвы, ни противъ Новгорода и Пскова. Во время войны между нимъ и Василиемъ, новгородцы не хотѣли быть ни за того, ни за другаго, а послѣ не соглашались на убѣжденія Ягайлы и Витовта вмѣстѣ съ ними воевать противъ литовскихъ рыцарей. Споры между ними окончились однако безъ войны, миромъ Новгорода съ Литвой въ 1414 г. Псковъ же заключилъ его еще въ 1409 г., на условіяхъ мира Василия съ Витовтомъ на р. Угрѣ.

§ 61.

Войны при Василиѣ II (1425—1462).

По смерти Василия I Димитріевича (27 февраля 1425 г.) и по распоряженію его, 10-ти-лѣтній сынъ его Василій II Василіевичъ сталъ великимъ княземъ московскимъ и всея Руси, но встрѣтилъ соперника въ дядѣ своемъ, князѣ Юріи Димитріевичѣ галицкомъ, имѣвшемъ право на престолъ по завѣщанію Димитрія Донскаго. Хотя искусство и дары московскихъ бояръ склонили въ Ордѣ хана Улу-Махмѣта въ пользу Василия, но Юрій не хотѣлъ уступить ему—и слѣдствіемъ того было жестокое и кровопролитное междоусобіе, продолжавшееся почти все время княженія Василія.

По малолѣтству послѣдняго, тотчасъ по смерти отца его московскій митрополитъ Фотій пригласилъ Юрія прибыть въ Москву. Но Юрій, опасаясь этого, удалился въ Галичъ, угрожалъ Василію, требовалъ перемирія мѣсяца на 4 и получилъ его. Оно съ обѣихъ сторонъ было употреблено на сборъ войскъ. Московскіе бояре собрали ихъ скорѣе и съ большимъ числомъ ихъ пошли къ Костромѣ. Юрій удалился изъ Галича въ Нижній Новгородъ, а оттуда, когда противъ него былъ посланъ братъ его Константинъ—за р. Суру. Оба брата простояли нѣсколько дней одинъ противъ другаго на обѣихъ берегахъ Суры—и Константинъ воротился въ Москву, будто бы потому, что не могъ перейти черезъ эту рѣку, но, какъ кажется, скорѣе потому, что склонялся болѣе на сторону брата, нежели пле-

мянника. Юрій воротился въ Галичъ и снова просилъ перемирія—уже на годъ. Но въ Москвѣ поняли, что если ему было выгодно тянуть и выгадывать время, то для Василя, напротивъ, необходимо было скорѣе рѣшить дѣло, и, по общему совѣту, послали самого митрополита Фотія въ Галичъ уговорить Юрія на вѣчный миръ. Юрій не соглашался, а требовалъ перемирія, но наконецъ послалъ въ Москву двухъ бояръ, которые заключили миръ на томъ условіи, чтобы споръ между дядей и племянникомъ рѣшилъ—ханъ Улу-Махметъ. Но не то уже было время, чтобы князя уважали ханскія рѣшенія, и ни Юрій, ни Василий не поѣхали къ хану. Наконецъ Юрій, отчаявшись въ успѣхѣ, въ 1428 году заключилъ съ Василиемъ договоръ, которымъ обязался не искать великаго княженія при жизни его, Василя. Причиной этого было то, что мать Василя въ 1427 г. поручила его и московское великое княжество отцу своему Витовту. Но въ 1430 г. Витовтъ умеръ и на мѣсто его въ Литвѣ вокняжился Свидригайло, своякъ и благопріятель Юрія. Тогда послѣдній, пользуясь этимъ, въ 1431 г. возвратилъ Василию договоръ вмѣстѣ съ складною грамотой (апелляціей къ ханскому суду)—и оба князя поѣхали къ хану. Когда Юрій изъ Орды отправился въ Крымъ съ доброжелателемъ своимъ, могущественнымъ мурзою Тегинемъ, то одинъ изъ главныхъ московскихъ бояръ, бывшихъ съ Василиемъ, хитрый и ловкій Всеволожскій такъ успѣлъ подольститься къ мурзамъ хана и возбудить ихъ самолюбіе и зависть къ Тегинѣ, что, по вліянію ихъ, весною 1432 г. ханъ далъ Василию ярлыкъ или грамоту на великое княженіе, а Юрію былъ только уступленъ городъ умершаго брата его Петра—Дмитровъ. Такое рѣшеніе конечно не могло потушить распри, а напротивъ должно было разжечь ее. Юрій не могъ снести обиды, а въ Москвѣ не умѣли воспользоваться успѣхомъ для окончательнаго изложенія его. Опасаясь жить въ Дмитровѣ, Юрій удалился въ Галичъ, а Василий тотчасъ же выслалъ намѣстниковъ его изъ Дмитрова и присвоилъ этотъ городъ себѣ. Всеволожскій же, оскорбленный тѣмъ, что мать Василя Софія не согласилась на бракъ его съ дочерью этого боярина, а настояла, чтобы онъ женился на внукѣ князя Владиміра Андреевича Маріи, отѣхалъ изъ Москвы сначала къ брату Юрія Константину, потомъ къ тверскому князю и наконецъ къ Юрію и сталъ возбуждать ихъ противъ Василя. Къ этому присоединилось еще оскорбленіе, нанесенное Софіею, на свадьбѣ Василя съ Маріею, сыну Юрія Василию Косому, который, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Дмитріемъ Шемякой, немедленно выѣхалъ изъ Москвы—и это послужило поводомъ къ войнѣ (1433).

Въ Москвѣ были застигнуты ею совершенно врасплохъ, узнавъ, что Юрій уже находился въ Переяславлѣ съ сильнымъ войскомъ. Василій послалъ-было къ Юрію просить мира, но Юрій, бывший уже въ Троицкомъ монастырѣ, и особенно Всеволожскій, не хотѣли ни говорить, ни слышать о мирѣ. Тогда Василій, наскоро собравъ сколько и какихъ могъ войскъ, двинулся изъ Москвы противъ Юрія, но съ своимъ малочисленнымъ и неустроеннымъ войскомъ въ апрѣлѣ 1433 г. былъ на голову разбитъ на р. Клязьмѣ, въ 70 верстахъ отъ Москвы, сильнымъ и стройнымъ войскомъ Юрія и бѣжалъ въ Кострому, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ, а Юрій въѣхалъ въ Москву и сталъ великимъ княземъ. Послѣ многихъ козней и сыновей Юрія, и Всеволожскаго противъ Василія, Юрій далъ ему въ удѣлъ Коломну. Но едва Василій въѣхалъ въ Коломну, какъ призвалъ къ себѣ отовсюду приверженныхъ къ нему князей, бояръ, воеводъ, дворянъ и проч., и они собрались къ нему въ Коломну, какъ собрались бы въ Москву. Тогда Юрій, покинутый всѣми, призвалъ Василія обратно въ Москву на великое княженіе, а самъ удалился въ Галичъ всего только съ 5-ю человѣками. Негодуя на сыновей своихъ Василія и Дмитрія, убившихъ любимаго стараго боярина его, Морозова, онъ заключилъ съ великимъ княземъ Василиемъ договоръ, которымъ за себя и за младшаго, любимаго сына своего, Дмитрія Краснаго (красиваго), отказался принимать къ себѣ Косаго и Шемяку, отказался также отъ Дмитрова, вмѣсто котораго взялъ Бѣжецкій Верхъ съ волостями, и призналъ племянника великимъ княземъ, выговоривъ себѣ только не ѣздить къ нему, не ходить съ нимъ на войну и не давать ему помощи противъ Литвы и Свидригайла въ ней.

Понадѣясь на это, Василій II послалъ воеводу своего, князя Юрія Патрикѣевича (Гедиминова рода) къ Костромѣ противъ Василія Косаго и Дмитрія Шемяки. Но они съ галичскими и вятскими войсками разбили московское войско на р. Куси и взяли въ плѣнъ воеводу князя, Юрія Патрикѣевича. Василій II, узнавъ, что войска дяди его Юрія были вмѣстѣ съ войсками сыновей его на р. Куси, въ 1434 г. пошелъ противъ Юрія къ Галичу, сжегъ этотъ городъ и заставилъ Юрія удалиться на Бѣлоозеро. Но когда Василій II воротился въ Москву, Юрій съ сыновьями своими и съ сильнымъ войскомъ двинулся противъ него и, встрѣтивъ его въ ростовской области, у Св. Николы на горѣ, разбилъ его и другаго племянника своего, князя Іоанна можайскаго. Первый бѣжалъ въ Новгородъ, а второй съ матерью въ Тверь, но призванный Юріемъ въ Троицкій монастырь, вмѣстѣ съ нимъ подступилъ къ Москвѣ. Она сдалась черезъ недѣлю, при чемъ мать и жена Ва-

сплія II были взяты въ плѣнъ и отосланы въ Звенигородъ. Самъ же Василій II, ниоткуда не видя помощи себѣ, изъ Новгорода тайно пробрался въ Нижній Новгородъ и, слыша о преслѣдованіи его Василиемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой, уже хотѣлъ бѣжать въ Орду, какъ вдругъ узналъ о скоропостижной смерти Юрія и вокняженіи старшаго сына его, Василя Косаго; въ Москвѣ. Но братья послѣдняго, два Димитрія, Шемяка и Красный, не захотѣли, чтобы онъ княжилъ въ Москвѣ и призвали въ нее Василя II. Послѣдній воротился въ нее и отдалъ Шемякѣ Ржевъ и Угличъ, Димитрію Красному Бѣжецкій Верхъ, а за собою удержалъ Дмитровъ и Звенигородъ, и выговорилъ, чтобы Шемяка не распоряжался въ Вяткѣ, воинственное народонаселеніе которой всегда дѣятельно помогало Юрію. Косой бѣжалъ въ обыкновенное въ такихъ случаяхъ убѣжище—Новгородъ.

Такимъ образомъ въ восточной Руси возобновились прискорбныя и жалкія—хотя, по счастію, послѣднія—междуусобія князей за Москву и великое княжество московское, съ совершенно тѣмъ же характеромъ, что и во второй половинѣ удѣльнаго періода (1150—1250)—съ крайнимъ ожесточеніемъ, безпрестаннымъ ополченіемъ князей другъ противъ друга, взаимнымъ изгнаніемъ себя изъ Москвы и другихъ городовъ, отнятіемъ у другихъ и взятіемъ себѣ этихъ городовъ, пролитіемъ русской крови и безпощаднымъ, варварскимъ веденіемъ войны, не лучше злѣйшихъ враговъ Руси—татаръ. Почти цѣлыхъ 20 лѣтъ продолжалась эта братоубійственная война, постепенно все болѣе и болѣе ожесточавшаяся и причинившая много зла восточной Руси, котораго могла бы причинить и еще болѣе, еслибы сама Орда не была заражена и ослаблена въ это время тѣмъ же самымъ зломъ междуусобій. Такъ какъ въ военномъ отношеніи эта 20-ти-лѣтняя междуусобная война не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго и поучительнаго, и притомъ имѣла такой же характеръ, что и войны Димитрія Донскаго съ Михаиломъ тверскимъ и Олегомъ рязанскимъ, и Василя II съ Юріемъ галицкимъ, то и не представляется надобности излагать ее въ подробности, а достаточно изобразить въ общихъ, главныхъ чертахъ.

Въ 1435 г. Косой успѣлъ собрать въ Костромѣ войска и, встрѣтясь съ Василиемъ II въ ярославской области, на берегу р. Которости, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Кашинъ. Снова собравъ здѣсь войска, онъ внезапно напалъ на Вологду, занятую московскимъ гарнизономъ, взялъ въ плѣнъ московскихъ воеводъ и дворянъ, послалъ за вятичами, которые тотчасъ же явились къ нему, и расположился за р. Костромою, лѣвымъ притокомъ Волги. Василій II, двинувшійся противъ него, сталъ у Ицатіевскаго монастыря, на мысѣ между Вол-

гой и Костромой, которая отдѣляла оба войска. Это, какъ неразъ случилось прежде, помѣшало бою—и князья примирились: Василій отдалъ Косому Дмитровъ и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому былъ признанъ великимъ княземъ.

Но мѣсяцъ спустя Косой уѣхалъ изъ Дмитрова въ Кострому, объявилъ Василію войну и съ первымъ зимнимъ путемъ отправился къ брату своему въ Галичъ, а оттуда къ Устюгу, гдѣ къ нему опять присоединились вятичи. Не могли взять внутренней крѣпости Устюга силой, онъ овладѣлъ ею на условіяхъ, но нарушилъ ихъ и умертвилъ московскаго воеводу князя Оболенскаго и многихъ жителей. Въ это самое время братъ его Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать Василія на свою свадьбу, но Василій велѣлъ содержать его въ Коломнѣ во все время войны съ Косымъ. Третій же братъ, Дмитрій Красный, нрава кроткаго, находился въ войскѣ Василія. Послѣдній встрѣтился съ Косымъ въ ростовской области, при селѣ Скорятинѣ. Косой, у котораго былъ только дворъ (дружина) Шемяки, не надѣясь одолѣть силою Василія, у котораго были Дмитрій Красный, Іоаннъ Можайскій и прибывшій изъ Литвы князь Іоаннъ Баба-Друцкой, устроившій свой полкъ по литовски съ копьями (въ чемъ состояло это устройство — неизвѣстно),—прибѣгнулъ къ коварной хитрости. Онъ заключилъ съ Василіемъ перемиріе до утра, но когда Василій распустилъ свои войска для сбора продовольствія, внезапно двинулся противъ него. Василій тотчасъ послалъ собирать свои войска и даже самъ началъ трубить сборъ. Войска его успѣли однако собраться до прибытія Косаго—и онъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Москву. Когда же вятичи захватили Василіева воеводу князя Александра Брюхатаго и, взявъ съ него богатый окупъ, все-таки увели его съ собою въ плѣнъ, Василій велѣлъ — ослѣпить Косаго. Такая варварская жестокость, и прежде всегда отличавшая междуусобія князей, только разжигала еще болѣе страсти и одна месть неминуемо влекла за собою другую и такъ далѣе.

Ослѣпивъ Косаго, Василій освободилъ Шемяку изъ Коломны въ прежній удѣлъ его и заключилъ съ нимъ новый договоръ, одинаковый съ предъидущимъ. Шемяка удалился въ Галичъ, но ждалъ только случая отмстить Василію за брата. Случай этотъ вскорѣ представился: ханъ Золотой Орды Улу-Махметъ, изгнанный изъ Сарая братомъ своимъ въ 1427 г., явился на русскихъ границахъ и водворился въ Бѣлевѣ. Василій II послалъ противъ него сильное войско съ Шемякой и Краснымъ, которые на пути убивали, грабили и разоряли не менѣе татаръ. По прибытіи ихъ къ Бѣлеву, Улу-Махметъ, испугавшись, просилъ мира, но Шемяка и Крас-

ный двинулись противъ Бѣлева и нанесли въ немъ татарамъ сильное пораженіе. На другой день мурзы хана пріѣхали къ князьямъ для переговоровъ, именемъ хана обѣщая, что онъ дастъ сына своего съ ними въ заложники и будетъ сторожить въ Бѣлевѣ русскую землю. Но какъ князья не соглашались на это, то мурзы указали имъ—на бѣгство московскихъ полковъ передъ татарами. Причиною этого бѣгства было то, что литовскій воевода города Мценска, Григорій Протасьевъ, присланный Свидригайломъ на помощь московскимъ войскамъ, передался на сторону Улу-Махмета, говоря князьямъ, что ему велѣно не сражаться съ ханомъ, а примириться съ нимъ и распустить свои войска. А между тѣмъ ночью онъ послалъ сказать хану, чтобы онъ на слѣдующее утро напалъ на московскія войска. Утромъ былъ туманъ и московскіе сторожи не замѣтили, какъ татары вышли изъ Бѣлева и напали на московскіе полки. Протасьевъ побѣжалъ первый, съ крикомъ: «спасайся!» — и всѣ побѣжали за нимъ.

Послѣ того Улу-Махметъ пошелъ степями мимо русскихъ границъ за Волгу, водворился въ разоренномъ русскими городѣ Казани, построилъ себѣ тутъ новый деревянный городъ и лѣтомъ 1439 года пошелъ войною противъ Василія, за безчестное изгнаніе его изъ Бѣлева, внезапно подступилъ къ Москвѣ и осадилъ ее. Василій, не успѣвъ собрать войскъ, удалился за Волгу, оставивъ воеводу князя Юрія Патрикѣевича защищать Москву. Улу-Махметъ 10 дней стоялъ подъ нею и не могъ взять ее, но на обратномъ пути сжегъ Коломну и разграбилъ и разорилъ край.

Въ 1444 году на Рязань напалъ изъ-за Волги татарскій султанъ Мустафа со множествомъ татаръ и, взявъ множество плѣнныхъ и богатый выкупъ за нихъ, хотѣлъ перезимовать въ Рязани, потому что зима была жестокая. Василій II послалъ противъ него воеводъ князя Оболенскаго и Андрея Голтяева съ войскомъ. Они разбили татаръ Мустафы при Переяславлѣ на р. Листани, при чемъ самъ Мустафа былъ убитъ. Другіе татары въ томъ же году отместили за это нападеніемъ на рязанскую Украину и на мордовскую землю. А въ началѣ 1444 г. Улу-Махметъ занялъ старый Нижній Новгородъ и дошелъ до Муромъ, но при движеніи противъ него самаго Василія II со всѣми своими силами, бѣжалъ назадъ въ Нижній Новгородъ, такъ что только передовые полки Василія успѣли настичуть и разбить отсталыхъ татаръ у Муромъ, Гороховца и въ другихъ мѣстахъ. Но весною того же 1444 года двое сыновей Улу-Махмета обложили Нижній Новгородъ, двое воеводъ котораго, не вытерпѣвъ голода, зажгли городъ и бѣжали къ Василію, выступившему въ Юрьевъ, а отсюда послѣ Петрова дня — къ

Суздаю, гдѣ онъ сталъ на р. Каменкѣ. 6 іюля произошла тревога и войско его выступило противъ татаръ, но воротилось, такъ какъ они не показывались. Василиій полночи беззаботно пировалъ съ князьями и боярами, всѣ они легли спать и утромъ встали—поздно, какъ вдругъ узнали, что татары уже переправляются черезъ р. Нерль. Василиій тотчасъ послалъ собрать войска изъ разныхъ становъ ихъ, а самъ, не дождавшись ихъ, съ бывшими у него подъ рукою, тысячи съ полторы не болѣе, двинулся противъ татаръ. Встрѣтясь съ ними подлѣ Евфиміева монастыря, войска Василия сразу обратили ихъ въ бѣгство, но когда преслѣдовали ихъ въ безпорядкѣ, татары вдругъ обратились назадъ, разбили ихъ на-голову, взяли израненаго Василия въ плѣнъ и разсѣялись въ окрестностяхъ для грабежа.

Вѣсть о плѣненіи Василия произвела въ Москвѣ печаль и страхъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ затѣмъ (14 іюля) Москва сгорѣла отъ большаго пожара и погибло много народа, всякихъ товаровъ, имущества и проч., а послѣ отъѣзда семейства Василия въ Ростовъ, произошло народное волненіе и болѣе безпорядки. Однако наконецъ, изъ страха татаръ, всѣ начали готовить городъ къ оборонѣ.

Между тѣмъ татары подступили къ Владиміру, но не отважились взять его приступомъ и удалились къ Мурому, а потомъ къ Нижнему Новгороду. Отсюда Улу-Махметъ со всѣми своими силами и съ плѣннымъ Василиемъ отступилъ къ Курмышу и отправилъ посла своего, Бегича, къ Шемякѣ. Послѣдній объявилъ себя великимъ княземъ и вступилъ съ Улу-Махметомъ въ переговоры о заточеніи Василия навсегда въ Казани. Но Улу-Махметъ предпочелъ освободить Василия за богатый выкупъ. Тогда Шемяка увѣрилъ князей тверскаго и можайскаго, будто Василиій получилъ свободу только подъ условіемъ обязательства предать все московское княжество Улу-Махмету — и потому сговорился съ ними лишить Василия великаго княженія. Вслѣдствіе того, въ 1446 году Василій, во время путешествія въ Троицкій монастырь, былъ захваченъ, ослѣпленъ и сосланъ въ Угличъ *). Шемяка занялъ Москву, но жестокимъ поступкомъ своимъ такъ озлобилъ и вооружилъ противъ себя всѣхъ князей, бояръ и народъ, что они освободили Василия, а Шемяка, въ концѣ 1448 г., былъ принужденъ уступить ему Москву и признать его великимъ княземъ, обязался клятвой возвратитъ ему похищенную казну, жить въ мирѣ съ нимъ, не ссылаться съ врагами Москвы и не тревожить ея владѣній. Василиій примирился съ

*) По этому случаю Василиій II и получилъ прозваніе Темнаго, т. е. слѣпаго; безжалостное ослѣпленіе его сохранилось въ народной памяти подъ названіемъ Шемякина суда, т. е. несправедливаго.

Шемяка нимъ, но не сдержалъ ни одного изъ своихъ обѣщаній, слѣдствіемъ чего была новая—къ счастью для Руси послѣдняя—, междоусобная война, завершенная послѣднею же междоусобною битвой.

Уже весною 1449 г., въ самое Свѣтлое Христово Воскресеніе, Шемяка (и съ нимъ князь Іоаннъ Можайскій) осадилъ Кострому но взять ея не могъ, потому что въ ней былъ сильный московскій гарнизонъ подъ начальствомъ князя Ивана Стриги и Θεодора Басенка. Вскорѣ и Василій съ войскомъ выступилъ противъ Шемяки. Они встрѣтились при селѣ Рудняѣ на Волгѣ, но битвы между ними не произошло, потому что князь Можайскій примирился съ Василіемъ. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ извѣстій не имѣется, но въ январѣ 1450 г. Василій снова выступилъ въ походъ противъ Шемяки, стоявшаго со всѣми своими войсками у Галича. 27 января воевода Василія, князь Оболенскій напалъ на Шемяку и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Шемяка едва спасся бѣгствомъ, а Галичъ сдался Василію, который назначилъ въ него своихъ намѣстниковъ.

Шемяка укрылся въ Новгородѣ, но потомъ, набравъ войска, въ 1451 г. захватилъ Устюгъ, жестоко поступая съ нехотѣвшими измѣнить Василію, а послѣ того ходилъ воевать къ Вологдѣ. Василій, занятый татарскими дѣлами, только въ 1452 г. могъ пойти съ войсками противъ Шемяки къ Устюгу. Шемяка бѣжалъ къ р. Кокшенгѣ, притоку р. Волги, гдѣ у него были городки; но, преслѣдуемый войсками Василія, снова укрылся въ Новгородѣ и здѣсь дѣломъ 1453 г. умеръ, отравленный подговореннымъ поваромъ своимъ.

Смертію этого безпокойнаго и жестокаго князя, долго бывшаго возмутителемъ восточной Руси, прекратились смуты и междоусобія въ ней. Василій присоединилъ удѣлъ Шемяки: Галичъ, Кострому и Устюгъ къ московскому великому княжеству, а затѣмъ и удѣлы князей Можайскаго, боровскаго и рязанскаго. Кромѣ того, онъ смирилъ Новгородъ и, пользуясь междоусобіями въ Золотой Ордѣ и смутами въ Литвѣ, съ успѣхомъ отражалъ набѣги татаръ и литовцовъ. Правя твердо и благоразумно, онъ неуклонно стремился къ цѣли, указанной Димитріемъ Донскимъ — объединенію восточной Руси въ одно государство подъ верховною властію одного рода великихъ князей московскихъ, и тѣмъ приготовилъ окончательное объединеніе ея сыномъ своимъ Іоанномъ III.

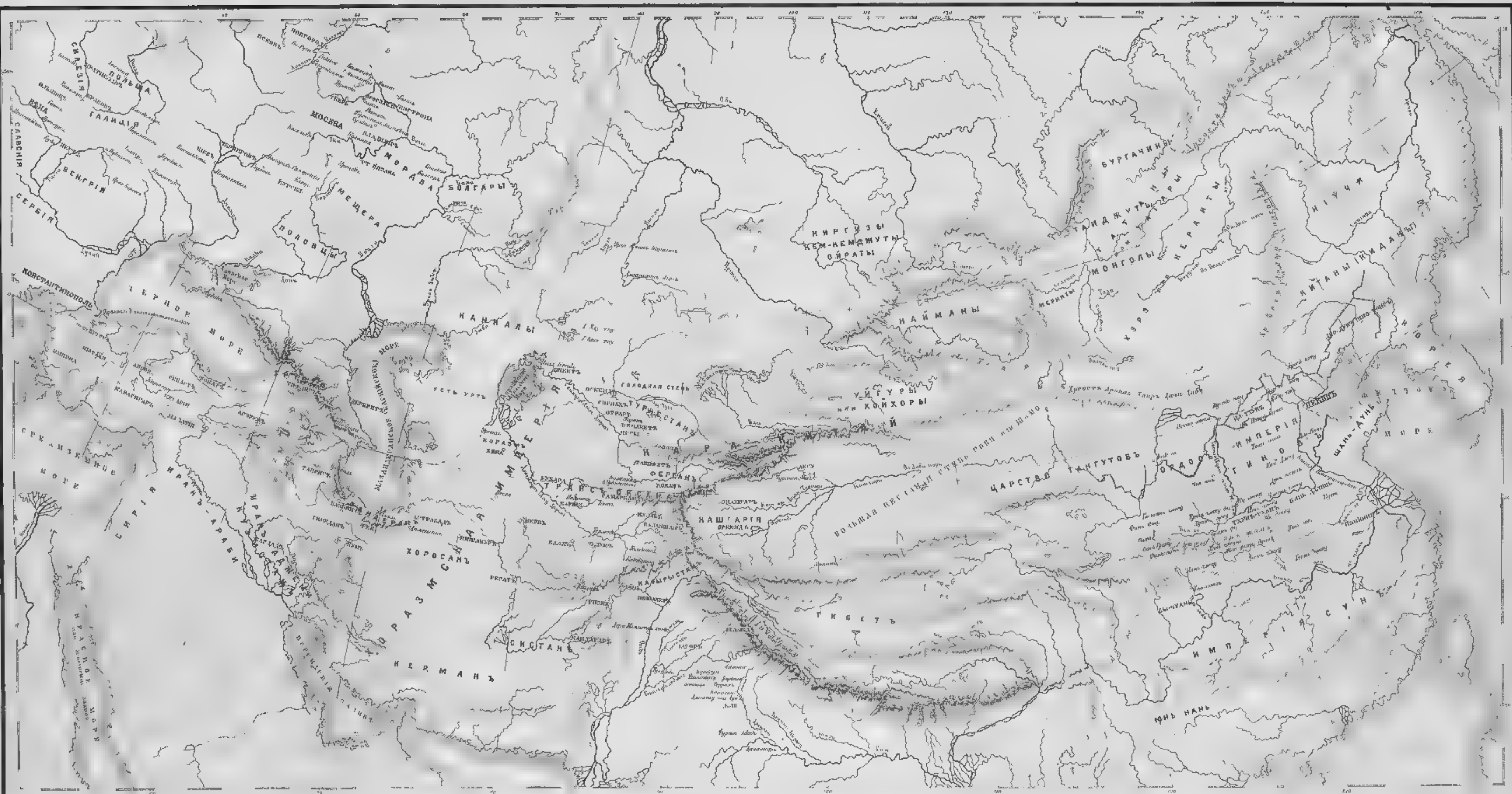
О П Е Ч А Т Ь И.

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО.	ДОЛЖНО БЫТЬ.
4	10 сверху.	Балтійскага	Балтійскаго
5	18 снизу.	называлась: таврами	назывались таврами
51	1 »	scolteti)	scolleti)
55	16 сверху.	съ комитетами	съ комитатами
103	18 снизу.	Новгородъ	Новгородъ
132	9 »	высшаго, преимущественно, военнаго сословія, и предводителей.	высшаго, преимущественно военнаго сословія, и другихъ предводителей).
150	20 »	на коротків	на короткій
178	8 »	игумена Сергія	игумена Сергія,
186	16 »		
	въ выпускѣ. }		
187	11 »	наконецъ	наконецъ
189	5 »	Но, московскіе дворяне охранявшія его,	Но московскіе дворяне, охранявшіе его,
190	14 сверху.	увидѣвъ	увидавъ
—	10 снизу.	Васильевичи	Васильевичи
192	11 »	кругомъ его,	кругомъ ея,
—	— »	указалъ ея броды	указалъ ему броды
—	4 »	Серпуховъ,	Серпуховъ,
203	11—12 сверху.	козей и сыновей	козей, и сыновей
—	11 снизу.	воеводу князя, Юрія Патрикѣевича.	воеводу князя Юрія Патрикѣевича.
208	1 сверху.	Шемяка нимъ, но не сдержалъ	нимъ, но Шемяка не сдержалъ

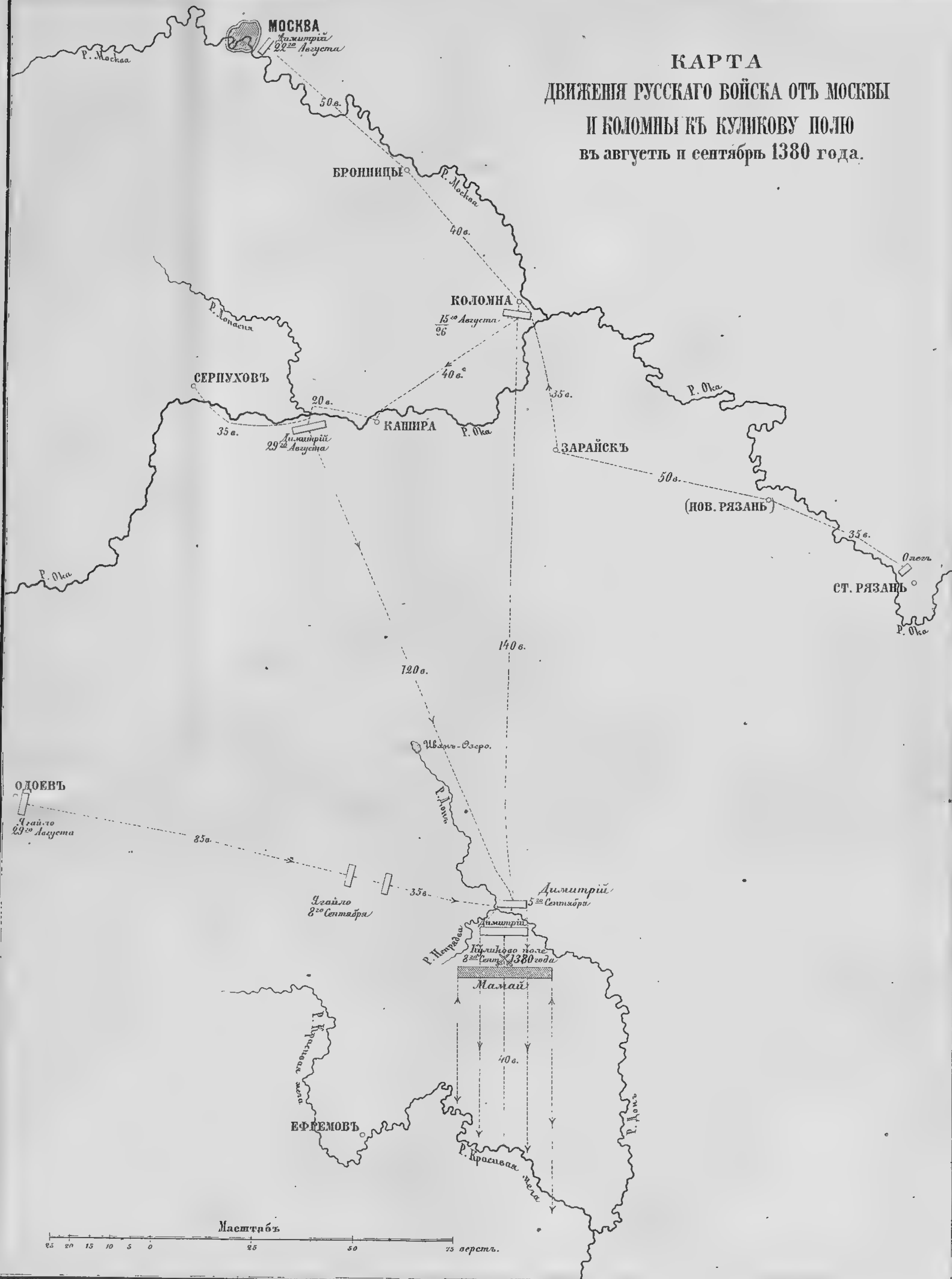

ЕВРОПА
въ концѣ XIII столѣтія
РОССІЯ
въ 1264 году
по Шпрунгеру, Крузе, Павлицеву
и Замиселю

КАРТА СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЧАСТИ ЕВРОПЫ ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ ПОХОДОВ ЧИНГИЗЬ ХАНА И ТАМЕРЛАНА ВЪ XIII И XIV ВѢКАХЪ

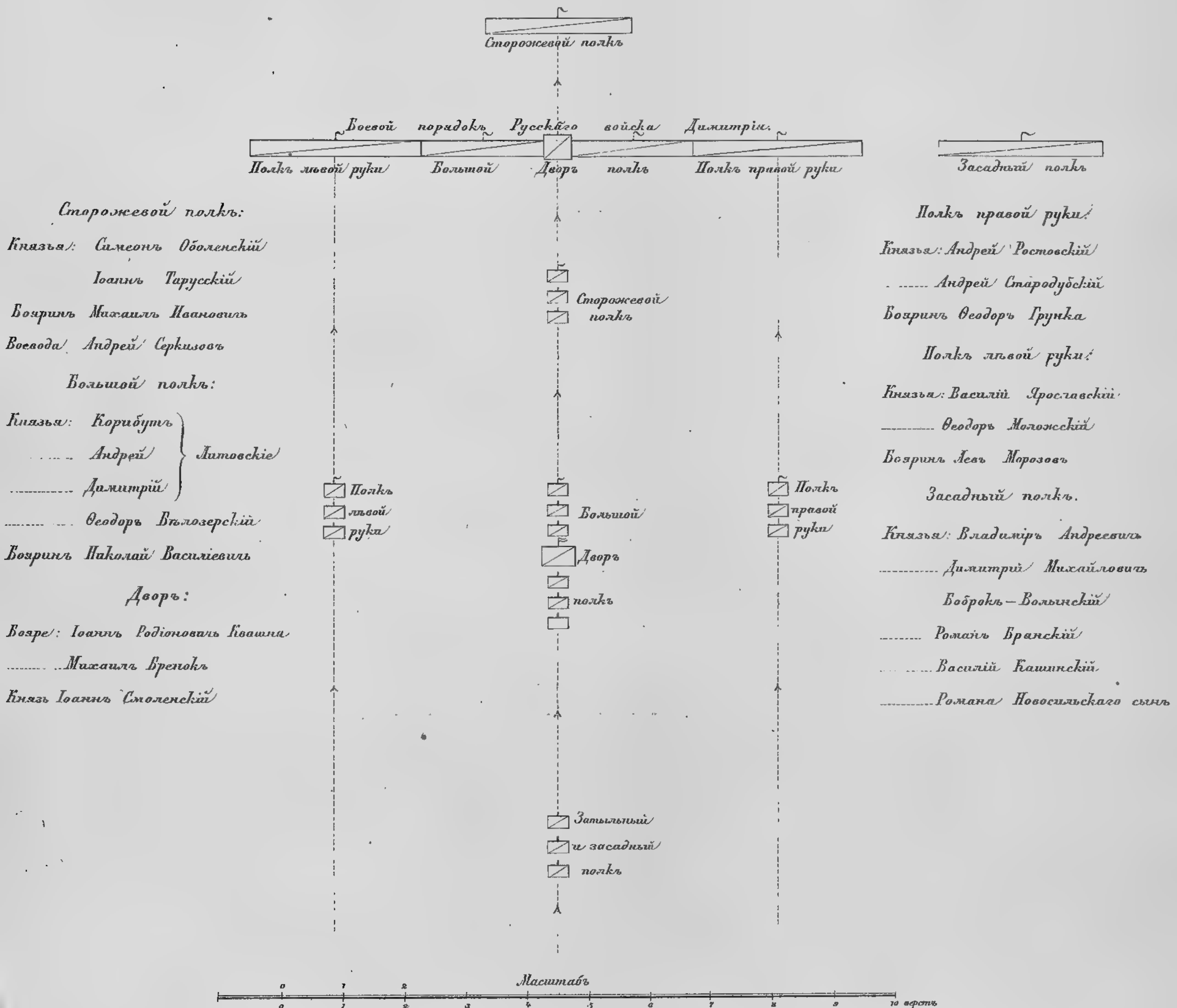

КАРТА ДВИЖЕНИЯ РУССКАГО ВОЙСКА ОТЪ МОСКВЫ И КОЛОМНЫ КЪ КУЛИКОВУ ПОЛЮ ВЪ АВГУСТЪ И СЕНТЯБРЬ 1380 года.

ПОХОДЫ И БОЕВОЙ ПОРЯДОК РУССКАГО ВОЙСКА

ДО И ВО ВРЕМЯ КУЛПКОВСКОЙ БИТВЫ
съ 22го августа до 8 сентября 1380 года.

ПЛАНЪ МѢСТНОСТИ И БИТВЫ НА КУЛИКОВОМЪ ПОЛѢ 8 СЕНТЯБРЯ 1380 ГОДА.

